

ISSN 1609-624X

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

TOMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

3'2022

Выпуск 3 (221)

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ТГПУ)

ВЕСТНИК

ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(Tomsk State Pedagogical University Bulletin)

Научный журнал
Издается с 1997 года

ВЫПУСК 3 (221) 2022

ТОМСК
2022

Главный редактор:

В. В. Обухов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия)

Редакционная коллегия:

А. Н. Макаренко, доктор физико-математических наук, профессор (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

С. Б. Куликов, доктор философских наук, доцент (зам. главного редактора) (Томск, Россия);

Н. Ф. Алефиренко, доктор филологических наук, профессор (Белгород, Россия);

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ (Томск, Россия);

А. А. Веряев, доктор педагогических наук, профессор (Барнаул, Россия);

М. П. Войтеховская, доктор исторических наук, профессор (Томск, Россия);

Л. Р. Дускаева, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

Ю. В. Кобенко, доктор филологических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Д. Копытов, доктор педагогических наук, профессор, член-кор. РАО (Томск, Россия);

В. В. Лаптев, доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, заслуженный деятель науки РФ (Санкт-Петербург, Россия);

А. А. Никитин, доктор физико-математических наук, профессор, академик РАО (Новосибирск, Россия);

С. Д. Одинцов, доктор физико-математических наук, профессор (Томск, Россия; Барселона, Испания);

С. И. Поздеева, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

В. А. Стародубцев, доктор педагогических наук, профессор (Томск, Россия);

А. Б. Туманова, доктор филологических наук, профессор (Алматы, Казахстан);

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

S. Carozziello, профессор (Неаполь, Италия);

E. Elizalde, профессор (Барселона, Испания);

S. Koryčánková, доктор философии, доцент (Брно, Чехия);

R. Leikin, профессор (Хайфа, Израиль);

M. Sasaki, профессор (Киото, Япония).

Научные редакторы выпуска:

А. В. Курьянович, Н. В. Полякова, Н. С. Болотнова, Е. А. Полева

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет»

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (редакция от 28.12.2018).

Журнал включен:

- в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- европейскую базу данных European reference index for the humanities and the social sciences (ERIH Plus);
- базу данных периодических и продолжающихся изданий Ulrich's Periodicals Directory.

Адрес учредителя:

ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061. Тел./факс 8 (3822) 31-14-64

Адрес редакции:

пр. Комсомольский, 75, оф. 319, Томск, Россия, 634041.

Тел. 8 (3822) 52-06-17, тел./факс 8 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Отпечатано в типографии ТГПУ.

Адрес издательства, типографии: ул. Герцена, 49, Томск, Россия, 634061.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС77-51990 от 07.12.2012

Подписано в печать: 28.04.2022. Дата выхода в свет: 13.05.2022. Формат: 60×90/8. Бумага: офсетная.

Печать: трафаретная. Усл.-печ. л.: 18,75. Тираж: 1000 экз. Цена свободная. Заказ: 1212/Н

Выпускающий редактор: Л. В. Домбраускайте. Технический редактор: О. А. Турчинович. Корректор: Е. В. Литвинова

© ФГБОУ ВО «Томский государственный педагогический университет», 2022. Все права защищены

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

**Tomsk State Pedagogical University
(TSPU)**

TOMSK STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY
BULLETIN

Published since 1997

ISSUE 3 (221) 2022

**TOMSK
2022**

Editor-in-Chief

V. V. Obukhov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation)

Editorial Board:

A. N. Makarenko, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

S. B. Kulikov, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Tomsk, Russian Federation);

N. F. Alefirenko, Doctor of Philology, Professor (Belgorod, Russian Federation);

N. S. Bolotnova, Doctor of Philology, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation (Tomsk, Russian Federation);

A. A. Veryayev, Doctor of Pedagogy, Professor (Barnaul, Russian Federation)

M. P. Voytekhovskaya, Doctor of History, Professor (Tomsk, Russian Federation);

L. R. Duskaeva, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

Yu. V. Kobenko, Doctor of Philology, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. D. Kopytov, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Tomsk, Russian Federation);

V. V. Laptev, Doctor of Pedagogy, Professor, Member of Russian Academy of Education, Honoured Scientist of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation);

A. A. Nikitin, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Novosibirsk, Russian Federation);

S. D. Odintsov, Doctor of Physics and Mathematics, Professor (Tomsk, Russian Federation; Barcelona, Spain);

S. I. Pozdeyeva, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

V. A. Starodubtsev, Doctor of Pedagogy, Professor (Tomsk, Russian Federation);

A. B. Tumanova, Doctor of Philology, Professor (Almaty, Kazakhstan);

V. D. Chernyak, Doctor of Philology, Professor (Saint Petersburg, Russian Federation);

S. Capozziello, Professor (Naples, Italy);

E. Elizalde, Professor (Barcelona, Spain);

S. Koryčánková, Ph.D (Brno, Czech Republic);

R. Leikin, Professor (Haifa, Israel);

M. Sasaki, Professor (Kyoto, Japan).

Scientific Editors of the Issue:

A. V. Kur'yanovich, N. V. Polyakova, N. S. Bolotnova, E. A. Poleva

Founder:

Tomsk State Pedagogical University

The journal is included in the list of the leading reviewed academic journals and publications, publishing main results of doctoral and postdoctoral theses that are approved by the Highest Attestation Board of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (revision of 28.12.2018).

The journal is included:

- in the system of the Russian Science Citation Index;
- in the database of "European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH Plus)";
- in the database of periodicals "Ulrich's Periodical Directory".

Address:

ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061. Tel./fax +7 (3822) 31-14-64

Corresponding address:

pr. Komsomol'skiy, 75, of. 319, Tomsk, Russia, 634041.

Tel. +7 (3822) 52-06-17, tel./fax +7 (3822) 31-14-64. E-mail: vestnik@tspu.edu.ru

Printed in the TSPU publishing house:

ul. Gerzena, 49, Tomsk, Russia, 634061.

Certificate of registration of mass media

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)

PI No. FS77-51990, issued on 07.12.2012.

Approved for printing: 28.04.2022. Submitted for printing: 13.05.2022. Format: 60×90/8. Paper: offset.

Printing: screen. Circulation: 1000 copies. Price: not settled. Order: 1212/H

Production editor: L. V. Dombrasukayte. Text designer: O. A. Turchinovich. Proofreading: E. V. Litvinova

© Tomsk State Pedagogical University, 2022. All rights reserved

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ли Чжидань. Прецедентные феномены в интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры Китая	7
Васильева Д. С. Возможности фреймового анализа при моделировании смыслового пространства ток-шоу	15
Жукова Е. Ю. Анализ аксиологической составляющей концепта смех в русской языковой картине мира (на материале пословиц, лексикографических и корпусных данных).	23

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ким А. А., Шаповалова Ю. Ю., Минеев-Ли В. Е. Лингвокультурологические особенности символики некоторых цветообозначений у британцев и славян	34
Гусейнов Г.-Р. А.-К. О некоторых аспектах древних взаимоотношений татского и кумыкского языков.	46

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

Никонова Е. А. Жанр editorial в англоязычной качественной прессе	56
Ульянова У. А. Комбинаторно-семантический анализ милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе.	67

РУССКИЙ ЯЗЫК

Лю Си, Старикова Г. Н. «Я сидела у аюшечки, писала вечером...»: лексика женских записок старообрядческой коллекции Томского Севера	75
Черняк В. Д., Черняк М. А. «В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай...»: Некрасов в восприятии читателя XXI века.	88
Петрова Н. Г., Бакланова Е. А. Своеобразие концепта «жизнь» в повести Г. И. Климовской «Онка»	97
Криволуцкая М. А. Перцептивность как семантический признак ситуации эмоционального состояния (на примере сборников Л. Петрушевской «Два царства», «Рассказы о любви», «Черная бабочка»)	107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Щуков Д. А. Идиллическая модель В. А. Жуковского в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельgarten»	115
Сесорова А. Д. Традиции античной калокагатии в поэзии А. Полежаева	126
Макаренко Е. К. Жанровое своеобразие исторического романа А. М. Волкова «Зодчие»	134
Чернявская Ю. О. Своеобразие системы персонажей в цикле Л. Горалик о Венисане	142

CONTENTS

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

<i>Li Zhidan</i> . Precedent Phenomena in Internet Communication of the Russian-Speaking Diaspora in China	7
<i>Vasileva D. S.</i> Possibilities of Frame Analysis When Simulating the Sense Space of a Talk-show (on the Material of Annotations to Television Show “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”)	15
<i>Zhukova E. Yu.</i> Analysis of the Axiological Component of the Concept <i>Laughter</i> in the Russian Language Picture of the World (on the Material of Proverbs, Lexicographic and Corpus Data)	23

COMPARATIVE LINGUISTICS

<i>Kim A. A., Shapovalova Yu. Yu., Mineev-Li V. E.</i> Linguocultural Features of the Symbolism of Some Color Designations Among the British and Slavs	34
<i>Guseinov G.-R. A.-K.</i> About Some Aspects of Ancient Relationships of Tati and Kumyk Languages	46

GERMANIC LANGUAGES

<i>Nikonova E. A.</i> “Editorial” as a Genre of English Broad sheets	56
<i>Ulyanova U. A.</i> Combinatorial Semantic Analysis of Military Collocations in Military Political Discourse	67

RUSSIAN LANGUAGE

<i>Liu Si, Starikova G. N.</i> “Ya Sidela u Akoshechka, Pisala Vecherkom”: The Vocabulary of Women’s Records from Northern Tomsk of Old Believers’ Collection	75
<i>Chernyak V. D., Chernyak M. A.</i> “When it was – figure out, Where it was – guess...”: Nekrasov in the perception of the XXI century reader	88
<i>Petrova N. G., Baklanova E. A.</i> Peculiarities of the Concept “Life” in the Short Novel “Onka” by G. I. Klimovskaya	97
<i>Krivolutskaya M. A.</i> Perceptivity as a Semantic Sign of the Emotional State Situation (On the Example of the Collections by L. Petrushevskaya “Two Kingdoms”, “Stories about Love”, “Black Butterfly”)	107

LITERARY STUDIES

<i>Shchukov D. A.</i> The Idyllic Model of V. A. Zhukovsky in N. V. Gogol’s Poem “Ganz Kuchelgarten”	115
<i>Sesorova A. D.</i> The Traditions of Antique Kalocagatia in the Poetry of A. Polezhayev	126
<i>Makarenko E. K.</i> Genre Uniqueness of the Historical Novel “The Architects” by A. M. Volkov	134
<i>Tchernyavskaya Yu. O.</i> The Peculiarity of the Character System in L. Goralik’s Cycle about Venisana	142

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81.42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-7-14>

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ДИАСПОРЫ КИТАЯ

Ли Чжидань

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, lizhidan@yandex.ru

Аннотация

Введение. Языковые единицы, отражающие культурные, исторические, литературные представления лингвокультурного сообщества, обладающие достаточной воспроизводимостью, устойчивостью компонентного состава, трактуются как прецедентные феномены (ПФ). Данная статья посвящена исследованию ПФ русскоязычной лингвокультуры в условиях инолингвокультурной среды на примере сетевого диаспорального дискурса Китая.

Цель – исследовать прецедентные феномены в коллективном сознании пользователей интернет-сообщества «Байки лаовая».

Материал и методы. Материалом исследования стала переписка участников (более 57 тыс. подписчиков) открытой группы «Байки лаовая» социальной сети «ВКонтакте». Проанализировано 110 сообщений (постов) и 11 350 комментариев к ним, опубликованных в период с 1 по 27 сентября 2021 г. Материал выявлялся методом сплошной выборки из текстового континуума, далее ПФ были классифицированы по типам, проанализирована их семантика и актуальное значение. Также использовались количественный метод и метод контекстологического анализа.

Результаты и обсуждение. Источники ПФ в речи диаспорального сообщества разнообразны и подразделены на следующие крупные группы: 1) классическая русская и советская, а также зарубежная литература; 2) крылатые выражения, высказывания известных людей, прецедентные имена; 3) речевые клише, паремии, интернет-мемы, анекдоты; 4) реклама, кинематограф и телевидение. Многочисленные примеры использования ПФ каждой из групп демонстрируют не только впечатляющее множество источников, но и высокий коммуникативный и лингвокреативный потенциал прецедентности в изучаемом дискурсе.

Заключение. Активное использование ПФ в коммуникации и отсутствие фактов непонимания, сбоя коммуникации, развитие смыслового потенциала ПФ в сетевых полилогах свидетельствуют о сформированном особом культурном пространстве диаспорального дискурса, участники которого обладают общим лингвокультурным кодом. Специфика этого кода определяется: 1) пребыванием в едином иноречевом и инокультурном континууме и его интерпретацией как одним из частотных поводов для использования прецедентов (китайские праздники, традиции, климат, политическая ситуация, бытовые условия и т. д.); 2) сравнительно высоким уровнем образованности и широтой кругозора членов диаспорального сообщества, демонстрирующих знания в области отечественной и мировой литературы, искусства, истории, массовой культуры и т. д.; 3) обращением по преимуществу к традиционной, сложившейся в советское время культурной матрице как общей когнитивно-образной базе, способной объединить представителей различных поколений, в том числе молодых, русскоязычного мира из разных стран бывшего СССР.

Ключевые слова: *диаспоральный дискурс, интернет-коммуникация, русскоязычная лингвокультура, прецедентные феномены*

Для цитирования: Ли Чжидань. Прецедентные феномены в интернет-коммуникации русскоязычной диаспоры Китая // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 7–14. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-7-14>

THEORETICAL AND APPLIED LINGUISTICS

PRECEDENT PHENOMENA IN INTERNET COMMUNICATION OF THE RUSSIAN-SPEAKING DIASPORA IN CHINA

Li Zhidan

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, lizhidan@yandex.ru

Abstract

Introduction. Language units reflecting cultural, historical, literary representations of the linguocultural community, which have sufficient reproducibility and stability of the component composition, are treated as precedent phenomena. The given article is devoted to the research of the Russian-speaking linguoculture precedent phenomena in foreign language and cultural environment on the example of Chinese network diaspora discourse.

The *aim* of the work is to investigate precedent phenomena in the collective consciousness of users of the Internet community “Baiki Laovaya”.

Material and methods. The research was based on the correspondence of the participants (more than 57000 subscribers) of the open group “Laowai Bikes” of the social network V Kontakte. We analyzed 110 messages (posts) and 11350 comments to them that were published in the period from 1 to 27 September 2021. The material was selected by random sampling from the text continuum, then precedent phenomena were classified according to the type, their semantics and relevance were analyzed. The quantitative method and the method of contextual analysis were also used.

Results and discussion. The sources of precedent phenomena in the speech of the diaspora community are diverse and are subdivided into the following large groups: 1) classical Russian and Soviet, as well as foreign literature; 2) winged expressions, sayings of famous people, precedent names; 3) speech clichés, paremics, Internet memes, and anecdotes; 4) advertising, cinema and television. Numerous examples of the use of precedent phenomena from each of the groups demonstrate not only the impressive variety of sources, but also the high communicative and linguocreative potential of precedence in the discourse under study.

Conclusion. The active use of precedent phenomena in communication and the absence of facts of misunderstanding, failure of communication, the development of the semantic potential of precedent phenomena in network polylogues indicate the formed special cultural space of diaspora discourse, the participants of which have a common linguocultural code. The specificity of this code is determined by: 1) being in a single foreign-language and foreign-cultural continuum and its interpretation as one of the frequent occasions to use precedents (Chinese holidays, traditions, climate, political situation, domestic conditions, etc.); 2) relatively high level of education and broad outlook of diaspora community members, demonstrating knowledge in the field of domestic and world literature, art, history, mass culture, etc. 3) appeal mainly to the traditional, established during the Soviet era cultural matrix as a common cognitive and imaginative base, able to unite representatives of different generations, including – the young, of the Russian-speaking world from different countries of the former Soviet Union.

Keywords: *diasporal discourse, Internet communication, Russian-speaking linguoculture, precedent phenomena*

For citation: Li Zhidan. Precedentnyye fenomeny v internet-kommunikatsii russkoyazychnoy diaspory Kitaya [Precedent Phenomena in Internet Communication of the Russian-Speaking Diaspora in China]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 7–14 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-7-14>

Введение

Актуальность исследования прецедентных феноменов (ПФ) определяется активно развивающимся в современной лингвистике антропоцентрическим направлением, уделяющим особое внимание явлениям интертекстуальности и прецедентности. ПФ интенсивно используются в коммуникации, осуществляя в речи номинативную, контактоустанавливающую, экспрессивно-оценочную, парольную и другие функции. ПФ активно используются в СМИ, художественных и рекламных текстах, в устной речи и в интернет-коммуникации – в блогах, чатах, интернет-дискуссиях. Изучение ПФ в

сетевой коммуникации диаспорального сообщества дает возможность выявить их основные типы, а также определить роль ПФ в репрезентации доминантных тем и ключевых концептов, актуальных для языкового сознания и коллективной картины мира того или иного диаспорального коллектива.

Теоретической основой данной работы стали изложенные в трудах по лингвокультурологии, когнитивной лингвистике и теории прецедентности следующие положения:

1) язык служит средством хранения и передачи культурной информации, одним из главных способов репрезентации национально-культурного со-

знания. Национально-культурная специфика мировосприятия отражена в языковом сознании индивида и лингвокультурного сообщества (см. работы Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [1], Ю. Н. Караулова [2], В. Н. Телии [3], А. А. Леонтьева [4], В. В. Красных [5], В. А. Масловой [6]);

2) языковое сознание – опосредованный языком образ мира той или иной культуры, т. е. совокупность перцептивных, концептуальных и процедурных знаний носителя культуры об объектах реального мира (см. работы А. А. Леонтьева [4], И. А. Зимней [7], В. П. Зинченко [8], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [9], А. А. Залевской [10]);

3) знания и представления о мире структурированы в виде ментальных пространств, среди которых особое место занимают культурное когнитивное пространство, индивидуальное и коллективное когнитивные пространства (Д. Б. Гудков [11], В. В. Красных [5], В. И. Карасик [12], Ю. Е. Прохоров [13]);

4) прецедентный феномен – это результат коллективного эмоционально-образного восприятия некоего уникального феномена представителями определенного национального лингвокультурного сообщества. Прецедентный феномен представляет собой языковое явление, характеризующееся эталонностью, общностью знаний и представлений о нем, а также о реалиях, на которых он основан (Ю. Н. Караулов [4], И. В. Захаренко [14], Д. Б. Гудков [15], В. В. Красных [5, 16, 17]).

Введению понятия прецедентности в лингвистику предшествовало появление понятия интертекстуальности: «...Всякий текст вбирает в себя другой текст и является репликой в его сторону» [18, с. 432]. Понятие прецедентного текста (ПТ) ввел в русистику Ю. Н. Караулов, определив, что это тексты, «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [2, с. 216].

В. В. Красных использует термин ПФ, отмечая необязательность для данных единиц комментирования в рамках одного национально-культурного менталитета [16]. К ПФ относятся феномены, «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества», которые «имеют некий общий, обязательный для всех носителей данного ментально-лингвального комплекса национально детерминированный, минимизированный инвариант восприятия»; использование таких единиц в речи может не быть частотным, но они обязательно должны быть понятны собеседнику без

комментария [17, с. 170–171]. Использование ПФ в речи актуализирует культурные знания коммуникантов.

Ученые выделяют следующие виды ПФ: ПТ, под которым понимается «законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности; (поли)предикативная единица; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу» [17, с. 172]; прецедентные высказывания (ПВ) – цитаты из текстов различного характера, часто воспроизводимые в речи носителей одного лингвокультурного сообщества, пословицы [17, с. 173]; прецедентные имена (ПИ) – индивидуальные имена, восходящие к широко известным текстам, относящимся чаще всего к числу прецедентных или к ситуации, известной носителям языка, к ПИ относят имена собственные, названия исторических событий, географические названия; прецедентная ситуация (ПС) – «эталонная» ситуация, связанная с набором определенных значений, когда-либо происходившая в действительности или созданная в произведениях искусства. Итак, ПФ может включать в себя целые тексты, имена различных личностей, названия объектов, ситуации.

Материал и методы

Материалом исследования стала переписка участников открытой группы «Байки лаовая» социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/cnlaowai>) – весьма репрезентативной как по количеству участников (более 57 тыс. подписчиков), так и по количеству контента: с 2013 г. тесно связанные с китайским языком и культурой пользователи, по преимуществу – представители русскоязычной диаспоры Китая, ежедневно пополняют ленту сообщества своими постами и комментариями. Непосредственно материалом исследования послужили 110 сообщений (постов) и 11 350 комментариев к ним, опубликованные в период с 1 по 27 сентября 2021 г. Данный период был выбран не случайно, поскольку произошедшие в это время и в Китае, и в России общественно-политические события стали яркими стимулами для актуализации ПФ в речи коммуникантов.

Материал выявлялся методом сплошной выборки из текстового континуума, далее ПФ были классифицированы по сферам-источникам, проанализированы их семантика и актуальное значение. Именно такой алгоритм описания ПФ наблюдаем в новейших исследованиях прецедентности (см., например, [19]). Также использовались количественный метод и метод контекстологического анализа.

Результаты и обсуждение

По мнению Д. Б. Гудкова и В. В. Красных, у представителей одного национально-культурного

сообщества есть общая структурированная совокупность знаний, называемая когнитивной базой. Когнитивная база формирует инварианты представлений об определенных культурно значимых феноменах [15]. Следует остановиться на соотношении выделенных типов ПФ. ПВ и ПИ, по мнению В. В. Красных, являются вербальными, а ПТ и ПС – вербализуемыми; сам ПТ не может непосредственно использоваться в речи, «поскольку он „хранится“ в когнитивной базе (и, следовательно, в „голове“ конкретного члена конкретного национально-лингво-культурного сообщества) в виде инварианта восприятия», является феноменом когнитивного, а не лингвистического характера, а в речи употребляются ПИ и ПВ – символы ПТ [16, с. 7–8].

Источники ПФ в речи интернет-сообщества «Байки лаовая» разнообразны и относятся к различным сферам.

1. Классическая русская и советская, а также зарубежная литература: А. С. Грибоедов «Горе от ума», А. С. Пушкин «Зима. Что делать нам в деревне?», Н. В. Гоголь «Ревизор», Н. А. Некрасов «Сеятелям», «Мороз, красный нос» (два обращения), И. А. Бунин «Одиночество», К. И. Чуковский «Бармалей», «Телефон», «Доктор Айболит», С. Михалков «А что у вас?» (два обращения), И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев» (два обращения), В. Маяковский «Что такое хорошо и что такое плохо» (два обращения), «Кем быть?», А. Ахматова «Когда б вы знали, из какого сора...», М. Булгаков «Мастер и Маргарита», В. Брюсов «Юноша бледный со взором горящим», И. Бродский «Ни страны, ни погоста...», А. Конан Дойл «Приключения Шерлока Холмса», А. Линдгрэн «Малыш и Карлсон, который живет на крыше», У. Шекспир «Ромео и Джульетта», средневековый рыцарский роман «Тристан и Изольда».

Приведем примеры употребления ПФ из данной сферы (примеры приводятся в исходном виде с сохранением орфографии и пунктуации источника, ПФ выделены жирным шрифтом). Участницы чата обсуждают необразованных, но добившихся финансового успеха людей: – *Тут с образованиями сидишь, а миллионами и не пахнет. – **Горе от ума.** А тут просто работать надо агрессивно, а не мыслить о вечном!* Участник сомневается в достоверности информации: ***Откуда дровишки** про «треть голосующих – силовики и чиновники?» Сам считал?; поздравление учителям: **Всем коллегам, которые сеют разумное, доброе, вечное на китайской стороне, пламенный привет и поздравления.***

Другие примеры прецедентов из русской поэзии: – *Пойдем на рок-концерт на Ваське (Васильевский остров в Санкт-Петербурге). Правда, тот клуб, где концерт проводится, по ходу... не существует. – **А умирать на Васильевский остров мы***

пойдем завтра. Там фестиваль крафтового пива обещаеца; Есть такая русская поговорка, что смелая женщина и коня на скаку остановит, вот и мама должна быть такой ради своих детей (примечательно, что коммуникант не соотносит этот ПФ со строками Некрасова и считает поговоркой).

Что такое хорошо и что такое плохо? Если в выходной я хочу поработать, это хорошо или плохо? Если я сдерживаю себя и не работаю в выходной, это хорошо или плохо? Как видим, если в данном примере дана прямая цитата из «детского» стихотворения Маяковского, то следующий ПТ из стихотворения «Кем быть?» подвергается активной творческой переработке: ***У меня идут года, тычерство накрываеца... Чем работать мне тогда? С кем занимаца?*** Нужно отметить, что *тычерство* здесь – искаженное с целью языковой игры название популярной среди иностранцев в Китае, в том числе наших сограждан, профессии преподавателя английского языка, называемой *тичерством* (от англ. *teacher* – учитель).

В свою очередь пушкинские строки могут помочь выразить восхищение фотографией кота на фоне зимнего пейзажа: ***Но бури севера не вредны русской розе. Как жарко поцелуй (в нос!) пылает на морозе! Как дева (Котя) русская свежа в пыли снегов!*** Здесь коммуникант, приводя цитату, вставляет в скобках слова, относящиеся к характеризующему объекту.

Неоднократно встречаются ПФ, отсылающие к популярнейшему ПТ «Двенадцать стульев»: *Погоды чудные стоят, надо наслаждаться! Конечно же – гулять с детьми! Погоды-то какие стоят!* (исходное высказывание: *Нет, давайте встретимся на воздухе, теперь такие погоды замечательные стоят*). Из этого же романа заимствовано и трансформировано ПВ *Дело помощи утопающим – дело рук самих утопающих*: *Я посторонний человек и помочь ничем не могу, но все же **надо что-то делать «самому утопающему»***. О трудностях при получении новых российских паспортов: *да понятно, что не катастрофа, а помочь сами себе **как обычно должны утопающие**. Вот это и обидно.* ПИ *Элочка-людоедка* включено в комментарий на основании формального признака – аналогичного имени, поскольку председатель ЦИК Элла Памфилова мало чем соответствует персонажу романа, ограниченной необразованной даме: *Завтра, когда **Элочка Людоедка** огласит официальные результаты, начнутся возмущения* (о выборах в России).

К вербализуемым ПФ относится ПС. Например, коммуникант описывает поведение котов в новой квартире: *Первую ночь мы решили не закрывать дверь в спальню, и она прошла под знаком полугоголя. **Пришли одни большие кысы, понюхали и ушли.*** Автор комментария четко осознает заимст-

вованность своего высказывания и частично «возвращает» текст автору, используя окказионализм полугоголь (автор ПТ – Н. В. Гоголь, отсылка к пьесе «Ревизор»): *Я как будто предчувствовал неприятность: сегодня мне всю ночь снились какие-то две необыкновенные крысы. Право, таких я никогда не видывал: черные, неестественной величины! пришли, понюхали – и пошли прочь).*

Конечно, поваренная книга Елены Молоховец «Подарок молодым хозяйкам» не относится к классической художественной литературе, но, как показали комментарии, является неотъемлемой составляющей культурной памяти наших соотечественников: *как писала Елена Молоховец: если сын разбил компьютер, пошлите его в ближайший DNS (магазин компьютерной техники). Ср. исходный текст: Если к вам пришли гости, а у вас ничего нет, пошлите человека в погреб.*

Зарубежная литература представлена более скромно, нежели отечественная. Так, для экспрессивно-оценочной характеристики археологической находки – захоронения мужчины и женщины в объятиях друг друга – использованы имена *Ромео и Джульетта, Тристан и Изольда* – пар, символизирующих вечную, истинную любовь. Литературное ПИ *Шерлок* в значении *знающий и компетентный человек с хорошей памятью* использовано в составе устойчивого выражения: *Я сама в этом деле не шерлок, у меня плохая память.*

2. Крылатые выражения, высказывания известных людей, прецедентные имена. Среди крылатых выражений отмечены латинизмы как в аутентичном (*In vino veritas*), так и в переводном (*Каждому свое*) вариантах, в том числе – модифицированные (*О времена, о скрепы!*). Библизмы представлены несколькими ПВ: *устаи младенца; из ядущего вышло ядомое, а из сильного сладкое; вавилонская башня; соляной столб; Все пройдет – пройдет и это* (представлено дважды); *разверзлись хляби небесные.*

Измененная цитата приведена для подтверждения своего мнения в комментарии к посту о китайских похоронных обычаях: *Стыдно, товарищи, фу. «Народ, не знающий своих ритуалов, не имеет будущего».* Источником послужило высказывание М. В. Ломоносова *Народ, не знающий своего прошлого, не имеет будущего.*

Современная российская общественно-политическая сфера представлена лозунгом *Крым – наш* (стимул – карикатура из сатирического армянского журнала времен СССР, которая называется «Последнее прибежище» и изображает Тайвань у берегов Китая, здесь прослеживается параллелизм: Тайвань – часть Китая, Крым – часть России) и сатирическим обыгрыванием высказывания Д. Медведева, широко разошедшегося в СМИ и в Интер-

нете: *Учитель – это призвание, если хотите денег, идите в бизнес.*

Описывая широко распространившуюся в Китае новость о том, что молодежь стала возмущаться коллективными танцами на улице, которыми в основном занимаются пожилые женщины, «оккупирующие» все общественные пространства, включая детские и спортивные площадки, участники диаспорального комьюнити трансформируют лозунги советского периода: *Руки прочь от бабок* (ср.: *Руки прочь от советской России!*); *Бабки решают все* (ср.: *Кадры решают все*).

Круг прецедентных имен, упоминаемых в дискуссиях диаспорального сообщества, широк и разнообразен, что свидетельствует о достаточно высоком уровне эрудированности и образованности коммуникантов. Это имена отечественных и зарубежных ученых, писателей, художников, деятелей культуры, актеров, медийных персон: Архимед, Ньютон, Брюс Ли, Лия Ахеджакова, М. Шолохов, В. Шекспир, Брейгель, А. Макаренко, Фолкнер и др. Один из типичных примеров, демонстрирующих уместность и логичность употребления прецедентного имени: *Сегодня пришла на урок русского языка к своим художникам, а в аудитории какой-то незнакомый мне Брейгель сидит.*

3. Речевые клише, паремии, интернет-мемы, анекдоты. Среди данной разновидности прецедентов, что вполне закономерно для неформального сетевого общения, используются по преимуществу устойчивые выражения разговорной стилистической окраски. Например, трансформированное *Не понос, так золотуха* (груб. о какой-либо неприятности, возникшей в результате попытки избежать другой неприятности) об одновременно происходящих противоэпидемическом карантине и тайфуне: *То понос, то золотуха. Вчера из-за новых случаев кучу всего поназакрывали, тайфун еще этот.* Или *танцы с бубнами* (шутл. решение проблемы нестандартным и зачастую ненормальным способом) – об обусловленных особенностями китайского интернета сложностях при электронном голосовании на российских выборах: *Пришлось потанцевать с бубнами, чтобы выполнить свой гражданский долг – проголосовать на выборах.*

Паремии не многочисленны. Так, дважды употреблена поговорка *Утро вечера мудренее* и единоразово модификация поговорки *Понедельник – день тяжелый*. Традиционные выражения общерусского культурного фонда обычно погружаются в иронический контекст: *Сидишь тут без info-поводов, последнее перо без соли додедаешь* (о трудностях в деятельности блогера и интернет-журналиста).

Из новейших популярных в неофициальной коммуникации выражений частотно (три употребления в исследованном текстовом массиве)

нервно курит в сторонке (разг. значительно отличаться в худшую сторону в сравнении с кем-, чем-либо). Данное выражение, по всей видимости, пришло из мира футбола и изначально отсылало к тренеру проигрывающей команды, который, пытаясь быть незаметным, нервно курит на кромке поля. В дискуссии, посвященной педагогическим тонкостям, применяемым родителями в обучении детей китайскому языку и другим предметам, одна из участниц иронически замечает: *Макаренко нервно курит в сторонке*. Макаренко здесь выступает как ПИ в обобщенном значении *великий педагог*.

Что касается интернет-мемов и анекдотов, то используются также самые известные и распространенные: *На мой отказ начался ор, что пока мы не предъявим ПАСПОРТА, нас не пустят в оранжерею. В ОРАНЖЕРЕЮ, Карл. Карл* – мем, обычно используемый для того, чтобы подчеркнуть или эмоционально приукрасить какое-либо событие, добавляется в конце высказывания, чтобы усилить его. Актуальны обращения к фонду советских анекдотов, которые принято называть «анекдоты с бородой»: *Видимо, российский слон – уже не лучший друг китайского слона* (отсылка к анекдоту о международных отношениях «Болгарский слон – лучший друг советского слона»); *Некоторые зрители «не змогли» досмотреть фильм до конца и покинули зал через 15 минут от начала* (отсылка к анекдоту про старую лошадь) и т. д.

4. Реклама, кинематограф и телевидение. Реклама была и остается мощным источником ПТ, поскольку это активно развиваемая и насаждаемая в медиапространстве сфера, соответственно, рекламные тексты на слуху у большинства пользователей. Так, вступлением к посту о долгом (полугодовом) хранении пасхальных куличей и их переработке в начинку для лунных пряников (юэбины, или лунные пряники, – китайская выпечка, которую традиционно употребляют на Праздник середины осени) является контаминация двух ПФ – анекдота и рекламы стирального порошка: *Вы все еще смеетесь над людьми, которые выбрасывают елку в мае? Тогда мы идем к вам*. Ассоциативная связь здесь – затянутое, отложенное действие. Также отмечены ПВ из рекламных текстов многолетней давности: *Тойота – управляй мечтой; Инвайт... Просто добавь воды!*

Широко представлены ПФ из советской киноклассики («Мимино», «Иван Васильевич меняет профессию», «Берегись автомобиля», «Невероятные приключения итальянцев в России» «Бриллиантовая рука», «Афоня», «Операция „Ы“» и другие приключения Шурика», «Ирония судьбы, или С легким паром!», «Зеркало»), из ознаменовавших эпоху перестройки и постперестройки фильмов («Собачье сердце», «Брат», «Бумер», «Особенно-

сти национальной охоты»), из мультфильмов («Трое из Простоквашино», «Тайна Третьей планеты», «Возвращение блудного попугая», «День сурка», «Маша и медведь», «Жил-был пес»), зарубежных фильмов («Звездные войны», «Профессионал», «Леон», «Оно», «Беги, Лола, беги!», «Побег из Шоушенка», «Мальчишник в Вегасе»).

Как правило, ПВ в комментариях подвергаются трансформации, лексической или грамматической. Например, отсылка к реплике Ипполита из «Иронии судьбы...» (*Как скучно мы живем! В нас пропал дух авантюризма!*) в комментарии: *У Ирины Хакамады (люблю и уважаю за интеллект и вообще!) умер четвертый муж сегодня. Всех – любила! Как скучно я живу!* Лексическая замена в ПВ из фильма «Бриллиантовая рука» использована для описания уже упоминаемого выше кулинарного творчества: *Куличи превращаются... Превращаются куличи... в элегантные юэбины!* Еще пример лексической замены: – *ого, я и не знала, что Донцова детские тоже пишет! – так заработать захочешь – и не так раскорячишься* (ПВ *Жить захочешь – не так раскорячишься!* из фильма «Особенности национальной охоты»). Модификация известного слогана из фильма «Мальчишник в Вегасе» *Все, что было в Вегасе, останется в Вегасе!* отражает личный опыт и мнение коммуниканта: *ну, что было в Китае, то осталось в Китае!*

Мультфильм «Трое из Простоквашино» – самый популярный источник ПФ в нашем материале: *Знаю тут одного любителя рыженьких красоток <...> и в Китае был. И Байки пятничные красиво пишет! <...> и крестиком может, и на фаготе* (ср. с известной репликой кота Матроскина: *Подумаешь! Я еще и вышивать могу. И на машинке м-м-м тоже!*); *Мне пришел термос, да еще с датчиком темп., но я вам его не покажу, у вас документов нет.*

Тексты популярных песен из советских фильмов и мультфильмов также актуальны и востребованы, в том числе, например, в целях емкой и лаконичной антропологической характеристики (*полторы недели назад я впервые встретился с «на лицо ужасными, добрыми внутри» баечниками* (участниками группы «Байки лаовая») или иронико-гиперболического усиления создаваемого образа (*ну, я тоже была рыжей, 300 лет тому назад, пока окончательно не поседела и у меня не выпали все зубы*).

Среди прецедентных изображений, в широком понимании включающих в себя и короткие видео, большинство также связано с советским периодом истории нашей страны. Например, это изображение Чебурашки в виде легендарного революционера Че Гевары (наблюдается игра слов, выраженная в подписи к изображению *Че Бурашка*) или это комментарий *Вот раньше были танцы, так танцы* к посту о китайской традиции коллективных танцев на

площадях (см. о ней выше) в сопровождении фрагмента из кинофильма «Афоня», где с главным героем танцует девушка с красивой фигурой.

Отсылки к телевизионному контенту, как это ни странно при стереотипном представлении о телевизионной доминанте современной массовой культуры, сравнительно немногочисленны и опять же отражают телезрительский опыт пользователей многолетней давности. В комментариях отмечены названия телепередач «Камеди-клуб», «В мире животных», «Битва экстрасенсов», «Угадай мелодию»: *Прямо сейчас снял. Это «В мире животных», но не по телевизору, а на телевизоре* (про фотографию котов); *А вы из какого сезона «Битвы экстрасенсов»?* (о прогнозе даты включения отопления, с которым в Китае, как правило, возникают большие проблемы).

Заключение

Анализ коммуникации русскоязычного диаспорального интернет-сообщества Китая убедительно свидетельствует об обширной когнитивной базе коммуникантов и о творческом подходе, установке на преобразовании привычных «образцовых» ПФ в соответствии с коммуникативной задачей. Активное использование ПФ в коммуникации и отсутст-

вие фактов непонимания, сбоя коммуникации, развитие смыслового потенциала ПФ в сетевых полилогах демонстрируют сформированное культурное пространство, участники которого обладают общим лингвокультурным кодом. Специфика этого кода определяется: 1) пребыванием в едином иноязычном и инокультурном пространстве и его интерпретацией как одного из частотных поводов для использования прецедентов (китайские праздники, традиции, климат, политическая ситуация, бытовые условия и т. д.); 2) сравнительно высоким уровнем образованности и широтой кругозора членов диаспорального сообщества, демонстрирующих знания в области отечественной и мировой литературы, искусства, истории, массовой культуры и т. д.; 3) обращением по преимуществу к традиционной, сложившейся в советское время культурной матрице как общей когнитивно-образной базе, способной объединить представителей различных поколений, в том числе молодых, русскоязычного мира из разных стран бывшего СССР.

Перспективой исследования является изучение особенностей актуализации в сетевом диаспоральном дискурсе ПФ, связанных с языком и культурой страны пребывания, в аспекте их лингвокультурной рецепции и интерпретации.

Список источников

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М., 1980. 320 с.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 2010. 261 с.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 285 с.
4. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
5. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19.
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. Минск: ТетраСистемс, 2005. 256 с.
7. Зимняя И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Языковое сознание: парадоксальная реальность. М.: ИЯРАН, 1993. С. 51–58.
8. Зинченко В. П. Миры сознания и структуры сознания // Вопросы психолингвистики. 1991. № 2. С. 23–34.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание: учеб. пособие. М.: Восток – Запад, 2002. 416 с.
10. Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–35.
11. Гудков Д. Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 360 с.
12. Карасик В. И. Нарративное измерение лингвокультурных ценностей // Язык и культура. 2019. № 47. С. 59–75.
13. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта: научное издание М.: Наука, 2008. 174 с.
14. Захаренко И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных и А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. № 1. С. 104–114.
15. Гудков Д. Б., Красных В. В. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация // Научные доклады филологического факультета МГУ. 1998. № 2. С. 124–133.
16. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. В. В. Красных и А. И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5–12.
17. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
18. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с франц. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
19. Денисова Г. Л. Прецедентные феномены в карикатуре Великой Отечественной войны как креолизованном тексте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 77–91.

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvisticheskaya teoriya slova* [Language and culture the theory of words]. Moscow, 1980. 320 p. (in Russian).
2. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 261 p. (in Russian).
3. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskii, pragmaticheskii i lingvo-kul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow, 1996. 285 p. (in Russian).
4. Leont'yev A. A. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ., 1997. 287 p. (in Russian).
5. Krasnykh V. *Kody i etalony kul'tury (Priglaseniye k razgovoru)* [Codes and standards of the culture (the invitation to the conversation)]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey pod red. V. V. Krasnykh i A. I. Izotova* [Language, consciousness, communication: collection of articles edited by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov]. Moscow, Filologiya Publ., 2001. Vol. 19. Pp. 5–19 (in Russian).
6. Maslova V. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. Minsk, TetraSystems Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
7. Zimnaya I. A. *Sposob formirovaniya i formulirovaniya mysli kak real'nost' yazykovogo soznaniya* [A way of forming and formulating thought as a reality of linguistic consciousness]. *Yazykovoye soznaniye: paradoksal'naya real'nost'* [Linguistic consciousness: paradoxical reality]. Moscow, IYARAN Publ., 1993. Pp. 51–58 (in Russian).
8. Zinchenko V. P. *Miry soznaniya i struktury soznaniya* [Worlds of consciousness and structures of consciousness]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, 1991, no. 2, pp. 23–34 (in Russian).
9. Popova Z. D., Sternin I. A. *Obshcheye yazykoznanie: uchebnoye posobiye* [General Linguistics: study manual]. Moscow, Vostok – Zapad Publ., 2002. 416 p. (in Russian).
10. Zalevskaya A. A. *Yazykovoye soznaniye: voprosy teorii* [Linguistic consciousness: questions of theory]. *Voprosy psikholingvistiki – Questions of psycholinguistics*, 2003, no. 1, pp. 30–35 (in Russian).
11. Gudkov D. B. *Pretsedentnyye fenomeny v yazykovom soznanii i mezhkul'turnoy kommunikatsii. Dis. dokt. filol. nauk* [Precedent phenomena in linguistic consciousness and intercultural communication. Diss. doc. of philol. sci.]. Moscow, 1999. 360 p. (in Russian).
12. Karasik V. I. *Narrativnoye izmereniye lingvokul'turnykh tsennostey* [The narrative dimension of linguocultural values]. *Yazyk i kul'tura – Language and culture*, 2019, vol. 47, pp. 59–75 (in Russian).
13. Prokhorov Yu. E. *V poiskakh kontsepta: nauchnoye izdaniye* [In search of a concept: scientific edition]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 174 p. (in Russian).
14. Zakharenko I. V. *K voprosu o kanone i etalone v sfere pretsedentnykh fenomenov* [On the question of the canon and the standard in the sphere of precedent phenomena]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey pod redaktsiyey V. V. Krasnykh i A. I. Izotova* [Language, consciousness, communication: collection of articles edited by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. Vol. 1. Pp. 104–114 (in Russian).
15. Gudkov D. B., Krasnykh V. V. *Russkoye kul'turnoye prostranstvo i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Russian cultural space and intercultural communication]. *Nauchnyye doklady filologicheskogo fakul'teta MGU* [Scientific reports of the Faculty of Philology of Moscow State University]. Moscow, 1998. No. 2. Pp. 124–133 (in Russian).
16. Krasnykh V. V. *Sistema pretsedentnykh fenomenov v kontekste sovremennykh issledovaniy* [System of precedent phenomena in the context of modern research]. *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: sbornik statey pod redaktsiyey V. V. Krasnykh i A. I. Izotova* [Language, consciousness, communication: collection of articles edited by V. V. Krasnykh and A. I. Izotov]. Moscow, Filologiya Publ., 1997. Vol. 2. Pp. 5–12 (in Russian).
17. Krasnykh V. V. *“Svoy” sredi “chuzhikh”*: *mif ili real'nost'* [“One’s own” among “strangers”: myth or reality?]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 375 p. (in Russian).
18. Kristeva Yu. *Bakhtin, slovo, dialog i roman* [Bakhtin, slovo, dialog and roman]. *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu per s frantsuzskogo G. K. Kosikova* [French semiotics: From structuralism to poststructuralism. Translation from French by G. K. Kosikova]. Moscow, Progress Publ., 2000. P. 427–457 (in Russian).
19. Denisova G. L. *Pretsedentnyye fenomeny v karikature Velikoy Otechestvennoy voyny kak kreolizovannom tekste* [Precedent phenomena in the Great Patriotic War cartoon as a creolized text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 2020, no. 65, pp. 77–91 (in Russian).

Информация об авторе

Ли Чжидань, аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Li Zhidan, postgraduate, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 05.02.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 05.02.2022; accepted for publication 29.03.2022

УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-15-22>

ВОЗМОЖНОСТИ ФРЕЙМОВОГО АНАЛИЗА ПРИ МОДЕЛИРОВАНИИ СМЫСЛОВОГО ПРОСТРАНСТВА ТОК-ШОУ (НА МАТЕРИАЛЕ АННОТАЦИЙ К ПЕРЕДАЧАМ «АНДРЕЙ МАЛАХОВ. ПРЯМОЙ ЭФИР»)

Дарина Сергеевна Васильева

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия, vasileva.ds@mail.ru

Аннотация

Введение. Ток-шоу представляют собой популярный жанр современного телевидения, что обуславливает интерес к их изучению. Жесткий сценарий с распределенными ролями участников, конфликтный характер коммуникации между ними формируют смысловое пространство, в котором сталкиваются противоречивые нормы, ценности, оценки. Фреймирование межличностных отношений, транслируемых в передачах, позволяет реконструировать модель мира, которую транслирует этот жанр.

Цель – моделирование фреймов, отражающих смысловое пространство передач «Андрей Малахов. Прямой эфир».

Материал и методы. В работе рассматриваются названия и аннотации выпусков одного из развлекательных ток-шоу на российском телевидении «Андрей Малахов. Прямой эфир» за первое полугодие 2018 года. Тексты взяты с официального сайта канала «Россия 1». Объем исследуемого материала – 110 аннотаций с названиями. По отношению к исходным видеозаписям аннотации являются вторичными текстами интерпретирующего типа. В качестве методов, предваряющих фреймирование, применены интроспекция, контент-анализ частотных речевых единиц, контекстуальный анализ всех речевых предикатов. Таким образом, процедура выделения фреймов основана на качественно-количественных методиках анализа лексических и синтаксических единиц.

Результаты и обсуждение. Фреймы, выделенные по текстам аннотаций ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир», состоят из четырех слотов: «субъект Х» – главный герой передачи, «объект Y» – его оппонент (в некоторых фреймах он деактуализирован), «предикат РД» – доминирующее речевое действие, «предмет Р» – обсуждаемые в передаче ситуации. Один из распространенных фреймов «Х обвиняет Y'a в Р» содержится в аннотациях к 22 передачам. Х и (или) Y как правило публичные люди или связанные с ними лица. Субъект и объект выражены идентифицирующими именами собственными, номинациями по принадлежности к социальной группе, терминами правового дискурса, характеризующими лексемами. Негативно окрашенные характеристики X'ам и Y'ам даются со стороны носителей противоположной точки зрения. В большинстве обозначений участников передачи изначально заложена конфликтность. Предикат речевого действия – глагол «обвиняет». В составе аннотаций обвинение выражается эксплицитно («обвинила») либо нейтральными словами с семантикой речи, вводящими негативно-оценочную информацию (рассказала, что Y испортила ей жизнь), либо лексемами, обозначающими негативное эмоциональное состояние обвиняющего (возмущается). Основание для обвинения, «ситуация Р», как правило, выражено эксплицитно, прямо соотносится с темами передач; эксплицитные номинации чередуются с такими, где указание на повод для обвинения содержится в пресуппозитивном компоненте высказывания.

Заключение. Посредством фреймирования аннотаций показано, как устроено смысловое пространство ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир». На основе сопоставления текстов, выявления их сходств и различий по разным параметрам выделено восемь глобальных речевых действий, используемых в формате данной программы. Одним из наиболее частотных речевых действий является обвинение. Моделирование фрейма «Х обвиняет Y'a в Р» позволило определить типовых участников коммуникации, типовые жизненные ситуации, обобщить эти сведения в границах слотов. Очевидно, что предикат «речевое действие обвинение» имеет конфликтный характер. Наполнение слотов «субъект Х», «объект Y», «ситуация Р – основание для обвинения» подтвердило конфликтную заряженность смыслового пространства ток-шоу. Одна и та же оценочная номинация в рамках передачи может быть амбивалентной – соотноситься с обвиняющим и обвиняемым, что размывает позицию создателей ток-шоу. Оценочная амбивалентность, а также публичность участников, обыгрывание ситуации судебного расследования посредством использования маркеров правового дискурса повышают степень конфликтности рассматриваемого телевизионного жанра.

Ключевые слова: телевизионный дискурс, ток-шоу, «Андрей Малахов. Прямой эфир», аннотации, фрейм, конфликт, обвинение

Для цитирования: Васильева Д. С. Возможности фреймового анализа при моделировании смыслового пространства ток-шоу (на материале аннотаций к передачам «Андрей Малахов. Прямой эфир») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 15–22. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-15-22>

POSSIBILITIES OF FRAME ANALYSIS WHEN SIMULATING THE SENSE SPACE OF A TALK-SHOW (ON THE MATERIAL OF ANNOTATIONS TO TELEVISION SHOW “ANDREY MALAKHOV. PRYAMOY EFIR”)

Darina S. Vasileva

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation, vasileva.ds@mail.ru

Abstract

Introduction. Talk-shows are a popular genre of modern television, which leads to an interest in their study. A tough scenario with distributed roles of participants, the conflicting nature of communication between them form a semantic space in which conflicting norms, values, and assessments collide. The framing of interpersonal relations, broadcast in the programs, allows you to reconstruct the model of the world that this genre is broadcasting.

Aim and objectives – modeling of frames reflecting the semantic space of programs “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”.

Material and methods. The article examines the titles and annotations of episodes of one of the entertaining talk shows on Russian television “Andrey Malakhov. Pryamoy efir” for the first half of 2018. The texts were taken from the official website of the Russia 1 channel. The volume of the material under study is 110 annotations with titles. In relation to the original video recordings, annotations are interpretive type secondary texts. Introspection, content analysis of frequency speech units, contextual analysis of all speech words are used as methods preceding framing. Thus, the procedure for allocating frames is based on qualitative and quantitative analysis methods.

Results and discussion. Frames selected from the annotation texts of the talk show “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”, consist of four slots: “subject X” – the main character of the program, “object Y” – his opponent (in some frames it is deactivated), “predicate RD” – the dominant speech action, “subject P” – discussed in the program situations. One of the common frames “X blames Y-a for P” is contained in the annotations for the 22nd programs. X and / or Y are usually public figures or persons associated with them. The subject and the object are expressed by identifying proper names, nominations for belonging to a social group, terms of legal discourse, characterizing lexemes. The negatively colored characteristics of X-am and Y-am are given from the side of the carriers of the opposite point of view. In most of the designations of the participants in the program, conflicts are initially laid down. The predicate of speech action is the verb “accuse”. As part of the annotations, the accusation is expressed explicitly (“accused”), either in neutral speech words that introduce defamatory information (she said that...), or lexemes denoting the negative emotional state of the accuser (outraged). The basis for the accusation, “Situation P”, is usually expressed explicitly, directly related to the topics of the programs; explicit nominations alternate with those where an indication of the reason for the accusation is contained in the presupposive component of the statement.

Conclusion. By framing annotations, it is shown how the semantic space of the talk show “Andrey Malakhov. Pryamoy efir” is arranged. Based on the comparison of texts, identification of their similarities and differences in different parameters, eight global speech actions used in the format of this program were identified. One of the most frequent speech actions is accusation. Modeling the frame “X blames Y-a for P” made it possible to determine the typical participants in communication, typical life situations, to generalize this information within the boundaries of the slots. It is obvious that the predicate “speech act of accusation” is of a conflicting nature. The filling of the slots “subject X”, “object Y”, “situation P – grounds for accusation” confirmed the conflicting charge of the talk show’s semantic space. The same appraisal nomination within the program can be ambivalent – correlated with the accuser and the accused, which “dilutes” the position of the talk show creators. Along with evaluative ambivalence, the publicity of the participants and their placement in the field of legal discourse increase the degree of conflict of the considered television genre.

Keywords: *TV discourse, talk-show, “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”, annotations, frame, conflict, accusation*

For citation: Vasileva D. S. *Vozmozhnost’ freymovogo analiza pri modelirovanii smyslovogo prostranstva tok-shou “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”* [Possibilities of Frame Analysis When Simulating the Sense Space of a Talk-show (on the Material of Annotations to Television Show “Andrey Malakhov. Pryamoy efir”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 15–22 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-15-22>

Введение

Ток-шоу представляет собой жанр телевизионного дискурса, построенный по жесткому сценарию с распределенными ролями участников, конфликтным речевым взаимодействием между ними. Пространство передач в этом жанре наполнено смыслами, в эксплицитной и имплицитной форме отражающими разного рода противоречивые нор-

мы, ценности, оценки. Сама действительность в нем, как правило, деформирована, представлена «перцептами» [1, с. 1281], лишь отчасти соответствующими действительному положению дел. Картину мира любого ток-шоу дополняет калейдоскопичность, разнообразие конкретных ситуаций, поступков, событий. Называя такие передачи, как «Большая стирка», «Пусть говорят», «Андрей Ма-

лахов. Прямой эфир», Б. Б. Сибиданов относит их к треш-дискурсу, который «использует в качестве контента нечто запретное или связанное с некачественностью, „желтизной“ (сенсационность, экстремальность, патология, извращенность), то есть то, что для традиционного телевидения всегда было под запретом» [2, с. 6]. Именно жанр ток-шоу насыщен, как сформулировал В. В. Карасик, «аксиогенными ситуациями» [3, с. 35].

Популярность ток-шоу тем не менее высока, что обуславливает актуальность их изучения.

В качестве основного метода исследования выбран фреймовый анализ. Интересно, что в последнее время многие междисциплинарные исследования на основе фреймового анализа обращены к конфликтному общению в разных сферах. Так, С. В. Щербаков, рассматривая переговоры в политическом дискурсе, выделяет соотношение кооперативных и эгоцентрических стратегий как один из параметров измерения фрейма конфликтных ситуаций [4, с. 90]. Д. В. Вельмисова использует фреймирование в анализе конфликта как социального взаимодействия, применяя, помимо лингвистических методов, теории семиосоциопсихологии и координированного управления смыслами [5, с. 177]. М. С. Матыцина отмечает преимущества метода фрейм-анализа перед критическим дискурс-анализом и системной функциональной грамматикой при поиске причин возникновения таких конфликтных явлений, как расизм и этнические предубеждения [6, с. 18].

Для нас существенно, что построенные исследователями фреймы межличностных отношений отражают такое свойство моделируемых объектов действительности, как аксиологическая неоднозначность. Реконструируя фрейм «по поступок» в семантической группе «помощь», Л. А. Бушуева выделяет в нем такой слот, как оценка поступка. Как показывает автор, его вербализация обнаруживает возможность амбивалентного оценивания – даже в такой, казалось бы, одобряемой сфере деятельности [7, с. 14].

Целью настоящего исследования является моделирование фреймов, отражающих смысловое пространство передач «Андрей Малахов. Прямой эфир». Предполагаем решить следующие задачи: 1) сформировать методом сплошной выборки массив озаглавленных аннотаций к передачам ток-шоу за полгода; 2) выработать методику реконструкции фреймов по полученному материалу; 4) построить фреймы, определить характер организующих их предикатов, выявить частотность реализации фреймов относительно друг друга; 5) проанализировать наполнение слотов одного из высокочастотных фреймов; сделать на этом материале выводы об особенностях смыслового пространства передачи.

Материал и методы

Материалом для исследования послужили названия и аннотации выпусков одного из ведущих развлекательных ток-шоу на российском телевидении «Андрей Малахов. Прямой эфир» за первое полугодие 2018 г. Тексты взяты с официального сайта канала «Россия 1». Объем исследуемого материала – 110 названий и аннотаций, состоящих из 55 990 слов (320 535 знаков). Авторская орфография и пунктуация сохранены.

Аннотация передачи – текст, отображающий суть обсуждения в рамках эфира. Ее объем варьируется от 300 до 5 тыс. знаков. Она создана для того, чтобы пользователь сайта «Смотрим» [8] смог ближе познакомиться с темой программы, выбрать выпуск для просмотра. Кроме того, с опорой на аннотацию адресату легче ориентироваться в продолжительных часовых видеозаписях.

Заметим, что тексты аннотаций прямо не коррелируют с исходным текстом – видеозаписью, а являются его интерпретациями. Некоторая часть аннотаций буквально воспроизводит элементы сценария – цитаты героев, ведущего, его вступительное слово. Так, в следующем примере цитируется реплика героя, на что указывает синтаксическая конструкция с прямой речью: «„Если занести в какие-нибудь органы, Следственный комитет, тогда – может быть, а отдавать семье Шурыгиной – бессмысленно“, – считает Семенов» (из аннотации передачи «Насильник Дианы Шурыгиной вышел из тюрьмы. Первое интервью на свободе!»). Другие аннотации отражают лишь наиболее резонансные моменты обсуждения, не включают реплики и диалогические единства, заканчиваются своеобразной «сериальной» концовкой. Например: «А УДО Семенова – не сигнал ли к „действию“ для его сверстников? Ответы – в программе „Андрей Малахов. Прямой эфир“» (5-й выпуск), «Какие тайны скрываются в прошлом Дианы? И какие планы у Сергея на будущее? Подробности – в программе „Андрей Малахов. Прямой эфир“»; «И где же правда в этой истории? Расследование „Прямого эфира“ продолжается». В любом случае подача материала нацелена на привлечение внимания потенциального зрителя.

В программе происходит взаимодействие ведущего, героя, экспертов, гостей, зрителей из зала. Выявленный состав участников ток-шоу отличается от предлагаемой П. В. Гуленко и Ю. И. Долговой общей формулы формата, включающей ведущего, экспертов, публику в студии и зрителей по ту сторону экранов [9, с. 107]. Это обусловлено спецификой развлекательного жанра и сценария, типичного для рассматриваемой передачи.

Все участники, кроме ведущего, определенно поддерживают героя или же обличают его (исключение – передачи, связанные с позитивным поведением или же памятные). Как будет показано далее, этот тотальный антагонизм участников отразится в том, как они номинируются в соответствующих слотах фреймовых структур.

Ведущий, притом что он демонстрирует нейтральную позицию, косвенно провоцирует участников на резкие высказывания. Регулятивный характер речевого поведения ведущего уже становится объектом рассмотрения. В работе П. М. Магомедовой и П. А. Лековой, где анализируются речевые стратегии телеведущего, утверждается, что он использует прагматические действия для достижения стратегий идентификации и самоидентификации: приговор, похвалу и комплимент [10, с. 70]. Е. А. Морозов отмечает, что при управлении публичными конфликтами менеджеру (параметр публичности объединяет последнего с ведущим. – Д. В.) необходимо учитывать их характер и динамику, а также избирательно подходить к содержанию и формулировке адресуемых сообщений, так как от этого зависит восприятие аудитории [11, с. 2–3].

Анализ материала (110 аннотаций) позволяет выделить в нем восемь фреймов: «*X заявляет о желании изменить P*» (о скандальном, эпатажном) (31 выпуск), «*X обвиняет Y в P*» (22 выпуска), «*X исповедуется в P*» (19 выпусков), «*X доказывает P*» (16 выпусков), «*X рассказывает о P*» (рассказы о необычном для этой передачи, позитивном) (16 выпусков), «*X'ы вспоминают Y'a*» (8 выпусков), «*X отрекся от Y'a*» (6 выпусков), «*X признает/не признает Y'a*» (3 выпуска).

Как видим, фреймы организованы речевым действием или действием, содержащим речевой компонент. Обобщенно данные действия представлены предикатами глагольного типа.

Методика выделения фреймов состояла в следующем. На первом этапе применялась интроспекция, а также общие сведения о формате передачи: ток-шоу предполагает непрерывный устный дискурс. Обилие глаголов речи в самой программе и в аннотациях к ней (которые стали объектом анализа) объясняется характером коммуникативной ситуации, где герои постоянно говорят и реагируют на высказывания друг друга. Последнее позволяет искать объединяющую семантику в сфере говорения.

На втором этапе был применен контент-анализ речевых единиц, который привел к выявлению репертуара наиболее частотных. Ими оказались морфемные комплексы «*обвин-*»; «*заявл-*» «*отрек-*» и другие. Данные прямые обозначения предикатов с

речевым компонентом были взяты за основу разграничения типовых ситуаций (фреймов).

На третьем этапе был осуществлен контекстуальный анализ всех слов с семантикой речи в тексте аннотации. Это позволило уточнить тип ситуации. Например, высказывание с глаголом «*рассказала*», употребленным в оценочном контексте («*рассказала, что X разрушила жизнь, довела до больницы*»), интерпретировалось как обвинение.

Таким образом, процедура выделения фреймов основана на качественно-количественных методах анализа лексических и синтаксических единиц.

На основании данной процедуры выявлены типовые речевые ситуации, которые были подвержены фреймированию. Стоит отметить, что некоторые аннотации позволяли выделить более одного фрейма, поскольку передача отражала несколько речевых интенций.

Результаты и обсуждение

Фрейм, как правило, состоит из четырех обязательных слотов: «*субъект X*», «*предикат РД*» (речевого действия), «*объект Y*», «*предмет P*». В модели «*субъект X*» – это главный герой передачи, «*объект Y*» – его оппонент (в некоторых фреймах он деактуализирован, тогда слотов три). Предметом мы называем обсуждаемые в передаче ситуации – измены, обманы, непризнание родства, разные формы насилия и так далее.

Рассмотрим один из распространенных фреймов «*X обвиняет Y'a в P*».

Он содержится в аннотациях к 22 передачам. Для удобства представления иллюстративного материала в статье аннотации пронумерованы: «*Насильник Дианы Шурыгиной вышел из тюрьмы. Первое интервью на свободе!*» (№ 1); «*Насильник Дианы Шурыгиной снова лишен свободы*» (№ 2); «*Дана Борисова обвинила светскую львицу в проституции*» (№ 3), «*Вдова Евстигнеева делит наследство с любовницей мужа*» (№ 4), «*Отец Дианы Шурыгиной против насильника дочери: шокирующее признание*» (№ 5), «*2 года колонии за смерть пациента: российские врачи вступились за коллегу!*» (№ 6), «*Элина Мазур: вся правда о бывшей жене Джигарханяна*» (№ 7), «*Подростки напоили девушку водкой и надругались над ней*» (№ 8), «*Сбежавшие миллионеры хотят вернуться в Россию*» (№ 9), «*Карине Мишулиной угрожают расправой фанаты Тимура Еремеева*» (№ 10), «*Молодая актриса обвинила известного режиссера в изнасиловании*» (№ 11), «*„Прямой эфир“: тайный покровитель Виталины делает сенсационное признание*» (№ 12), «*Любовный приворот: тайна смерти актера Алексея Петренко*» (№ 13), «*Любовный приворот актера Алексея Петренко*» (№ 14), «*Режиссер Марк Розовский отвечает ак-*

трипе на обвинения в изнасиловании» (№ 15), *«Известная фотомодель сбежала от состоятельного мужа-садиста»* (№ 16), *«Русскую жену обвиняют в убийстве французского мужа-миллиардера»* (№ 17), *«Бывший священник и звезда реалити-шоу выгнал на улицу жену и избил любовницу»* (№ 18), *«Тайная жизнь Тимура Еремеева: Карина Мишулина продолжает расследование»* (№ 19), *«Тайная жизнь Тимура Еремеева: Карина Мишулина продолжает расследование. Часть 2»* (№ 20), *«Объявил себя сыном и выкопал гроб с телом отца»* (№ 21), *«Новый секс-скандал в театральном мире»* (№ 22).

«**Субъект Х**» является обвиняющей стороной. Как правило, Х'ы – публичные люди (некоторые – ставшие таковыми благодаря передаче) или родственники, знакомые, соседи и т. д. публичных людей. Зачастую субъект выражен идентифицирующими именами собственными: *«Диана»* (№ 1; 14 употреблений), *«Ангелина»* (№ 8; 13 употреблений). Реже используются имена, называющие субъекта по принадлежности к социальной группе (гендерной, профессиональной): *«девушка»* (№ 8; 5 употреблений), *«актриса»* (№ 11; 3 употребления). Кроме того, для обозначения Х'ов используются термины правового дискурса, которыми в нем называют участников уголовного процесса: *«потерпевшая»* (№ 15), *«пострадавшая»* (№ 1, 8), *«жертва»* (№ 1, 16). Употребляются также характеризующие лексемы: *«расчетливая»*, *«коварная»* (№ 1), *«марзаматичка»* (№ 12), *«девочка-нарцисс»* (№ 15). Негативно окрашенные характеристики Х'ам даются со стороны «обвиняемых» и их сторонников, носителей противоположной точки зрения. Характеристик Х'ов, в которых изначально заложена конфликтность, довольно много. Укажем примеры, где при указании на них используются различные дискредитирующие стратегии: *«неярый борец за справедливость»* (№ 2), *«состоит в группе поклонников безызыскной Дианы Шурыгиной»* (№ 8), *«мерзкая роль грязной бабы»* (№ 12), *«работает в агентстве, сулящем клиентам недвусмысленно рекламируемый „эсклюзивный отдых“»* (№ 15).

«**Предикат РД**» – **обвиняет. ОБВИНЯТЬ** – 1. кого. Считать виноватым, виновным в чем-либо. Упрекать в чем-либо, осуждать за что-либо; 2. считая виновным в чем-либо, привлекать к судебному разбирательству; судебным порядком устанавливать виновность; 3. юрид. Поддерживать обвинение, выступать в качестве судебного обвинителя, прокурора [12]. Для всех положений дел, которые обобщает данный фрейм, актуальны следующие наблюдения Н. В. Орловой: «различия между осуждениями и обвинениями не стилистические, а прагматические. Они состоят в разных

отношениях между говорящим, объектом оценки и референтной ситуацией. То, в чем обвиняют, – действия, безусловно порицаемые в обществе» [13, с. 53].

В составе аннотаций этой группы речевое действие «обвинение» выражается либо эксплицитно («обвинила»), либо нейтральными словами с семантикой речи, вводящими негативно-оценочную информацию, например, *«рассказала, что побои начались практически сразу»* (№ 16); либо лексемами, которые сообщают о негативном эмоциональном состоянии обвиняющего: *«обескуражены поворотом событий»* (№ 6), *«сожалеет о том, что брат познакомился с Диной в Интернете»* (№ 17).

Кроме глаголов «обвинить/обвинять», отглагольного существительного «обвинения», данный слот наполняется другими глаголами речи, которые в контексте выражают обвинение: *«заявила»*, *«обвинила»*, *«возмущается»*, *«вторит»*, *«рассказала»*, *«озвучила»*, *«ответила»*, *«заявила, что ее изнасиловали»* (№ 1), *«возмущен тем, что насильник его дочери досрочно вышел на свободу»* (№ 5), *«„Посмотрели бы они сейчас на людей, которых бросили, – вторит бывшей коллеге Лисняк“»* (№ 9), *«озвучила шокирующие новости о бывшей жене Армена Джигарханяна»* (№ 12).

«**Объект Y**» – обвиняемая сторона. Так же, как и X, Y регулярно выражен в речи идентифицирующими именами: *«Сергей»* (№ 1; 9 употреблений), *«Карина»* (№ 10; 13 употреблений). Данный слот аналогично слоту «субъект Х» наполняется терминами правового дискурса, например для обозначения Y'a используется слово *«виновная»* (№ 6), *«виновник»* (№ 9, 16, по одному употреблению). В ближайших контекстах, указывающих на Y'a, используется слово *«вина»* (№ 6, 17). Употребляются также характеризующие лексемы: *«насильник»* (№ 1, 2, 16), *«обидчик»* (№ 11, 15).

Обвиняемому и обвиняющему в рамках одного фрейма и одной передачи даются как положительные, так и отрицательные оценки. Показательна характеристика субъекта (X'a) в передаче (№ 15): *«потерпевшая женщина»*, но *«девочка-нарцисс»*; здесь же объект (Y) охарактеризован как *«мэтр»*, *«известный режиссер»*, но и как *«обидчик»*. Исследователь Т. В. Устинова предлагает рассматривать подобное явление как намеренную речевую неоднозначность, говорит о ней как о целенаправленной когнитивной деятельности [14, с. 275]. Согласимся, что амбивалентность в характеристиках оппонентов обуславливается требованиями прагматики жанра.

«**Ситуация P**» – **основание для обвинения**. Данный компонент фрейма, как правило, выражается эксплицитно. Он отражает темы передач,

определяющие особенности построения сюжета. Обвиняют в попытке убийства (№ 16), изнасиловании (№ 1, 2, 8, 11, 15, 22), злом умысле (№ 4, 6, 9, 12, 18), смерти (№ 13, 14, 17, 21), лицемерии (№ 3, 5, 19), предательстве и лжи (№ 7, 20), нападении на внука артиста (№ 10).

Заметим, что ток-шоу претендует на реальное разрешение конфликта (неоднократно встречается упоминание о собственном «расследовании» команды передачи или героев, употребляется лексика правового дискурса). На самом деле многие из вышперечисленных ситуаций находятся в компетенции уголовного права и разрешаются исключительно юридическим путем. Последнее, однако, не мешает выставлять их на суд общественности наравне с сугубо этическими проблемами.

Указание на некоторые темы дано имплицитно, в форме пресуппозитивного компонента содержания высказывания: «... *считаю, что насильникам не место на свободе*», – *заявила женщина*» (№ 2). Как утверждает Н. Д. Федяева, пресуппозитивный характер информации соответствует нормативным представлениям, которые рассматриваются как критерии оценки человеком действительности [15, с. 8–9]. Соглашаясь с автором, заметим, что в приведенном высказывании декларируется норма, а в пресуппозиции находятся тема насилия и смысл «Х заявляет, что Y – насильник». Другой пример: «*дочери Александра Бобкова обескуражены поворотом событий. Они считают, что врач, по вине которого скончался их отец, должен быть наказан... Имела ли место фатальная ошибка гематолога? Почему в ее действиях усмотрели злой умысел?*». В данном случае пресуппозитивный смысл – «Х обвиняет Y'a в кончине отца, злом умысле, фатальной ошибке» (№ 6).

Заключение

При всем разнообразии тем ток-шоу «Андрей Малахов. Прямой эфир» его смысловое простран-

ство оказалось возможным упорядочить посредством фреймирования аннотаций. На основе сопоставления более ста текстов, выявления их сходств и различий по разным параметрам было выделено восемь глобальных («стратегических») речевых действий, используемых в формате данного ток-шоу.

Одно из наиболее частотных речевых действий – обвинение. Моделирование фрейма «Х обвиняет Y'a в P» позволило уточнить неречевой контекст передачи: «вывести на поверхность» типовых участников коммуникации, типовые жизненные ситуации, ставшие инфоповодом для конкретных передач, и обобщить эти сведения в границах слотов. В предложенной версии фреймовому анализу предшествовал контент-анализ и контекстуальный анализ предикатов с семантикой речи.

Очевидно, что предикат «речевое действие – обвинение», объединивший 22 аннотации в одном фрейме, имеет конфликтный характер. Наполнение слотов «субъект X», «объект Y», «ситуация P – основание для обвинения» подтвердило конфликтную заряженность смыслового пространства ток-шоу. Часть номинаций субъекта и объекта, большинство имен ситуаций являются негативно-оценочными. При этом одна и та же оценочная номинация, например «жертва», в рамках одной и той же передачи может соотноситься с обвиняющим и обвиняемым, что делает оценочную установку передачи амбивалентной.

Героями передачи зачастую являются публичные люди. За счет употребления лексики, используемой в дискурсе уголовного процесса («*потерпевший*», «*виновный*» и др.), ток-шоу сопрягается с правовым дискурсом. Наряду с оценочной амбивалентностью позиции, которую демонстрирует передача, эти факторы – публичность участников и обыгрывание ситуации судебного расследования – повышают уровень конфликтности ток-шоу.

Список источников

1. Хахалова С. А. Специфика взаимосвязи перцептов, репрезентаций, фреймов и концептов в ментальной модели мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 4. С. 1276–1282.
2. Сибиданов Б. Б. Две формы отрицания в телевизионном трэш-дискурсе // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2019. № 1 (19). С. 1–7.
3. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2019. № 4. С. 35–49.
4. Щербаков С. В. Конфликтные ситуации и фреймы // Вестник науки и образования. 2019. № 20 (74), ч. 1. С. 89–91.
5. Матыцина М. С. Перспективы интеграции критического дискурс-анализа в эмпирический инструментарий исследования политических явлений // *Litera*. 2019. № 2. С. 175–182.
6. Вельмисова Д. В. Исследование конфликта как процесса интерпретации и генерирования смыслов // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*. 2021. № 2. С. 14–23.
7. Бушуева Л. А. Лингвокогнитивное моделирование поступков: эвристический потенциал теории фреймов и теории прототипов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 10–19.

8. Смотрим: российская мультимедийная онлайн-платформа. URL: <http://smotrim.ru> (дата обращения: 01.12.2021).
9. Гуленко П. В., Долгова Ю. И. Проблемы классификации современных телепередач: существенные характеристики формата «ток-шоу» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2016. № 3. С. 102–110.
10. Магомедова П. М., Лекова П. А. Речевые стратегии телеведущего ток-шоу (на материале телепередачи «Давай поженимся») // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2018. Т. 12, № 2. С. 70–75.
11. Морозов Е. А. Фрейм-анализ в управлении публичными конфликтами // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2009. № 10. С. 1–13.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 01.12.2021).
13. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: к вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 51–55.
14. Устинова Т. В. Конструирование значения в условиях намеренной речевой неоднозначности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 2, вып. 10. С. 275–278.
15. Федяева Н. Д. Семантика нормы в русском языке: функциональный, категориальный, лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2010. 40 с.

References

1. Khakhalova S. A. Spetsifika vzaimosvyazi pertseptov, reprezentatsiy, freymov i kontseptov v mental'noy modeli mira [The specificity of the relationship of perceptions, representations, frames and concepts in the mental model of the world]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2021, no. 4, pp. 1276–1282 (in Russian).
2. Sibidanov B. B. Dve formy otritsaniya v televizionnom tresh-diskurse [Two forms of denial in television trash discourse]. *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo – Memoirs of NovSU*, 2019, no. 1 (19), pp. 1–7 (in Russian).
3. Karasik V. I. Normy povedeniya v yazykovoy kartine mira [The norms of behavior in the linguistic picture of the world]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2019, no. 4, pp. 35–49 (in Russian).
4. Shcherbakov S. V. Konfliktnyye situatsii i freymy [Conflict situations and frames]. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 2019, no. 20 (74), part 1, pp. 89–91 (in Russian).
5. Matytsina M. S. Perspektivy integratsii kriticheskogo diskurs-analiza v empiricheskii instrumentarii issledovaniya politicheskikh yavleniy [Prospects for the integration of critical discourse analysis into the empirical research toolkit for political phenomena]. *Litera*, 2019, no. 2, pp. 175–182 (in Russian).
6. Vel'misova D. V. Issledovaniye konflikta kak protsess interpretatsii i generirovaniya smyslov [Study of conflict as a process of interpretation and generation of meanings]. *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovaniy – Telescope: journal of sociological and marketing research*, 2021, no. 2, pp. 14–23 (in Russian).
7. Bushuyeva L. A. Lingvokognitivnoye modelirovaniye postupkov: evristicheskii potentsial teorii freymov i teorii prototipov [Linguo-cognitive modeling of actions: the heuristic potential of frame theory and prototype theory]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 2019, no. 2, pp. 10–19 (in Russian).
8. *Smotrim: rossiyskaya mul'timediyaya onlayn-platforma* [Smotrim: Russian multimedia online platform] (in Russian). URL: <http://smotrim.ru> (accessed 1 December 2021).
9. Gulenko P. V., Dolgova Yu. I. Problemy klassifikatsii sovremennykh teleperedach: sushchnostnyye kharakteristiki formata “Tok-shou” [Classification problems of modern television programs: the essential characteristics of the “talk-show” format]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye, zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2016, no. 3, pp. 102–110 (in Russian).
10. Magomedova P. M., Lekova P. A. Rechevyye strategii televedushchego tok-shou (na materiale teleperedachi “Davay pozhenimsya”) [Speech strategies of the TV host of the talk show (based on the material of the TV show “Davay pozhenimsya”). *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki*, 2018, vol. 12, no. 2, pp. 70–75 (in Russian).
11. Morozov E. A. Freym-analiz v upravlenii publichnymi konfliktami [Frame analysis in the management of public conflicts]. *Aktualnyye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2009, no. 10, pp. 1–13 (in Russian).
12. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Glavnyy redaktor S. A. Kuznetsov [Great Dictionary of Russian language. Chief Editor S. A. Kuznetsov] (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (accessed 1 December 2021).
13. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh “stilisticheskaya obrabotka”: K voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres of colloquial speech and their “stylistic processing”: On the question of the relationship between style and genre]. *Zhanry rechi*, 1997, no. 1, pp. 51–55 (in Russian).

14. Ustinova T. V. Konstruirovaniye znacheniya v usloviyakh namerennoy rechevoy neodnoznachnosti [Meaning construction in the context of intentional speech ambiguity]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory and Practice*, 2019, vol. 2, no. 10, pp. 275–278 (in Russian).
15. Fedayayeva N. D. *Semantika normy v russkom yazyke: funktsional'nyy, kategorial'nyy, lingvokul'turologicheskiy aspekty*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Semantics of the norm in Russian: functional, categorical, linguocultural aspects. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Barnaul, 2010. 40 p. (in Russian).

Информация об авторе

Васильева Д. С., аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077).

Information about the author

Vasileva D. S., postgraduate student, Dostoevsky Omsk State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 06.12.2021; accepted for publication 29.03.2022

УДК 811.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-23-33>

АНАЛИЗ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ КОНЦЕПТА СМЕХ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОСЛОВИЦ, ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ И КОРПУСНЫХ ДАННЫХ)

Елена Юрьевна Жукова

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, lenko1994s@mail.ru

Аннотация

Введение. Концепт СМЕХ – значимый лингвокультурный концепт. Изучение аксиологической составляющей в значении лексемы *смех* как ключевого номината концепта СМЕХ демонстрирует значимость данного концепта для русской лингвокультуры и способствует выявлению в его содержании инвариантных (универсальных) и специфических (национальных) черт.

Цель – рассмотрение ценностного компонента в структуре концепта СМЕХ посредством анализа значения его репрезентанта – лексемы *смех*.

Материал и методы. Материалом для анализа ценностной компоненты концепта СМЕХ в национальной языковой картине мира послужили русские пословицы, а также данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, в которых фигурирует вербальный маркер концепта – лексема *смех*. Методы исследования: лексико-семантический, контекстуальный, семный анализ, элементы лингвокультурологического и лингвоконцептологического анализа.

Результаты и обсуждение. С позиции предметной соотнесенности смех – это «короткие характерные голосовые звуки», выражающие различные чувства человека, с точки зрения понятийной соотнесенности, смех – это сложное понятие, соотносящееся с рефлексией. Коннотативная составляющая лексемы смех выражена в семе «оценка». Спецификой русского национального представления о смехе является понимание смеха в качестве способа выражения противоречивой оценки чьих-либо (в том числе и своих) действий, фактов и явлений действительности от радости и веселья до иронии и насмешки. Смех в представлении носителей русского языка – феномен, аксиологическая специфика которого заключается в свойстве амбивалентности.

Заключение. Контекстуальный анализ лексемы *смех* как номината одноименного концепта позволяет говорить о значимости концепта СМЕХ для носителей русского языка, поскольку лексема *смех* используется говорящим в качестве средства оценки различных жизненных ситуаций. Ценностная составляющая концепта СМЕХ имеет тенденцию к варьированию: от отрицательной оценки действий, фактов, явлений действительности к нейтральной и положительной. Определяющими являются присутствие субъективных факторов, а также национально-культурные и исторические особенности развития народа. Национальная специфика концепта СМЕХ заключается в антиномичности, парадоксальности интерпретации понятия «смех» в русской языковой картине мира.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвоконцептология, концепт СМЕХ, ценностная составляющая концепта, коннотация, оценка, семантика

Для цитирования: Жукова Е. Ю. Анализ аксиологической составляющей концепта *смех* в русской языковой картине мира (на материале пословиц, лексикографических и корпусных данных) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 23–33. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-23-33>

ANALYSIS OF THE AXIOLOGICAL COMPONENT OF THE CONCEPT LAUGHTER IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF PROVERBS, LEXICOGRAPHIC AND CORPUS DATA)

Elena Yu. Zhukova

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, lenko1994s@mail.ru

Abstract

Introduction. The concept of LAUGHTER is a significant linguocultural concept. The study of the axiological component in the meaning of the lexeme laughter as a key nomination of the concept LAUGHTER demonstrates the significance of this concept for Russian linguistic culture and contributes to the identification of invariant (universal) and specific (national) features in its content.

The *purpose* of the article is to consider the value component in the structure of the concept LAUGHTER by analyzing the meaning of its representative – the lexeme *laughter*.

Material and methods. The material for the analysis of the value component of the concept LAUGHTER in the national linguistic picture of the world was Russian proverbs, as well as data from lexicographic sources and the national corpus of the Russian language, in which the verbal marker of the concept appears – the lexeme “laughter”. Research methods: lexico-semantic, contextual, seme analysis, elements of linguoculturological and linguoconceptological analysis.

Results and discussion. From the standpoint of subject correlation, laughter is short characteristic voice sounds that express various human feelings, from the point of view of conceptual correlation, laughter is a complex concept that correlates with reflection. The connotative component of the lexeme *laughter* is expressed in the seme *appraisal*. The specificity of the Russian national concept of laughter is the understanding of laughter as a way of expressing a contradictory assessment of someone else’s (including one’s own) actions, facts and phenomena of reality, from joy and fun to irony and ridicule. Laughter, in the view of native speakers of the Russian language, is a phenomenon whose axiological specificity lies in the property of ambivalence.

Conclusion. The contextual analysis of the lexeme laughter as a nominee of the concept of the same name allows us to speak about the significance of the concept LAUGHTER for native speakers of the Russian language, since the lexeme laughter is used by the speaker as a means of assessing a particular situation. The value component of the LAUGHTER concept tends to vary: from a negative assessment of actions, facts, phenomena of reality to a neutral and positive one. The determining factors are the presence of subjective factors, as well as national-cultural and historical features of the development of the people. The national specificity of the concept LAUGHTER lies in the antinomy, paradoxical nature of the interpretation of laughter in the Russian language picture of the world.

Keywords: *linguoculturology, linguoconceptology, the concept of LAUGHTER, the value component of the concept, connotation, evaluation, semantics*

For citation: Zhukova E. Yu. Analiz aksiologicheskoy sostavlyayushchey kontsepta *smekh* v russkoy yazykovoy kartine mira (na material poslovits, leksikograficheskikh i korpusnykh dannykh [Analysis of the Axiological Component of the Concept Laughter in the Russian Language Picture of the World (on the Material of Proverbs, Lexicographic and Corpus Data)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 23–33 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-23-33>

Введение

Смех как психофизиологическая реакция человека на события или явления окружающей действительности – одно из базовых и инстинктивных проявлений человеческой психики и физиологии – издавна представлял интерес для человечества как объект рефлексии, в том числе со стороны представителей различных направлений научного знания.

Смех – объект изучения ученых, осуществляющих исследования в разных областях научного знания. Например, психологи (Е. П. Ильин, Е. Крисперечень, З. Фрейд, Д. Флагел, М. Чойси) изучают смех как один из способов освобождения энергии, преодоления страха, запрета; философы и литературоведы (А. С. Аверинцев, М. М. Бахтин, Ю. Б. Борев, Б. Дземидок, Д. С. Лихачев, В. Я. Пропп, А. А. Чернобров) рассматривают смех как систему приемов создания комического. Под «комическим подразумеваются как естественные события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызывать эффект комического» [1, с. 7].

В лингвистике интерес ученых связан, во-первых, с изучением семантических потенциалов лексемы *смех* и ее дериватов, актуализируемых в тек-

стах разной жанрово-стилевой природы (исследования в рамках функциональной семантики, функциональной стилистики); во-вторых, с анализом специфики отношений (парадигматических, синтагматических, ассоциативных), в которые вступает лексема *смех* в русском языке в условиях диа- и синхронии (в работах по этимологии, функциональной лексикологии); наконец, лингвистами-концептологами и лингвокультурологами рассматриваются языковые средства выражения представлений о смехе, характерные для русской картины мира и русской лингвокультуры с точки зрения индивидуальных, групповых и массового уровней обобщения и концептуализации (И. В. Арнольд, А. А. Габриелян, Н. А. Дубровская, Ю. А. Кузнецов, С. А. Попова и др.).

В основе различных по проблематике лингвистических исследований лежат результаты интерпретации семантических вариантов лексемы *смех*, осуществляемой на разных уровнях анализа: языковом, текстовом, концептуальном. Общей установкой для лексико-семантического анализа является традиционное представление о значении слова как совокупности его предметно-понятийных и коннотативных компонентов смысла (И. В. Арнольд, В. А. Булдаков, В. В. Виноградов, Ю. В. Караулов, И. А. Стернин и др.). Предметно-понятийная составляющая лексического значения образу-

ется соотносительностью с денотатом (предметом) и сигнификатом (понятием). Коннотативную составляющую образуют дополнительные оттенки смысла: эмоциональные, экспрессивные, оценочные. К сфере оценочной коннотации большинство ученых относят *аксиологические компоненты смысла* (Н. Д. Арутюнова, И. Р. Гальперин, А. А. Ивин, В. В. Лопатин, С. Г. Павлов, В. Н. Телия и др.)

И. Р. Гальперин одним из первых обратил внимание на значимость аксиологической компоненты в лексической структуре текстов. Он выявил закономерность: тексты, обладающие высокой эстетической ценностью, всегда высокоинформативны [2, с. 27].

Изучая аксиологическую составляющую значения, В. В. Квашина обращает внимание на понятие «оценка» и дает ему следующую дефиницию: «социально устоявшееся и закрепленное в семантике языковых единиц положительное или отрицательное, эксплицитное или имплицитное отношение субъекта к объектам действительности» [3, с. 183]. В. В. Квашина утверждает, что «в первую очередь оценка актуализируется лексико-семантическими средствами языка, выражающими ее эксплицитно и имплицитно, денотативно и (или) коннотативно, прямыми номинациями, определениями, характеристиками и через характер совершаемых действия (глагол-сказуемое)» [3, с. 184].

В монографии «Функциональная семантика оценки» Е. М. Вольф идентифицирует оценку как модальную единицу, для которой характерным является наличие компонента субъективности [4, с. 11]. В. В. Лопатин также подчеркивает субъективность оценки: «Под оценочными (квалификативными) мы понимаем такие компоненты языка, которые, накладываясь на денотативное, или референтное, или пропозициональное... содержание высказываний, корректируют его с позиции субъекта речи» [6, с. 536–537]. Также исследователь выделяет узкое (характеристика по признаку «хорошо – плохо») и широкое (характеристика с позиции «важно – неважно», «истинно – ложно») понимание оценки.

Антропоцентрическую природу оценки отмечает в своих исследованиях и Н. Д. Арутюнова, которая утверждает, что оценивается только то, что нужно человеку [5, с. 73].

По мнению Т. В. Маркеловой, «оценочность – это лингвистическая категория, служащая для отражения картины мира человека» [7, с. 5]. Т. В. Маркелова отмечает: «оценочность тесно связана со сложившимися в языковом коллективе представлениями о ценности объекта и отличается социально-исторической обусловленностью» [7, с. 5]. Эта мысль позволяет нам сделать вывод об аксиологической значимости коннотативной компоненты значения лексем.

Таким образом, аксиологическая составляющая коннотативной компоненты значения в первую очередь связана с механизмом оценивания предмета, понятия, признака, факта, ситуации языковым коллективом. Оценочность – это лингвистическая категория, служащая отражением картины мира человека.

Схематично система аксиологического оценивания свойств понятий и явлений представлена на рис. 1.

Рис. 1. Система аксиологического оценивания свойств понятий и явлений

Согласно данной схеме, оценивание того или иного понятия или явления происходит с точки зрения «их способности (положительная аксиологическая значимость) или неспособности (отрицательная аксиологическая значимость) отвечать потребностям и запросам носителя языка» [8, с. 55]. Аксиологическая значимость также может быть нейтральной, т. е. безразличной для носителя языка [8, с. 55].

В. И. Карасик отмечает в своих работах ценностную составляющую концепта, которая, согласно мнению исследователя, является одним из важнейших компонентов структуры концепта наряду с образной и понятийной составляющими [9, с. 14]. Образная составляющая – это «след чувственного представления в памяти в единстве с метафорическими переносами»; понятийная составляющая – это «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог их познания» [9, с. 15]. Доминирующую роль В. И. Карасик отводит ценностной составляющей, поскольку она является наиболее культурно значимой (подробнее о ценностной составляющей концепта см. [10]).

Г. Г. Слышкин, принимая структуру концепта, выделенную В. И. Карасиком, разделяет ценностную составляющую на два аспекта: актуальность и оценочность. По мнению исследователя, оценочность, во-первых, соотносится с коннотативной составляющей значения языковой единицы, которая представляет собой номинат концепта; и, во-вторых, актуализируется в сочетании лексем-номинатов концепта с оценочной лексикой [11, с. 5].

Национальное своеобразие лингвокультурного концепта отражается его образной, ценностной и ассоциативной составляющими [12, с. 34].

Исследованию коннотативной составляющей лексемы *смех* как номината концепта СМЕХ

посвящены работы А. А. Габриелян, В. И. Карасика, Г. А. Сисалиевой. Так, В. И. Карасик, анализируя виды смеха в русском и английском языках, выделил насмешку как особый тип смеха и пришел к ряду заключений: «1) наблюдается значительное сходство в обозначении высмеивания с целью причинения вреда объекту осмеяния, 2) в английском языке эта смысловая область заполнена более плотно по сравнению с русским языком, 3) ...русские осуждают хитрую и бессовестную насмешку, а представители англоязычной культуры ассоциируют насмешку с презрением и мимически выражают ее в виде искривленных губ» [13, с. 55].

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что изучение коннотативного компонента значения лексемы *смех* актуально и подразумевает исследование как положительных, так и отрицательных коннотаций в значении лексемы *смех*.

В русле проблематики современной лингвистики, концептуальной и дискурсивной по своей сути, особый интерес представляет рассмотрение лексемы *смех* в качестве номината одноименного концепта. Под *концептом* условимся понимать некое ментальное образование, обладающее семантической расчлененностью, национально-культурной маркированностью и «по своей структуре состоящее из самого понятия и ценностного (нередко образного) представления о нем человека» [14, с. 40]. Концепт – это, пожалуй, одно из наиболее востребованных сегодня понятий, активно разрабатываемых учеными в самых разных аспектах.

Термин «концепт» можно считать утвердившимся в современной науке, однако в теориях разных научных школ его содержание существенно варьируется. Так, в русле лингвокультурологии концепт – это явление культуры, «сложное и многокомпонентное образование» (С. Г. Воркачев, В. В. Воробьев, В. И. Карасик, Ю. С. Степанов). Изучение концепта в работах А. Вежбицкой, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина связывается с познанием языка, сознания и культуры народа. Одним из распространенных и значимых определений концепта выступает дефиниция, данная А. Вежбицкой. Исследователь определяет понятие «концепт» следующим образом: «объект из мира „идеальное“, имеющий имя и отражающий определенные, культурно обусловленные представления человека из мира „действительность“ (цит. по [15, с. 28]).

В русле когнитивной лингвистики концепт представлен как «глобальная единица мыслительной деятельности» [16, с. 18]. По мнению ученых-когнитивистов, концепт – это «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой,

представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [16, с. 34].

Концепт СМЕХ определяется нами как один из наиболее значимых концептов, входящих в качестве фрагмента в картину мира любого этноса. При этом универсальность концепта не противоречит факту наличия в картине мира конкретного этноса национальных вариантов осмысления смеха. В силу сказанного концепт СМЕХ определяем как лингвокультурный концепт, характеризующийся динамикой и историческим своеобразием, а также наличием в содержательных характеристиках инвариантных (универсальных, присущих каждой лингвокультуре) и вариантных (национально обусловленных) смыслов (подробнее о роли концепта в лингвокультуре см. [17, 18]).

Изучению лингвокультурного концепта СМЕХ посвящен целый ряд исследований отечественных лингвистов (Ю. А. Кузнецов, С. А. Попова, М. С. Ротова и др.).

Так, Ю. А. Кузнецов отмечает, что «этноспецифичность смеха проявляется не только в большом количестве, семантическом содержании и внутренней форме его номинаций, но также в особенностях их метафорической сочетаемости, позволяющей выявить характерные для русской лингвокультуры ассоциативные механизмы» [19, с. 111]. Путем исследования лексико-семантического поля смеха ученый приходит к выводу о том, что лингвокультурный концепт СМЕХ является важной частью русской языковой картины мира, языковая реализация данного концепта обладает высокой метафоричностью, образностью.

Исследование М. С. Ротовой посвящено моделированию макропарадигм русского словаря. Исследователь рассматривает глаголы, входящие в лексико-семантическое поле лексем *смех* и *плач*, и делает вывод, что они «группируются вокруг двух семантических «множеств», каждое из которых организуется более частными значениями» [20, с. 72]. М. С. Ротова приходит к мысли о том, что первое семантическое «множество» соотнесено с денотатом значения лексем *смех* и *плач*, а второе – с коннотативным компонентом значения этих лексем [20, с. 72].

Исследование А. А. Габриелян посвящено изучению концепта СМЕХ в сопоставительном аспекте. Рассматривая концепты СМЕХ/УЛЫБКА как «сложное двуединое коммуникационное средство», исследователь приходит к выводу о том, что данные концепты актуализированы с помощью

различных языковых средств, обусловлены экстралингвистическими факторами и релевантны для носителей английского языка. Исследование паремиологического фонда английского языка, а также кинокартин на английском языке позволило выделить такие ценностные доминанты концепта, как жизнерадостность, любовь к жизни, сохранение позитивного настроения, а также способность смеха и улыбки излечить самые тяжелые заболевания [21, с. 77].

С. А. Попова в своем исследовании уделяет внимание изучению ментальной структуры концепта СМЕХ. Соотнесение образных и сценарных составляющих ментальной структуры концепта СМЕХ, по мнению исследователя, позволит «существенно дополнить когнитивные признаки концепта-образа, выделить блоки ментальной структуры» [20, с. 199]. Сопоставляя русскую и английскую языковые картины мира, исследователь выделяет «специфические черты русского сценария смеха»: «1) принципиально важно наличие причины смеха как таковой (в английском сценарии, к примеру, более существенна конкретная причина смеха и насмешки – человеческая глупость); 2) в ситуации злого смеха актуальным становится эмоциональное состояние объекта – обида/смущение/унижение (тогда как в английском сценарии важны ощущения субъекта, а именно его чувство собственного превосходства, высокомерие и презрение по отношению к объекту, обычно демонстрируемые мимически); 3) обозначение морального запрета на смех над определенным объектом (святыни, предметы культа, физические недостатки человека и т. п.) закреплено в русском языке посредством уникального сценария глумления» [20, с. 200]. Кроме того, исследователь отмечает, что «специфика образного представления о смехе носителя русского языка заключается в наличии уникального для языковой картины мира образа смеющегося человека, издающего хрюкающие звуки» [20, с. 199].

Таким образом, концепт СМЕХ – важнейшая составляющая русской языковой картины мира, отличающаяся своей сложной организацией. Смех для носителей русского языка – это не только выражение эмоций (радости, веселья и т. д.), но и демонстрация ценностного отношения к объекту смеха (положительная/отрицательная оценка).

Целью данной статьи является рассмотрение ценностного компонента значения лексемы *смех* как номинанта концепта СМЕХ в русской национальной картине мира.

Материал и методы

Материалом для анализа ценностной компоненты концепта СМЕХ в русской языковой картине мира послужили русские пословицы и данные На-

ционального корпуса русского языка, в которых представлен ключевой (одноименный) номинат концепта – лексема *смех*. Для семантического анализа путем сплошной выборки из «Большого словаря русских пословиц» Т. В. Мокиенко нами отобрано 20 пословиц: «брат на смех», «в смех», «даровой смех», «(и) смех и грех (горе)», «подвести (пропустить) на смех», «разорви меня смех», «поднять на смех», «поставить на смех», «смех сквозь слезы», «лопнуть от смеха (со смеху)», «говорить/сказать смехом», «делать смеху», «держаться на смеху», «жить на смеху», «быть на смеху», «мало ли смеху», «на смеху», «не до смеху», «покатываться/покатиться со смеху», «пропадать/пропасть со смеху» [22].

Несмотря на то что относительно терминов «пословица» и «поговорка» в лингвистической науке имеются разногласия, мы придерживаемся мнения о том, что главное отличие пословицы и поговорки заключается в сложной синтаксической и семантической структуре пословицы: она представляет собой образное выражение назидательного характера, оформленное в виде законченного предложения. Относительно термина «поговорка» согласимся с мнением В. М. Мокиенко, отмечающим, что поговорка – это «строительный элемент» предложения, оценочно-экспрессивное словосочетание, чаще всего выполняющее в нем ту же функцию, что и образно коннотируемое слово» [23, с. 37].

В целях верификации результатов авторской интроспекции в отношении семантики лексемы *смех* мы обращались к данным толковых словарей русского языка (словарным статьям, описывающим толкование лексемы *смех*): толковые словари Т. В. Ефремовой, В. И. Даля, С. И. Ожегова. Выбор материала обусловлен исследовательской задачей: выявить ключевые предметно-понятийные компоненты значения лексемы *смех* как номинанта концепта СМЕХ, определить круг коннотативных компонентов значения, рассмотреть специфику содержания аксиологических коннотативных смыслов, актуализируемых в семантике лексемы *смех* в указанных контекстах. Анализ паремийно-пословично-поговорного фонда русского языка позволит зафиксировать специфику массового (узуального) представления о смехе у носителей русского языка.

Методы исследования: лексико-семантический, контекстуальный, семный анализ, элементы лингвокультурологического и лингвоконцептологического анализа.

Результаты и обсуждение

Лексема *смех* является ключевой единицей выражения семантики одноименного концепта.

С позиции предметной соотнесенности смех – это «короткие характерные голосовые звуки, выра-

жающие различные чувства человека (от радости и веселья до злорадства и насмешки)» [24]: *веселый смех, залиvistый смех, смех сквозь слезы*. С точки зрения понятийной соотнесенности смех – это сложное понятие, соотносящееся с рефлексией («смех представляет собой сплав эмоциональных и рациональных моментов, в котором аналитическая работа ума приобретает вид особой радостной эмоции, выражающей специфическое удовлетворение по поводу разрешения противоречия, казавшегося на первый взгляд неразрешимым» [25]; «культурно-психологический феномен, в котором выражается способность человека к обнаружению комических ситуаций, содержащихся в жизни и искусстве» [26]): *сардонический смех, иронический смех, гомерический смех* и т. д. Коннотативная составляющая лексемы *смех* выражена в семе *оценка* (оценка какой-либо ситуации, чьих-либо действий как вызывающих смех, насмешку, ироническое отношение [27]; оценка какой-либо ситуации, чьих-либо действий как представляющихся странными, нелепыми [27]): «*да не смеяться-то нельзя: гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только!*» (А. Н. Островский. Гроза (1860)); «*посмотрел я на него, – смех, да и только*» (И. С. Никитин. Дневник семинариста (1860)); «*Эти-то два года и сделали меня в глазах публики диссидентом. Смех, да и только!*» (Сергей Шикера. Идущий против ветра (Записки неизвестного) // Волга, 2010) (примеры взяты из Национального корпуса русского языка [28]).

Исходя из этого, можно сказать, что спецификой русского национального представления о смехе является понимание смеха в качестве способа выражения противоречивой оценки чьих-либо (в том числе и своих) действий, фактов и явлений действительности от радости и веселья до иронии и насмешки. Смех в представлении носителей русского языка – феномен, аксиологическая специфика которого заключается в свойстве амбивалентности.

Национально-культурная специфика заключается в свойстве амбивалентности, репрезентированном в вариантах интерпретации концепта СМЕХ представителями русской лингвокультуры. Подтверждением этого может служить информация из «Новейшего философского словаря», где понятие «смех» – это «*культурно-психологический феномен как специфическая оценочная реакция человека на действительность. Феномен С. амбивалентен: это, с одной стороны, С. формальный (примитивный, прасмех) – С. как радость и энтузиазм здорового, растущего и наслаждающегося организма, С. тела и, с другой стороны, С. как способ выражения отношения к действительности, С. души,*

С. ума. В первом случае С. – дар природы. В нем нет оценки, нет отношения... Во втором случае С. оценочен, рефлексивен, сугубо человечесен, а также парадоксален. Парадокс состоит в том, что С. чаще всего – неадекватная эмоциональная реакция на действия или события: мы смеемся над тем, что само по себе смешным не является. Существо С. связано с раздвоением, расколом действительности надвое, созданием ее смеховой тени. С. открывает в одном другое: в высоком – низкое, в торжественном – будничное, в обнадеживающем – разочаровывающее и т. п.» [29]. Такая семантическая амбивалентность свидетельствует о наличии аксиологических оценок по отношению к смеху как форме проявления человеческих эмоций, экспрессий, аксиологических оценок, свидетельствующих о характере его отношения к объекту смеха, имеющей определенные средства выражения в русской языковой картине мира.

Для анализа аксиологической компоненты концепта СМЕХ в контексте русских поговорок обратимся к толковым словарям. Толковые словари В. И. Даля [30], С. И. Ожегова [24], Т. Ф. Ефремовой [27] представляют следующие важные для анализа концепта СМЕХ с точки зрения ценностной компоненты лексико-семантические варианты лексемы *смех*:

1) «*нечто смешное, достойное насмешки*» (разг.) [24, 27];

2) «*хохот, невольное, гласное проявление в человеке чувства веселости, потехи, взрыв веселого расположения духа; но есть и смех осмеяния, смех презрения, злобы и пр.*» [30];

3) «*предикатив разг. оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как вызывающих смех, насмешку, ироническое отношение*» [27];

4) «*предикатив разг. оценка чего-л. как такого, что производит комическое впечатление, способно рассмешить*» [27];

5) «*предикатив разг. оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как представляющихся странными, нелепыми*» [27].

Приведенные лексико-семантические варианты представлены на рис. 2.

Такое распределение можно объяснить результатами семного анализа каждого ЛСВ лексемы *смех*. Так, об отрицательной аксиологической оценочности ЛСВ₁, ЛСВ₂ и ЛСВ₃ свидетельствует наличие сем «насмешка», «осмеяние», «презрение», «злоба»: *злоба* – «чувство злости, недоброжелательства к кому-н.» [27]; *насмехаться* – «издеваться, изгаляться, трунить, шутить или забавляться над чем-, кем-либо, зубоскалить» [25]; *насмешка* – «обидная шутка, издевка» [27]. Содержательное наполнение сем «хохот», «веселость», «потеха», «веселый» в ЛСВ₄ свидетельствует о его положи-

тельной аксиологической составляющей. Сема «взрыв» в сочетании с семой «веселый» в анализируемом ЛСВ актуализирует экспрессивную плотность положительной коннотации (*взрыв* – «перен., чего. внезапное сильное и шумное проявление чего-н. *Взрыв смеха*» [24]).

Как видно из схемы, некоторые лексико-семантические варианты (ЛСВ₃, ЛСВ₅) обладают амбивалентностью, и, думается, они приобретают определенную аксиологическую оценку в конкретном контексте. Это подтверждается наличием семы «оценка» в каждом из ЛСВ (*оценка* – «мнение о ценности, уровне или значении кого-, чего-н.» [24]). Сема «оценка», а вместе с ней и сема «мне-

ние» относит нас к выражению в рамках высказывания субъективности, т. е. связанности той или иной ситуации с отношением (положительным или отрицательным) говорящего к описываемой ситуации смеха. Все это позволяет говорить об аксиологической амбивалентности приведенных ЛСВ.

Поскольку актуализация ЛСВ многозначного слова возможна лишь в процессе речи, необходимо рассмотреть каждую единицу отобранного нами языкового материала. Опираясь на толкования, данные в «Большом словаре русских пословиц», распределим отобранные пословицы в таблицу соответственно актуализированным в толковании ЛСВ.

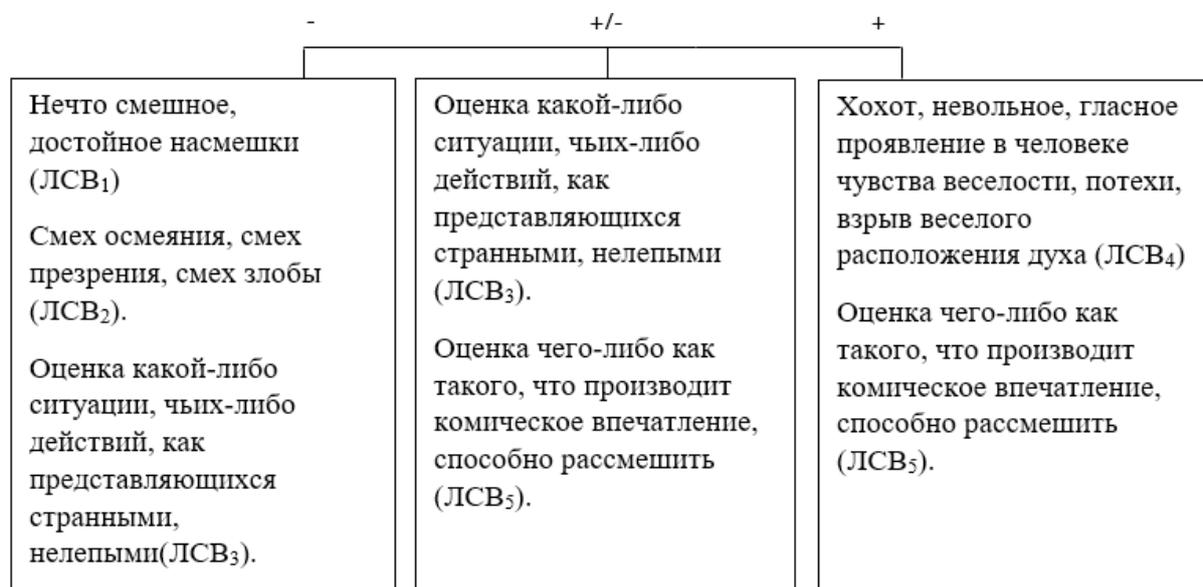

Рис. 2. Лексико-семантические варианты на шкале аксиологической оценки

ЛСВ ₁	ЛСВ ₂	ЛСВ ₃	ЛСВ ₄	ЛСВ ₅
<i>Брать на смех</i> (насмехаться, подшучивать); <i>поставить на смех</i> (дать повод для насмешек); <i>жить на смеху</i> (постоянно подвергаться насмешкам, унижениям); <i>быть на смеху</i> (быть предметом насмешек)	<i>Поднять на смех</i> (высмеивать); <i>держаться на смеху</i> (осмеивать, высмеивать кого-л.)	<i>Делать смеху</i> (шутить, веселить кого-л.); <i>на смеху</i> (2. кое-как, небрежно)	<i>Даровой смех</i> (о чем-л. очень смешном); <i>лопнуть от смеха</i> (<i>со смеху</i>) (много безудержно смеяться, хохотать до изнеможения); <i>не до смеху</i> (не время для шуток, для веселья), <i>разорви меня смех</i> (о чем-л. очень смешном, вызывающем хохот); <i>покатываться/покатиться со смеху</i> (громко безудержно рассмеяться, захохотать); <i>пропадать/пропасть со смеху</i> (очень много смеяться, хохотать до изнеможения)	<i>Подвести (пропустить) на смех</i> (посмеяться, подшутить), <i>говорить/сказать смехом</i> (шутить, говорить что-л. в шутку); <i>в смех</i> (не всерьез, в шутку); <i>(и) смех и грех</i> (<i>горе</i>) (о чем-л. трагикомичном, одновременно и смешном, и грустном); <i>смех сквозь слезы</i> (о невеселом смехе вопреки тяжелому душевному состоянию, печали); <i>на смеху</i> (1. ради смеха); <i>мало ли смеху</i> (о чем-л. абсолютно не смешном)

В качестве значимого компонента семантики концепта исследователями выделяется «когнитивная память слова», подразумевающая под собой глубинную связь с предназначением языкового знака и духовной сферой бытования носителей языка [31, с. 56–59; 32, с. 235]. Наличие такого компонента позволяет нам сделать вывод о том, что анализ лексемы-номинанта концепта СМЕХ в языковом контексте соотносится с аксиологической значимостью самого концепта.

Так, в контекстах «*А по заготовленным в Москве бумажкам, как этого потребовал, например, Капитонов, такую полемику вести нельзя – это значило бы поднять на смех всю нашу партию*» (А. С. Черняев. Дневник (1975)); «*И поэтому человек, который в России стал бы всерьез говорить об эволюции власти, был бы просто поднят на смех*» (И. Л. Солоневич. Россия в концлагере (1935)) [28] лексема смех в рамках устойчивого сочетания *поднять на смех* имеет отрицательную коннотацию (ЛСВ₂ – *высмеивать*). Употребление данного сочетания в одном ряду с лексемами *власть* и *партия*, которые являются номинантами аксиологически значимых (учитывая хронологические рамки написания использованных цитат) концептов ВЛАСТЬ и ПАРТИЯ, говорит, во-первых, о недопустимом обесценивании предмета речи (*поднять на смех партию*), во-вторых, о высмеивании общественно-политической ситуации, о которой идет речь в приведенном контексте.

Обратимся к контексту «*Собственное производство? Звучит дико смешно. Но это – смех сквозь слезы*» (Игорь Мальцев. Сказка о потерянном времени // Автопилот. 2002.05.15) [28]. Лексема смех в приведенном контексте используется так же, как и предыдущем контексте, в рамках устойчивого сочетания *смех сквозь слезы*, однако ценностная компонента семантики лексемы позволяет говорить об оценочности суждения: говорящий противопоставляет лексему смешно в значении «нелепо, странно» [27] собственному представлению о предмете речи. Иными словами, предмет речи с точки зрения говорящего – нечто невеселое, печальное.

Схожую актуализацию ценностной компоненты семантики лексемы смех наблюдаем, например, в контекстах: «*Развеять, поязвить, поспорить, блеснуть остроумием и интеллектом и... вернуться под крылышко к тихой, заботливой, молчаливой жене. И смех, и грех, и слезы*» (Влада Валева. Скорая помощь (2002)); «*Как маятник мотался я вдоль строя, от одних к другим. И смех и грех. В конце концов понял, что заставить моих добрых молодцев работать даже Господь Бог не сможет...*» (Георгий Жженов. Прожитое (2002)); «*Нашли у кого спрашивать! И смех, и грех. Да у меня*

вся пенсия – чуть больше шестисот рублей» (Евгений Лурье. Переживем и тысячу рублей // Санкт-Петербургские ведомости. 2000.08.26) [28]. В контексте устойчивого сочетания *и смех и грех* коннотативный компонент лексемы смех смещается в сторону отрицательной оценки. Из приведенных контекстов видно, что предмет речи – нечто трагикомичное, одновременно и смешное, и грустное.

Положительная аксиологическая оценка семантики лексемы смех наблюдается в контекстах: «*...да ведь это чудеснейшая история; просто лопнуть со смеху можно*» (Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели (1859)); «*Мы с Баявым покатались со смеху, ничего особенно смешного, просто настроение хорошее*» (Екатерина Завершнева. Высотка (2012)); «*Отскочившие подруги хотя и обмерли, но сходство заметили, а заметив, прыснули и покатались со смеху, чтобы потом всю дорогу, помянув Тургенева, со смеху помирать*» (Асар Эппель. В паровозные годы // Знамя. 2002) [28]. В приведенных контекстах коннотат лексемы смех отсылает читателя к пониманию хорошего расположения духа, состояния веселости говорящего.

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить об амбивалентном характере ценностных смыслов концепта СМЕХ в русской языковой картине мира. Смех для носителей русского языка представляется как средство выражения веселого расположения духа, чувства веселости, так и средство осмеяния той или иной ситуации: можно посмеяться не только в шутку, легко, без злобы (*сказать смехом, в смех*), но и зло, с осуждением (*поднять на смех, держать на смеху*). Можно говорить о значимости концепта СМЕХ для носителей русского языка, поскольку лексема смех как одноименный номинат концепта используется говорящим в качестве средства оценки той или иной ситуации (*и смех и грех, смех сквозь слезы* и т. п.)

В ряде проанализированных нами контекстов-поговорок лексема смех акцентирует противопоставление веселого расположения духа серьезности (*не до смеху*). Это объясняется особенностями менталитета русского человека. Ю. С. Степанов в «Словаре русской культуры» отмечал, что «быть человеком в подлинном смысле слова» – это «постоянно испытывать страх-госку» [16, с. 912]. Анализируя содержание концепта СТРАХ-ГОСКА, исследователь связывает его с концептом ГРЕХ, отмечая, что именно состояние страха способно направить человека на путь искупления первородного греха, т. е. к «обожению» человека [16, с. 913]. Концепт СМЕХ является способом как обучения страху перед Богом, так и избавлению от греха.

Это позволяет говорить об аксиологической значимости смеха как регулятора поведения человека.

Таким образом, ценностная составляющая концепта СМЕХ имеет тенденцию к варьированию: от отрицательной оценки действий, фактов, явлений действительности к нейтральной и положительной. Определяющими являются присутствие субъективных факторов, а также национально-культурные и исторические особенности развития народа.

Национальная специфика концепта СМЕХ заключается в антиномичности, парадоксальности интерпретации смеха в русской языковой картине мира.

Перспективы изучения концепта СМЕХ в русской языковой картине мира состоят в исследовании дискурсивной обусловленности концепта, а также его исторической изменчивости и индивидуально-авторской специфики.

Список источников

1. Дземидок Б. О комическом / пер. С. Свяцкого. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 144 с.
3. Квашина В. В. Проблемы аксиологии в современном языкознании / Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 180–185.
4. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УССР, 2002. 280 с.
5. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
6. Лопатин В. В. Оценка как объект грамматики / Многогранное русское слово: избранные статьи по русскому языку // ред. О. Е. Иванова. М.: Азбуковник, 2007. С. 536–542.
7. Маркелова Т. В. Семантика оценки и средства ее выражения в русском языке: учеб. пособие по спецкурсу. М.: МПУ, 1993. 125 с.
8. Андрухина М. С. «Аксиологическая оценка» как один из базовых концептов лингвокультурологии и теории культуры / Мир науки, культуры, образования. Горно-Алтайск, 2010. Вып. 3. С. 54–58.
9. Карасик В. И. Культурные концепты: проблема ценностей / Языковая личность: культурные концепты. Волгоград: Перемена, 1996. С. 3–16.
10. Тубалова И. В., Эмер Ю. А. Ценностная составляющая концепта «украинский язык» в дискурсе украинских СМИ (на материале текстов аналитических статей) // Сибирский филологический журнал. 2018. № 4. С. 273–284.
11. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метапонятия. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.
12. Кононова В. И. Структура и языковая репрезентация британской национальной морально-этической концептосферы (в синхронии и диахронии): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2010. 361 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
14. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.
15. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. М.: ИНИОН, 1992. С. 28–43.
16. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М., 2007. 314 с.
17. Курьянович А. В., Охолина И. Е. Концепт «досуг» в русской лингвокультуре: структурно-содержательные характеристики и лексические средства выражения / Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 4 (201). С. 110–120.
18. Курьянович А. В., Охолина И. Е. Концепт «флешмоб» в современной российской лингвокультуре: к вопросу формирования и специфики языкового воплощения / Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 243–253.
19. Кузнецов Ю. А. Лексико-семантическое поле смеха как фрагмент русской языковой картины мира: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 215 с.
20. Попова С. А. Ментальная структура «смех» в русской языковой картине мира (на фоне английской): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2018. 223 с.
21. Габриелян А. А. Лексико-семантическое поле эмоциональных концептов smile, laugh в английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 5. С. 68–78.
22. Мокиенко Т. В., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц / под ред. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
23. Мокиенко В. М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): материалы Междунар. науч. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. / сост., отв. ред. В. И. Макаров. Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2011. Т. 1. С. 33–41.
24. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 04.11.2021).

25. Философский словарь Спонвиля. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/sponville/index.htm> (дата обращения: 04.11.2021).
26. Степин В. С. Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (дата обращения: 05.11.2021).
27. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm> (дата обращения: 04.03.2021).
28. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения: 08.11.2021).
29. Новейший философский словарь. Смех. URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/> (дата обращения: 03.11.2021).
30. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (дата обращения: 04.03.2021).
31. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры, 1995. 480 с.
32. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

References

1. Dzemiđok B. *O komicheskom* [About the comic]. Translation by S. Svyatskogo. Moscow, Progress Publ., 1974. 223 p. (in Russian).
2. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 144 p. (in Russian).
3. Kvashina V. V. Problemy aksiologii v sovremennom yazykoznanii [Problems of axiology in modern linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2013, no. 2, pp. 180–185 (in Russian).
4. Vol'f E. M. *Funktional'naya semantika otsenki* [Functional evaluation semantics]. Moscow, Editorial USSR Publ., 2002. 280 p. (in Russian).
5. Arutyunova N. D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of language values: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 339 p. (in Russian).
6. Lopatin V. V. Otsenka kak ob'ekt grammatiki [Evaluation as an object of grammar]. In: Ivanova O. E. (ed.) *Mnogogrannoye russkoye slovo: Izbrannyye stat'i po russkomu yazyku* [The multifaceted Russian word: selected articles on the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2007. Pp. 536–542 (in Russian).
7. Markelova T. V. *Semantika otsenki i sredstva yeyo vyrazheniya v russkom yazyke: uchebnoye posobiye po spetskursu* [Semantics of assessment and means of its expression in Russian: special course textbook]. Moscow, MPU Publ., 1993. 125 p. (in Russian).
8. Andryukhina M. S. “Aksiologicheskaya otsenka” kak odin iz bazovykh kontseptov lingvokul'turologii i teorii kul'tury [“Axiological assessment” as one of the basic concepts of linguoculturology and cultural theory]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The world of science, culture and education*, 2010, no. 3, pp. 54–58 (in Russian).
9. Karasik V. I. Kul'turnyye kontsepty: problema tsennostey [Cultural Concepts: The Problem of Values]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnyye kontsepty* [Linguistic personality: cultural concepts]. Volgograd, Peremena Publ., 1996. Pp. 3–16 (in Russian).
10. Tubalova I. V., Emer Yu. A. Tsennostnaya sostavlyayushchaya kontseptu “ukrainskiy yazyk” v diskurse ukrainskikh SMI (na materiale tekstov analiticheskikh statey) [Value component of the concept of “Ukrainian language” in the discourse of the Ukrainian media (based on the texts of search articles)]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Philological Journal*, 2018, no. 4, pp. 273–284 (in Russian).
11. Slyshkin G. G. *Lingvokul'turnyye kontsepty i metakontsepty* [Linguistic and cultural concepts and meta-concepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 340 p. (in Russian).
12. Kononova V. I. *Struktura i yazykovaya reprezentatsiya britanskoy natsional'noy moral'no-eticheskoy kontseptosfery (v sinkhronii i diakhronii). Diss. dokt. filol. nauk* [Structure and linguistic representation of the fraternal national moral and ethical concept sphere (in synchrony and diachrony)]. Diss. doc. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2010. 361 p. (in Russian).
13. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. Pp. 166–205 (in Russian).
14. Stepanov Yu. S. *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1997. 824 p. (in Russian).
15. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p. (in Russian).
16. Popova Z. D., Sternin I. A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, 2007. 314 p. (in Russian).
17. Kur'yanovich A. V., Okholina I. E. Kontsept “dosug” v russkoy lingvokul'ture: strukturno-soderzhatel'nyye kharakteristiki i leksicheskiye sredstva vyrazheniya [The concept of “leisure” in Russian linguistic culture: structural and content characteristics and lexical means of expression]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, vol. 4 (201), pp. 110–120 (in Russian).
18. Kur'yanovich A.V., Okholina I. E. Kontsept “fleshmob” v sovremennoy rossiyskoy lingvokul'ture: k voprosu formirovaniya i spetsifiki yazykovogo voploshcheniya [The concept of “flash mob” in modern Russian linguoculture: to the question of the

- formation and specificity of the language embodiment]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2019, no. 2, pp. 243–253 (in Russian).
19. Kuznetsov Yu. A. *Leksiko-semanticheskoye pole smekha kak fragment russkoy yazykovoy kartiny mira*. Dis. kand. filol. nauk [Lexico-semantic field of laughter as a fragment of the Russian language picture of the world. Diss. cand. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2005. 215 p. (in Russian).
 20. Popova S. A. *Mental'naya struktura "smekh" v russkoy yazykovoy kartine mira (na fone angliyskoy)*. Dis. kand. filol. nauk [The mental structure of "laughter" in the Russian language picture of the world (against the background of the English one). Diss. cand. philol. sci.]. Novosibirsk, 2018. 223 p. (in Russian).
 21. Gabrielyan A. A. *Leksiko-semanticheskoye pole emotsional'nykh kontseptov smile, laugh v angliyskom yazyke* [Lexico-semantic field of emotional concepts smile, laugh in English]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2015, no. 5, pp. 68–78 (in Russian).
 22. Mokiyeenko V. M., Nikitina T. G., Nikolayeva E. K. *Bol'shoy slovar' russkikh poslovits* [Big dictionary of Russian proverbs]. Ed. V. M. Mokiyeenko. Moscow, OLMA Media Grupp Publ., 2010. 1024 p. (in Russian).
 23. Mokiyeenko V. M. *Poslovitsa i pogovorka: ot terminologicheskogo plyuralizma k unifikatsii* [Proverb and saying: from terminological pluralism to unification]. *Literaturnaya i dialektnaya frazeologiya: istoriya i razvitiye (Pyatyie Zhukovskiyie chteniya): materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma k 90-letiyu so dnya rozhdeniya Vlasya Platonovicha Zhukova: v 2 tomakh. Tom 1. Sostavitel', otvetstvennyy redaktor V. I. Makarov. Tom 1* [Literary and dialectal phraseology: history and development (Fifth Zhukovsky readings): materials of the Intern. scientific sympos. to the 90th anniversary of the birth of Vlas Platonovich Zhukov: in 2 volumes. Vol. 1. Comp., ed. V. I. Makarov.]. Novgorod, NovSU Publ., 2011. Pp. 33–41 (in Russian).
 24. Ozhegov S. I. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: okolo 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100,000 words, terms and phraseological expressions] (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 4 November 2021).
 25. *Filosofskiy slovar' Sponvilya* [Philosophical Dictionary of Sponville] (in Russian). URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/sponville/index.htm> (accessed 4 November 2021).
 26. Stepin V. S. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Philosophical Encyclopedia] (in Russian). URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/page/about> (accessed 5 November 2021).
 27. Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational] (in Russian). URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-efremova/index.htm> (accessed 4 March 2021).
 28. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus] (in Russian). URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 8 November 2021).
 29. *Smekh* [Laughter]. *Noveyshiy filosofskiy slovar'* [The latest philosophical dictionary] (in Russian). URL: <https://gufo.me/dict/philosophy/> (accessed 3 November 2021).
 30. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language] (in Russian). URL: <https://lexicography.online/explanatory/dal/> (accessed 4 March 2021).
 31. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. Tom I. Leksicheskaya semantika* [Selected works. Volume I. Lexical semantics]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. 480 p. (in Russian).
 32. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya. Semanticheskyy, pragmaticheskyy i lingvokul'turologicheskyy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1996. 288 p. (in Russian).

Информация об авторе

Жукова Е. Ю., аспирант, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Zhukova E. Yu., postgraduate student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 23.01.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 23.01.2022; accepted for publication 29.03.2022

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'33

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-34-45>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СИМВОЛИКИ НЕКОТОРЫХ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ У БРИТАНЦЕВ И СЛАВЯН

Александра Аркадьевна Ким^{1,2}, Юлия Юрьевна Шаповалова^{3,4}, Виталий Евгеньевич Минеев-Ли^{5,6}

^{1,3,5} Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия

² Томский государственный университет, Томск, Россия

^{4,6} Педагогический колледж, Черняховск, Россия

¹ alexandrakim@hotmail.com

³ yulia-220@mail.ru

⁵ v.mineev.li@ipc39.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу и сравнению некоторых символических коннотаций британских и славянских базовых цветковых терминов.

Цель статьи – обсудить культурные и лингвистические общности и особенности некоторых цветковых терминов и разработать образовательный ресурс для таких дисциплин, как «Английский язык», «Русский язык для преподавания иностранным студентам», «Этнолингвистика» и «Лингвокультурология».

Материал и методы. В статье рассматриваются коннотативные значения британских и славянских фразеологических единств с компонентом цвета. В рамках исследования применяется междисциплинарный подход, который помогает установить важное место цветковых терминов в интерпретации лингвистической картины мира и подчеркнуть интегративную роль культуры. Мы консолидируемся с идеями Л. Блумфильда и Д. Лайонза относительно коннотативного значения в лингвистической семантике.

Результаты и обсуждение. Коннотативные значения цветковых терминов становятся культурными символами и служат знаками некоторых абстрактных концептов. Поскольку восприятие цвета относится к сенсорной сфере, слова, обозначающие цвет, легко трансформируются в характеристики эмоций, достоинств характера, поведения и внешности. Интерпретация цветковых терминов в их коннотативных значениях позволяет проникнуть в национальную ментальность. Коннотативные значения являются проявлениями индивидуализированных ситуаций, основанных часто на национальных культурных ценностях и на нормах социальной жизни. В рассмотренных примерах наблюдается, как правило, сужение основного (цветового) значения.

Заключение. В ходе сопоставительного исследования коннотативных значений базовых цветковых терминов были сделаны следующие выводы:

- 1) цвет может вызвать определенные эмоции, которые отражаются в языке в форме фразеологических единств с компонентом цвета;
- 2) различия в семантической структуре цветковых коннотаций в анализируемых языках объясняются национальными и культурными особенностями;
- 3) обращение к этимологии цветковых терминов и к историческим фактам позволяет порой установить зависимость цветового символа от практики;
- 4) цветковые термины занимают определенную нишу в языковой картине мира. Основными (универсальными) источниками происхождения цветковых терминов являются естественные природные объекты характерного цвета.

Ключевые слова: цветообозначения, символизм, коннотации, сопоставления, язык и культура

Для цитирования: Ким А. А., Шаповалова Ю. Ю., Минеев-Ли В. Е. Лингвокультурологические особенности символики некоторых цветообозначений у британцев и славян // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 34–45. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-34-45>

COMPARATIVE LINGUISTICS

LINGUOCULTURAL FEATURES OF THE SYMBOLISM OF SOME COLOR DESIGNATIONS AMONG THE BRITISH AND SLAVS

Aleksandra A. Kim^{1,2}, Yuliya Yu. Shapovalova^{3,4}, Vitaliy E. Mineyev-Li^{5,6}

^{1,3,5} Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

^{4,6} Teacher training college, Chernyakhovsk, Russian Federation

¹ alexandrakim@hotmail.com

³ yulia-220@mail.ru

⁵ v.mineev.li@ipc39.ru

Abstract

Introduction. The focus of this paper is the observation and comparison of several symbolic connotations of British and Slavic basic color terms.

Aim and objectives. The paper's aim is to discuss cultural and linguistic commonalities and peculiarities of a few color terms and prepare educational resource for different disciplines, such as English, Russian as a foreign language, ethnolinguistic and linguacultural studies.

Material and methods. This paper observes British and Slavic idioms with the component 'color' in its connotative meaning. A cross-disciplinary approach helps identify the essential place of color terms in interpreting linguistic picture of the world and emphasizes the integrative role of culture. We consolidate with ideas of L. Bloomfield and J. Lyons concerning connotative meaning in linguistic semantics.

Results and discussion. Connotative meanings of color terms often become cultural symbols and serve as signs of some abstract concepts. Since color perceptions relate to the sensory sphere, they are easily transferred to the characteristics of emotions, dignity of character, behavior, appearance. Interpretation of color terms in their connotative meanings will provide insight into the national mentality. Connotative meanings reflect individualized situations based on national cultural values and norms of social life. In provided examples the basic meaning of a color term is becoming usually narrower.

Conclusion. The comparative analysis of connotations of five color terms leads to following conclusions:

- 1) color is able to evoke certain emotions traced in languages in the form of idioms containing a color component;
- 2) differences in the semantic structure of color connotations in English and Russian are due to national and cultural peculiarities;
- 3) etymology of color terms and historical facts sometimes make it possible to establish the dependence of a symbol on practice;
- 4) the main (perhaps the most universal) source of color terms are natural objects with a characteristic color.

Keywords: color terms, symbolism, connotations, comparison, language and culture

For citation: Kim A. A., Shapovalova Yu. Yu., Mineyev-Li V. E. Lingvokul'turologicheskiye osobennosti simvoliki nekotorykh tsvetooboznacheniy u britantsev i slavyan [Linguocultural Features of the Symbolism of Some Color Designations Among the British and Slavs]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 34–45 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-34-45>

Введение

Цвет представляет собой часть окружающей нас действительности и присутствует во всех чувственно воспринимаемых явлениях и предметах. Белый и черный фактически не являются цветом, а именно хроматическим, или спектральным, цветом. Белый цвет полностью отражает солнечные лучи от поверхности предмета, а черный цвет полностью

их поглощает. Белый и черный цвета могут рассматриваться как категориальная оппозиция не только в физическом, но и в лингвокультурном смысле. Спектральные цвета можно рассматривать в виде цветовых категорий, обладающих лингвистическими, культурными и символическими конnotationями. В своих коннотативных значениях выявляются некоторые оппозиции на базе спектральных

цветообозначений, например, красный цвет в значении *запрещающий* и зеленый в значении *разрешающий*, ср.: красный и зеленый коридоры на таможне; цвета светофора.

Данная статья является продуктом коллективного исследования в рамках проектов таких дисциплин, как «Этнолингвистика», «Межкультурная коммуникация» и «Лингвокультурология» магистерской программы «Лингвокультурология», и посвящена анализу цветообозначений как символов культуры и языка на примере британцев и славян.

Работа имеет две цели исследования. Научная цель предполагает сопоставление лингвокультурных коннотаций некоторых (в основном хроматических) цветообозначений у британцев и славян для выявления культурных доминант. Цветообозначения как коннотативные конструкты составляют часть ассоциативного тезауруса, т. е., как считает Н. Уфимцева, когнитивную модель мира, изучение которой является смыслом изучения языков [1, с. 37].

Дидактическая цель преследует создание учебного ресурса для языковых образовательных программ по теме цветообозначений и культурной символики цвета, что в эпоху глобализации и индигенизации английского языка является весьма актуальным [2, с. 8].

Материал и методы

Заявленные цели исследования обращают нас к теоретическим проблемам семантики, одной из самых энigmatичных областей лингвистики. Еще в середине прошлого века Л. Блумфилд [3, с. 143–144] отмечал, что определение значений является самым уязвимым звеном в науке о языке, ведь даже если имеется общепризнанная и точная классификация, значения в том или ином языке с ней не всегда согласуются. Так, физика оперирует теорией световых волн различной длины, которые представляют шкалу цветового спектра. Но, несмотря на единый физический феномен, языки расчленяют эту шкалу по-своему и без определенных границ. Производство языковых форм зависит от ситуаций, однако двух идентичных ситуаций не существует, поэтому употребление единиц языка не может быть абсолютно единообразным. Объяснение этому явлению дает тот факт, что каждая ситуация сопряжена с различными компонентами, важнейший из которых – состояние говорящего (физическое, эмоциональное, нравственное и т. д.). Развивая свои идеи о значении языковой формы, Л. Блумфилд отмечает, что «очень многие языковые формы используются для более чем одной типичной ситуации» [3, с. 153]. Это характерно для цветообозначений, когда в различных ситуациях

прямое значение (именно цветовое) фактически отсутствует. Одним из важных проявлений неустойчивости значения ученый называет «наличие дополнительных оттенков значения», т. е. коннотацию [3, с. 156].

В тот же период времени Джон Лайонз, один из ведущих исследователей семантики, призывал аккурратно относиться к толкованию слова «значение», которое, по его мнению, может соответствовать связанным между собой разновидностям значения. Он противопоставил два вида значения: дескриптивное (или пропозициональное), недескриптивное (непропозициональное). Дескриптивное значение может быть истинным или ложным в зависимости от пропозиций. Его антипод – недескриптивное значение – является гетерогенным и менее центральным. По мнению ученого, оно включает «экспрессивный компонент», альтернативой которому он называет «аффективный», «attitudinal – аттитудный» (выражающий отношение говорящего), «эмотивный» компонент. Это значение служит не для описания, а для выражения общего мнения, отношения, эмоционального состояния, потому что оно все это аккумулирует. Экспрессивное значение – это разновидность значения, посредством которого некто выражает свое отношение, свои представления и чувства, а не описывает какое-то слово. Суть экспрессивного значения соответствует так называемому межличностному (или инструментальному, социальному и конативному) значению. Лайонз использует термин «конация», что означает ментальную способность выражать намерения, желания или волю осуществлять какое-то действие (от лат. *conari* – пытаться). Conation – the mental faculty of purpose, desire, or will to perform an action; volition, from Latin *conari* ‘to try’ [4].

Позднее начал использоваться термин «коннотация», который выражает не только эмоциональные и оценочные нюансы высказывания, но и включает дополнительные семантические и стилистические функции. Таким образом, коннотации связаны с прагматикой и отражают отношение к обсуждаемым предметам, а не их прямое описание. Теория коннотации как аспект семантики и прагматики получила развитие не только для лингвистики, но и для лингвокультурологии и культурологии [5, 6]. В статье А. И. Приходько коннотации рассматриваются в лингвокультурологическом контексте и распределяются по следующим культурно-маркированным значениям: «мотивационное, оценочное, эмотивное, которые и интерпретируются в семантическом пространстве культуры и соотносятся с культурно-национальными эталонами, стереотипами, выступающими как культурные знаки» [7, с. 93]. В работе Н. А. Востряковой [8, с. 6] актуализируются сходные компоненты в структуре

коннотации, только вместо мотивационного компонента предлагаются «экспрессивный, образный и стилистически маркированный» [8, с. 21]. Обычно визуальный компонент лексического или фразеологического значения рассматривают как более объективный и стабильный, а окказиональный компонент обусловлен индивидуальными особенностями говорящего.

Тем не менее денотативное и коннотативное содержания лексической или фразеологической единицы связываются благодаря основанию оценочной квалификации стилистической маркированности, которое обеспечивают ассоциативность и образность [9, с. 236]. Важно отметить, что коннотация образуется благодаря устойчивым признакам словоформы, однако эти признаки являются неосновными, несущественными и зависят от человеческого фактора – речевого поведения, коммуникативной ситуации, социальных норм и ценностей. Роль и статус собеседника часто определяют выбор языковых единиц и их стилистическое оформление.

В. А. Маслова называет культурные коннотации специфическими «созначениями культуры», т. е. «некоторого промежуточного образования», обеспечивающего онтологическое единство языка и культуры. Таким образом, культурная коннотация – это категория, «соотносящая две разные системы – язык и культуру – и позволяющая описать их взаимодействие» [10]. В этом смысле коннотация близка лингвокультуре, единице лингвокультурологии.

В данной статье применяется междисциплинарный подход, включающий лингвистику (в первую очередь лингвистическую семантику), культурологию, семиотику и историю. Кроме описательного метода используются методы контрастивной лингвистики и этимологический анализ. В статье методом сплошной выборки из различных источников (словари, художественная литература, статьи) получены фразеологизмы с коннотациями цветообозначений *серый, синий/голубой, зеленый, красный, желтый*, которые рассмотрены в соответствующих ситуациях в лингвокультуре британцев и славян. Для раскрытия коннотаций привлекались этимологические данные, исторический контекст, культурные и символические интерпретации. Далее проведен сопоставительный анализ англоязычных и славяноязычных фразеологизмов. Кроме указанных базовых цветообозначений рассмотрены языковые формы для обозначения многоцветности.

Интерпретация цветообозначений в их вторичных значениях, т. е. экспонентах культурных знаков, обеспечит проникновение в народный менталитет. Именно коннотативные значения цветообозначений часто становятся культурными символами и служат знаками каких-то отвлеченных понятий

[11, с. 511]. Поскольку цветовые восприятия относятся к чувственной сфере, они легко переносятся на характеристики эмоций, достоинства характера, поведения, внешности и т. д. Кроме своего основного значения цвет издавна наделялся целым спектром ассоциаций в зависимости от этнической принадлежности, места проживания, экономической деятельности, социальной организации и культурных ценностей носителей того или иного языка.

Результаты и обсуждение

Цветовой символизм широко представлен в западноевропейской геральдике, где присутствует пять тинктур (для финифтей и эмалей) и два металла (золото и серебро) в качестве покрытий гербов. Цвета соответствовали красному (червленый), голубому (лазурь), зеленому (зелень), черному (чернь) и фиолетовому (пурпур). В английской геральдике известны и дополнительные тинктуры, например оранжевая [12]. Каждая из геральдических тинктур имеет до девятнадцати символических интерпретаций, включая материальные, временные (времена года, дни недели, возраст) и абстрактные (душевные черты) понятия. Например, «зелень» символизирует изумруд, весну, сознание, терпение, надежду, зависть, разум [13, с. 108–109].

Серый. Промежуточным между белым и черным (ахроматическими цветами) в системе символических значений является цветообозначение *grey – серый*, представляющий нейтральный цвет, несущий дополнительное уничижительное значение в рассматриваемых культурах. Например, *серый человек* – это необразованный человек, *to feel grey* – серость в настроении, *grey day* – серые будни (возможная ассоциация с облачной и дождливой погодой, типичной для большинства районов Великобритании). В русской культуре отмечается также, что серый цвет обладает свойством быть незамеченным (серая мышь, серые тени). У этнических групп Британии серый цвет одежды, наоборот, более значимый. Погодные условия Британских островов известны частыми дождями и туманами, соответственно, материал одежды и в целом спектр красок выглядит серым, нейтральным, но различается по оттенкам *grey* (серый), *dark grey* (темно-серый), *dove grey* (серый цвет с голубоватым или розовым отливом), *pale grey* (светло-серый). Описание мужского наряда серого цвета как respectable, elegant и со вкусом хорошо представлено в художественной литературе. Этот цвет можно назвать «джентльменским» [14, с. 78]. Неотъемлемой чертой портрета как пожилой, так и молодой героини английских романов является серый цвет одежды или волос. Если женщина одета в платье серого цвета, то она, безусловно, дама [15, с. 15].

Значение серого цвета может быть в некоторых контекстах явно отрицательным. Например, в романе Д. Гришэма *Camino Island* слово *gray* приобретает значение «нелегальный, незаконный»:

...Again, we play in the gray, and when the crime is solved who cares? ...It looks as though you're asking me to do a job that could possibly involve getting into one of your gray areas, which is a euphemism for breaking the law. – ...Опять же мы оперируем нелегально (букв. – в серости), но, когда преступление раскрывается, кого это волнует? ...Похоже, вы просите меня выполнить работу, которая может включить попадание в одну из ваших серых зон, что является эвфемизмом для нарушения закона. (Перевод наш. – А. К., Ю. Ш., В. М.-Л.)

Таким образом, автор (Д. Гришэм) даже дает дефиницию сочетания «серые зоны/области» – «эвфемизм, обозначающий нарушение закона» [16, с. 78–79].

Таблица 1
Серый цвет: сравнение значений в русском и английском языках

Коннотативные значения	Английский	Русский
Символ преклонного возраста	Grey power – пожилые люди, oppressed group – угнетенные, a greybeard, grey hairs	
Символ скромности, неприметности, находящегося в тени	Grey eminence	Серая мышка, серый кардинал
Скучный, ничем не примечательный, меланхоличный	Grey day, to feel grey	Серый день, серые будни
Скрытый, нелегальный	The grey economy, grey area, in the gray	

Цветобозначение *grey* – *серый* шире представлено в англоязычной культуре (табл. 1) и, в отличие от русской культуры, может иметь положительное значение респектабельности.

Синий/голубой. Цветобозначение *blue* – синий, голубой в рассматриваемых культурах может иметь коннотативные значения возвышенных чувств и мечтаний, например, *Blue bird* (синяя птица) – символ счастья, голубые (чистые) души, голубая, или несбыточная, мечта. Тем не менее символизм синего цвета в английском языке имеет и отрицательный оттенок: *Blue Monday* – день невезения (букв. голубой понедельник, ср.: рус. понедельник – день тяжелый); *in a blue mood* – быть в плохом настроении, *to feel blue* – испытывать подавленность; *the air was blue* – букв. воздух голубой (имеется в виду от ругательств).

Английский термин происходит от протоиндоевропейского корня *bhle-was*, значения которого весьма широки: от светлого до темно-синего через такой промежуточный оттенок, как желтый. На этапе общеиндоевропейской общности из этого корня развился корень *bl-*, который лег в основу слов со значением «светлый» во многих европейских языках. Возможно, с ним соотносится старославянское слово *плавъ*, которое имеет соответствия в отдельных славянских языках, например, болгарское (*плав*), сербо-хорватское (*плав*), словенское (*plav*), украинское *блакыный* (голубой). Со временем значение «светлый» трансформировалось в значение «голубой» во многих индоевропейских языках, а церковно-славянское слово *плавый* обогатилось еще значением «светло-желтый». Параллели этому значению выявлены в чешском, словацком (*plavy*), польском (*plowy*), литовском (*palva*). Представляется возможным связать с этим корнем название масти лошадей «буланный», т. е. светло-желтый. Русское слово *плавый* пришло к форме *половый* для обозначения масти лошадей. Таким образом, следует констатировать сужение значения [8]. М. Фасмер выдвинул идею об этимологической связи данной славянской основы с сев. тюрк. заимствованием *bulan*, ср. тат. *болан* «олень» [7, с. 236].

На Британских островах существует общий термин для голубого и синего цветов – *blue*, который ассоциируется с небом и постоянством, недаром он рифмуется со словом *true* – верный [10, с. 53]. Отсюда возникла традиция иметь что-то голубое в одежде или аксессуарах жениха и невесты, например ленты.

Есть основания полагать, что синий цвет, в отличие от серого, больше ассоциировался с социально низким классом. Это объясняется чисто экономическим фактором – синие ткани были дешевле. Не случайно из синих тканей шили одежду для слуг и школьников, а потому к синему цвету стали относиться как к скучному цвету повседневности [17].

Британская колониальная эпоха породила словосочетание *Indian blue* для сине-фиолетового оттенка, который получали из индийского растения индиго. Коннотативное значение этого сочетания отражает эмоции печали и беспокойства [18]. Другое распространенное сочетание для обозначения оттенка синего *navy blue* (букв. «флотский синий») связано с представлением о Британии как о морской державе. Британия одна из первых среди держав ввела для моряков синий цвет, который сейчас принят во флоте всего мира. В Российском флоте, да и в других военных частях, в форме присутствуют синие и голубые оттенки, которые ассоциируются с военной дисциплиной, порядком и верностью.

Русский язык входит в число немногих языков мира, в которых имеются разные термины для светлого оттенка – голубой и темного оттенка – синий. Если происхождение голубого явно связывается со светлым цветом, то синий этимологически связан с древнеиндийским *suatas* ‘темный, черный’, хотя в словарной статье присутствуют и довольно светлые оттенки, соотносящиеся с общим корнем *сивый, сизый* [19].

В славянской и британской лингвокультурах синий – это не только водная стихия, но и загробный мир злых сверхъестественных существ [19]. *Сине море* может быть пристанищем чертей и чудовищ. У славян черта называли *синец*, а у британцев – *blue devil* [11, с. 209]. Помешательство и пьянство связывали с проделками дьявола – *напиться до чертиков, to be between the devil and the deep blue sea* (находиться в безвыходном положении, т. е. между двух огней) [11, с. 208–209].

Подводя итог анализа синего и голубого цвета в двух лингвокультурах, следует отметить большой размах в символических интерпретациях – от небесного спокойствия, верности и надежды (светлый) до скорби, смерти и нечистой силы (темный).

Таблица 2

Синий и голубой: сравнение значений в русском и английском языках

Коннотативные значения	Английский	Русский
Возвышенные чувства, мечты	Blue-sky ideas, blue bird	Голубая мечта
Аристократическое происхождение	Blue blood	Голубая кровь
Символ безликости, отсутствия женственности	Blue stocking	Синий чулок
Неудачный день (ассоциируется с понедельником)	Blue Monday	
Признак неожиданности	Out of the blue/out of a clear blue sky/a bolt from the blue	
Хандра, нечистая сила	To be in a blue funk, blue devils	
Представитель рабочей социальной группы	Blue collar worker	Голубые воротнички (из англ.)
Символ болезни, плохого самочувствия	Blue (pale, green) around the gills	
Темпоральное значение	Once in a blue moon	В кои-то веки
Признак упорства, эмоционального напряжения	Until blue in the face, to talk a blue streak – болтать без умолку	Работать до посинения
Признак безысходности	(to be) between the devil and the deep blue sea	

Из приведенного материала в табл. 2 видно, что английский язык богаче, чем русский, идиомами с компонентом *blue* – голубой/синий для выражения разных эмоциональных состояний.

Зеленый. В рассматриваемых лингвокультурах близким к цветообозначению ‘синий’ является ‘зеленый’. Это хорошо прослеживается в британской лингвокультуре. Существует характеристика кельтских языков как «сине-зеленых», насчитывающих более сорока терминов [10, 13, 20]. Так, в средневаллийском языке *glas* является макроцветообозначением для ‘зеленого’ и ‘синего’ цветов [21]. Подробный анализ цветообозначений в кельтских языках представлен в работах разных исследователей [10, 13, 20]. Таким образом, семантика цвета макросиний у кельтов связана с особенностью окружающей среды, например, естественных предметов синего цвета (река, вода), зеленого цвета (поля, холмы, растительность) [22].

Общеизвестно, что зеленый цвет – это символ жизни, здоровья, молодости, радости и изобилия, наивности, например: *зеленая молодежь, молодо-зелено, to be in the green* – быть полным энергии и эмоций, *to keep the bones green* – быть абсолютно здоровым, *to see green in someone's eye* – быть простаком [23]. В англоязычных странах зеленый цвет символизирует процветание, избыток и стабильность, нашедшие отражение в купюрах зеленого цвета, – *the long green* (наличные зеленого цвета), *green stuff* – зелень, т. е. деньги. Зеленый цвет является символом ревности и зависти в английском, а в русской культуре этот цвет настолько успокаивающий, «аж до зеленой тоски». Иногда зеленый цвет говорит о свободе действий человека (*to give somebody the green light* – дать кому-либо разрешение делать что-то) [24].

Говоря об этносах Британии, следует упомянуть ирландцев. Как известно, ирландцы носят зеленую одежду, разукрашивают лица, празднуя День святого Патрика, который являлся проповедником христианства. Он прославился тем, что использовал трилистник клевера для того, чтобы объяснять идею Троицы. Поэтому трилистник является одним из символов Дня святого Патрика, так же как и зеленый цвет, символизирующий жизнь и победу весны над зимой [25].

Еще одно значение зеленого цвета принадлежит этнической группе валлийцев, на флаге которых зеленый же цвет имеет символику идентичности государства, сохранения самобытных культурных традиций и особенностей. По преданию о сражении валлийцев против саксов в Северном Уэльсе, солдаты-валлийцы прикрепили лук-порей на свои шлемы для отличия от врага. Это предание породило эмблему Уэльса в виде зеленого лука-порея [26].

Таблица 3
Зеленый: сравнение значений в русском и английском языках

Коннотативные значения	Английский	Русский
Положительные характеристики	Have green fingers, green – fingered, have a green thumb, green winter – бесснежная, мягкая зима	Легкая рука; людской Семен как лук зелен (т. е. безгрешен, не испорчен пороками)
Символ природы	Green belt	Зеленая зона
Символ молодости, неопытности, незрелости, наивности	As green as grass, greener, be not as green as one is cabbage – looking	Молодо-зелено, быть не таким уж глупым
Признак отрицательных эмоций	Green with envy – завистливый, green eyed, look through green glasses – ревнивый	Тоска зеленая
Символ власти денег	Green power	Грины – деньги (из амер. англ.)
Символ разрешения, открытого пути	Green channel, green light	Зеленый коридор, зеленый цвет светофора

Идиомы с компонентом *green* – *зеленый* коррелируют в обеих лингвокультурах (табл. 3), однако в силу предметной специфики (цвет долларовых банкнот) английский язык обогатился коннотативным значением «власть денег».

Красный. Обратим внимание, что красный цвет чаще ассоциируется с кровью, а также с огнем, солнцем, спелыми фруктами и ягодами (яблоками, вишней), цветами (розами). Также верно, что красный считается цветом Англии и присутствует практически везде: телефонные будки и двухэтажные автобусы красного цвета, пожарные и полицейские машины. Национальная эмблема Англии – красная (алая) роза, что связано с определенными историческими событиями (война Алой и Белой роз). Красный цвет одежды тоже популярен: охранники Букингемского дворца в мундирах красного цвета, повседневные наряды королевы Елизаветы II [27].

В Британии не наблюдается лингвистически фиксированных различий для красного цвета вещей, волос человека (*red-haired* – рыжеволосый) и шерсти животных (*red fox* – рыжая лиса). Как следует из предложенного перевода на русский язык, эквивалентом английскому *red* в описании цвета волос и шерсти является, несомненно, «рыжий». Для уточнения рыжего тона англичане иногда добавляют слово *ginger* – имбирь (*ginger-red hair* – рыже-каштановые волосы). Желто-бежевый корень имбиря внедрился не только в британскую лингво-

культуру, но и в славянскую, иницировав образование таких цветовых оттенков, как «русый», «рыжий», «румяный», «ржавый». Значение «русый» появилось в русском благодаря метонимическому сдвигу: качество волос – цвет волос, ср. болг.: «тонкий, тонкорунный», сербск.: «волнистый, курдрывый» [28].

В основе русского термина для красного цвета лежит общеславянская основа **chrm-/*chrv-*, которая сохранилась в таких словах, как *червонный*, *червовый*, *чермный*, например, *Чермное море* для названия Красного моря в XI в., название карточной масти – *червы*. К XIV в. в славянских языках появляется еще один термин от индоевропейского корня **ker* через общеславянскую форму **krasa* ‘красота’, который приобрел значение ‘красный’. В лингвокультуре славян красный цвет символизирует красоту, праздник: в русских сказках встречаются сочетания «весна красна», «красна девица», «красно солнышко».

В русском и английском языках присутствуют фразеологизмы, где красный ассоциируется с кровью: *кровь с молоком* – о румянном лице, (*to take sb*) *red-handed* – застать кого-то на месте преступления, захватить с поличным, *to see red* – глаза налились кровью [29, с. 213, 228; 30, с. 624].

Слово «красный» вошло в русский политический дискурс со времен революции 1917 г., а затем Гражданской войны как символ коммунизма и власти рабочих и крестьян: Красная армия, Красный Октябрь – в противовес оппозиции, которую наделили белым цветом. Компонент «красный» появляется в разных сферах жизни при Советском Союзе: в топонимии (Красный проспект – в Новосибирске, улица Красноармейская – в Томске), в названиях промышленных предприятий и продуктов (фабрика «Красная звезда», конфета «Красная Москва»). Это цветовое обозначение становится стереотипом для всего советского и коммунистического.

Таблица 4
Красный: сравнение значений в русском и английском языках

Коннотативные значения	Английский	Русский
Символ красоты, силы, здоровья	As red as a cherry, red coats – красный мундир (прозвище английских солдат)	Красная девица, кровь с молоком, Красная армия
Символ праздника, особой даты, торжества	A red-letter day, red carpet	Красный день календаря, красная дорожка
Эмоциональное состояние бесшабашности	I painted the town red – я ушел в загул	

Окончание табл. 4

Таблица 5

Коннотативные значения	Английский	Русский
Эмоциональные состояния: смущение, стыд, волнение	To get/have a red face, to become red in face	Покраснеть как маков цвет, покраснеть до самых ушей, заливаться румянцем
Символ агрессии, гнева, опасности, запрета	To see the red light – предчувствие беды, it's like a red rag to a bull – как красное для быка	Пустить красного петуха – совершить поджог
Бюрократический	Red tape	–
Ментальное значение	–	Красное словцо – меткое выражение, остроумие
Темпоральное значение	To take red eye – ночной или очень ранний рейс	Вставать на заре
Ерунда, недостойное внимания	Red herring – чепуха	–
Символ праздника	A red-letter day, Red carpet, red carpet treatment – относиться как к звезде	Красный день календаря, красная дорожка
Значения в бизнесе	To be in the red – нести убытки, a red cent – медный грош	Красная цена – самая высокая цена

Желтый: сравнение значений в русском и английском языках

Коннотативные значения	Английский	Русский
Сенсационная (часто дешевая) газетная, справочная информация	Yellow journalism, yellow pages	Желтая пресса, желтые страницы
Трусливый	Yellow-belly, yellow dog, амер. yellow streak – предательский	
Символ безрадостного		Желтая тоска, желтая жизнь
Имеющий отношение к болезни	Yellow fever, yellow jack, yellow flag – quarantine flag – карантинный флаг	Желтая лихорадка

Компонент *yellow* – *желтый* представлен в английских и русских идиомах преимущественно отрицательного характера (табл. 5).

Многоцветность/пестрота. На Британских островах существует этническая группа шотландцев (горцев), известная тем, что национальным мужским костюмом является *килт* (национальная юбка в клетку) с большим количеством складок и оттенков цветов, которые обозначали принадлежность к определенному клану. Протообразом килта являлся *тартан*, который носили воины-викинги. Это отрез шерстяной ткани, рисунок которого состоял из множества геометрических фигур, образованных пересекающимися линиями. Принты ткани имели различные размеры и цвета. Каждый род, семейный клан обладал тартаном с индивидуальным цветом и сочетанием линий. Чужака могли определить по тому, что именно было на нем надето. В наше время известно около семи сотен геометрических орнаментов, образованных линиями так называемых сетов. В период государственного закона, запрещавшего носить килт, огромное количество вариаций рисунков было утрачено [32].

История термина насчитывает более тысячи лет и восходит к III в. н. э. Насчет этимологии термина существуют разногласия: от французского *tiretaine* – ‘грубая шерстяная ткань’ до кельтского *tur tan/tuar tan* – ‘цвет местности’ или *tarsainn* ‘накрест’, ‘поперек’. Изначально *тартан* описывался в различных источниках как «однотонный», а многоцветная ткань начала свое происхождение в горах Шотландии и именовалась горцами на гаэльском языке *бреаканом*, т. е. многоцветьем. Функционально тартан и бреккан использовались одинаково, поэтому не удивительно, что со временем эти два значения объединились, а сочетания цветов получили дополнительное символическое значение [23]. Согласно англо-шотландскому гаэльскому

Итак, компонент *red* – *красный* широко представлен в коннотативных значениях положительного и отрицательного характера, однако в русском языке преобладают фразеологизмы позитивной направленности (табл. 4).

Желтый. В славянской и британской лингвокультурах цветообозначение *yellow* – *желтый* относится к цвету таких реалий, как солнце или колосья пшеницы. Символический смысл желтого – измена [28, с. 111]. В Британии и в России желтый цвет имеет отношение к болезням: при эпидемии желтой лихорадки британские корабли поднимали *the Yellow Jack* – желтый флаг как предупреждение об опасности; эвфемизм «желтый дом» использовался для психиатрических лечебных заведений.

Значение желтого цвета одинаково связывается с информационными изданиями в обеих лингвокультурах: *Yellow Pages* – желтые страницы, *Yellow press*, *Yellow rag* – желтая пресса [31, с. 594]. В славянской лингвокультуре *желтый* употребляется в значении чего-то плохого, безрадостного. Другая негативная коннотация желтого – ревность и предательство: Иуда изображается в желтой одежде [20, с. 203].

словарю (An English-Scottish Gaelic Dictionary, incorporating Dwelly), гаэльское слово *breacan/breac* этимологически связано со словами естественного разноцветья, например, с веснушками, пестрыми птицами, окраской форели разного вида [33]. В этот ряд можно включить *сыть осны* [34].

Интересную типологическую параллель по значению 'многоцветный', а точнее, «пестрый» предлагают славянские языки, например, др.-рус., ц.-слав. *пѣстръ*, аналогичные лексемы есть в чешском, польском, словацком, болгарском. К этому же ряду относится название форели – *пеструха*. Родственными словами являются литовское *peĩsas* «пятно от сажи», др.-инд. *pēças* «форма, вид, цвет, пестрый» [30, 35]. Существует мнение, что форма *pьstrъ* относится к форме *pis/fish, is/iasq* (при утрате *р- в пракельтском), например, по-польски *pstrąq* 'форель' принадлежит к тому же гнезду [27, 36]. Можно определенно сказать, что слова со значением «пестрый» этимологически связаны с естественными неоднотонными реалиями, что, скорее всего, является лингвистической универсалией.

В настоящее время выделяют два узора, которые имеют названия: Блэк Уотч (черно-зеленая клетка) характерен для военных в повседневной жизни; Дресс Гордон (бело-зеленая клетка) характерен для праздничных ситуаций. Экономика производства красителей наложила отпечаток на символизм социальных отношений: чем больше цветов на тартане, тем выше статус владельца. Самый низкий статус имели слуги (черный тартан), фермеры одевались в двуцветные одежды, офицеры носили трехцветные килты и так далее. Интересно отметить, что поэты имели право на шесть цветов, почти как вожди (максимально семь цветов). С давних времен шотландцы использовали так называемый большой килт (юбка с накидкой), свободный конец которого накидывался на плечо; позже он превратился в «малый» (только юбка). Сейчас шотландцы носят килт в основном только на праздники, чтобы показать принадлежность к бесстрашным горцам [37].

Цветовые обозначения клеток на шотландских килтах тесно связаны с производством материи из овечьей шерсти и покраской ее естественными красителями. Черную краску получали из коры ольхи, зеленую – из василька, красную – из скального лишая, желтую краску – из папоротника и костенца или из березового сока, коричневую – из морских водорослей. Другими естественными красителями были вереск для оранжевого цвета, черника для фиолетового, ежевика для голубого. Кланов горцев проживали довольно дисперсно, поэтому растения региона определяли цвет тартанов [12]. Prestижность цвета соотносилась с трудовыми затратами в его получении. Больше всего усилий требовало получение красного красителя, да и другие

яркие краски были трудоемки. Таким образом, красные и вообще яркие цвета показывали важный статус одетого в такие цвета шотландца. Одежда темных тонов была незаметной на фоне природного ландшафта, а потому такие расцветки причисляли к особой группе «охотничьих» тартанов. Сходный орнамент у двух кланов свидетельствовал о родственных узах [23].

Итак, цвета тартанов несли сначала функциональную нагрузку – обозначали географическую локацию владельца (по месту получения естественных красителей) и социальный статус. В колониальное и постколониальное время цвета в тартанах обогатились новыми символами. Например, за тартанами с красным цветом закрепилось значение «боевых тартанов», так как на них кровь не столь заметна. В Канаде и США, где обычно проживает значительное количество кельтского населения, зеленые цветовые гаммы тартанов связывались с зеленью лесов и прерий, голубые – с цветом рек и озер, а желтые – с растениями сельского хозяйства [23].

Заключение

В результате проведенного сопоставительного изучения символики цвета на основе коннотаций, проявляющихся в ряде английских и русских фразеологических единств, можно отметить ряд положений:

1) цветообозначения занимают определенную нишу в языковой картине мира не только в первичной, но и во вторичной номинации. Характеристикой значения в первичной номинации цвета является денотативность, а во вторичной – ассоциативность;

2) поскольку коннотативные значения являются проявлениями индивидуализированных ситуаций, основанных часто на национальных культурных ценностях и нормах социальной жизни, различия и сходства в семантике цветовых русско- и англоязычных терминов отражают ассоциации двух лингвокультур;

3) в рассмотренных примерах наблюдается, как правило, сужение основного (цветового) значения, поскольку каждая коннотация является результатом проявления какой-то особой ситуации;

4) обращение к этимологии цветообозначений и к историческим фактам позволяет порой установить зависимость символа от практики: например, трудность производства красителя (красного) обуславливает его престижность и ценность, а география получения красителей становится значимой для этнической идентификации;

5) у рассмотренных цветообозначений основной (пожалуй, наиболее универсальный) источник появления – названия объектов природы с характерной окраской.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гураль С. К., Смокотин В. М. Язык всемирного общения и языковая и культурная глобализация // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 4–13.
2. Ufimtseva N. V. The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2014. № 154. Pp. 36–43.
3. Блумфилд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. С. 606.
4. Lyons J. Linguistic Semantics. An Introduction. Cambridge University Press, 1995. 376 p.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука. 1986. 143 с.
6. Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 766 с.
7. Приходько А. И. Коннотация в лингвокультурологическом контексте // Science and Education a New Dimension: Philology. 2014. № II (1), Issue 17. P. 92–96.
8. Вострякова Н. А. Коннотативная семантика и прагматика номинативных единиц русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998. 24 с.
9. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 681. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 21.05.2021).
10. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2007. 204 с.
11. Похлебкин В. В. Словарь международной символики и эмблематики. М.: Центрполиграф, 2004. 543 с.
12. Килты: что это такое? URL: https://manrule.ru/odezhda/kilt/#h2_629055 (дата обращения: 28.05.2021).
13. Lazar-Meyn H. A. Colour terms in Ta'in bo' Cu'alnge // Language contact in the British Isles: Proc. of the 8th international symposium on language contact in Europe. Douglas, Isle of Man, 1988 / ed. by P. S. Upeland and G. Broderick. Tuebingen, 1991. Pp. 105–110.
14. Durrell G. My Family and other Animals. Puffin Books, 2006. 387 p.
15. Bates H. E. The Darling Buds of May. Penguin readers, 2008. 58 p.
16. Grisham J. Camino Island. Tupelo, 2017. 290 p.
17. Кубрякова Е. С. Динамическое представление системы языка // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 217–261.
18. Василевич А. П. Синий, синий, голубой... или Всегда ли слово было изгоем. URL: <https://archangels.ucoz.org/forum/15-36-1> (дата обращения: 12.05.2021).
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1972. Т. I (А–Д). 1964. 562 с. Т. II (Е–М). 671 с. Т. III (М–С). 1971. 827 с. Т. IV (Т–Я). 1973. 852 с.
20. Lazar-Meyn H. A. The colour system of the modern Celtic languages: Effects of language contact // Language contact in the British Isles: Proc. of the 8th international symposium on language contact in Europe. Douglas, Isle of Man, 1988 / ed. by P. S. Upeland and G. Broderick. Tuebingen, 1991. P. 202–210.
21. Geiriadur prifysgol cymru: A dictionary of the Welsh language. Caerdydd, 1950–2002. 523 p.
22. Ирландский зеленый. URL: <https://wm-help.net/lib/b/book/181250650/71> (дата обращения: 23.05.2021).
23. Символическое значение цвета в английской культуре. URL: https://studbooks.net/2100247/literatura/simvolicheskoe_znachenie_tsveta_angliyskoj_kulture (дата обращения: 16.05.2021).
24. New Oxford Dictionary of English. Oxford University Press, 2001. P. 2160.
25. Геральдика: язык для просвещенных. URL: <https://naukatehnika.com/geraldika-%E2%80%94yazyik-dlya-prosveshhennyix.html> (дата обращения: 12.05.2021).
26. Флаг Уэльса. URL: https://flagof.ru/flagi_stran/uehls/ (дата обращения 28.05.2021).
27. Какую роль играет красный цвет в жизни англичан. URL: <http://www.microanswers.ru/article/kakyju-rol-igraet-krasnij-tsvet-v-zhizni-anglichan-i-v-istorii-anglii.html> (дата обращения: 28.05.2021).
28. Гвоздарев Ю. А. Рассказы о русской фразеологии. М., 1988. 192 с.
29. The Dictionary of Prase and Fable by E. Cobham Brewer. L., 1971. 512 p.
30. Лаенко Л. В. От семантики цвета к социальной семантике языка (на материале английских и русских прилагательных, обозначающих цвет): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1988. 213 с.
31. Ott R. Again the *u-Stems in Common Slavic // Journal of Slavic Linguistics. № 4 (2). 1996. P. 312–343.
32. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. М.: Русский язык, 1993. Т. 1. 624 с.
33. Am Faclair Beag – Scottish Gaelic Dictionary. URL: <https://www.faclair.com> (дата обращения: 28.05.2021).
34. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com> (дата обращения: 12.05.2021).
35. Алимбиева Р. В. Семантическая структура слова «белый» // Вопросы семантики. 1976. № 2. С. 17–27.

36. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Каталог названий цвета в русском языке. М.: Смысл, 2002. 99 с.
37. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996. 416 с.

References

1. Gural' S. K., Smokotin V. M. Yazyk vsemirnogo obshcheniya i yazykovaya i kul'turnaya globalizatsiya [The language of world communication and linguistic and cultural global]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 1 (25), pp. 4–13 (in Russian).
2. Ufimtseva N. V. The Associative Dictionary as a Model of the Linguistic Picture of the World. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 2014, no. 154, pp. 36–43.
3. Blumfeld L. *Yazyk* [Language]. Moscow, Progress Publ., 1968. P. 606 (in Russian).
4. Lyons J. *Linguistic Semantics. An Introduction*. Cambridge University Press, 1995. 376 p.
5. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits* [The Connotative Aspect of the Semantics of Nominative Units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p. (in Russian).
6. Apresyan Yu. D. Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova [Connotations as part of the pragmatics of the word]. *Izbrannyye trudy. T. 2. Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. V. 2. Integral description of the language and system lexicography]. Moscow, Shkola "Yazyki russkoy kul'tury" Publ., 1995. 766 p. ISBN 5-88766-045-7 (in Russian).
7. Prikhod'ko A. I. Konnotatsiya v lingvokul'turologicheskom kontekste [Connotation in a linguocultural context]. *Science and Education a New Dimension: Philology*, 2014, vol. II (1), no. 17, pp. 92–96 (in Russian).
8. Vostryakova N. A. *Konnotativnaya semantika i pragmatika nominativnykh edinits russkogo yazyka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Connotative semantics and pragmatics of nominative units of the Russian language. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Volgograd, 1998. 24 p. (in Russian).
9. Yartseva V. N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 681 (in Russian). URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (accessed 21 May 2021).
10. Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, Akademiya Publ., 2007. 204 p. (in Russian).
11. Pokhlebin V. V. *Slovar' mezhdunarodnoy simboliki i emblematiki* [Dictionary of international symbols and emblems]. Moscow, Tsentrpoligraf Publ., 2004. 543 p. (in Russian).
12. *Kilty: chto eto takoye?* [Kilts: what are they?] (in Russian). URL: https://manrule.ru/odezhda/kilt/#h2_629055 (accessed 28 May 2021).
13. Lazar-Meyn H. A. Colour terms in Ta'in bo' Cu'alnge. *Language contact in the British Isles: Proc. of the 8th international symposium on language contact in Europe*. Douglas, Isle of Man, 1988. Ed. by Upeland P. S. and Broderick G., Tuebingen, 1991. Pp. 105–110.
14. Durrell G. *My Family and other Animals*. Puffin Books, 2006. 387 p.
15. Bates H. E. *The Darling Buds of May*. Penguin readers, 2008. 58 p.
16. Grisham J. *Camino Island*. Tupelo, 2017. 290 p.
17. Kubryakova E. S. Dinamicheskoye predstavleniye sistemy yazyka [Dynamic representation of the language system]. *Gipoteza v sovremennoy lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1980. P. 217–261 (in Russian).
18. Vasilevich A. P. *Siniy, siniy, goluboy... Ili vsegda li slovo bylo izgozem* [Dark blue, dark blue, blue... Or has the word always been an outcast] (in Russian). URL: <https://archangels.ucoz.org/forum/15-36-1> (accessed 12 May 2021).
19. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Progress Publ., 1972. Vol. I (A–D). 1964. 562 p. Vol. II (E–M). 1971. 671 p. Vol. III (M–S). 1971. 827 p. Vol. IV (T–YA). 1973. 852 p. (in Russian).
20. Lazar-Meyn H. A. The colour system of the modern Celtic languages: Effects of language contact. *Language contact in the British Isles: Proc. of the 8th international symposium on language contact in Europe*. Douglas, Isle of Man, 1988; Ed. by Upeland P.S. and Broderick G., Tuebingen, 1991. Pp. 202–210.
21. *Geiriadur prifysgol cymru: A dictionary of the Welsh language*. Caerdydd, 1950–2002. 523 p.
22. *Irlandskiy zelenyy* [Irish green] (in Russian). URL: <https://wm-help.net/lib/b/book/181250650/71> (accessed 23 May 2021).
23. *Simvolicheskoye znacheniyе tsveta v angliyskoy kul'ture* [The symbolic meaning of color in English culture] (in Russian). URL: https://studbooks.net/2100247/literatura/simvolicheskoe_znachenie_tsveta_angliyskoy_kul'ture (accessed 16 May 2021).
24. *New Oxford Dictionary of English*, Oxford University Press, 2001. Pp. 2160
25. *Geral'dika: yazyk dlya prosveshchennykh* [Heraldry: a language for the enlightened] (in Russian). URL: <https://naukatehnika.com/geraldika-%E2%80%94yazyk-dlya-prosveshchennykh.html> (accessed 12 May 2021).
26. *Flag Uel'sa* [Flag of Wales] (in Russian). URL: https://flagof.ru/flagi_stran/uehls/ (accessed 28 May 2021).
27. *Kakuyu rol' igrayet krasnyy tsvet v zhizni anglichan* [What role red colour takes part in life of the British] (in Russian). URL: <http://www.microanswers.ru/article/kakyju-rol-igraet-krasnyy-tsvet-v-zhizni-anglichan-i-v-istorii-anglii.html> (accessed 28 May 2021).
28. Gvozdev Yu. A. *Rasskazy o russkoy frazeologii* [Stories about Russian phraseology]. Moscow, 1988. 192 p. (in Russian).

29. *The Dictionary of Prose and Fable* by E. Cobham Brewer. L., 1971. 512 p.
30. Layenko L. V. *Ot semantiki tsveta k sotsial'noy semantike yazyka (na materiale angliyskikh i russkikh prilagatel'nykh, oboznachayushchikh tsvet). Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [From the semantics of color to the social semantics of language (on the material of English and Russian adjectives denoting color). Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Saratov, 1988. 213 p. (in Russian).
31. Orr R. *Again the *u-Stems in Common Slavic*. *Journal of Slavic Linguistics*, 1996, no. 4 (2), pp. 312–343.
32. Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: 13 560 slov*. T. 1 [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: 13 560 words. Vol. 1]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1993. 624 p. (in Russian).
33. *Am Faclair Beag – Scottish Gaelic Dictionary*. URL: <https://www.faclair.com> (accessed 28 May 2021).
34. *Online Etymology Dictionary*. URL : <http://www.etymonline.com> (accessed 12 May 2021).
35. Alimpiyeva R. V. Semanticheskaya struktura slova “belyy” [Semantic structure of the word “white”]. *Voprosy semantiki*, 1976, no. 2, pp. 17–27 (in Russian).
36. Vasilevich A. P., Kuznetsova S. N., Mishchenko S. S. *Katalog nazvaniy tsveta v russkom yazyke* [Catalog of color names in Russian]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 99 p. (in Russian).
37. Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznaniye* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, 1996. 416 p. (in Russian).

Информация об авторах

Ким А. А., доктор филологических наук, доцент, профессор, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061); Научный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 30, г. Томск, Россия, 634050).

Шаповалова Ю. Ю., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061); преподаватель, ГБУ КО ПОО «Педагогический колледж» (пер. Суворова, 2, Черныховск, Россия, 238158).

Минеев-Ли В. Е., студент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061); начальник отдела мониторинга и оценки качества образования, преподаватель, ГБУ КО ПОО «Педагогический колледж» (пер. Суворова, 2, Черныховск, Россия, 238158).

Information about the authors

Kim A. A., Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061) and Tomsk State University (pr. Lenina, 30, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Shapovalova Yu. Yu., student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); teacher of the Department of Pedagogy and Methodology of Primary Education, Chernyakhovsk Pedagogical College (per. Suvorova, 2, Chernyakhovsk, Russian Federation, 238158).

Mineyev-Li V. E., student, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061); Head of the Department for Monitoring and Evaluating the Quality of Education, teacher at the Department of Pedagogy of Continuing Education, Teacher Training College, Chernyakhovsk (per. Suvorova, 2, Chernyakhovsk, Russian Federation, 238158).

Статья поступила в редакцию 02.06.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 02.06.2021; accepted for publication 29.03.2022

УДК 811.223.2 – 811.512.144
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДРЕВНИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ТАТСКОГО И КУМЫКСКОГО ЯЗЫКОВ

Гарун-Рашид Абдул-Кадырович Гусейнов

Дагестанский государственный университет, Махачкала, Россия, garun48@mail.ru

Введение. Ретроспективный анализ истории взаимоотношений татского и кумыкского языков еще не ставился предметом специального рассмотрения. Его хронологические и ареальные пределы – от древнейших контактов в переднеазиатском регионе на уровне праязыков до раннесредневековой эпохи существования Хазарского каганата на Восточном Кавказе.

Цель – предоставить в распоряжение исследователей татского языка необходимый историко-лингвистический материал, который ретроспективно отражает этапы его взаимоотношений с кумыкским языком, коррелирующие с основными задачами настоящего исследования. К ним относятся: 1) древнейший этап праязыковых отношений данных языков, связанный с воздействием прототюркского субстрата на праиранский язык; 2) древний этап (III–II тыс. до н. э.) рассматриваемых контактов северных и южных западноиранских языков, включая татский, обусловивших развитие в них второго (древнего) типа тюркского ротацизма; 3) связи ранне-средневековой (Хазарского каганата) эпохи, наследием которой являются гебраизмы кумыкского языка.

Материал и методы. Рассмотрение материала осуществляется на уровне различных синхронных срезов. При этом используются приемы сравнительно-исторического метода, а также лингвистической географии и ареальной географии.

Результаты и обсуждение. Наличие в праиранском вокализме прототюркского субстратного умлаута (обратной гармонии гласных) оказывается обусловленным контактами соответствующих праязыков в переднеазиатской зоне. К поздним (III–II тыс. до н. э.) их проявлениям относится ротацизм в северных и южных западноиранских языках, включая татский. Еще более поздней является общетюркская прогрессивная гармония гласных, известная обоим татским диалектам. К раннему Средневековью относится появление в кумыкском языке ощутимого числа гебраизмов (заимствований из древнееврейского языка) хазарской эпохи.

Заключение. К древнейшему уровню взаимоотношений татского и кумыкского языков относится наличие в праиранском вокализме прототюркского субстратного умлаута, развитие которого оказывается обусловленным контактами соответствующих праязыков в переднеазиатской зоне. Позднее (III–II тыс. до н. э.) в северных и южных западноиранских языках, включая татский, формируется ротацизм древнетюркский (булгарского типа). Еще позднее вследствие двуязычия с местными тюркскими языками в татском языке развивается общетюркская прогрессивная гармония гласных. В период раннего Средневековья в лексику кумыкского языка – наследника языковых традиций Хазарского каганата – проникает ощутимое число гебраизмов.

Ключевые слова: горские евреи, татские диалекты, субстрат, иранский, кумыкский, азербайджанский, гебраизм, Хазарский каганат

Для цитирования: Гусейнов Г.-Р. А.-К. О некоторых аспектах древних взаимоотношений татского и кумыкского языков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 46–55. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

ABOUT SOME ASPECTS OF ANCIENT RELATIONSHIPS OF TATI AND KUMYK LANGUAGES

Garud-Rashid A.-K. Guseinov

Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation, garun48@mail.ru

Introduction. A retrospective analysis of the history of the relationship between the Tat and Kumyk languages has not yet been the subject of special consideration. Its chronological and areal limits are from the oldest contacts in the North Asian region at the level of the pre-languages to the early medieval era of the existence of the Khazar Khaganate in the East Caucasus.

The aim is to provide the necessary historical and linguistic material at the disposal of Tati language researchers, which reflects the retrospective stages of its relationship with the Kumyk language, correlating with the main tasks of this study.

Objectives include: 1) the oldest stage of the pre-language relations of these languages, associated with the effect of the Proto-Turkic substrate on Prairan; 2) ancient (III–II thousand BC) – contacts of the northern and southern Western Iranian languages, including Tati, which led to the development of the second (ancient) type of Turkic rotacism in them; 3) connections of the early medieval (Khazar Khaganate) era, the legacy of which are the Hebraisms of the Kumyk language.

Material and methods. The material is reviewed at the level of various synchronous slices. At the same time, the methods of the comparative historical method, as well as linguistic geography and areal geography, are used.

Results and discussion. The presence in Prairan vocalism of the Prototurk substrate umlaut (reverse harmony of vowels) turns out to be due to the contacts of the corresponding proto-languages in the front Asian zone. Later (III–II thousand BC) their manifestations include rotacism in the northern and southern Western Iranian languages, including Tati. Even later is the general Turkic progressive harmony of vowels, known to both Tat dialects. By the early Middle Ages, the appearance of a noticeable number of Hebraisms of the Khazar era in the Kumyk language refers.

Conclusion. The oldest level of relations between the Tat and Kumyk languages includes the presence in the Prairan vocalism of the Proto-Turkic substrate umlaut, the development of which turns out to be due to the contacts of the corresponding forelanguages in the front Asian zone. Later (III–II thousand BC) in the northern and southern Western Iranian languages, including Tat, the ancient Turkic (Bulgarian) rotacism develops. Even later, due to bilingualism, the general Turkic progressive harmony of vowels is divided with the local Turkic languages in the Tati language. In the early Middle Ages, a noticeable number of Hebraisms – borrowings from the Hebrew language – penetrated the vocabulary of the Kumyk language.

Keywords: Mountain Jews, Tati dialects, substrate, Iranian, Kumyk, Azerbaijan, gebraizm, Khazar Khanate

For citation: Guseinov G.-R. A.-K. O nekotorykh aspektakh drevnikh vzaimootnosheniy tatskogo i kumykskogo yazykov [About Some Aspects of Ancient Relationships of Tati and Kumyk Languages]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 46–55 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-46-55>

Введение

Ретроспективный анализ истории взаимоотношений татского и кумыкского языков и их носителей – от древнейших контактов в переднеазиатском регионе на уровне праязыков до раннесредневековой эпохи существования Хазарского каганата на Восточном Кавказе – еще не становился предметом специального рассмотрения. Причем язык горских евреев, проживающих главным образом в Южном Дагестане (в районе Дербента), и татов-шиитов в Северо-восточном Азербайджане, включая Апшеронский полуостров, относится к юго-западным новоиранским, т. е. возникшим примерно с VIII–IX вв. н. э. [1, с. 17].

Что касается кумыкского языка, носители которого проживают на Восточном Кавказе, будучи и в настоящее время представленными как в Дагестане, так и в Чечне и Северной Осетии, то он также сложился еще в домонгольское время на болгаро(хазаро)-огузской основе. В Южном Дагестане носители кумыкского языка проживают в непосредственной территориальной смежности и с горскими евреями.

Примерно в ту же эпоху, особенно в VIII в., продолжают арабо-хазарские войны, когда соперники попеременно осуществляют вторжения на территорию нынешнего Дагестана и Закавказье, включая Иранский Азербайджан. При этом первое упоминание о хазарах (в форме *хасар*) в числе (тюркских) народов, проживающих и за Каспийскими воротами, имеет место под 569 г. сирийской хроники Захария Метиленского 570–571 гг., в основе сведений которой лежит информация, полученная от

людей, побывавших в «гуннских» (хазарских) пределах [2, с. 185, 100–101].

Материал и методы

Рассмотрение материала, включающего и кумыкские фольклорные тексты, осуществляется на уровне различных синхронных срезов посредством приемов сравнительно-исторического метода (внутренняя и внешняя реконструкция), а также лингвистической географии и ареальной географии. Использовались также приемы сопоставительно-исторической методики. При их помощи лексические факты неродственных языков рассматриваются в диахронном отношении.

Результаты и обсуждение

Интерес к истории, культуре и языку горских евреев (татов) усиливается с каждым годом, как о том свидетельствуют, в частности, статьи, опубликованные в местных научных изданиях последних лет [3]. Причем носители этого языка обычно относятся к числу поселенцев из внутренних районов Ирана, которые с установлением в конце IV в. н. э. власти Сасанидов появились в Закавказье, включая Албанию, а также в Южном Дагестане и Дербенте, где поселение татов в последнем регионе связывается со временем Сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана (531–579) [4, с. 19]. Именно в эту эпоху в регионе становятся известны хазары и еврейские общины, проживавшие на контролируемой ими территории, включая нынешний Дагестан, а также сведения о том, что примерно в 740 г. Булан (Сабриэл) – один из хазарских

военачальников – перешел в иудаизм, который становится государственной религией в каганате [5, с. 362, 364].

Вместе с тем со сравнительно давних времен бытует точка зрения Всеволода Миллера о происхождении татов от евреев, переселившихся на Кавказ не позднее VII в. [6, с. I–XVIII]. Известно также мнение М. И. Артамонова [5, с. 265], который считал, что евреи попали на Восточный Кавказ после подавления маздакитского движения в Иране (около 531 г.). Первой точкой зрения, в принципе, руководствуется И. Г. Семенов [7, с. 35–36], полагая, что «наиболее надежным ориентиром в поисках области, из которой евреи были переселены на Восточный Кавказ, является язык горских евреев». Таковой он считает Вавилонию, которая, однако, не была ираноязычной, или сопредельные с нею области Ирана, имея в виду, что еврейско-татский язык сформировался на территории Малой Мидии (современный Иранский (Южный) Азербайджан), откуда они при последних персидских царях из династии Сасанидов были переселены на Восточный Кавказ (Всеволод Миллер). С другой стороны, он полагает, что «в основе еврейско-татского языка лежит среднеперсидское наречие, которое имеет юго-западно-иранское происхождение».

Однако древний мидийский язык считается северо-западным иранским языком, к числу современных представителей которого относится в числе прочих язык тати, который изредка называют южнотатским в отличие от татских идиомов Кавказа. Данный язык обнаруживает определенную близость к талышскому языку и рассматривается как один из потомков (иранского) языка азера [8]. Иранская генетическая принадлежность последнего нуждается, по нашему мнению, в дополнительном рассмотрении ввиду известности мнения о его тюркоязычности, что не входит, однако, в число задач данной работы.

Как полагают А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова [9, с. 232], ведущими свое происхождение «от персидских гарнизонов, создававшихся на границах империи при последних Сасанидах в период войн с хазарами за обладание Дербентом», наоборот, являются таты-мусульмане – носители южного диалекта татского языка. По их мнению, предположение Миллера о происхождении предков татов-иудеев (горских евреев) «от евреев, переселившихся на Кавказ не позднее VII в., является спорным, так как есть немало исторических и языковых свидетельств того, что эта группа татов также автохтонна и иудейская религия проникла к ним в сравнительно позднее время».

В связи с вышеизложенным *цель* данного исследования заключается в том, чтобы предоставить в

распоряжение исследователей татского языка (в контексте вышеупомянутого вопроса об области первоначального расселения горских евреев и татов) необходимый историко-лингвистический материал, отражающий ретроспективные этапы его взаимоотношений с кумыкским языком, коррелирующие с основными *задачами* данного исследования. При этом выделяются: 1) древнейший этап праязыковых отношений данных языков, связанный с воздействием прототюркского субстрата на праиранский; 2) древний этап (III–II тыс. до н. э.) – контактов северных и южных западноиранских языков, включая татский, обусловивших развитие в них второго (древнего) болгарского типа тюркского ротацизма; 3) связи раннесредневековой (Хазарского каганата) эпохи, наследием которой являются гебраизмы кумыкского языка.

Кроме того, как уже было отмечено в предшествующем изложении, татский язык относится к юго-западным иранским языкам, древнейшим представителем которых является древнеперсидский язык, продолжением – среднеперсидский, являющийся предшественником новоперсидского [1, с. 14]. Соответственно, данный язык, будучи близким в грамматическом и лексическом отношении к новым персидскому и таджикскому языкам, отличается от них (северный диалект) более архаичной структурой (чем, по мнению других исследователей, подтверждается мнение Вс. Миллера и В. Ф. Минорского о татах как западных иранцах, мигрировавших из Ирана при последних (VI–VII вв.) Сасанидах [9, с. 233]). Лексические же отличия еврейского диалекта от персидского являются более существенными, чем у мусульманских говоров, в силу наличия значительного пласта усвоенных из древнееврейского [9, с. 232].

При этом в развитии тезиса И. Г. Семенова о языковом подходе в «поисках области, из которой евреи были переселены на Восточный Кавказ», следует, на наш взгляд, обратить в первую очередь внимание на макроскопический (хронологически удаленный) аспект рассматриваемого вопроса. Он связан с тем, что распад индоарийской общности, из которой выделяются иранские языки, относится к периоду не позднее IV в. до н. э. и не раньше первой половины III в. до н. э. (что соответствует времени существования общеиранского состояния, которое имело место «не позднее рубежа III–II тыс. до н. э.» [10, с. 87]), когда носители индоиранских диалектов только появляются в северной (!) части Иранского нагорья. В конце II – начале I тыс. до н. э. восточные иранцы расселяются с территории переднеазиатской индоевропейской прародины, которая локализуется на Ближнем Востоке, в областях Средней Азии и Афганистана, и только не позднее X в. до н. э. ираноязычное (носители буду-

щих западноиранских (!) языков) население оказывается известным в историческом Западном Иране [11, с. 871, 914, 917, 920].

При этом с учетом недавно высказанной гипотезы о переднеазиатской локализации тюркской прародины и сохранении древнего прототюркского (праалтайского) субстратного ядра в нынешнем центральном Иране [12, 13] в соответствии с известным положением В. И. Абаева [14, с. 60], согласно которому «языковой субстрат выявляется как совокупность закономерных ошибок, которые делают носители побежденного языка, переходящие на новый язык», представляется возможным предполагать отражение тюркского субстратного воздействия в фонетике иранских языков. И речь в данном случае идет об умлауте (обратной гармонии) системного характера, известном в древнеиранском вокализме.

Не случайно данное явление наблюдается в различных по хронологии и ареальным характеристикам иранских языках. Речь идет о древнем, возможно, восточноиранском авестийском, среднеиранских – северо-восточном сакском и юго-западном среднеперсидском, а также об уже упоминавшихся новых юго-западных персидском и таджикском, северо-западных иранских языках, в частности курдском, в той или иной степени других иранских и особенно широко – восточных памирских [15].

Что касается более поздней собственно тюркской эпохи в ее отношении к хазарской проблеме, то чрезвычайно важным представляется взгляд на нее И. Л. Кызласова [16, с. 252]. Этот известный тюрколог, приняв во внимание упоминание хазар в VI в. н. э. у Захария Ритора, а также имплицитно придерживаясь высказанного А. В. Дыбо [17, с. 65–66] понимания пратюркского языка как языкового состояния, существовавшего до отделения болгарской группы – в 100–0 г. до н. э. – и связывающегося с миграцией части азиатских гуннов *сюнну* из Западной Монголии на запад, полагает, что отделение болгарской группы могло иметь место от 120 г. до н. э. до рубежа эр и даже немного раньше. И самое главное – могло не быть связанным, как традиционно полагают, с пределами Центральной Азии. Тем более что, «исходя из представлений о прародине тюркских народов в Центральной Азии, исследователи неоднократно пытались отыскать там следы пребывания хазар и болгар. Старания оказались безуспешными». Разделение тюркских народов на западных и восточных произошло еще в древние времена, что отразилось в известных с VIII в. различиях в письменности, а также в культурной жизни, включая особенности их языческой религии.

В конечном счете, на его взгляд: «Хазаро-болгарский мир когда-то протуберанцем отделился от

прототюркского ядра и долго пребывал вне контактов с прочими тюркскими народами. Восточно-тюркский мир, продвигаясь на запад, поглотил некогда отделившихся старообрядцев – уцелели только чуваша» [16, с. 252, 253]. Именно они продвинулись в сравнительно недавнее историческое время с территории Северного Кавказа в нынешнюю область своего проживания – Поволжье, и отличительной чертой их языка является ротацизм, неизвестный прочим тюркским языкам.

И подобной, но гораздо менее древней, чем умлаут, тюркской субстратной чертой татского языка является ротацизм – переход древнего поствокального $t > r$ (ср. *diran* – перс. *didan* «видеть» и др.), характерный для болгарского (чувашского) языка. Причем данное явление уже рассматривалось как свидетельство более глубокого и древнего тюркского (хазарского) фонетического влияния на татский, обусловленного его давними отношениями с кумыкским языком, но без специальной, в том числе теоретической, мотивации [4, с. 21] при известности иных его интерпретаций, которые будут рассмотрены в последующем изложении.

Не случайно А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова, говоря о том, что «татский язык принадлежит к юго-западной группе иранских языков и по своему грамматическому строю и лексическому составу близок к языкам персидскому и таджикскому», отмечают данный процесс как переход поствокального $*d (< *t) > r$ (ср. *джухур* – самоназвание горских евреев) в качестве «наиболее важной историко-фонетической особенности татского языка по сравнению с персидским и таджикским». Они же вполне обоснованно, на наш взгляд, отвергают принадлежащие В. Ф. Минорскому и основанные на ротацизме татского сближения, с одной стороны, с (северо-западными, притом что татский относится к юго-западным, «бытовавшим в древности на крайнем юго-западе территории распространения иранских языков (область Парса)» [1, с. 98]) прикаспийскими языками, указывая на то, что «ни в тальшском, ни в гиланском, ни в мазандеранском ротацизм не представляет собой широко распространенного явления» [9, с. 232]. С другой стороны, что также немаловажно, отмечают, что «ротацизм иранских заимствований в армянском... имеет мало общего с татским ротацизмом: арм. r соответствует др.-ир. $*d$, татское же $r < *t$ ».

Они же вполне обоснованно, если принять во внимание вышеизложенное, указывают на то, что «наличие ротацизма – одно из свидетельств довольно раннего выделения татского из юго-западной общности (до того, как осуществился переход $\delta > d$)» [9, с. 232–233, 246]. Вместе с тем следует отметить, что при всей схожести языка тати с остальными северо-западными иранскими языками

ряд его диалектов также характеризуется развитием ротацизма [8], присущего, как уже отмечалось, и собственно татскому, что нуждается, в принципе, в дальнейшем осмыслении, имея в виду территорию, занимаемую его носителями.

Кроме того, известный российский иранист Д. И. Эдельман обратила внимание на то, что данное явление известно не только юго-западным, как татский, но и диалектам кумзари (на южном берегу Ормузского пролива) и башкарди (северного диалекта), который занимает исторически самостоятельную позицию среди юго-западных иранских языков, притом что «для персов башкардские говоры в значительной степени непонятны» [1, с. 26, 106] (в области, прилегающей к юго-восточному углу Персидского залива, будучи окруженными с юга носителями белуджского языка), и северо-западному тальшскому (в юго-западном Прикаспии), а также другим иранским языкам [18].

По ее мнению, данный процесс связан «с определенной типологией фонологических структур (в примечании 3, говоря о типологии переходов дентальных смычных согласных в l, r, автор отмечает ее известность «в разговорном английском языке, в русских диалектах и в других языках мира») и фонетических изменений: в тех иранских языках, где отсутствует или неустойчив фонологический статус глухой *θ, неустойчивым оказывается и статус звонкого (восточноиранского) звукотипа *δ (наследующего *d и *t в определенных позициях)». При этом, как отмечает Д. И. Эдельман, глухой щелевой *θ, восходящий к праарийскому глухому смычному придыхательному *th, оказывается присущим главным образом западноиранским языкам и лишь спорадически некоторым восточноиранским [10, с. 84, 92].

Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что в истории английского и других германских языков имеет место ротацизм иного типа – $s > z > r$ [19, с. 70, 82], как, впрочем, и в латинском [20, с. 74, 144]. Что касается русских диалектов, то для известных в них форм *сварьба* «свадьба», *усарьба* «кусадьба» и других первоначально допускалось, что они могут составить тему особого разыскания в плане восточнославянско-булгарских связей [21, с. 110]. Однако в дальнейшем Р. Ф. Касаткина [22, с. 119–121] показала, что подобные изменения в русских говорах не имеют контактной природы и обусловлены в основном особенностями артикуляции соответствующих смычных звуков в русском языке.

В пратюркском (булгарском) языке известно аналогичное вышеупомянутым иранским языкам явление, связанное с присущим ему так называемым вторым типом ротацизма, при котором (см. выше) *-δ- > -r- имеет место, за исключением

основ, содержащих r [17, с. 65]. Данный тип ротацизма является наиболее древним, о чем говорит его известность хазарскому языку как одному из болгарских, как, например, *oqyryt* «я читал» в хазарском письме X в. [23, с. 28, 62–63]. О другом известном подобном явлении (*тырун – тудун*) писал еще А. Н. Самойлович [24, с. 398–400].

Показательно, что именно в Закавказье известны и более ранние фиксации данного процесса, относящиеся к VII в. – отмеченному выше времени переселения евреев в эту область (см. в предшествующем изложении) – это хазарский титул *Toûdoûvos*, *tidun* в «Истории Алван», что еще раз подтверждает их контактный генезис. Эти же формы отложились и в языках Северного Кавказа и Дагестана (ср.: лак. *Turan-çi*, авар. *T'urar-aw/T'urur-aw/T'urul-aw*, (кум.-) чеч. *Turl-ow*), известны также булгаризмам иных дагестанских языков – лакского и лезгинских. Обращает на себя внимание и то, что еще более системно рассматриваемое явление отразилось на уровне внутренних структур одного из лезгинских языков – табасаранского [25, с. 27–28], что может указывать на их субстратную природу.

О достаточно давнем пребывании носителей хазарской (булгарской) речи в Закавказье свидетельствуют и иные, также аналогично системные, отличные от других тюркских языков, древние морфологические сходства, присущие чувашскому языку как наследнику болгарского (хазарского), северным и северо-восточным диалектам азербайджанского языка [16, с. 250, 251], ареально смежным языкам дагестанским. Причем оседание носителей хазарского (булгарского) языка в рассматриваемом регионе могло начаться в эпоху вышеупомянутых арабо-хазарских войн VII–VIII вв., когда имело место и переселение арабами хазар в Закавказье, в условиях, когда, как уже отмечалось, время переселения евреев на Кавказ также относится к VII в.

Кроме того, рассматриваемый тип ротацизма, как явствует из предшествующего изложения, оказывается характерным как для северных, так и для южных западноиранских языков, т. е. имеет западную зону распространения. Однако процесс «распада» общеиранского праязыка и выделения из него определенных языков, диалектов, групп и подгрупп не был единовременным, «одноактным», и время существования общеиранского состояния имело место, как уже говорилось в предшествующем изложении, «не позднее рубежа III–II тыс. до н. э.». И в основе разделения иранских языков – живых и вымерших – на «западноиранские» и «восточноиранские» лежит первичное расселение ираноязычных племен по отношению к соляным пустыням Иранского нагорья [10, с. 87, 89, 91], которые находятся в его внутренней части.

Следует отметить, что рассмотренными случаями фонетического влияния древних тюркских (булгарских) языков на татский и, в принципе, на некоторые дагестанские языки отнюдь не исчерпывается вышеупомянутый макроскопический (хронологически удаленный) аспект рассмотрения анализируемых явлений. Возможно, именно последним обстоятельством была обусловлена установленная в предшествующем изложении ареальная дистрибуция рассмотренной черты (вокализма), которая носит периферийный, окраинный (северный, западный и крайний юго-западный – см. выше) и более поздний, но также древний пратюркский (но не прототюркский, как умлаут) субстратный характер.

И последним гораздо менее древним следствием обратного воздействия на татский язык в лице обоих (северного еврейского и южного мусульманского) его диалектов является регрессивная (общетюркская) гармония гласных, возникшая, «по-видимому, под влиянием тюркских языков» [9, с. 239]. Подобное явление в силу меньшей проницаемости фонетических систем по сравнению с лексическими следует считать более глубоким, чем умлаут и ротацизм, возникшие в соответствующих иранских языках в гораздо более древние времена.

Учитывая то, что субстратные болгарские черты языка хазар обнаруживаются и в кумыкском языке [25, с. 51], данное обстоятельство позволяет рассматривать его в качестве одного из наследников хазарского. Не случайно исторические корни рассматриваемых взаимоотношений, реликты которых, включая языковые, о которых будет сказано в последующем изложении, до сих пор сохранились в кумыкской этнокультуре (в частности, предания о еврейском происхождении некоторой части кумыкских жителей сел Дёргели, Маджалис, Аракани и др. [26, с. 4–5]) и восходят в первую очередь к эпохе Хазарского каганата, официальной религией которого, как было отмечено в предшествующем изложении, был иудаизм.

В исторической памяти кумыков до сих пор сохранилась столица каганата Семендер, располагавшаяся в районе кумыкского селения Тарки, находящегося в настоящее время в черте г. Махачкалы, и некоторые другие культурные феномены и артефакты, связанные с хазарами. Ср.: отрывок «Семендерден алгъан янгы хараланы...» («В Семендере купленные новые шелка...») из кумыкской мифологической баллады «Ташгъа дёнген Аймеседу» («Окаменевшая Аймеседу») [27, с. 76]; посвященный борьбе хазар с арабскими завоевателями кумыкский героический эпос «Анжи-наме», в котором упоминаются имена языческих богов кумыков [28], где Анжи – кумыкское название района Махачкалы (в старых кумыкской и дагестанских народов традициях город именуется Анжи), где нахо-

дился Семендер, который осаждался в 713–714 гг. арабским полководцем Масламой [29, с. 165], а также Хазар – название Каспийского моря, кумыкский фразеологизм *хазар хазнасы* «хазарская казна» в значении «неиссякаемый источник денег», пословица «Хазар гетди – гетди хазна къумукъдан» («Ушли хазары – ушла казна от кумыков») и др.

Не исключено вместе с тем, что ввиду древнего соседства с горскими евреями, на что может указывать и отмеченная И. Г. Семеновым [7, с. 35–36] возможность знакомства хазар с иудаизмом через посредство восточнокавказских евреев, источником же многих гебраизмов – усвоений из древнееврейского языка – в кумыкском языке также мог послужить язык предков нынешних горских евреев.

Так, К. М. Алиев [26, с. 4–5] относит к числу соответствующих языковых свидетельств-гебраизмов такие формы, как *ибрай/ибрайлар* – этноним древних евреев, *аван болмакъ* «оказаться простаком» (др.-евр. *аван* «грех»), *лайсан (яйсан)* «праздник первого весеннего дождя» (др.-евр. название месяца *нисан*). Кроме того, возможными отголосками иудаизма он считает такие рефрены обрядовых песен, как *гъалилей, массай*. К ним следует присовокупить, на наш взгляд, предположительно *адаршай* «горе» (тебе, мне, ему и т. д.), *адаршай сагъа* «горе тебе» [30, с. 29].

К числу других пережитков иудаизма в кумыкском языке широкий круг авторов обычно относит уст. кум. *тёре* «суд; расправа» [30, с. 313], сравнивая его с *тора* (< др.-евр. *toiro*) «1. У евреев – первая часть Библии, т. н. Пятикнижие Моисеево. 2. Пергаментный свиток с текстом Пятикнижия, хранимый в синагоге» [31, с. 747]. На первый взгляд, слово действительно обнаруживает близость к кум. *тёре* (но при неясности отношения к *тёр* «почетное место в комнате», «красный угол») [30, с. 313]. Оно поддерживается аналогичным ног. *тоьре* и *тоьреши* «судья» при известности казах. *тоьре* 1. «ЧИНГИЗИД (потомок Чингизхана)»; 2. перен. «аристократ». Ср. средневековую фиксированную форму данного слова в тюркских языках – *törä* «закон, обычай», употребленную в одном из списков (XV в.) философской поэмы «Кутадгу билиг» уйгурского поэта XI в. Юсуфа Баласагуни, при известности другого значения – «почетное место в юрте», получившего отражение в словаре М. Кашгари того же XI в. [32, с. 580], что требует специального рассмотрения, не входящего в число задач данной работы.

Заключение

Анализ древнейших аспектов истории взаимоотношений татского и кумыкского языков позволяет прийти к заключению о бытовании в праиранском вокализме прототюркского субстратного

умлаута (обратной гармонии гласных). Его возникновение обусловлено древними контактами в переднеазиатской зоне локализации как индоевропейской прародины, так и, возможно, тюркской. Позднее к его проявлениям относится ротацизм в северных и южных западноиранских языках, носители которых расселяются в III–II тыс. до н. э. в нынешних пределах своего проживания. Последнее явление оказывается присущим татскому и небольшому кругу иных периферийных и ареально близких западных иранских языков и диалектов.

Не исключено вместе с тем, что вышеупомянутое явление в указанных выше языках, особенно в татском, имеет болгарское происхождение ввиду того, что регион Дербента как один из основных регионов проживания татов (горских евреев) явля-

ется исторически болгарской областью. Об этом свидетельствует, в частности, и ее топонимика [33, с. 62–63]. Явления аналогичного порядка известны и в других регионах распространения болгарских языков, будучи известными в некоторой своей части и средневековым памятникам кумыкского языка [34, с. 59–61].

Более поздний характер может иметь общетюркская прогрессивная гармония гласных, известная обоим татским диалектам. Ее развитие обусловлено двуязычием с местными тюркскими языками, по большей части, видимо, азербайджанским. В еще более позднюю раннесредневековую эпоху имеет место появление ощутимого числа гебраизмов в кумыкском языке – наследнике языковых традиций Хазарского каганата в регионе.

Список источников

1. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / ред. В. С. Расторгуева. М.: Наука, 1979. 387 с.
2. Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 217 с.
3. Мурзаханов Ю. И. К вопросу об этноязыковых контактах горских евреев с народами Северного Кавказа (по антропонимическим материалам) // История, археология и этнография Кавказа. 2021. Т. 17, № 1. С. 250–260. <https://doi.org/10.32653/СН171250-260>.
4. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. К истории горских евреев по данным взаимоотношений их языка с нахско-дагестанскими и древними тюркскими языками // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев» / ред. И. Г. Семенов. Дербент: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2009. С. 19–21.
5. Артамонов М. И. История хазар. 2-е изд. СПб.: Лань, 2001. 688 с.
6. Миллер Вс. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка (введение, тексты и словарь). СПб.: Тип. имп. Акад. наук, 1892. 90 с.
7. Семенов И. Г. О ранних контактах восточнокавказских евреев и хазар // Материалы Международного научного симпозиума «Горские евреи Кавказа» / ред. А. А. Аббасов, П. А. Аханчи, З. Т. Гилалов, Э. А. Керимов, М. Л. Микдаш-Шамаилова. Баку: Элм, 2002. С. 35–47.
8. Тати. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_\(язык\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_(язык)) (дата обращения: 25.07.2021).
9. Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки / ред. В. С. Расторгуева, В. А. Ефимов, Е. Н. Шарова и др. М.: Наука, 1982. 571 с.
10. Эдельман Д. И. Некоторые проблемы сравнительно-исторического иранского языкознания // Вопросы языкового родства. 2009. № 1. С. 81–94.
11. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. II. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
12. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Некоторые языковые и фольклорные материалы к вопросу о переднеазиатской прародине тюркских народов в контексте проблемы кумыкского лингвоэтногенеза // Труды и материалы Международной научной конференции «И. А. Бодуэн де Куртенэ и мировая лингвистика» / общ. ред. К. Р. Галиуллин, Е. А. Горобец, Г. А. Николаева. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2015. Т. 2. С. 89–92.
13. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Еще одно свидетельство локализации прародины тюрков в Передней Азии: бун-турки и хон(н)ы грузинских раннесредневековых хроник // Труды и материалы Международной научной конференции «Научное наследие В. А. Богородицкого и современный вектор исследований Казанской лингвистической школы» / общ. ред. К. Р. Галиуллин и др. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2018. С. 54–59.
14. Абаев В. И. О языковом субстрате // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. М., 1956. Т. IX. С. 57–69.
15. Пахалина Т. Н. О роли умлаута в истории развития вокализма иранских языков // Вопросы языкознания. 1977. № 4. С. 89–97.
16. Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в Средние века: сборник памяти Светланы Александровны Плетневой / ред. И. Л. Кызласов, У. Ю. Кочкаров, В. Н. Чхаидзе. М.: Авторская книга, 2016. С. 249–257.
17. Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период / отв. ред. Д. М. Насилов. М.: Наука, 2007. 223 с.

18. Гусейнов Г.-Р. А.-К., Мугумова А. Л. О некоторых (умлаут и ротацизм) аспектах древних ирано-тюркских фонетических отношений и вопрос об области первоначального распространения эндоэтнонима башкорт // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26, № 1. С. 199–201. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.31
19. Телегин Л. А., Телегина Д. А., Павлычева Е. Д. История английского языка: учеб. пособие для бакалавров. М.: Флинта, 2010. 155 с.
20. Тронский И. М. Очерки из истории латинского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 274 с.
21. Добродомов И. Г. Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // Вопросы языкознания. 1974. № 4. С. 106–115.
22. Касаткина Р. Ф. Эти странные вибранты (некоторые проявления апико-альвеолярных артикуляций в русском языке) // Семантика, лингвистика, поэтика: к столетию со дня рождения А. А. Реформатского / отв. ред. В. А. Виноградов. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 117–122.
23. Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / науч. ред. В. Я. Петрухин. М.; Иерусалим: Гешарим, 1997. 259 с.
24. Самойлович А. Н. Заметка об языке волжских болгар. ТУРУНЬ-ТУДУНЬ (Еще пример турко-болгарского ротацизма). Петроград: Типография Российской Академии наук, 1918. С. 398–400 // Отд. отд. из Сборника Музея антропологии и этнографии при Рос. акад. наук. 1918. Т. 5. Вып. 1. С. 355–400.
25. Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком / ред. Н. Х. Ольмесов. Махачкала: Алеф, 2010. 214 с.
26. Алиев К. М. О влиянии хазарских евреев на этнос и культуру кумыков // Тезисы докладов региональной научной конференции «История, историография и этнография горских евреев» / отв. ред. И. Г. Семенов. Дербент: Ин-т истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2009. С. 4–9.
27. Къумукъланы йырлары [Тизген А. Аджиев]. Магъачкъала: Дагъыстан китап басмаханасы, 2002. Т. 2. 459 с.
28. Абдуллатипов Абдулкадыр. Сказание о битве при Анжи как сокровищница древних тюркских символов и понятий кумыкского народа // Вести Кумыкского научно-культурного общества. Махачкала, 2002–2003. № 8–10. С. 48–53.
29. Таргу-наме. Лексикон / ред. и сост. К. М. Алиев. Махачкала: Новый день, 2001. 291 с.
30. Кумыкско-русский словарь / ред. З. З. Бамматов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 408 с.
31. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / ред. Д. Н. Ушаков. М., 1940. Т. 4. 1500 с.
32. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.
33. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. 2014. № 2 (17). С. 54–67.
34. Гусейнов Г.-Р. А.-К. Булгаризмы старославянского (древнеболгарского) языка в контексте истории ареальных взаимоотношений болгарских языков Балкан и Северо-Восточного Кавказа // Балканско езикознание. 2013. LII, 2–3. С. 57–68.

References

1. *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Drevneiranskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. Ancient Iranian languages]. Editor V. S. Rastorguyeva. Moscow, Nauka Publ., 1979. 387 p. (in Russian).
2. Gadlo A. V. *Etnicheskaya istoriya Severnogo Kavkaza IV–X vv.* [The ethnic history of the North Caucasus of the IV–X centuries]. Leningrad, Leningrad University Publ., 1979. 217 p. (in Russian).
3. Murzakhanov Yu. I. K voprosu ob etnolyazykovykh kontaktakh gorskikh evreyev s narodami Severnogo Kavkaza (po antroponimicheskim materialam) [On the issue of ethno-linguistic contacts of mountain Jews with peoples of the North Caucasus (according to anthroponymic material)]. *Istoriya, arkhеologiya i etnografiya Kavkaza – History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*, 2021, no. 1, pp. 250–260 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.32653/CH171250-260>.
4. Guseynov G.-R. A.-K., Mugumova A. L. K istorii gorskikh evreyev po dannym vzaimootnosheniy ikh yazyka s nakhsko-dagestanskimi i drevnimi tyurkskimi yazykami [To the history of mountain Jews according to the relationship of their language with the Nakh-Daghestan and ancient Turkic languages]. *Istoriya, istoriografiya i etnografiya gorskikh evreyev. Tezisy dokladov regional'noy nauchnoy konferentsii* [Abstracts of reports of the Regional Scientific Conference “History, historiography and ethnography of mountain Jews”]. Editor I. G. Semenov. Dербent, Institute of History, Archeology and Ethnography DSC RAS Publ., 2009, pp. 19–21 (in Russian).
5. Artamonov M. I. *Istoriya khazar* [History of the Khazars]. 2nd ed. Saint Petersburg, Lan’ Publ., 2001. 688 p. (in Russian).
6. Miller V. F. *Materialy dlya izucheniya evreysko-tatskago yazyka (vvedeniye, teksty i slovar’)* [Materials for the study of the Hebrew-Tat language (Introduction, texts and dictionary)]. Saint Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1892. 90 p. (in Russian).
7. Semenov I. G. O rannikh kontaktakh vostochnokavkazskikh evreyev i khazar [About the early contacts of East Caucasian Jews and Khazars]. *Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma “Gorskiye evrei Kavkaza”* [Proceedings of the International Scientific Symposium “Mountain Jews of the Caucasus”]. Editors A. A. Abbasov, P. A. Akhanchi, Z. T. Gilalov, Ye. A. Kerimov, M. L. Mikdash-Shamailova. Baku, 2002, pp. 35–47 (in Russian).

8. *Tati* (in Russian). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_\(язык\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Тати_(язык)) (accessed 25 July 2021).
9. *Osnovy iranskogo yazykoznanija. Novoiranskiye yazyki: zapadnaya grupa, prikaspiyskiye yazyki* [Fundamentals of Iranian linguistics. New Iranian languages: Western group, Caspian languages]. Editor V. S. Rastorguyeva, V. A. Efimov, E. N. Sharova et al. Moscow, Nauka Publ., 1982. 571 p. (in Russian).
10. Edel'man J. I. Nekotoryye problemy sravnitel'no-istoricheskogo iranskogo yazykoznanija [Some problems of comparative-historical Iranian linguistics]. *Voprosy yazykovogo rodstva – Journal of Language Relationship*, 2009, no. 1, pp. 81–94 (in Russian).
11. Gamkrelidze T. V., Ivanov Vyach. Vs. *Indoyevropeyskiy yazyk i indoyevropeytsy. Rekonstruktsiya i istoriko-tipologicheskiy analiz prayazyka i protokul'tury II* [Indo-European language and Indo-Europeans. A reconstruction and historical typological analysis of a protolanguage and protoculture II]. Tbilisi, Tbilisi University Publ., 1984. 1328 p. (in Russian).
12. Guseynov G.-R. A.-K. Nekotoryye yazykovyye i fol'klornyye materialy k voprosu o peredneaziatskoy prarodine tyurkskikh narodov v kontekste problemy kумыкского lingvoyetnogeneza [Some linguistic and folklore materials on the question of the Front Asian ancestral homeland of the Turkic peoples in the context of the problem of Kumyk linguoethnogenesis]. *A. Boduen de Kurtene i mirovaya lingvistika. Trudy i materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings and materials of the International Scientific Conference “J. Baudouin de Courtenay and worldwide linguistics”]. Kazan, 2015, vol. 2, pp. 89–92 (in Russian).
13. Guseynov G.-R. A.-K. Eshche odno svidetel'stvo lokalizatsii prarodiny tyurok v Peredney Azii: bun-turki i khon(n)y gruzinskikh rannesrednevekovykh khronik [Another evidence of the ancestral homeland of the Turks localization's in the Near East: bunturks and khon(n)s of the Georgian early Medieval chronicles]. *Nauchnoye nasledie V.A. Bogoroditskogo i sovremennyy vektor issledovaniy Kazanskoy lingvisticheskoy shkoly. Trudy i materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Proceedings and materials of the International Conference “The scientific heritage of V. A. Bogoroditsky and the modern vector of research of the Kazan Linguistic School”]. Kazan, 2018, pp. 54–59 (in Russian).
14. Abayev V. I. O yazykovom substrate [About the language substrat]. *Doklady i soobshcheniya Instituta yazykoznanija AN SSSR* [Reports and messages of the Institute of Linguistics of Academy Sciences of the USSR]. Moscow, 1956, vol. 9, pp. 57–69 (in Russian).
15. Pakhalina T. N. O roli umlauta v istorii razvitiya vokalizma iranskikh yazykov [On the role of umlaut in the history of the development of vocalism of Iranian language]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 1977, no. 4, pp. 89–97 (in Russian).
16. Kyzlasov I. G. *Voprosy khazarovedeniya* [Questions of Khazar studies]. *Stepi Vostochnoy Evropy v Sredniye veka: sbornik pamyati Svetlany Aleksandrovny Pletnevoy* [Steppes of Eastern Europe in the Middle Ages: A collection in memory of Svetlana Alexandrovna Pletneva]. Editorial board: I. L. Kyzlasov (resp. ed.), U. Yu. Kochkarov, V. N. Chkhaidze, I. L. Kyzlasov. Moscow, Avtorskaya kniga Publ., 2016, pp. 249–257 (in Russian).
17. Dybo A. V. *Lingvisticheskiye kontakty rannikh tyurkov. Leksicheskiy fond. Pratyurkskiy period* [Linguistic contacts of the early Turks. Lexical Fund. Praturk period]. Ed. D. M. Nasilov. Moscow, Nauka Publ, 2007. 223 p. (in Russian).
18. Guseynov G.-R. A.-K., Mugumova A.L. O nekotorykh (umlaut i rotatsizm) aspektakh drevnikh irano-tyurkskikh foneticheskikh otnosheniy i vopros ob oblasti pervonachal'nogo rasprostraneniya endoetnonima bashkort [Some (umlaut and rotacism) aspects of ancient iranian-turkic phonetic relations and the question of the area of initial distribution of endoethnonym bashkort]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta – Bulletin of Bashkir University*, 2021, no. 1, pp. 199–201. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.1.31 (in Russian).
19. Telegin L. A., Telegina D. A., Pavlycheva E. D. *Istoriya angliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye dlya bakalavrov* [History of English: textbook for bachelors]. Moscow, Flinta Publ, 2010. 155 p. (in Russian).
20. Tronskiy I. M. *Ocherki iz istorii latinskogo yazyka* [Essays from the history of Latin]. Moscow, Leningad, Academy of Sciences of USSR Publ., 1953. 274 p. (in Russian).
21. Dobrodomov I. G. Otrazheniye dvukh raznovidnostey rotatsizma v bulgarskikh zaimstvovaniyakh slavyanskikh yazykov [Reflection of two varieties of rotacism in Bulgarian borrowings of Slavic languages]. *Voprosy yazykoznanija – Topics in the study of language*, 1974, no. 4, pp. 106–115 (in Russian).
22. Kasatkina R. F. Eti strannyye vibranty (nekotoryye proyavleniya apiko-al'veolyarnykh artikulyatsiy v russkom yazyke) [These strange vibrants (some manifestations of apico-alveolar articulations in Russian)]. *Semiotika, lingvistika, poetika: k stoletiyu so dnya rozhdeniya A. A. Reformatskogo* [Semiotics, linguistics, poetics: On the centenary of the birth of A. A. Reformatskiy]. Ed. V. A. Vinogradov. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 117–122 (in Russian).
23. Golb N., Pritsak O. *Khazarsko-evreyskiye dokumenty X veka* [Khazar-Jewish documents of the 10th century]. Scientific ed. V. Ya. Petrukhin. Moscow, Jerusalem, Gesharim Publ., 1997. 259 p. (in Russian).
24. Samoylovich A. N. Zametka ob yazyke volzhskikh bulgar. TURUN–TUDUN (Eshche primer tyurko-bulgarskogo rotatsizma) [Note on the language of the Volga Bulgars. TURUN-TUDUN (Another example of Turkish-Bulgarian rotation)]. *Otd. ott. iz Sbornika Muzeya antropologii i etnografii pri Rossiyskoy akademii nauk* [Individual imprint from Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography at Russian Academy of Sciences]. Petrograd, Printing House of the Russian Academy of Sciences Publ., 1918, pp. 398–400 (in Russian).

25. Guseynov G.-R. A.-K. *Istoriya drevnikh i srednevekovykh vzaimootnosheniy yazykov Severo-Vostochnogo Kavkaza i Dagestana s russkim yazykom* [History of ancient and medieval relations of the languages of the North-East Caucasus and Dagestan with the Russian language]. Editor N. K. Olmesov. Makhachkala, Alef Publ., 2010. 214 p. (in Russian).
26. Aliyev K. M. O vliyaniy khazarskikh evreyev na etnos i kul'turu kumykov [About influence of Khazar Jews on the ethnos and culture of the Kumyks]. *Istoriya, istoriografiya i etnografiya gorskikh evreyev. Tezisy dokladov regional'noy nauchnoy konferentsii* [Abstracts of reports of the Regional Scientific Conference "History, historiography and ethnography of mountain Jews"]. Editor I. G. Semenov. Dagestan, Institute of History, Archeology and Ethnography DSC RAS Publ., 2009, pp. 4–9 (in Russian).
27. *Qumuqlany jyrlary* [Songs of the Kumyks]. Compiler A. Adzhiev, editor B. Mag'ammatorov. Makhachkala, Dagestan Book Publ., 2002, vol. 2. 459 p. (in Kumykian).
28. Abdullatipov A. Skazaniye o bitve pri Anzhi kak sokrovishchnitsa drevnikh tyurkskikh simbolov i ponyatiy kumykskogo naroda [The legend of the battle of Anzhi as a treasury of ancient Turkic symbols and concepts of the Kumyk people]. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul'turnogo obshchestva*, 2002–2003, no. 8–10, pp. 48–53 (in Russian).
29. Aliyev K. M. *Targu-name. Leksikon* [Targu-name. Lexicon]. Compiler K. M. Aliyev. Makhachkala, Novyy den' Publ., 2001. 291 p. (in Russian).
30. *Kumyksko-russkiy slovar'* [Kumyk-Russian dictionary]. Editor Z. Z. Bamatov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 408 p. (in Russian).
31. Ushakov D. N. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Editor D. N. Ushakov. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1940. Vol. 4. 1500 p. (in Russian).
32. *Drevnetyurkskiy slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Editors V. M. Nadenyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev et al. Moscow, Nauka Publ., 1969. 676 p. (in Russian).
33. Guseynov G.-R. A.-K. Proiskhozheniye nazvaniy goroda Derbenta i toponimii yego regiona v kontekste etnoyazykovoy situatsii rannego Srednevekov'ya [The origin of the names of the city of Derbent and the toponymy of its region in the context of the ethno-linguistic situation of the early Middle Ages]. *Voprosy onomastiki – Problems of Onomastics*, 2014, no. 2 (17), pp. 54–67 (in Russian).
34. Guseynov G.-R. A.-K. Bulgarizmy staroslavianskogo (drevnebolgarskogo) yazyka v kontekste istorii areal'nykh vzaimootnosheniy bulgarskikh yazykov Balkan i Severo-Vostochnogo Kavkaza [Bulgarisms of the Old Slavic (ancient Bulgarian) language in the context of the history of the areal relations between the Bulgarian languages of the Balkans and the North-East Caucasus]. *Balkanско езикознание – Balkan linguistics*, 2013, vol. LII, no. 2–3, pp. 57–68 (in Russian).

Информация об авторе

Гусейнов Г.-Р. А.-К., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет (ул. Гаджиева, 43, Махачкала, Россия, 367000).

Information about the author

Guseinov G.-R. A.-K., Doctor of Philological Sciences, Professor, Dagestan State University (ul. Gadzhievya, 43, Makhachkala, Russian Federation, 367000).

Статья поступила в редакцию 09.08.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 09.08.2021; accepted for publication 29.03.2022

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 81'42:070

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-56-66>

ЖАНР EDITORIAL В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЕ

Екатерина Андреевна Никонова

МГИМО МИД России, Москва, Россия, ekatnikon2014@yandex.ru

Аннотация

Введение. Выделены и описаны жанрообразующие параметры editorial, необходимые для характеристики и конструирования речевого жанра.

Цель – выявить специфику editorial как речевого жанра, исходя из классического понимания жанра как композиционного, стилистического и тематического единства. В связи с этим было описано социокультурное пространство формирования жанра editorial, определены функции жанрового образования editorial, а также дано системное описание жанровых признаков editorial.

Материал и методы. Эмпирическим материалом исследования послужили 50 текстов рубрики editorial, размещенные в изданиях англоязычной качественной прессы The Economist, The Independent, The Washington Post, The Guardian за 2016–2021 гг. Для анализа материала был задействован комплексный подход, основанный на использовании приемов дискурсивного, стилистического, лексического, грамматического, синтаксического анализа текста.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ теоретического материала показал, что editorial имеет особую общественно-политическую значимость, поскольку позиции, транслируемые в текстах данного жанра, оказывают влияние на формирование общественных ценностей и общественного мнения; кроме того, при помощи текстов editorial сохраняется баланс мнений, необходимый для здорового функционирования пространства массмедиа. В результате проведенного анализа были определены черты editorial как самостоятельного жанра в соответствии с триединством «тема – стиль – композиция». Было установлено, что, несмотря на широкий тематический охват, специфика editorial определяется нацеленностью текста на освещение узкого вопроса, часто имеющего практическое значение. Результаты исследования подтверждают наличие у текстов editorial унифицированной структуры, состоящей из введения-тезиса, основной части и вывода. В основе editorial лежит тезис-рекомендация, что позволяет отнести данный жанр к неаналитическим. Выводы подразделяются на вывод-рекомендацию (наиболее частотны – встречаются в 75 % случаев), вывод-прогноз (23 % случаев) и вывод-оценку (наименее частотны – 4 % случаев). Стилистическое своеобразие editorial выражается в высокой степени присутствия разговорной речи, аргументативности, использовании индивидуально-авторских номинаций и наличии интертекстуальности.

Заключение. В итоге можно сделать вывод о существовании самостоятельного жанра editorial.

Ключевые слова: editorial, англоязычная качественная пресса, жанр, СМИ, редакторская колонка

Для цитирования: Никонова Е. А. Жанр editorial в англоязычной качественной прессе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 56–66. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-56-66>

GERMANIC LANGUAGES

“EDITORIAL” AS A GENRE OF ENGLISH BROADSHEETS

Ekaterina A. Nikonova

MGIMO University, Moscow, Russian Federation, ekatnikon2014@yandex.ru

Abstract

Introduction. The article aims at indicating and describing generic characteristics of the editorial.

Aim. The aim of the article is to reveal specifics of the editorial as a separate genre. For this socio-cultural environment of the genre was described as well as the main function and generic characteristic.

Material and methods. The materials of the study are 50 editorial texts published in English broadsheets the Economist, the Independent, the Washington Post, the Guardian from 2016 to 2021. A complex of methods was used to analyze the material, namely tools of discursive, stylistic, lexical, grammatical and syntax analysis.

Results and discussion. The editorial plays a significant role in socio-political sphere, as the positions stated in the text can affect public values and opinion; the editorial enables to preserve balance of opinion, essential for mass media. As a result of the analysis we concluded that the editorial can be characterized as a separate genre based on the unity of theme, style and composition. We indicated the following generic characteristics of the editorial: 1) unified structure, which consists of the introduction, the main body and the conclusion. The latter plays a significant role and includes recommendations (the most common one – 75% cases), forecast (23% cases), evaluation (the least common one – 4 % cases) or a combination of the abovementioned conclusions; 2) from the stylistic perspective informal speech, argumentation, authorial nominations and intertextuality are distinctive for the editorial; 3) characterized by a variety of topics, the editorial is aimed at analyzing a narrow specialized issue.

Keywords: *editorial, mass media, broadsheets, genre*

For citation: Nikonova E. A. Zhanr editorial v angloyazychnoy kachestvennoy presse [“Editorial” as a Genre of English Broadsheets]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 56–66 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-56-66>

Введение

Редакторская колонка (в англоязычной традиции редакторская колонка получила название editorial/leading article/leader; далее будем придерживаться именно англоязычного наименования¹; понятия editorial и leader используются как синонимичные в зависимости от издания, на примере которого рассматривается текст) является одним из наиболее универсальных и узнаваемых журналистских жанров во всем мире. Имея более чем столетнюю историю, он не потерял свою актуальность в цифровую эпоху, сохранив при этом свои базовые характеристики, – тексты рубрики editorial представлены практически во всех онлайн-версиях газет и журналов. О востребованности editorial свидетельствуют в том числе и многочисленные исследования, посвященные различным аспектам явления: политическому влиянию (Firmstone [1, 2], Tirkkonen-Condit [3], Le [4]), в том числе фреймингу на основе контент-анализа (Blankenship [5], Hannah [6], Myers [7], Richardson [8]) и воздействию на читателя (Alvarado [9], Gruner [10], Krueger [11]); анализу структуры (Bolivar [12]); истории возникновения жанра (Liddle [13]). Тем не менее замечание, сделанное Ван Дейком почти 30 лет назад, актуально и по сей день (см. Дейк В. *Opinion and ideologies in editorials* [14]): будучи одним из наиболее привычных журналистских форматов,

editorial не получило должного осмысления в рамках лингвистической парадигмы, на сегодняшний день отсутствует исчерпывающая теоретическая основа исследования явления, а большинство работ, посвященных editorial, носят либо неформальный и фрагментарный характер, либо выполнены с уклоном в другие исследовательские сферы (социологию, политологию, журналистику) и не позволяют сформировать полноценное представление об editorial как лингвистическом жанре. В связи с этим вопрос о теоретическом осмыслении понятия editorial сохраняет свою актуальность. Цель данного исследования – выявить специфику editorial как речевого жанра. При описании editorial будем исходить из классического понимания жанра как композиционного, стилистического и тематического единства [15]. Разделяем современные представления о жанре, согласно которым для его корректной интерпретации недостаточно описать языковую форму в отрыве от социальных условий его существования, поскольку в самом жанре заложена ситуация общения, которая требует подобного риторического ответа [16, с. 152]. В связи с этим для достижения цели данного исследования представляется необходимым решить ряд задач: 1) описать социокультурное пространство формирования жанра editorial; 2) определить функции жанрового образования editorial; 3) дать системное описание жанровых признаков editorial.

Эмпирическим материалом исследования послужили 50 публикаций рубрики editorial, размещенные в изданиях англоязычной качественной прессы *The Economist*, *The Independent*, *The Washington Post*, *The Guardian* за 2016–2021 гг. Нами не исследовались editorial таблоидов; настоящий выбор обусловлен тем фактом, что editorial является родным жанром именно для качественной прессы и представлен здесь в наиболее чистом виде. Для анализа материала был задействован комплексный

¹ Несмотря на ряд исследований, подтверждающих схожесть признаков, лежащих в основе редакторских статей в разных странах (см., например, J. Firmstone, S. Tirkkonen-Condit), редакторская колонка в отечественной журналистике имеет, на наш взгляд, иную природу, чем editorial, и не является ее прямым аналогом (отметим, что сравнительные исследования англоязычных editorial и отечественной редакторской колонки нами обнаружены не были; исследовательское поле остается нетронутым; наши выводы о лежащих в основе данных текстов различиях не являются исчерпывающими). В связи с этим в рамках данной работы нами рассматривались только те теоретические исследования, которые посвящены непосредственно анализу англоязычных editorial.

подход, основанный на использовании приемов дискурсивного, стилистического, лексического, грамматического, синтаксического анализа текста.

Социокультурные условия существования жанра *editorial*

Долгое время газеты и журналы были призваны выражать точку зрения издателя и выступали в качестве основного инструмента продвижения его политических взглядов/интересов (например, «Нью-Йорк трибюн» выражала аболиционистские и республиканские воззрения, «Нью-Йорк таймс» – республиканские; схожую ситуацию наблюдаем и в отечественной журналистике того периода: журналы «Современник», «Колокол» выражали революционные взгляды издателей) [17]. Однако на рубеже XIX–XX вв. стремление газет продемонстрировать свою независимость привело к формированию так называемого золотого стандарта журналистики, предполагающего объективное, безэмоциональное, взвешенное освещение фактов. При этом сохранялось желание газет декларировать свою позицию и заявить о себе как о полноправном и влиятельном участнике публичных дебатов: важной вехой в процессе становления газет как самостоятельного социального института стало распространение *editorial* (здесь речь идет именно о стремительном распространении жанра *editorial*, поскольку его появление относят к началу XIX в. [13], а по некоторым данным, он появился еще раньше: так, Л. Веркмайстер считает датой возникновения *editorial* 1789 г. [18]). Именно рост популярности этого жанра в 1920-х гг. в США наметил размежевание базирующейся на фактах объективной журналистики и журналистики мнения [19] и способствовал усилению независимости газеты от правительства [20]. За длительную историю существования *editorial* удалось сохранить свою общественно-политическую значимость, что подтверждается рядом междисциплинарных исследований, доказывающих, что позиции, транслируемые в *editorial*, оказывают влияние на формирование общественных ценностей и общественного мнения (Druckman [21], Norris [22], Kahn [23]). «То, как автор *editorial* интерпретирует и использует факты для того, чтобы убедить, сформировать актуальную повестку или раскритиковать, может иметь большое значение для читателя» [24, с. 11]. При этом влияние, оказываемое *editorial*, не является массовым, а, скорее, носит точечный характер и направлено на элиту: мы можем полагать, что члены парламента, конгресса, министры, топ-менеджеры корпорации или другие общественные лидеры следуют мнению наиболее уважаемых газет [14]. Таким образом, жанр *editorial* возник в результате усиления общественно-политической

роли газет и до сегодняшнего дня сохранил за собой статус голоса издания. Ниже рассмотрим специфику содержания и формы *editorial*.

Содержательный аспект жанра *editorial*

Поскольку сегодня жанр *editorial* может быть представлен в самых разных изданиях, различающихся по тематике (спортивные, экономические, политические, светские, научные издания и т. д.) и типу журналистики (качественные издания и таблоиды), то содержательное наполнение *editorial* многообразно. Общим является нацеленность авторов на освещение какого-то узкого вопроса, а не глобальной тематики, поскольку *editorial* имеет практическую ценность для аудитории и должен сформировать определенное понимание явления и предложить возможные действия/решения. Приведем в качестве примеров заголовки некоторых статей:

(1) There are only losers in Maryland’s dysfunction over highway expansion

(The Washington Post, July 6th 2021)

(2) Long COVID. And now for the aftershock

(The Economist, 5th Jan 2021)

(3) The Guardian view on Sunak’s spending: time to rip up the March budget

(The Guardian, 20th June 2021)

Приведенные примеры заголовков демонстрируют не абстрактный характер тематики статей, а их точечную направленность на рассмотрение конкретной проблемной ситуации. При этом зачастую уже в самом заголовке статьи формулируется позиция, которая будет позже доказана автором.

(4) Where did COVID come from? We need to get serious about finding out

(The Washington Post, 6th July 2021)

(5) Boris Johnson is urging us to take ‘personal responsibility’ over COVID-19 – so *should* the government

(The Independent, 5th July 2021)

(6) Ranked-choice voting worked in New York. More places *should* use it

(The Washington Post, July 7th 2021)

Подобное языковое оформление заголовков, позволяющее раскрыть смысл материала и позицию автора, призвано сообщить читателю в сжатой форме содержание помещенного материала и сближает жанр *editorial* с информационными жанрами, для которых функция сообщения для заголовка является ведущей [25].

Структура жанра *editorial*

Тексты *editorial* могут варьировать по размеру в зависимости от принятого в газете формата, но, как правило, не превышают 500 слов. Отличительной особенностью жанра является отсутствие язы-

ковой фиксации автора текста, что призвано подчеркнуть коллективный характер editorial. Исследователи отмечают наличие унифицированной структуры editorial независимо от типа издания, в котором он печатается (van Dijk [14], Katajamaki [26], Nanri [27]). Жанр имеет четко выраженную трехступенчатую композицию: выделяют введение (lead/introduction section), в котором формулируется проблема и основной тезис статьи, основную часть (follow/intermediate section), где перечисляются точки зрения/аргументы сторон на данную проблему, и вывод (valiate/coda).

Согласно Дж. Мартину, тезис, содержащийся во введении, играет центральную роль в определении характера текста: аналитического или рекомендательного [28]. Если тезис выражает призыв, убеждает в необходимости предпринять какие-либо действия, то текст имеет рекомендательный характер. Как правило, подобные тексты снабжаются большим количеством глаголов, выражающих отношение (attitudinal verbs), местоимений первого лица и разговорной лексики [28]. В случае если перед нами текст аналитического характера, то тезис будет состоять из констатации факта какого-либо события. В editorial тезисы носят рекомендательный характер и могут быть выражены косвенно или напрямую:

(7) "Pleasure is oft a visitant; but pain clings cruelly," wrote John Keats. Nowadays pain can often be shrugged off: opioids, a class of drugs that includes morphine and other derivatives of the opium poppy, can dramatically ease the agony of broken bones, third-degree burns or terminal cancer. *But the mismanagement of these drugs has caused a pain crisis.* It has two faces: one in America and a few other rich countries; the other in the developing world (The Economist, May 28th 2016).

В данном введении фраза *But the mismanagement of these drugs has caused a pain crisis* подразумевает существование серьезной проблемы вследствие неправильного употребления наркотиков в медицинских целях, которая требует срочного решения, что определяет последующий рекомендательный характер текста: *Opioids should be more widely available; they should copy Britain's centralized system for prescription records; the global bodies that monitor narcotics should recognize; Forcing people in great pain to jump through hoops to get relief should be recognized as an infraction of international rules; it should be trying harder to bring solace* (The Economist, May 28th 2016).

Достаточно распространенным является вариант введения, где тезис имеет форму прямой рекомендации:

(8) House Democrats released Wednesday a new draft of their big social spending and climate bill –

tucked inside of which was a massive new payoff to wealthy people. The Democrats' bill is supposed to make the nation fairer and more competitive. *This cynical, wasteful policy should have no place in it* (The Washington Post, November 4th 2021).

В примере (8) автор напрямую формулирует тезис-рекомендацию при помощи модального глагола *should*, передающего убеждение говорящего о необходимости исключить предложение об увеличении верхней ставки подоходного налога и ставки долгосрочного прироста капитала из законопроекта о социальной политике и борьбе с изменением климата. Позиция автора усиливается за счет использования оценочных слов с негативной коннотацией *cynical* и *wasteful*, характеризующих данное предложение. В результате в тезисе задается отрицательное отношение автора к предлагаемому увеличению налоговых ставок, а также его позиция о необходимости исключить данный пункт из законопроекта.

Основная часть editorial может варьироваться в зависимости от его типа. Согласно классификации, предложенной Д. Холлом и получившей распространение в научных исследованиях (см., например, Bonyadi [29, 30]), тексты editorial можно разделить на семь типов (или субжанров) в зависимости от коммуникативной цели: критика, осуждение, защита, одобрение, восхваление, призыв, развлечение (editorials of Criticism, Attack, Defense, Endorsement, Praise, Appeal, and Entertainment) [31]. Отношение editorial к тому или иному типу во многом определяет его структуру и стилистику основной части.

Что касается вывода, то исследователи отмечают, что его структура может варьироваться в зависимости от печатного издания [12]. Так, С. Тирккен-Кандит, сравнивая британские, американские и финские тексты editorial, делает вывод о том, что в англо-американской традиции принято четко формулировать свою позицию по результатам приведенных аргументов в заключении статьи, в то время как финские журналисты стараются избегать делать какие-либо выводы, особенно если речь идет о противоречивых и острых вопросах [3], таким образом, вывод либо отсутствует, либо переживает какую-то трансформацию. Результаты проведенного исследования подтверждают наличие четко выраженного вывода в англоязычных текстах editorial; нами также было установлено, что вывод можно подразделить на следующие типы: вывод-рекомендация (9), (10), вывод-прогноз (11), вывод-оценка (12), а также возможны комбинации всех трех типов выводов (13).

(9) *The United States needs to pay attention.* Donald Trump did not care about Mexican democracy. *President Joe Biden should make clear that he does.*

He must be tactful: Mexicans are understandably allergic to being pushed around by their big neighbor. But *America ought not to turn a blind eye* to creeping authoritarianism in its backyard. As well as sending vaccines, unconditionally, *Mr. Biden should send quiet warnings* (The Economist, May 29th 2021).

(10) Firms in some industries still play by the rules of the 2010s. <...> And it remains to be seen whether the post-pandemic norm will be one of structurally higher investment spending, or whether firms slip back into their old ways. For now, though, *stand back and appreciate the global capex surge*. It promises a more dynamic form of capitalism (The Economist, May 29th 2021).

(11) It has become clearer that monetary policy will respond to higher inflation, as it should. But *that means interest rates* – and therefore asset prices – will reflect more of the uncertainty that bedevils the economic outlook (The Economist, June 26th 2021).

(12) Without his new ally, *Issaias would have less clout in the region*. There is not much, alas, that outsiders can do to make him less cruel to his own oppressed people, though neighbors and rich countries can and should grant them asylum if they flee his gulag state. *Even if Issaias cannot be persuaded to change his ways*, he can be prevented from remaking the Horn of Africa in his own tyrannical image (The Economist, 22nd May 2021).

(13) That Mr. Cosby was not criminally charged in 2005 was a failure of justice for which Pennsylvania's then-Montgomery County District Attorney Bruce Castor is responsible. <...> *Twelve jurors found Mr. Cosby guilty beyond any reasonable doubt, and nothing in the Pennsylvania Supreme Court's ruling changes that essential truth* (The Washington Post, July 2, 2021).

(14) On this point, as on others, Mr. Manchin's proposal is the very definition of reasonableness. *Given America's fractured politics, however, that hardly guarantees success*. Congressional Republicans have dubbed the plan the "Stacey Abrams" bill, after the politician from Georgia who has backed it. Although they seem likely to reject Mr. Manchin's reform, *it deserves their support* (The Economist, June 26th 2021).

По результатам нашего исследования вывод-рекомендация оказался наиболее частотным вариантом выводов (встречается в 73 % проанализированных editorials). Рекомендации могут быть обращены либо к коллективному адресату, либо к конкретному лицу/группе лиц. Отметим, что поскольку editorial призван оказывать влияние на общественно-политическую сферу, то классическим вариантом вывода является вывод-рекомендация, адресованный политикам. Так, в примере (9) автор обращается напрямую к Дж. Байдену, что дает осно-

вание считать, что газета исходила из того, что статья попадет на стол к самому президенту или хотя бы представителям его ближнего круга (подтверждение чему находим в рекомендациях, адресованных администрации президента, – The United States needs to pay attention и But America ought not to turn a blind eye to creeping authoritarianism in its backyard).

Реже встречаются выводы-рекомендации, не имеющие конкретного адресата (пример (10), что подчеркивает нацеленность изданий по некоторым вопросам не просто оказать влияние на публичную сферу, но вести дискуссию со страниц с лицами, принимающими решения.

В выводах-прогнозах (составляют 23 % от общего числа) используются особые лингвистические средства – модальные глаголы (особенно should) и сослагательное наклонение, которые позволяют делать прогноз (см. примеры (11), (12)). Зачастую данные прогнозы основываются на результатах исследований, описанных в других разделах издания.

Выводы-оценки являются наименее частотными (4 %) и, как правило, встречаются в editorial, освещающих события, повлиять на ход которых уже невозможно. Так, в приведенном примере (13) автор высказывает мнение по поводу решения Верховного суда о снятии обвинений в насилии актера Билла Косби. Согласно юридической системе США, решение Верховного суда нельзя оспорить, поэтому любой другой тип вывода был бы нецелесообразен.

Стилистический аспект жанра editorial

Стилистический аспект является одним из ключевых для понимания жанра и требует детального рассмотрения. Ввиду ограниченной возможности полноценно осветить стилистический ракурс жанра editorial нами будет сделан акцент на тех моментах, которые формируют его «ДНК» и отличают от других схожих жанров (новость, аналитическая статья, репортаж и т. д.).

Уникальная стилистика editorial определяется его целевой установкой – сформулировать позицию издания по определенному вопросу/явлению и оказать влияние на общественно-политическую мысль. В результате субъективность и мнение в editorial не просто допустимы, а являются важной составляющей [2] и часто сопровождаются эмоциональным языком и жесткими формулировками [24, с. 41]. Специфику текстов editorial составляют частотные случаи эксплицитного выражения мнения (17), (18).

(15) *Swarms of digital day-traders have become a force on Wall Street* (The Economist, 8th May 2021).

(16) the all-powerful Rasputin-like adviser (The Independent, 26th May 2021).

(17) Joe Biden is not a miracle cure for what ails America. But he is a good man who would restore steadiness and civility to the White House. <...> *That is why, if we had a vote, it would go to Joe* (The Economist, 6th Nov 2021).

(18) There are two main reasons for this move from the government. One, acknowledged by Mr. Javid, is that the balance of costs and risk has shifted. The vaccines have reduced pressure on the NHS, thanks to the extensive vaccination programme, yet the cost in terms of lost economic activity and damage to people's physical and mental health has continued to climb. *He is right* that the NHS has to set about reducing the backlog of operations and treatments, and that people should be confident in seeking medical care (The Independent, 5th July 2021).

Подробный прямой способ озвучивания собственной позиции/мнения подтверждает самопрезентацию газет как равноправных членов публичной дискуссии.

Ниже рассмотрим основные особенности стилистики editorial:

1. Разговорная речь.

Разговорная речь является распространенной в editorial. Отметим, что использование разговорной речи в данном жанре зачастую объясняется влиянием тренда на проникновение разговорной речи в СМИ [32, с. 131–132; 33]. Однако, на наш взгляд, наличие разговорной речи в текстах editorial имеет более глубинные причины. Отметим, что, как правило, разговорная лексика появляется в публикациях, посвященных наиболее важным политическим событиям. Например, ниже будет рассмотрена статья, опубликованная *The Economist* накануне президентских выборов 2020 года. Весь номер вышел под заголовком *Why it has to be Joe*. В leader приводились причины, почему читателю необходимо отдать свой голос за Джо Байдена, в частности потому, что Трамп не разделяет демократических ценностей американцев:

Yet American ideals really do serve as an example to other democracies, and to people who live in states that persecute their citizens. *Mr. Trump thinks ideals are for suckers*. The governments of China and Russia have always seen American rhetoric about freedom as cynical cover for the belief that might is right. Tragically, under Mr. Trump their suspicions have been confirmed (The Economist).

В данном примере автор прибегает к разговорному слову *sucker*, которое в толковом словаре английского языка Cambridge Dictionary представлено в следующей дефиниции: a person who believes everything they are told and is therefore easy to deceive [34] (т. е. «наивный, доверчивый человек»).

Слово может переводиться как вульгарное, бранное выражение и имеет высокую экспрессивную окраску. Дословный перевод этого предложения может показаться довольно грубым русскоговорящему человеку. В английской же языковой культуре это явление получило название «дружеского мата», «который при соблюдении соответствующих условий места и времени не является нарушением языковой нормы» [35, с. 386], однако его использование в текстах СМИ требует исключительного повода, каким являются выборы президента США: слово выступает в роли средства экспрессивности и способствует реализации тактики дискредитации Д. Трампа.

2. Аргументативность.

Дискурс мнения (opinion discourse) всегда аргументативен [14]. Аргументативность предполагает демонстрацию доказательств истинности выдвигаемых позиций и высказываемых мнений. Чем более противоречивое мнение высказывается, тем выше степень аргументативности. В случае существования общественного консенсуса или схожих позиций аргументация может вовсе не потребоваться [14]. У editorial есть особая цель – высказывать мнение и доказывать его [36], чем определяется его аргументативный характер, который проявляется, с одной стороны, в специфике использования лингвистических средств (использование глаголов, выражающих согласие/несогласие: to agree, to accept, to deny, to suggest; модальных наречий: possibly, certainly, undoubtedly, probably; модальных глаголов: can, must и т. д.), а с другой – в особом плане построения текста. Рассмотрим план построения leader *The long goodbye* в качестве иллюстрации аргументативного текста. Аргументация в данном тексте представляет собой трехуровневую структуру, представленную главным тезисом, состоящим из двух утверждений (T1; T2), аргументами первого (T1A1; T2A1) и второго (T1A1/A1; T2A1/A1) порядка. Каждый из аргументов первого порядка является субтезисом для аргументов второго порядка, т. е. аргументы второго порядка обосновывают аргументы первого порядка.

Тезис: T1 и T2 – Already, two things are clear: that the last phase of the pandemic will be drawn-out and painful; and that covid-19 will leave behind a different world.

Аргументы первого порядка: T1A1: Today it (normalcy index) stands at 66, almost double the level in April 2020.

T1A2: Yet the ravages of covid19 are still apparent in many countries.

T1A3: The lack of vaccination is aggravated by new variants.

T2A1: Leisure has been affected, too.

T2A2: Eventually flights will resume, but other changes in behavior will last. Some will be profound.

T2A3: But the big government legacy of the pandemic is already on display.

T2A4: There is also evidence of a renewed search for meaning.

T2A5: For example, people may decide they want to escape pre-pandemic drudgery at work, and tight labor markets may help them.

Аргументы второго порядка: T1A2/A1: Consider our index's worst performer, Malaysia, which is suffering a wave of infections six times more deadly than the surge in January and scores just 27.

T1A2/A2: In sub-Saharan Africa, suffering a lethal outbreak (see Middle East & Africa section), just 2.4 % of the population aged over 12 has had a single dose.

T1A3/A1: Delta, first spotted in India, is two to three times more infectious than the virus that came out of Wuhan.

T1A2/A3: Even in America, where vaccines are plentiful, only around 30 % of Mississippians and Alabamans are fully protected.

T2A1/A1: People say they have had 15 % more time on their hands.

T2A1/A2: In Britain young women spent 50 % longer with their nose in a book.

T2A2/A1: Take America, where the booming economy surged past its pre-pandemic level back in March, but which still scores only 73 on our index.

T2A3/A1: Just look at the spending plans of the Biden administration.

T2A3/A2: During the pandemic governments have been the main channel for information, the setters of rules, a source of cash and, ultimately, providers of vaccines.

T2A4/A1: Roughly one in five people in Italy and the Netherlands told Pew, a pollster, that the pandemic had made their countries more religious.

T2A4/A2: In Spain and Canada about two in five said family ties had become stronger.

T2A5/A1: In Britain applications to medical school were up by 21 % in 2020.

T2A5/A2: In America business creation has been its highest since records began in 2004.

T2A5/A3: One in three Americans who can work from home wants to do so five days a week, according to surveys.

Видим, что содержание статьи определяется ее тезисом: все аргументы приводятся для его обоснования. При этом можно выделить два уровня аргументации: аргументы первого порядка направлены непосредственно на поддержание главного тезиса; аргументы второго порядка выполняют двойную функцию: обоснование пропозиции, выраженной в главном тезисе, а также субтезисов, являющихся аргументами более высокого поряд-

ка. Подобная аргументативная структура editorial является частотной; отметим, что в зависимости от типа editorial в тексте могут присутствовать только некоторые элементы аргументативной структуры.

3. Индивидуально-авторские номинации.

Стратегия именования в текстах СМИ является одной из основополагающих стратегий формирования у адресата определенного восприятия описываемого явления за счет создания в тексте определенной идеологии и формирования оценочности [37, с. 49]. Индивидуально-авторские номинации жанра editorial реализуются через неологизмы, метафоры, ярлыки.

Поскольку editorial представляет собой один из наиболее широко распространенных дискурсов мнений, то в рамках жанра создаются номинации тем или иным явлениям в обществе. Так, например, журналом *The Economist* был создан неологизм «слоубализация» (*slowbalisation*) (*The Economist*, Jan 24th 2019), обозначающий процесс замедления мировой торгово-экономической системы. Термин был употреблен в *leader* и со временем стал широко распространенным. То же касается и использования ярлыков, чей прагматический потенциал усиливается в editorial как жанре, имеющем особое влияние на общественное сознание. Ярлык – это односторонняя, необъективная оценка, затушевывающая многомерность скрытого за ярлыком явления или предмета [37, с. 63]. Одним из типичных примеров навешивания ярлыков editorial может являться использование в отношении президента Беларуси А. Лукашенко определения «тиран»:

(19) The perpetrator is Alexander Lukashenko, a 65-year-old *dictator* who has ruled the former Soviet republic of Belarus for most of its 30 years of independence (*The Economist*, 15th Aug 2020).

(20) Europe's last *dictator* loses grip (*The Guardian*, 10th Aug 2020).

(21) Alexander Lukashenko, the increasingly beleaguered *dictator* of Belarus, however, is no conventional leader; and his fate and that of his country will not be decided through conventional means (*The Independent*, 31st August 2020).

(22) When the strongman of Belarus, Alexander Lukashenko, ordered a civilian passenger flight to be diverted to Minsk on Sunday to seize an opposition journalist on board, he recklessly smashed those rules. It is time to respond forcefully to this wily and malevolent *dictator* (*The Washington Post*, 24th May 2021).

Схожую ситуацию наблюдаем в отношении Китая и России, которые получили ярлык «авторитарные страны» (*authoritative*), или президента Венесуэлы Н. Мадуро как «ненастоящего президента» (*rigged president*). Подобное повторяющееся использование номинаций способствует манипуля-

тивному влиянию на аудиторию, поскольку именно повторение позволяет закрепить в сознании определенные стереотипы. Безусловно, приведенные нами в качестве примеров ярлыки часто встречаются и в других жанрах СМИ, однако их использование в editorial имеет особое социальное значение ввиду позиционирования editorial как важного социально-политического института.

Метафора позволяет презентовать то или иное явление под определенным, заданным автором углом зрения, создать четкие ассоциации у читателя и способы мышления об объекте и является одним из ключевых средств воздействия на аудиторию. Хотя метафоры широко представлены в СМИ, они свойственны не всем жанрам (например, в новостях, репортажах, аналитической статье метафоры встречаются редко): специфика использования метафоры в editorial заключается в том, что зачастую весь текст строится на основе метафоры, часто принимающей форму метафорической цепочки, пронизывающей весь текст статьи. Проследим развертывание метафоры на примере editorial Britain has a duty to restore the aid budget (The Independent, 8th 2021), в которой идет речь об обсуждении британским парламентом поправки к бюджету, которая позволила бы увеличить расходы на медицинскую помощь развивающимся странам в период пандемии. Противников поправки к закону называют «повстанцами», «лидерами восстания» (23), (24), само обсуждение поправок – «сражением» (25). В отношении людей, которые нуждаются в помощи, автор использует прилагательные «истерзанные войной», «уничтоженные бомбами» (26): их использование не метафорично, однако в сочетании с метафорической цепочкой военных действий создает общий концепт войны. Таким образом автору удается передать чувство напряжения, усилить восприятие важности вопроса.

(23) *The rebels* who wanted to restore the aid budget, and with it Britain's global reputation, claimed that their ruse was in order.

(24) *Leaders of the revolt*, such as Andrew Mitchell and Tobias Elwood, have declared that they will be seeking other ways for parliament's wishes to be known and enforced – with the force of law.

(25) *The battle*, in other words, is not lost, but only postponed.

(26) To leave *war-torn, bombed out, hopeless* people to their own devices is to invite wave after wave of refugees to show up at the Channel ports, present themselves as prey to the people-traffickers, and put their lives at risk in the English Channel.

4. Интертекстуальность.

Согласно Н. Фейрклафу, интертекстуальность может прояснить практики производства текста [38, с. 130]. При написании editorial достаточно

большое внимание уделяется использованию и комментированию ранее опубликованного материала. Особенно четко это видно при прочтении онлайн-версий editorial, где имеются интертекстуальные ссылки на источники информации. В editorial автор часто комментирует материал выпуска (см. примеры (27) – (32)).

(27) This week *The Economist* publishes a normalcy index, which reflects both these realities. Taking the prepandemic average as 100, it tracks such things as flights, traffic and retailing across 50 countries comprising 76 % of Earth's population. Today it stands at 66, almost double the level in April 2020 (see *Graphic detail*).

(28) In sub-Saharan Africa, suffering a lethal outbreak (see *Middle East & Africa section*), just 2.4 % of the population aged over 12 has had a single dose.

(29) The lack of vaccination is aggravated by new variants. Delta, first spotted in India, is two to three times more infectious than the virus that came out of Wuhan (see *Briefing*).

(30) There is a vigorous academic debate about whether lockdowns were “worth it” (see *Finance & economics section*). But the big government legacy of the pandemic is already on display.

(31) Leisure has been affected, too. People say they have had 15 % more time on their hands. In Britain young women spent 50 % longer with their nose in a book. Literary agents have been swamped with first novels. Some of this will fade: media firms fear an “attention recession” (see *International section*).

(32) Some bosses are ordering people into the office; others are trying to entice them in (see *Business section*).

Таким образом, проведенный анализ эмпирического материала демонстрирует, что жанр editorial объединяет в себе новую информацию [26] и аккумулирует данные, представленные в статьях других секций газеты.

Выводы

Тексты editorial вызывают особый исследовательский интерес ввиду их уникальной политико-социальной роли, обусловленной историческим развитием жанра: издание транслирует свое мнение со страниц editorial, что позволяет ему заявить о себе как о самостоятельном и важном участнике публичных дискуссий. Поскольку сегодня роль и степень влияния СМИ продолжают усиливаться, жанр editorial будет сохранять свою значимость на страницах изданий.

В рамках нашего исследования были определены черты editorial как самостоятельного жанра в соответствии с триединством «тема – стиль – композиция». Ниже приведем краткое описание результатов:

1) появившись в качественных газетах новостной и общественно-политической направленности, сегодня тексты editorial представлены в самых разных изданиях, различающихся по типу и тематическому охвату. В связи с этим представляется сложным задать границы тематического плана editorial, однако доминантным является нацеленность текста на освещение какого-то узкого вопроса, а не глобальной темы;

2) editorial отличается унифицированной структурой, состоящей из введения-тезиса, основной части и вывода. В основе editorial лежит тезис-рекомендация, что позволяет отнести данный жанр к неаналитичным. Выводы подразделяются на вывод-рекомендацию (наиболее частотны – встречаются в 75 % случаев), вывод-прогноз (23 % случа-

ев) и вывод-оценку (наименее частотны – 4 % случаев) (возможны комбинации всех трех типов) и играют особую дифференцирующую роль;

3) стилистические особенности жанра editorial объясняются его целевой установкой и выражаются высокой степенью использования разговорной речи, аргументативностью, использованием индивидуально-авторских номинаций и интертекстуальностью. Таким образом, реализация уникальной социальной роли, а также наличие специфики содержания и формы позволяет говорить об editorial как самостоятельном жанре.

Полученные результаты исследования проливают свет на статус editorial и задают векторы для дальнейшего полномасштабного исследования editorial как самостоятельного жанра.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Firmstone J. The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe // *Journalism Practice*. 2008. № 2. P. 212–229.
2. Firmstone J. Editorial journalism and newspapers' editorial opinions. 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers'_editorial_opinions (дата обращения: 28.11.21).
3. Tirkkonen-Condit S. Argumentation in Finnish vs. English and German Editorials // *Text, interpretation, argumentation*. Hamburg: Helmut. 1989. P. 173–181.
4. Le E. Editorials and the Power of Media : Interweaving of Socio-Cultural Identities. John Benjamins Publishing Co. 2010. URL: <http://bibliocatalog.mgimo.ru:2079/login.aspx?direct=true&db=e000xww&AN=309457&site=ehost-live> (дата обращения: 28.11.2021).
5. Blankenship J., Mendez-Mendez S., Guen Kang J., Giodano J. Initial construction of Ferraro in newspaper editorials // *Journalism Quarterly*. 1986. № 68. P. 378–382.
6. Hannah J., Gandy O. J. Editorial opinion and racial profiling: Coming to terms with DWB // *Paper submitted to the Political Communication Division for the 50th Annual Meeting of the International Communication Association, Acapulco, Mexico*. 2000. P. 1–23.
7. Myers D. S. Editorials on the economy in the 1980 presidential campaign // *Journalism Quarterly*. 1982. № 59. P. 414–419.
8. Richardson J. D., Lancendorfer K. M. Framing affirmative action: The influence of race on newspaper editorial responses to the University of Michigan case // *Politics*. 2004. № 9 (4). P. 74–94.
9. Alvarado S. J. Understanding editorial text. Kluwer Acad. Pubs. Group, 1990. 296 p.
10. Gruner C. R. A quasiexperimental study of the effect of humor preference and other variables on understanding/appreciation of editorial satire // *Psychological Reports*. 1989. № 65. P. 967–970.
11. Krueger E., Fox J. D. The Effects of Editorials on Audience Reaction to Television Newscasters // *Journalism Quarterly*. 1991. 68 (3). P. 402–411.
12. Bolivar A. The structure of newspaper editorials // *Advances in written text analysis*. London: Routledge, 1994. P. 276–294.
13. Liddle D. Who invented the “leading article”? URL: <https://www.researchgate.net/profile/Dallas-Liddle> (дата обращения: 28.11.2021).
14. Dijk van. T. Opinions and ideologies in editorials. URL: <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/Opinions%20and%20ideologies%20in%20editorials.htm> (дата обращения: 28.11.2021).
15. Бахтин М. Проблема речевых жанров. URL: http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 28.11.21).
16. Miller C. Genre as Social Action // *Quarterly Journal of Speech*. 1984. 70. P. 151–167.
17. Никонова Е. А. Объективная и субъективная модальность в англоязычном политическом дискурсе (на примере аналитических статей и политических эссе): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 204 с.
18. Werkmeister L. The London daily press, 1772–1792. Lincoln: University of Nebraska, 1963. URL: <https://archive.org/details/londondailypress0000werk> (дата обращения: 28.11.2021).
19. Schudson M. *Discovering the news: A social history of American newspapers*. New York, NY: Basic Books. 1978. 119 p.
20. Conboy M. The print industry-yesterday, today and tomorrow: An overview // *Print journalism: A critical introduction* / ed. R. Keeble. Oxford, U.K.: Routledge, 2005. P. 4–8.
21. Druckman J. N., Parkin M. The impact of media bias: How editorial slant affects voters // *The Journal of Politics*. 2005. № 67 (4). P. 1030–1049.

22. Norris P. On message: Communicating the campaign, Thousand Oaks, CA; London, U.K.: SAGE. 1999. 224 p.
23. Kahn K. F., Kenney P. J. The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates // *American Political Science Review*. 2002. № 96 (2). P. 381–394.
24. Hallock S. M. Editorial and opinion: The dwindling marketplace of ideas in today's news, Westport, CT: Praeger. 2007. 256 p.
25. Турчинская Э. И. Соотношение заголовка и текста в газетно-публицистическом стиле. М.: УОР, 1984. 52 с.
26. Katajamäki H. An Editorial and its Intertextual Links: Case Study of a Finnish Business Newspaper. URL: https://www.researchgate.net/publication/267545802_An_Editorial_and_its_Intertextual_Links_Case_Study_of_a_Finnish_Business_Newspaper (дата обращения: 28.11.2021).
27. Nanri K. An Anatomy of the homogeneity and innocuousness of Japanese editorials. 2004. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/An-Anatomy-Of-The-Homogeneity-And-Innocuousness-Of-Nanri/dffb50ba3021a4b3288c5064bc0aac7fcef27ac6> (дата обращения: 28.11.2021).
28. Martin J. R. Factual writing: exploring and challenging social reality]. Victoria: Deakin University Press, 1985. URL: <https://clck.ru/Z5ka4> (дата обращения: 28.11.2021).
29. Bonyadi A. The rhetorical properties of the schematic structures of newspaper editorials: A comparative study of English and Persian editorials. *Discourse & Communication // DISCOURSE COMMUN*. 2010. № 4. P. 323–342.
30. Bonyadi A., Samuel M. Headlines in Newspaper Editorials. A Contrastive Study // *SAGE Open*. 2013. Vol. 3, № 10.
31. Hall D. R. Materials production: theory and practice // *Innovations in English language teaching*. London, England: Routledge, 2001. P. 229–239.
32. Никонова Е. А. Тенденции экспрессивизации и диалогизации в газетном стиле (на примере новостного блока англоязычных газет) // *Научный диалог*. 2020. № 9. С. 128–143. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-128-143
33. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: a research agenda // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. № 3. P. 586–610. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
34. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.11.2021).
35. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 384 с.
36. Biber D., Susan C. Register, genre and style. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 344 p.
37. Клушина Н. И. Стратегия именования в воздействующей речи // *Вестник Московского университета. Сер. 10, Журналистика*. 2006. № 5. С. 49–65.
38. Fairclough N. Discourse and social change. Cambridge: Polity Press. 1992. 259 p.

References

1. Firmstone J. The Editorial Production Process and Editorial Values as Influences on the Opinions of the British Press Towards Europe. *Journalism Practice*, 2008, no. 2, pp. 212–229.
2. Firmstone J. *Editorial journalism and newspapers' editorial opinions*, 2019. URL: https://www.researchgate.net/publication/339886788_Editorial_journalism_and_newspapers'_editorial_opinions (accessed 28 November 2021).
3. Tirkkonen-Condit S. Argumentation in Finnish vs. English and German Editorials. *Text, interpretation, argumentation*. Hamburg, Helmut, 1989. Pp. 173–181.
4. Le E. *Editorials and the Power of Media: Interweaving of Socio-Cultural Identities*. John Benjamins Publishing Co. 2010. URL: <http://bibliocatalog.mgimo.ru:2079/login.aspx?direct=true&db=e000xww&AN=309457&site=ehost-live> (accessed 28 November 2021).
5. Blankenship J., Mendez-Mendez S., Guen Kang J., Giodano J. Initial construction of Ferraro in newspaper editorials. *Journalism Quarterly*, 1986, no. 68, pp. 378–382.
6. Hannah J., Gandy O. J. Editorial opinion and racial profiling: Coming to terms with DWB. *Paper submitted to the Political Communication Division for the 50th Annual Meeting of the International Communication Association, Acapulco, Mexico*. 2000. Pp. 1–23.
7. Myers D. S. Editorials on the economy in the 1980 presidential campaign. *Journalism Quarterly*, 1982, no. 59, pp. 414–419.
8. Richardson J. D., Lancendorfer K. M. Framing affirmative action: The influence of race on newspaper editorial responses to the University of Michigan cases. *Politics*, 2004, no. 9 (4), pp. 74–94.
9. Alvarado S. J. *Understanding editorial text*. Kluwer Acad. Pubs. Group, 1990. 296 p.
10. Gruner C. R. A quasiexperimental study of the effect of humor preference and other variables on understanding/appreciation of editorial satire. *Psychological Reports*, 1989, no. 65, pp. 967–970.
11. Krueger E., Fox J. D. The Effects of Editorials on Audience Reaction to Television Newscasters. *Journalism Quarterly*, 1991, no. 68 (3), pp. 402–411.
12. Bolivar A. The structure of newspaper editorials. *Advances in written text analysis*. London, Routledge, 1994. Pp. 276–294.
13. Liddle D. *Who invented the "leading article"?* URL: <https://www.researchgate.net/profile/Dallas-Liddle> (accessed 28 November 2021).

14. Dijk van. T. *Opinions and ideologies in editorials*. URL: <http://www.discursos.org/unpublished%20articles/Opinions%20and%20ideologies%20in%20editorials.htm> (accessed 28 November 2021).
15. Bakhtin M. *Problema rechevykh zhanrov* [Speech genres] (in Russian). URL: http://www.philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (accessed 28 November 2021).
16. Miller C. Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech*, 1984, 70, pp. 151–167.
17. Nikonova E.A. *Ob "ektivnaya i sub"ektivnaya modal'nost' v angloyazychnom politicheskom diskurse (na primere analiticheskikh statey i politicheskikh esse)*. *Dis. kand. filol. nauk* [Objective and subjective modality by the example of political essay and analytical article. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2020. 204 p. (in Russian).
18. Werkmeister L. *The London daily press, 1772–1792*. Lincoln, University of Nebraska, 1963. URL: <https://archive.org/details/londondailypress0000werk> (accessed 28 November 2021).
19. Schudson M. *Discovering the news: A social history of American newspapers*. New York, NY, Basic Books, 1978. 119 p.
20. Conboy M. The print industry-yesterday, today and tomorrow: An overview. In R. Keeble (Ed.) *Print journalism: A critical introduction*. Oxford, U.K., Routledge, 2005. Pp. 4–8.
21. Druckman J. N., Parkin M. The impact of media bias: How editorial slant affects voters. *The Journal of Politics*, 2005, no. 67 (4), pp. 1030–1049.
22. Norris P. *On message: Communicating the campaign*, Thousand Oaks, CA; London, U.K., SAGE, 1999. 224 p.
23. Kahn K. F., Kenney P. J. The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates. *American Political Science Review*, 2002, no. 96 (2), pp. 381–394.
24. Hallock S. M. *Editorial and opinion: The dwindling marketplace of ideas in today's news*. Westport, CT, Praeger, 2007. 256 p.
25. Turchinskaya E. I. *Sootnosheniye zagolovka i teksta v gazetno-publitsisticheskom stile* [Headline and text in the newspaper style]. Moscow, UOR Publ., 1984. 52 p. (in Russian).
26. Katajamäki H. *An Editorial and its Intertextual Links: Case Study of a Finnish Business Newspaper*. URL: https://www.researchgate.net/publication/267545802_An_Editorial_and_its_Intertextual_Links_Case_Study_of_a_Finnish_Business_Newspaper (accessed 28 November 2021).
27. Nanri K. *An Anatomy of the homogeneity and innocuousness of Japanese editorials*. 2004. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/An-Anatomy-Of-The-Homogeneity-And-Innocuousness-Of-Nanri/dffb50ba3021a4b3288c5064bc0aac7fcef27ac6> (accessed 28 November 2021).
28. Martin J. R. *Factual writing: exploring and challenging social reality*. Victoria, Deakin University Press, 1985. URL: <https://clck.ru/Z5ka4> (accessed 28 November 2021).
29. Bonyadi A. The rhetorical properties of the schematic structures of newspaper editorials: A comparative study of English and Persian editorials. *Discourse & Communication. DISCOURSE COMMUN*, 2010, no. 4, pp. 323–342.
30. Bonyadi A., Samuel M. Headlines in Newspaper Editorials. A Contrastive Study. *SAGE Open*, 2013, vol. 3, no. 10.
31. Hall D. R. *Materials production: theory and practice. Innovations in English language teaching*. London, England, Routledge, 2001. Pp. 229–239.
32. Nikonova E. A. Tendentsii ekspressivizatsii i dialogizatsii v gazetnom stile (na primere novostnogo bloka angloyazychnykh gazet) [Newspaper-Style Expressivization and Dialogization Trends (News Block of English-Language Newspapers)]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2020, no. 9, pp. 128–143 (in Russian). DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-128-143
33. Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V. Emotionalisation of contemporary media discourse: a research agenda. *Russian Journal of Linguistics*, 2021, no. 3, pp. 586–610. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610>
34. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (accessed 28 November 2021).
35. Larina T. V. *Kategoriya vzhlivosti i stil' kommunikatsii. Sopostavleniye angliyskikh i russkikh lingvokul'turnykh traditsiy* [Politeness and style of communication. Comparison of English and Russian linguistic and cultural traditions]. Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
36. Biber D., Susan C. *Register, genre and style*. Cambridge, Cambridge University Press, 2009. 344 p.
37. Klushina N. I. *Strategiya imenovaniya v vozdeystviyushchey rechi* [Strategies of nomination and influential speech]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10, Zhurnalistika*, 2006, no. 5, pp. 49–65 (in Russian).
38. Fairclough N. *Discourse and social change*. Cambridge, Polity Press, 1992. 259 p.

Информация об авторе

Никонова Е. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации (пр. Вернадского, 76, Москва, Россия, 119454).

Information about the author

Nikonova E. A., Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer, MGIMO University (pr. Vernadskogo, 76, Moscow, Russian Federation, 119454).

Статья поступила в редакцию 28.11.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 28.11.2021; accepted for publication 29.03.2022

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-67-74>

КОМБИНАТОРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МИЛИТАРНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ В ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ульяна Александровна Ульянова

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации, Новосибирск, Россия, uua_07@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена милитарным коллокациям как разновидности терминологических коллокаций, ограниченных сферой функционирования военного и военно-политического дискурсов. В статье проводится комбинаторно-семантический анализ коллокаций с компонентом *hybrid*, извлеченных из военно-политических текстов, опубликованных на официальном сайте НАТО. Новизна исследования заключается в описании одной из разновидностей терминологических коллокаций – милитарных коллокаций.

Цель – проведение комбинаторно-семантического анализа коллокаций с компонентом *hybrid* в англоязычном военно-политическом дискурсе.

Материал и методы. Основными методами исследования являются комбинаторно-семантический анализ, метод сплошной выборки, а также частотный анализ. Материалом исследования послужили тексты выступлений генерального секретаря НАТО (74 контекста), словари коллокаций и англоязычные толковые словари.

Результаты и обсуждение. На основании анализа теоретического материала о природе терминологических коллокаций выделяются и описываются милитарные коллокации как один из подвидов терминологических коллокаций, функционирующих в военно-политическом дискурсе. В зависимости от наличия или отсутствия термина в составе коллокации было выделено два подвида милитарных коллокаций: милитарные терминологические коллокации и милитарные коллокации терминов. Основное отличие милитарных коллокаций терминов от милитарных терминологических коллокаций состоит в том, что в милитарных коллокациях терминов и база, и коллокат являются терминами. Милитарные коллокации терминов обладают богатым комбинаторным потенциалом и могут рассматриваться как политематичные единицы языка в силу того, что в таких коллокациях база и коллокат представляют собой комбинацию разнонаправленных тематических сфер (военная и биосфера). Комбинаторный потенциал милитарных терминологических коллокаций с компонентом *hybrid* ограничен контекстом в тех случаях, когда базы не относятся к военной сфере.

Заключение. В результате исследования обосновывается мысль о том, что в основе образования милитарных коллокаций терминов с компонентом *hybrid* лежит итеративная сема. Милитарные терминологические коллокации образуются на основе общей классемы. К перспективам исследования относится выделение окказиональных милитарных коллокаций в военно-публицистических текстах и анализ механизмов сочетаемости в коллокациях подобного рода. Полученные результаты могут быть использованы при составлении словарей коллокаций в военной и военно-политической сфере.

Ключевые слова: милитарная коллокация, милитарная терминологическая коллокация, милитарная коллокация терминов, военно-политический дискурс, комбинаторно-семантический анализ

Для цитирования: Ульянова У. А. Комбинаторно-семантический анализ милитарных коллокаций в военно-политическом дискурсе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 67–74. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-67-74>

COMBINATORIAL SEMANTIC ANALYSIS OF MILITARY COLLOCATIONS IN MILITARY POLITICAL DISCOURSE

Ulyana A. Ulyanova

Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I. K. Yakovlev of national guard troops of Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation, uua_07@mail.ru

Introduction. The article is devoted to military collocations as a variety of terminological collocations limited to the sphere of military and military political discourse. The combinatorial semantic analysis of collocations with the component *hybrid*, extracted from military political texts published on the official website of NATO has been carried out in the article. The research novelty of the paper is in describing of variety of terminological collocations, in particular military collocations.

© У. А. Ульянова, 2022

The aim is to carry out combinatorial semantic analysis of collocations with the component *hybrid* in the English military political discourse.

Material and methods. The main methods of the research are combinatorial semantic analysis, continuous sampling method, as well as frequency analysis. The material of the research was texts of speeches of NATO Secretary General (74 contexts), dictionaries of collocations and English explanatory dictionaries.

Results of discussion. Based on the analysis of theoretical material on the nature of terminological collocations, military collocations as one of the subtypes of terminological collocations functioning in military political discourse have been identified and described. Depending on the presence or absence of a term in the collocation, two subtypes of military collocations have been distinguished: military terminological collocations and military collocations of terms. The main difference between military terminological collocations and military collocations of terms is that in military collocations of terms both the node and the collocation is the term. Military collocations of terms have a rich combinatorial potential and can be considered as polythematic units of language, because the node and collocate are a combination of different thematic areas (military and biosphere) in such collocations. The combinatorial potential of military terminological collocations with the component *hybrid* is limited by the context in case the node does not belong to the military sphere.

Conclusion. As a result it is argued that the formation of military collocations of terms with the component *hybrid* is based on iterative sema while military terminological collocations are formed on the basis of a common classeme. The research perspectives is in identification of occasional military collocations in military publicistic texts and the analysis of combinatorial mechanisms in collocations of this kind. The obtained results can be used in compiling dictionaries of collocations in the military and military political sphere.

Keywords: *military collocation, military terminological collocation, military collocation of terms, military political discourse, combinatorial semantic analysis*

For citation: Ulyanova U. A. Kombinatorno-semanticheskiy analiz militarynykh kollokatsiy v voyenno-politicheskom diskurse [Combinatorial Semantic Analysis of Military Collocations in Military Political Discourse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 67–74 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-67-74>

Введение

В последнее время наблюдается возросший интерес исследователей, посвященный вопросам изучения закономерностей порождения и комбинаторного потенциала языковых единиц в художественном (А. О. Черноусова, А. В. Коршунова), юридическом (К. Peshkov, А. И. Криворучко), политическом (Е. В. Терехова, И. О. Онал) дискурсах. Примерно 70% повторяющихся слов в корпусе составляют часто повторяющиеся словосочетания того или иного рода, которые в комбинаторной лингвистике называются коллокациями (цит. по [1, с. 48]) (здесь и далее перевод мой. – У. У.).

В лингвистической традиции сформировалось три подхода к пониманию коллокаций. В рамках фразеологического подхода коллокация эквивалентна термину «полуфразама» и представляет собой семантическую фразу языка L, в составе которой присутствует семантическое означаемое лексемы А – в качестве семантической доминанты и некоторое дополнительное означаемое [2, с. 238–239].

Коллокации, рассматриваемые сквозь призму лексикографического подхода, представляют собой характерные, часто встречающиеся сочетания слов, появление которых рядом друг с другом основывается на регулярном характере взаимного ожидания и задается семантическими факторами, что позволяет рассматривать коллокаты не как изолированные единицы, а как часть сложной сети семантических отношений [3, с. 36; 4, с. 141].

Данный подход к трактовке коллокаций напрямую коррелирует с идеями Р. Фёрса, который понимал под коллокациями слова в привычном, обычном окружении [5, с. 14].

Третий подход к исследованию коллокаций связан с развитием корпусной лингвистики. Коллокация может быть определена количественно как степень вероятного появления слова у в тексте, которая увеличивается от появления другого слова х [6, с. 168].

Общепринятой типологии коллокаций в настоящий момент не существует. Типы коллокаций зависят от жанра и стиля текста. Р. Фёрс выделял традиционные и общепринятые коллокации (*general or more usual collocations*), а также технические и индивидуально-авторские коллокации (*technical and personal collocations*) (цит. по [7, с. 17]).

М. В. Влавацкая, опираясь на идеи Р. Фёрса, предложила детальную типологию коллокаций с точки зрения семантики, комбинаторики, функций, разграничив коллокации на традиционные, этнокультурные, терминологические, окказиональные и колоративные [8, с. 439]. Представленная классификация не ограничивается выделенными выше типами коллокаций, она является открытой и может включать другие типы комбинаторно обусловленных единиц, отражающих значимые реалии в жизни и деятельности человека [8, с. 442].

К. Пешков разработал типологию юридических терминологических коллокаций в специальном ди-

скурсе. В рамках данной типологии выделяются терминологические коллокации, нетерминологические коллокации и коллокации-термины. А. И. Криворучко дополнила классификацию К. Пешкова и выделила индивидуально-авторские (окказиональные) юридические терминологические коллокации, рекуррентные юридические терминологические коллокации, фиксированные юридические терминологические коллокации [9, с. 60–61]. Принимая за основу типологию коллокаций К. Пешкова и А. И. Криворучко, можно говорить также о существовании милитарных коллокаций в военном и военно-политическом дискурсах.

Цель исследования – провести комбинаторно-семантический анализ коллокаций с компонентом *hybrid* в военно-политическом дискурсе. Новизна исследования состоит в описании разновидности терминологических коллокаций – милитарных коллокаций (термин, образованный по аналогии с милитарным (военным) дискурсом), функционирующих в пространстве военно-политического дискурса. Теоретическая значимость работы состоит в углублении и систематизации знаний о природе милитарных коллокаций. Практическая значимость связана с возможностью применения полученных данных при составлении словарей коллокаций в военной сфере.

Милитарные коллокации по своей природе являются разновидностью терминологических коллокаций. М. В. Влавацкая определяет терминологические коллокации как терминологические словосочетания, которые относятся к определенной области знаний и выражают одно понятие [8, с. 440]. Как полагает И. О. Онал, выделение терминологических коллокаций в отдельную группу единиц возможно лишь только в рамках широкого подхода к их пониманию. Терминологические коллокации – это неоднословные термины, отражающие специальные понятия [10, с. 78]. М. К. Л. Хоме называет терминологические коллокации специализированными лексическими сочетаниями, которые используются представителями какого-то профессионального сообщества. Ученый отмечает, что такие словосочетания являются непредсказуемыми, поэтому изучающие иностранный язык должны заучивать их наизусть [11, с. 498]. Ф. Смадия придерживается схожей позиции с М. К. Л. Хоме и говорит о существовании узкоспециальных коллокаций (*domain-specific collocations*) [12, с. 148]. У данных коллокаций наличие термина в составе коллокации не является обязательным условием, но в зависимости от сферы функционирования при совместном употреблении база и коллокат приобретают совершенно иное значение, ограниченное сферой употребления [12, с. 148]. Поэтому сфера функционирования легла в основу номина-

ции узкоспециальных коллокаций. Л. Патино использует термин *specialized collocation* (специализированная коллокация), под которой он понимает тип многословного словосочетания (*a type of multi-word expression*), в составе которого присутствует термин, выступающий в качестве базы [13, с. 125]. Таким образом, ученые сходятся во мнении, что обязательным условием существования терминологической коллокации является наличие термина в составе коллокации, а также соотнесенность с определенной предметной областью знаний.

Все вышеизложенное дает основание утверждать, что милитарные коллокации – это сочетания двух и более слов, представляющие собой неслучайную лексическую встречаемость, которые существуют в пространстве военного и военно-политического дискурса [9, с. 48].

Материал и методы

Материалом исследования послужили тексты выступлений генерального секретаря НАТО, опубликованные на официальном сайте *nato.int* (74 контекста); словари коллокаций *Oxford Collocations Dictionary for Students of English*, *Macmillan Collocations Dictionary*; толковые словари *Oxford Learner's Dictionary*, *Macmillan Dictionary*, *Merriam Webster Dictionary*, *Longman Dictionary*. Основным методом исследования, используемым в работе, является комбинаторно-семантический анализ, предполагающий проведение контекстного, дефиниционного, семного и комбинаторного анализа. Для отбора практического материала исследования был использован метод сплошной выборки, а также частотный анализ с привлечением онлайн-корпуса американского варианта английского языка.

Результаты и обсуждение

Целью военно-политического дискурса является инициация военных действий и обоснование их необходимости, информирование населения о ходе войны и формирование общественного мнения [14, с. 50]. Исходя из цели данного дискурса можно высказать предположение о том, что ключевыми базами (семантически главными компонентами) в структуре милитарных коллокаций будут выступать лексемы *war*, *warfare*, *attack*, *offense*, *defense*, *army*, *weapon*, *enemy*, *ally*, а потенциальными коллокатами в составе коллокаций будут являться лексемы *military*, *civil*, *hybrid*. Включение лексемы *hybrid* в данный ряд связано с возникновением новых способов ведения войны и, как следствие, использование данной лексемы в военно-политическом дискурсе.

Вышеуказанные базы и коллокаты обладают потенциальной совместной сочетаемостью (*civil war*,

hybrid warfare, hybrid attack, military attack, military weapon), а также способны по отдельности образовывать сочетания с другими словами (*conventional weapon, biological weapon, chemical weapon, germ weapon, armed intervention, direct intervention, forceful intervention, all-out attack, full-scale attack, sustained attack, retaliatory attack, mock attack, flank attack, frontal attack, military buildup, collective defense, hybrid threat, military mission, military presence, military operation, military capability etc.*).

Обратимся к анализу коллокаций с компонентом *hybrid*. Методика исследования включает в себя следующие этапы: поиск коллокаций в военно-политических текстах, опубликованных на официальном сайте НАТО; проверка частоты употребления коллокаций в корпусе американского английского языка (СОСА), отнесение выделенных коллокаций к военным терминологическим коллокациям или к военным коллокациям терминов, семный анализ, установление функции, которую выполняет исследуемая коллокация.

На официальном сайте НАТО методом сплошной выборки из текстов выступлений генерального секретаря НАТО было выделено 74 контекста, в которых употребляется коллокат *hybrid*. Было установлено, что коллокации с компонентом *hybrid* образованы по модели *adj + N* (*hybrid threats, hybrid attacks, hybrid means, hybrid aggressive actions, hybrid war, hybrid warfare, hybrid tactics*) и относятся к именным коллокациям, в которых база выражена существительным, а коллокат – прилагательным.

Военные коллокации с коллокатом *hybrid* были разделены на два подвида:

1) военные терминологические коллокации. В терминологической коллокации один из элементов репрезентирован термином. Терминологической доминантой может быть как существительное, так и прилагательное. Примерами военных терминологических коллокаций являются *hybrid tactics, hybrid threats, hybrid aggression, hybrid attacks, hybrid means, hybrid technology*, которые функционируют в следующих контекстах:

1. *We are well aware that we are heading to, especially in the realm of what you address as rapid new technologies... the environment we are in when it comes to hybrid threats, which is affecting not only the classical military [inaudible], but also the companies, especially the multinational companies* [15].

2. *We have seen this trend accelerate during this pandemic, including disinformation and hybrid attacks* [16].

3. *...and then we have seen that they have tried to interfere or meddle into domestic political processes, in elections, cyberattacks, and different types of hybrid aggressive actions against different NATO allied countries* [17].

4. *This crisis, more like any other before, has revealed that we are witnessing threats that could blur the line between civil and military realms, between traditional and novel elements, between conventional and hybrid tactics* [18].

5. *But as you know, now Ukraine is under hybrid aggression of Russia, and we have many cases when propaganda channels...* [19].

В анализируемых коллокациях терминологической доминантой выступает коллокат *hybrid*. Данный коллокат является термином, представляющим собой номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание), принимаемую для точного наименования понятия [20, с. 30]. В данном случае речь идет о принадлежности термина *hybrid* к области биологии. Все базы относятся к общеупотребительной лексике. Следует отметить, что слова *tactics, threats, aggression, attack* являются многозначными, у которых одно из значений связано с военной сферой. Базы *means* и *technology* не имеют прямого отношения к военной сфере, однако коллокации *hybrid means* и *hybrid technology* можно рассматривать как контекстуально обусловленные военные терминологические коллокации;

2) военные коллокации терминов. К ним относятся коллокации *hybrid war* и *hybrid warfare*. В коллокациях такого типа база, и коллокат представлены термином:

6. *President Lukashenko has said in the last few hours that the idea that they hijacked planes is absolute lies and has accused the west of waging a hybrid war* [21].

7. *...and to quote the Foreign Minister of Slovakia, Mr Korčok, he said that Sputnik V is also a tool of hybrid warfare* [22].

Отличительной чертой данных коллокаций является принадлежность терминов к разным сферам (сфера биологии + военная сфера). И. О. Она представила детальную классификацию терминологических коллокаций, выделив терминообразующие (терминоформирующие) и терминосодержащие коллокации. Коллокации с компонентом *hybrid* относятся к терминообразующим, или терминоформирующим, коллокациям, так как представляют собой сочетания слов, соотносимых с определенным понятием только при совместном употреблении [10, с. 79].

Также коллокации терминов могут быть представлены сочетанием двух и более военных терминов: *artillery weapon, mine weapon, rocket missile*, которые используются в военном дискурсе. Данные коллокации называются терминосодержащими коллокациями. К ним относятся сочетания терминов с другими словами (терминами или не терминами), которые при совместном употреблении не образуют нового термина [10, с. 80].

Коллокации *hybrid threats* (34 % от общего числа контекстов с анализируемым коллокатом в исследуемой выборке текстов), *hybrid war* (25 %), *hybrid attack* (21 %), *hybrid warfare* (10%) характеризуются высокой частотой употребления. Для коллокаций *hybrid means* (5 %), *hybrid tactics* (3 %), *hybrid aggression* (2 %), *hybrid technology* (1 %) зафиксирована низкая частота употребления в анализируемом массиве текстов, опубликованных на официальном сайте НАТО. Относительно низкая частота употребления коллоката *hybrid* в составе милитарных коллокаций объясняется тем, что данные коллокации функционируют в языке сравнительно недавно. Впервые коллокация *hybrid war* была зафиксирована в работе М. Хоффмана *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars* в 2007 г. Коллокация «гибридная война» означает набор разнообразных способов ведения военных действий, как законных, так и незаконных [23, с. 14].

Коллокации *hybrid warfare* и *hybrid war* не закреплены в словарях коллокаций Oxford Collocations Dictionary и Macmillan Collocations Dictionary, а также толковых словарях Macmillan Dictionary, Merriam Webster Dictionary, Longman Dictionary и Oxford Learner's Dictionary. Значение коллокации *hybrid warfare* приводится в одном толковом словаре – Cambridge Dictionary: *the use of a range of different methods to attack an enemy, for example, the spreading of false information, or attacking important computer systems, as well as, or instead of, traditional military action* [24]. Представленное значение полностью совпадает с тем значением, которое было предложено Л. Хоффманом.

Частота встречаемости коллокаций с компонентом *hybrid* была также установлена на основе данных, полученных из корпуса Corpus of Contemporary American English (COCA). Коллокации *hybrid war*, *hybrid warfare*, *hybrid tactics*, *hybrid threats*, *hybrid aggression*, *hybrid attacks*, *hybrid means*, *hybrid technology* характеризуются минимальным количеством употреблений в корпусе. А. И. Криво ручко утверждает, что если поисковый запрос в строке Google/Google Scholar содержит до 10–15 ответных результатов и если юридическая коллокация отсутствует в базе переводов Context-reverso, то юридическую коллокацию можно рассматривать как индивидуально-авторскую (окказиональную) [9, с. 60]. Несмотря на минимальную частоту употребления анализируемых коллокаций в корпусе COCA (от 1 раза для коллокации *hybrid tactics* и *hybrid attack* и до 8 раз – для *hybrid technology*), данные единицы нельзя считать окказиональными исходя исключительно из параметра частотности [25]. Переводы всех единиц с коллокатом *hybrid* зафиксированы в базе переводов Context-reverso. Минимальная частота использования связана пре-

жде всего с экстралингвистическими составляющими военно-политической коммуникации, так как отсутствуют документально подтвержденные факты ведения гибридной войны либо такая информация является засекреченной.

Для определения механизмов образования милитарной коллокации *hybrid war* следует провести семный анализ лексем, образующих данную коллокацию. В результате анализа словарных дефиниций лексемы *hybrid* с привлечением толковых словарей Oxford Learner's Dictionary, Macmillan Dictionary, Merriam Webster Dictionary, Longman Dictionary было выделено три семы: 1) животное или растение, полученное в результате скрещивания разных пород. Например: *hybrid wheat*; 2) смешение различных вещей или стилей. Например: *hybrid architecture*; 3) транспортное средство, которое может работать на смешанном виде топлива. Например: *hybrid car* [26–29].

Семный анализ лексемы *war* показал наличие двух сем в структуре значения анализируемой лексемы: 1) вооруженная борьба между двумя или более странами или группами; 2) любая ситуация, в которой существует сильная конкуренция между противоборствующими сторонами или большая борьба против чего-то вредного [26–29].

В основе механизма образования милитарной коллокации термина *hybrid war* лежит общая сема (синтагма). Сема «комбинация, сочетание» в слове *hybrid* является потенциальной для лексемы *war*. Л. М. Васильев предложил классификацию сем по способу манифестации в плане выражения на эксплицитные и имплицитные семы [30, с. 10]. Имплицитной семой (сема, которая не имеет формального выражения) лексемы *war* может считаться сема «контакт или столкновение двух и более сторон». Таким образом, наличие эксплицитной семы «комбинация/сочетание чего-либо» лексемы *hybrid* и имплицитной семы «контакт» лексемы *war* дает основание говорить об общей итеративной семе «сочетание двух и более элементов», которая легла в основу образования милитарной коллокации *hybrid war*.

Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему, которая называется классемой [31, с. 375]. А. Греймас изображает связь различных сем (N2 и N1) и классем (Cs1) внутри семантической последовательности (Sq): $Sq = N2Cs1 + N1Cs1 = (N2 + N1) Cs1$ [31, с. 375]. Исходя из данной закономерности можно сделать вывод, что прилагательное *hybrid* может характеризовать как действия, так и объекты. Анализируемые коллокации с компонентом *hybrid* будут образовываться на основе трех классем: «объект» (Cs1), «предмет»

(Cs2) и «действие» (Cs3). Наличие классемы «объект» (Cs1) порождает такие коллокации, как *hybrid fish, hybrid monkey* etc. Коллокации *hybrid house, hybrid computer* образуются на основе общей классемы «предмет» (Cs2). В основе механизма образования военных терминологических коллокаций *hybrid threats, hybrid attacks, hybrid means, hybrid actions, hybrid tactics* лежит классема «действие» Cs3. Рассматриваемые коллокации с компонентом *hybrid* называют конкретные понятия (*hybrid war, hybrid technology*) и действия (*hybrid tactics, hybrid attack*) и выполняют номинативную функцию.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Военные коллокации с компонентом *hybrid* имеют двойственную природу. С одной стороны, их можно рассматривать как терминологические коллокации терминов, так как они представляют собой сочетание терминов, которые не всегда принадлежат строго к одной предметной области. Военные коллокации терминов могут

представлять собой комбинацию военного термина с военным термином, а также военного термина с термином из другой предметной области. С другой стороны, был выделен ряд контекстов, в которых коллокации с компонентом *hybrid* образуют военные терминологические коллокации. В данных коллокациях база представлена многозначным словом, у которого одно из значений связано с военной сферой, а коллокат принадлежит к терминосистеме, не связанной с военным делом. Если ни одно из значений многозначного слова не будет связано с военной сферой, то коллокации с компонентом *hybrid* рассматриваются как контекстуально обусловленные военные терминологические коллокации. Образование военных коллокаций происходит в соответствии с закономерностями синтагматически обусловленной номинации.

К перспективам исследования относится проведение комбинаторно-семантического анализа военных коллокаций в рамках военного дискурса, а также выявление и анализ индивидуально-авторских военных коллокаций.

Список источников

1. Bartsch S., Evert S. Towards a Firthian Notion of Collocation // OPAL. 2014. Vol. 2. P. 48–61.
2. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007. 672 с.
3. Влавацкая М. В. Система базовых понятий комбинаторной лингвистики // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 1 (26). С. 32–38.
4. Brezina V., McEnery T., Wattam S. Collocations in context // International Journal of Corpus Linguistics. 2015. Vol. 20, № 2. P. 139–173.
5. Firth J. R. A synopsis of linguistic theory, 1930–55 // Studies in Linguistic Analysis. Special Volume of the Philological Society. Oxford: Basil Blackwell, 1957. P. 1–32.
6. Halliday M. A. K., Cermáková A., Teubert W., Yallop C. Lexicology and corpus linguistics. London; New York: Continuum, 2004. 256 p.
7. Partington A. Patterns and Meanings: Using Corpora for English Language Research and Teaching. Collocation and Phrase Pattern. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1998. 172 p.
8. Влавацкая М. В. Типология коллокаций в комбинаторной лингвистике // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4 (77). С. 438–447.
9. Криворучко А. И. Комбинаторность стереотипных и креативных коллокаций в специальном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2019. 143 с.
10. Онал И. О. Терминологические коллокации как объект изучения // Научный диалог. 2019. № 1. С. 73–87.
11. L'Homme M. C., Bertrand C. Specialized Lexical Combinations: Should They Be Described as Collocations or in Terms of Selectional Restrictions? // Proceedings of EURALEX International Congress. 2000. P. 497–506.
12. Smadja F. Retrieving Collocations from Texts: Xtract // Computational linguistics. 1993. Vol. 19, № 1. P. 143–177.
13. Patiño P. Towards a Definition of Specialized Collocation // LSP in Colombia: advances and allenges, Linguistic Insights. Studies in Language and Communication. Bern: Peter Lang, 2013. P. 119–133.
14. Хомутова Т. Н., Наумова К. А. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14, № 3. С. 49–53.
15. Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Tag der Industrie Conference 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_185514.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
16. Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Chicago Business School. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184989.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
17. Opening remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and US Secretary of Defense Lloyd J. Austin III at their bilateral meeting. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184757.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
18. Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at an event hosted by the Atlantic Council. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184735.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).

19. Joint press point with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, Defence Minister Joao Gomes Cravinho of Portugal, Military Committee Chair, Air Chief Marshal Sir Stuart Peach, SACEUR Gen. Tod Wolters and First Sea Lord Adm. Tony Radakin. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184227.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
20. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение. М.: Академия, 2008. 304 с.
21. Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Slovakia, Eduard Heger. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_183315.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
22. Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Ukraine, Denys Shmyhal. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_181350.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.12.2021).
23. Hoffman M. Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars. Virginia: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
24. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hybrid-warfare> (дата обращения: 21.12.2021).
25. Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 21.12.2021).
26. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 21.12.2021).
27. Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 21.12.2021).
28. Merriam Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 21.12.2021).
29. Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (дата обращения: 21.12.2021).
30. Васильев Л. М. Семантические классы русского глагола (глаголы чувства, мысли, речи и поведения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1971. 38 с.
31. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 367–395.

References

1. Bartsch S., Evert S. Towards a Firthian Notion of Collocation. *OPAL*, 2014, vol. 2, pp. 48–61.
2. Iordanskaya L. N., Melchuk I. A. *Smysl i sochetamost' v slovare* [The meaning and combinability in dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. 672 p. (in Russian).
3. Vlavatskaya M. V. Sistema bazovykh ponyatiy kombinatornoy lingvistiki [The system of basic notions of combinatorial linguistics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of science, culture and education*, 2011, no. 1 (26), pp. 32–38 (in Russian).
4. Brezina V., McEnery T., Wattam S. Collocations in context. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2015, no. 2, vol. 20, pp. 139–173.
5. Firth J. R. A synopsis of linguistic theory, 1930–55. *Studies in Linguistic Analysis. Special Volume of the Philological Society*. Oxford, Basil Blackwell, 1957. Pp. 1–32.
6. Halliday M. A. K., Cermáková A., Teubert W., Yallop C. *Lexicology and corpus linguistics*. London, New York, Continuum, 2004. 256 p.
7. Partington A. *Patterns and Meanings: Using Corpora for English Language Research and Teaching. Collocation and Phrase Pattern*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, 1998. 172 p.
8. Vlavatskaya M. V. Tipologiya kollokatsiy v kombinatornoy lingvistike [Typology of collocations in combinatorial linguistics]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of science, culture and education*, 2019, no. 4 (77), pp. 438–447 (in Russian).
9. Krivoruchko A. I. *Kombinatornost' stereotipnykh i kreativnykh kollokatsiy v spetsial'nom diskurse. Dis. kand. filol. nauk* [The combinatorial nature of stereotypical and creative collocations in special discourse. Diss. cand. philol. sci.]. Perm', 2019. 143 p. (in Russian).
10. Onal I. O. Terminologicheskiye kollokatsii kak ob'yekt izucheniya [Terminological collocations as the object of study]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2019, no. 1, pp. 73–87 (in Russian).
11. L'Homme M. C., Bertrand C. Specialized Lexical Combinations: Should They Be Described as Collocations or in Terms of Selectional Restrictions? *Proceedings of EURALEX International Congress*, 2000, pp. 497–506.
12. Smadja F. Retrieving Collocations from Texts: Xtract. *Computational linguistics*, 1993, vol. 19, no. 1, pp. 143–177.
13. Patiño P. Towards a Definition of Specialized Collocation. *LSP in Colombia: advances and allenges, Linguistic Insights. Studies in Language and Communication*. Bern, Peter Lang, 2013. Pp. 119–133.
14. Khomutova T. N., Naumova K. A. Voyenno-politicheskiy diskurs kak osobyuy tip diskursa [Military political discourse as a special type of discourse]. *Vestnik YuUrGU. Seriya Lingvistika – Bulletin of USU. Series of Linguistics*, 2017, no. 3, vol. 14, pp. 49–53 (in Russian).
15. *Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Tag der Industrie Conference 2021*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_185514.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
16. *Remarks by NATO Deputy Secretary General Mircea Geoană at the Chicago Business School*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184989.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
17. *Opening remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and US Secretary of Defense Lloyd J. Austin III at their bilateral meeting*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184757.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).

18. *Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg at an event hosted by the Atlantic Council*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184735.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
19. *Joint press point with NATO Secretary General Jens Stoltenberg, Defence Minister Joao Gomes Cravinho of Portugal, Military Committee Chair, Air Chief Marshal Sir Stuart Peach, SACEUR Gen. Tod Wolters and First Sea Lord Adm. Tony Radakin*. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_184227.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
20. Grinev-Grinevich S. V. *Terminovedeniye* [Terminology]. Moscow, Akademiya Publ., 2008. 304 p. (in Russian).
21. *Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Slovakia*, Eduard Heger. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_183315.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
22. *Joint press point by NATO Secretary General Jens Stoltenberg and the Prime Minister of Ukraine*, Denys Shmyhal. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_181350.htm?selectedLocale=en (accessed 11 December 2021).
23. Hoffman M. *Conflict in the 21st century: the rise of hybrid wars*. Virginia: Potomac Institute for policy studies, 2007. 72 p.
24. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/hybrid-warfare> (accessed 11 December 2021).
25. *Corpus of Contemporary American English*. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (accessed 11 December 2021).
26. *Oxford Learner's Dictionary*. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (accessed 11 December 2021).
27. *Macmillan Dictionary*. URL: <https://www.macmillandictionary.com> (accessed 11 December 2021).
28. *Merriam Webster Dictionary*. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 21 December 2021).
29. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <https://www.ldoceonline.com/> (accessed 21 December 2021).
30. Vasil'ev L. M. *Semanticheskiye klassy russkogo glagola (glagoly chuvstva, mysli, rechi i povedeniya)*. Avtoref. dis. dokt. filol. nauk [Semantic classes of the Russian verb (verbs of feeling, thought, speech and behavior). Abstract of thesis doc. of philol. sci.]. Leningrad, 1971. 38 p. (in Russian).
31. Gak V. G. K probleme semanticheskoy sintagmatiki [To the Problem of Semantic Syntagmatics]. *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Problems of structural linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 367–395 (in Russian).

Информация об авторе

Ульянова У. А., доцент, кандидат филологических наук, Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии И. К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации (ул. Ключ-Камышенское Плато, 6/2, Новосибирск, Россия, 630028).

Information about the author

Ulyanova U. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk military order of Zhukov institute named after the general of the army I. K. Yakovlev of national guard troops of Russian Federation (ul. Klyuch-Kamyshenskoye Plato, 6/2, Novosibirsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 04.01.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 04.01.2022; accepted for publication 29.03.2022

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1'28

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

«Я СИДЕЛА У АКОШИЧКА, ПИСАЛА ВЕЧЕРКОМ...»: ЛЕКСИКА ЖЕНСКИХ ЗАПИСОК СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ КОЛЛЕКЦИИ ТОМСКОГО СЕВЕРА

Лю Си¹, Галина Николаевна Старикова²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ liu.si644@yandex.ru, liu.si644@qq.com

² gstarikova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Изучение русских старообрядческих говоров входит в круг востребованных современной русистики исследовательских задач, о чем свидетельствует научная литература и тематика многочисленных конференций последнего времени, где основное внимание отводится лексической проблематике.

Цель – анализ лексического состава старообрядческих бытовых текстов, созданных одним автором.

Материал и методы. Материалом настоящего исследования послужили 18 памятников бытового содержания (пасхальный дневник, разного рода записки, пробы пера и чернил, хозяйственные счета), исполненных на бересте и бумаге полууставом и скорописью. Записи выполнены в основном в третьей четверти XX в., предположительно одной рукой – общинницей одного из староверческих «поместий» на Томском Севере. Материал составляет 733 слова (3 367 словоупотреблений). В исследовании используется метод научного описания, включающий приемы наблюдения, классификации, интерпретации, контекстного анализа и количественных подсчетов, а также элементы лингвоперсонологического метода речевого портретирования и сравнительно-сопоставительного анализа с целью выявления гендерной специфики в словарных запасах двух языковых личностей.

Результаты и обсуждение. Анализ показал распределение словарного состава автора женских записок по грамматическим классам, их связь с представленными в текстах типами речи: в описании преобладают имен-ные части речи и слова категории состояния, в повествовании – глаголы ряда семантических групп (движения, конкретных физических действий и др.), их наречные актанты, в рассуждении – местоимения, глаголы эмоционально-психологических состояний. Исследование выявило наиболее частотную для данных источников лексику: *быть, день, ясно, снег, студено* и др., а также единично употребленные слова: *апостол, облачно, уснуть* и др.

В семантическом плане лексика памятников распределяется по двум крупным номинативным зонам: «Мир природы» и «Мир человека», в которых выделяется ряд подзон. В первой из них, наиболее представительной, вычлняются подзоны: «Явления погоды» (*туча, мороз, сырой, тихой застыть, дуть, облачно*), «Небесные тела» (*звезда, солнце*), «Элементы ландшафта» (*озеро, лес*) и др. Зона «Мир человека» включает антропонимическую (*Маничка, Стеня, сестрица, охотник, гостя, деушка*), соматическую (*сердце, десница*), лексику эмоциональной сферы (*горе, слезы, несчастный, страдать*), производственную (*холст, ткань, рыбка*) и др. Номинативные зоны пересекаются друг с другом, например в подзонах «Животный мир» (*овсяночка, лось – петушок, щенята*) и «Время» (*ночь, осенью – праздник, преполовение*). Отдельной группой выделяется лексика религиозного дискурса, в том числе конфессионально маркированная (*отче, братец, отлучиться*).

В аспекте употребления лексика делится на общерусскую и областную. В последней выделяются этнографизмы (*морда, черым*), лексические диалектизмы (*мало-мало, чаять*) и местные варианты общерусских слов (*суда, вдале, веселый*). Часть лексики обнаруживает общность с лексикой дневника начала XX в., в котором отражен другой говор (*синочка, перевалки*), а часть не отражена в диалектных словарях вообще (*непись, ям*).

Заключение. 1. Выявленный словарный запас женщины характеризуется определенным разнообразием как в плане его тематики, так и в частеречном отношении, что позволяет считать ее языковой личностью (ЯЛ) с высоким показателем лексического разнообразия речи. 2. Это диалектная ЯЛ, территориально маркированная часть лексикона которой в целом соответствует лексической подсистеме местных прикетских говоров, но с сохранением следов прошлого инодиалектного влияния. 3. Эта личность может быть охарактеризована как религиозная ЯЛ с конфессионально маркированным словарным запасом.

Ключевые слова: старообрядчество, традиционная культура, лексика, конфессиональная языковая личность, эсхатологизм

Для цитирования: Лю Си, Старикова Г. Н. «Я сидела у акошичка, писала вечерком...»: лексика женских записок старообрядческой коллекции Томского Севера // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 75–87. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

RUSSIAN LANGUAGE

“YA SIDELA U AKOSHECHKA, PISALA VECHERKOM”: THE VOCABULARY OF WOMEN'S RECORDS FROM NORTHERN TOMSK OF OLD BELIEVERS' COLLECTION

Liu Si¹, Galina N. Starikova²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ liu.si644@yandex.ru, liu.si644@qq.com

² gstarikova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study of Russian Old Believer's dialects is included in modern Russian studies of research problems, as proven by the scientific literature and the subjects of many recent conferences, where the main attention is paid to the lexical problems.

Aim and objectives. The analysis of the lexical composition of Old Believer household texts created by one author.

Material and methods. The object of the present study were 18 household manuscripts (Paschal diary, various notes, samples of pens and inks, household accounts), written on birch barks and papers in semi-uncial and cursive handwriting. Most of these records were made in the third quarter of the 20th century, presumably by an individual, who is a member of the Old Believer “estates” in the north of Tomsk. The material consists of 733 words (3,367 used). The study uses the scientific description method which includes methods of observation, classification, interpretation, contextual analysis and quantitative counts, as well as linguopersonological elements which include portrait of speech methods and comparative/collation analysis in order to identify gender specificity in the vocabulary of two linguistic personalities.

Results and discussion. The analysis showed the vocabulary distribution of the women notes by the author through grammatical classes, their relationship with the types of speech represented in the texts: The description is dominated by nouns and words of the state category, the narrative – verbs of several semantic groups (movement, specific physical actions, etc.), their adverbial actants and the discourse – pronouns, verbs of emotionally-psychological states. The study revealed the most frequent vocabulary for these sources: *byt'*, *den'*, *yasno*, *sneg*, *studenno*, etc., as well as words that were used once: *apostol*, *oblachno*, *usnut'*, etc.

Semantically, the lexicon of the manuscripts is distributed into two major nominative zones: “World of Nature” and “Human World”, which include a number of sub-zones. The first most representative one of them is sub-zones: “Weather phenomena” (*tucha*, *moroz*, *syroy*, *tikhoy zastyt'*, *dut'*, *oblachno*), “Heavenly objects” (*zvezda*, *solntse*), “Elements of the landscape” (*ezero*, *les*), etc. The Human World zone includes anthroponymic (*Manichka*, *Stenya*, *sis*, *hunter*, *guest*, *deushka*), somatic (*heart*, *hand*), emotive sphere (*gore*, *slezy*, *neschastnyy*, *stradat'*), industrial (*kholst*, *tkat'*, *rybka*), etc. vocabulary. The nominative zones overlap with each other, as in the Animal World sub-zones (*ovsyanochka*, *los'* – *petushok*, *shchenyata*) and Time (*noch'*, *osen'yu* – *prazdnik*, *prepolovenie*). A separate group is the vocabulary of religious discourse, including confessionally marked (*otche*, *bratets*, *otluchit'sya*).

In the aspect of usage, the vocabulary is divided into all-Russian and regional vocabulary. Regional vocabulary includes ethnographisms (*morda*, *cherym*), dialectal lexical (*malo malo*, *chayat*) and local variants of all-Russian words (*suda*, *vdale*, *veselyy*). A part of the vocabulary shows a commonality with the vocabulary of the diary of the early 20th century, which reflects a different sub-dialect (*sinochka*, *perevalki*), and another part is not reflected in the dialect dictionaries at all (*nepis*, *yam*).

Conclusion. 1. The revealed woman's lexical resource is characterized by a certain diversity both in terms of its topics and in terms of part of speech, which allows us to consider her linguistic personality (LP) with a high index of lexical diversity of speech. 2. This is a dialectal LP, the lexicon which are marked territorially. In general, they correspond to the lexical subsystem of local priket'skii accents with the preservation of their ancestor's past foreign-dialect influence. 3. This personality can be characterized as a religious LP with a confessionally marked vocabulary.

Keywords: *Old Believers, traditional culture, vocabulary, confessional linguistic personality, eschatology*

For citation: Liu Si, Starikova G. N. “Ya sidela u akoshichka, pisala vecherkom...”: leksika zhenskikh zapisok staroobryadcheskoy kollektzii Tomskogo Severa [“Ya sidela u akoshichka, pisala vecherkom...”: The Vocabulary of Women’s Records from Northern Tomsk of Old Believers’ Collection]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 75–87 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-75-87>

Введение

Лексический уровень представляет одну из наиболее интересных подсистем языка, содержащую его номинативные ресурсы (структурные, семантические), отражающие особенности мировидения народа – в силу своей подвижности (проницаемости и подверженности интерференции). Данный факт обуславливает стабильно высокий исследовательский интерес к словарному составу как языковой системы в целом, так и отдельных его подсистем, одной из которых выступает *старообрядческая лексика*.

Данный термин и содержательно близкие ему могут употребляться в работах в разных значениях, см., например, возможные варианты словников «Старообрядческого словаря», представленные в статье Г. Н. Стариковой [1, с. 46–57]. Во-первых, так называют конфессионально маркированные лексические единицы, т. е. отражающие прежде всего собственно религиозную сторону жизни данного сообщества. Примером такого типа исследований может служить диссертация Г. А. Толстовой, посвященная сакрально-богослужебной лексике в письменной речи Агафьи Лыковой, представленной группами православной (*молиться, крестить, канон, воскресенье, Покров*) и старообрядческой конфессиональной (*водание, лжеспособство, предстание, шестослужба, никонянин, единогласный*) лексики [2]. С. Е. Никитина называет ее конфессиональной и включает в нее не только «термины догматики, обрядовой жизни, прежде всего богослужения, наименования его участников, терминологию богослужебного пения... номенклатуру обрядовой пищи и одежды», но и традиционный ономастикон и такие слова, как *истина, мир, смерть, человек* и др., в значении которых могут проявляться доминанты модели мира данного сообщества [3, с. 431]. К ним примыкают работы А. В. Черных, посвященные названиям староверов и их согласий в народном типе языка [4, 5]. Во-вторых, старообрядческой называют лексику, свойственную речи представителей этой конфессии, противопоставленную общенародной – социальной (т. е. конфессионально) и территориально ограниченную, что обычно соответствует принципам отбора лексики в словари, называемые старообрядческими [6–8]. В-третьих, при максимально широком понимании термина последний подразумевает лексику, свойственную речи старообрядцев, в том

числе общеупотребительную [9], что характеризует словарный состав народного типа языка в целом, отдельных его говоров, социолектов или идиолектов.

Реальная исследовательская практика демонстрирует и более частные случаи толкования этого термина, не укладывающиеся в названные выше три. Так, О. Г. Ровнова, представляя проект словаря говора старообрядцев Южной Америки, предполагает включение в него лексических диалектизмов, диалектных вариантов общерусских слов (*ейный, муравятник, твердить, прощаться, свекруха*), конфессиональной лексики (*святенья, согласие, стоять на правиле*), антропонимов (*Игнатьевичи, Давыдыха*), фразеологизмов, пословиц и поговорок, заимствований из языков стран проживания (*аренда, эвкалипт, жунгля, макаки, патент, форест* и др.) [10, с. 194–196]. Широко общенародная лексика входит также в словарь говоров староверов-поморцев, проживающих в трех странах Балтии, Е. Е. Королевой (*авоська, агитатор, баишлык, билетёр, вражда*) [11]. Полагаем, что именно учет всех ресурсов лексической подсистемы дает полное представление «о целостной культуре, где переплетено профанное и сакральное или мирское и духовное» [3, с. 431]. Не случайно Г. А. Толстова, чье исследование построено на конфессиональной лексике, в идиолектный словарь включила уже весь языковой материал 99 писем А. К. Лыковой [12].

К настоящему времени старообрядоведение располагает значительным количеством лексикологических исследований. Среди них работы, посвященные лексике старообрядческих говоров таких регионов, как Забайкалье [13–15], ряд районов Прибалтики [16], Сибири [2, 17], Прикамья [4, 5, 18], Приамурья [19, 20], Дона (казаки-некрасовцы) [21, 22], Урала [23, 24] и некоторых других. Стабильно высокий интерес лингвисты проявляют и к речи староверов в условиях дальнего зарубежья [25–27], а также возвращенцев – старообрядцев-реэмигрантов [28]. Работы различаются объектом описания (фразеология [18], староверческий антропонимикон [26], лексика пищи [20], экспрессивные [15], архаичные единицы [14], лексика иноязычного окружения [29]).

Логическим продолжением семантических исследований лексики выступает ее лексикографирование – не случайно материалом этих типологически разных словарей становится номинативный

состав наиболее активно изучаемых говоров [6–9, 11, 12, 30, 31]. По результатам гранта РФ (руководитель проекта А. В. Черных) подготовлен к изданию «Словарь лексики и фразеологии старообрядческих говоров Пермского края»¹.

Все сказанное обуславливает актуальность нашего обращения к данной проблематике. Его цель – анализ лексического состава старообрядческих бытовых текстов, созданных одной из общинниц.

Материал и методы

Так называемая Заимочная старообрядческая коллекция, основная часть которой хранится в настоящее время в Томске в фондах Томского областного краеведческого музея (ТОКМ) и Научной библиотеки ТГУ, была сформирована в ходе археографических экспедиций в 1980-х и 1990-х гг. на север Томской области – в районы бывшего Нарымского края. В ее состав вошли разножанровые тексты четьей и служебной литературы (жития, поучения, слова, выписки из трудов отцов церкви, евангелия, тропарь, месяцеслов, отдельные молитвы и др.), а также ряд оригинальных памятников бытового содержания: дневники, личные записки, письма, рисунки с подписями, счета снесенных курами яиц с поименованием клочки каждой, пробы пера и руки, перевод буквенной цифири в порядковый счет и др., исполненные на бумаге и бересте. В самом объемном из них (36 бумажных листов; ТОКМ, е.х. 7372), так называемом островном летописце (ОЛ), мужчина-севернорус в коротких подневных записях отразил погоду и хозяйственную деятельность общинников за 1915–1923 гг. Содержание же других бытовых записей подсказывает, что их авторы – женщины (три-четыре почерка), что дает основание называть их *женскими записками* (ЖЗ).

Из них к настоящему исследованию привлекались тексты, с большой степенью вероятности созданные Натальей Федоровной Коноваловой, предположительно внучатой племянницей автора ОЛ, и исключались письма, записки, явно адресованные ей, что позволяет характеризовать лексику как словарный запас отдельной языковой личности (ЯЛ). Наибольший интерес из них вызывает берестяная «Книга пасхальная» (КП), хранящаяся в Институте истории СО РАН (е.х. 2/92, г. Новосибирск), объем тетради – 14 листов, 1956–1975² гг. Ее название подсказывает, что она содержит записи за праздничные недели каждого из указанных лет, в которых отмечаются: дата Пасхи, погода и визиты этих

дней, которые дополняются краткими сообщениями о важнейших событиях года. Некогда единое целое с КП составляли разрозненные листы и небольшие тетрадки с подобными текстами за ряд других лет (1941, 1949, 1950, 1951, 1956) из собрания ТОКМ (е.х. 12676/33–12676/36, 7106). Содержательно близко к ним сообщение 1980 г. о смерти отца женщины (ТОКМ, е.х. 12676/31). Тексты разновременные, отражающие различные этапы освоения грамотности пишущей – от детского со вставками глухих гласных (преимущественно на месте былых редуцированных) в коротких разрозненных записях, которые еще можно воспринять как черновики КП, до осмысленного взрослого письма в берестяной книге. Всего к исследованию привлечено 18 источников оригинального вида, более полное представление о которых можно составить по работам [32, 33]. Согласно классификации С. И. Коткова, их можно охарактеризовать следующим образом: по внешнему образу – читаемые, написанные, по происхождению – первичные, объективно сложившиеся, рукописные, по типу письма – преимущественно полууставные, частично – скорописные [34, с. 9–10]. Цитирование источников в статье происходит по правилам оптимизированного для чтения воспроизводства текста – с использованием только современных графем, заменой буквоцифр арабскими цифрами, введением заглавных букв и знаков препинания, раздельного написания слов.

В привлеченном к исследованию материале зафиксировано 733 слова (3 367 словоупотреблений (с/у))³, в анализе которых использовался метод научного описания с приемами наблюдения, классификации, интерпретации, контекстного анализа и количественных подсчетов, дополненный элементами метода речевого портретирования и сравнительно-сопоставительного анализа – при выявлении гендерной составляющей словаря данной профессиональной языковой личности.

Результаты и обсуждение

В частеречном отношении лексика анализируемых памятников представлена в таблице.

Вполне ожидаемо высокую частотность имеют служебные слова: сочинительные союзы *и* (151) и *А* (79), частица *не* (64), предлоги *во* (49), *на* (42), *со* (38). Наиболее употребительными из знаменательных слов, по данным источникам, в лексиконе женщины являются слова *быть* (143), *день* (112), *Пасха* (80), *ясно* (69), *год* (66), *я* (57), *весь* (49), *снег*, *студено* (46), *так* (45), *писать* (40), *тепло* (38), *ходить*, *ето*, *этот* (37), *мы* (35), *еще* (32), что объясняется содержательностью записей. 402 слова

¹ См. сообщение от 07.12.2021 «В Перми издадут старообрядческий словарь» на сайте «Русская вера (Руская вѣра)»: <https://ruvera.ru/news/>.

² В тексте указаны 1964–1983 гг. – в соответствии со старообрядческим порядком летоисчисления.

³ В подсчетах не учитывались числительные, количественные и порядковые, выраженные буквоцифрами или (единично) цифрами.

Лексический материал ЖЗ в грамматическом аспекте

Источник	Количество	Часть речи											
		Всего	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие	Местоимение	Категория состояния	Числительное	Вводное	Предлог	Союз	Частица
КП	с/у	2249	729	408	131	186	173	120	49	4	137	242	70
	слов	438	172	101	35	54	21	9	15	1	13	10	7
Другие ЖЗ	с/у	1119	329	220	68	90	99	51	59	1	73	67	61
	слов	447	172	83	39	44	25	7	45	1	15	5	10
Всего	с/у	3367	1058	628	199	276	272	171	108	5	210	309	131
	слов	733	295	159	66	81	28	11	54	2	15	10	12

имеют частотность, равную 1 (*апостол, великомученик, вечерня, высокос, горько, добро, евангелист, золотой, июль, кое-где, молодость, морозный, ничуть, облачно, печаль, посветле, развиваться, себя, следок, уснуть, четырнадцатый, худо* и др.), что выявляет потенциал женского лексикона, который мог бы проявиться более полно в других коммуникативных условиях.

Такие характеристики речевых произведений, как лексический состав, их содержание и тип речи, носят, несомненно, взаимосвязанный, а во многом и взаимообуславливающий характер. Последняя из них во многом определяется частеречной принадлежностью используемой в тексте лексики. Так, предназначение КП и близких ей по содержанию записей обусловило преобладание в них описания: *Б[ы]ла ясына и тепло, курочки бегали на ульчюки* (ТОКМ, 12676/35); *1964 г[о]да была Пасха апреля 8. 1й день был ясный, веселый, студеный* (КП: л. 1). Показателями описания служат:

1) преобладание в составе лексики существительных (40% от общего словника): *был гром и дождь* (КП: л. 05); *а Фомино воскр[есе]ние весь д[е]нь был мрак, какая-та мгла* (КП: л. 6 об.), *ясно и тепло, много дыму нанесло* (КП: л. 9); *мы жили 1ю (первую) весну на новом месте в сестриной избе* (ТОКМ, 7106: об.);

2) разнообразие по тематике прилагательные, выражающие признаки описываемых реалий (*небо ярко, дождь большой, места любезная*): *би число, Троица, еще голыи лес, тепла не бывало* (КП: л. 8 об.); *день был ясный, т[и]хои, но студенаи; вся пасха севодня студена, ведрена* (ТОКМ, 12676/36); *мрак и перевалки снежныя, мало было видать солнце* (КП: л. 4 об.);

3) высокая частотность употребления слов категории состояния в ЖЗ (171 с/у, 11 лексем): *стала мырачна и тепло, но неш[и]нко* (ТОКМ, 12676/34: л. 2); *а последни[й] д[е]нь пасхи ясно, тихо и тепло* (КП: л. 13 об.); *5[-й] день праздничной недели тоже ясно, тихо, студено* (КП: л. 11 об.);

4) наличие группы глаголов состояния, в том числе безличных: *а под вечер заморочало* (КП: л. 8), *а Фомино воскресенье заморозило* (КП: л. 4 об.);

4й день ясно, студено, застыло крепко, весь д[е]нь не тало (КП: л. 3); *березнички одеваются, и трафка зеленеет* (КП: л. 9 об.).

Более редкое для ЖЗ повествование отражает события в указанный период, акцентирует внимание на том, кто и когда приходил в гости, что нового появилось за последнее время. Например: *У миня гастила деушка Маня, вечером уиш[а]* (КП: л. 1); *дывесыти иичикь ровына сынисыли курочки, щитала на Пасыхи в читьверытыи д[е]нь вечерочикамь <...> я была ф 15 годе, перывый готь училися ткать* (ТОКМ, 12676/35).

Событийность обуславливает глаголам центральное место в повествовании, чаще в форме прошедшего времени, как в прозвучавших примерах. Особо востребованы в ЖЗ а) глаголы движения, отражающие перемещение субъектов действия в пространстве: *Всяки пташачки налетели и разна запели* (ТОКМ, 7106); *этотъ годъ она къ нам перехала жить марта 30* (КП: л. 7 об.); *ходят курочки на улачке – которы ходят, а которы ползают* (КП: л. 8); *июля 25 проходила здесь машина* (КП: л. 11 об.); б) размещения, пребывания: *седели на завалиныки у куричий избушки* (ТОКМ, 12676/33); *вторую пасху я одна проводила, никуда ни ходила и ка мне никто ни бывал* (КП: л. 4 об.); *пожилъ после своей старицы 4 года и два месеца* (ТОКМ, 12676/31); *а я уишла в гости к Праксеюшке, там ночевала* (КП: л. 2); в) глаголы конкретных физических действий: *пряли на десить пасамь* (ТОКМ, 12676/34: л. 3); *наши уишли на езеро рыбачить на всю весну* (КП: л. 5).

Значимы для повествования и наречные актанты: *там, здесь, суда, под вечер, недавно, шипко, разна* (по-разному) и др.: *еле ходиль, болень, ни питалса ничиво* (ТОКМ, 12676/31); *а я осталася одна кругомь* (КП: л. 3 об.); *я ходила в гости и едва пришла – везде розлилася вода* (КП: л. 14), *распрасти[ла]ся навсегда, з базы хочит уижать* (КП: л. 5 об.); *там ночевала, утром рано пришла* (КП: л. 2) и др. Поскольку числительные придают пространственную и временную определенность окружающему миру, их употребление свойственно как описанию, так и повествованию, ср.: *Пасха*

была нонча апреля 16 (ТОКМ, 12676/34: л. 1); а я эту весну рыбачила на Северном, добыла 12 шукъ (КП: л. 10 об.).

Рассуждение относится также к менее востребованному типу речи в дневнике, чем описание: чаще всего в конце пасхальной недели автор подводит итоги праздника или выражает свое отношение к жизни и ощущения по поводу предчувствия ее ближайшего конца. Например: *И так прошли веселья праздники, и так я одна их проводила, а другую пасху встретить придется или нет* (КП: л. 5 об.); *Фомино воскресие проводила, Пасху проводила, праздники, до другой доживу или нетъ – един Гсдь знат* (ТОКМ, 7106) и т. п. Структура умозаключения, наличие риторических вопросов, представленных в этих записях, свидетельствуют именно о рассуждении, как в случаях с пересказом сна или пробой пера и чернил: *[болт]уша наболтать, все болтать, [не зр]я [вар.: меня] балтушаи празвали* (ТОКМ, 12676/29); *так я живу, век проживаю, а писать не знаю, зачем так на свете жить... где маи годы <мой?> маладыя, где-та оне улети, далека те и боли ни вернуца* (ТОКМ, 12676/27). Из грамматических классов слов, специфичных для этого типа речи, возможно выделить, пожалуй, лишь местоимения: *Писала я сразастроинаю Ванечкою. Атчиво **ана** была разастроиная, но кемь только **ана** б[ы]ла успокоиная, а никемь – кемь успокоишь, только больши разастроиши. И зачем жа я только на белаи светъ радилася?* (ТОКМ, 12676/34).

В аспекте семантики лексика ЖЗ распределяется по двум крупным номинативным зонам: «Мир природы» и «Мир человека», которые в свою очередь подразделяются на ряд подзон. В первой из них, наиболее представительной, вычленяются подзоны: «Явления погоды», «Небесные тела», «Элементы ландшафта», «Животный мир». Так, погоду представляют существительные (*черым, мороз, лед, мрак, облак, мгла, ветер*), прилагательные (*восточный, сырой, тихой*), глаголы (*застыть, заморозить, растаять, дуть*), наречия (*крепко, много, ярко*) и слова категории состояния (*облачно, постудене, холодно*). Некоторые иллюстрации: *Мрак и ветеръ, не шипко тепло, снегу еще много, только чють плешинки кое-где* (КП: л. 3); *крепко заморозило, весь день не таето* (КП: л. 6 об.); *плохо было ити, ледь проламвался* (КП: л. 7 об.); *была ведра, но ни шипка* (ТОКМ, 12676/35); *мело снег... стужа... студено, окны застывали... не было ни снегу, ни дождя, вся была ведрена весна* (ТОКМ, 12676/36); *потом зашла туча, был гром и дождь* (КП: л. 5); *но погода невеселая* (КП: л. 11 об.). «Небесную» подзону выражает следующая лексика: *Проявилась новая звезда с лучами, ниизвесно что изобразует* (КП: л. 1); *сол-*

нце садилоса, и студено (КП: л. 4 об.); *время возврата солнцу* (КП: л. 9). «Элементы ландшафта» включают существительные типа *езеро/озеро, реченька, лес, остров, беречничек, осинник, поле, вода, травка* и соответствующие их синтагматике слова: *голый лесъ* (КП: л. 12 об.); *мы собираемса ити сееть на речинку на места любезная* (ТОКМ, 7106 об.); *первои годъ живем на новом месте на острову в вершине Пайдуги в новой избе* (КП: л. 1); *мы с очей ходили на озеро, увозили морды* (КП: л. 11); *на полях еще было много снегу* (ТОКМ, 12676/36: л. 2 об.); *только начал одеватся лесъ и сходили хлеба* (КП: л. 7). Лексика фауны составляет небольшую группу, в которой наряду с дикой живностью представлена и домашняя: *братец Стефа[н] были, лося добыли – ходили на лыжах по воде* (КП: л. 7); *прилетели синочки и овсяночки* (КП: л. 12); *на раздоли на паях сидят птички на дривах* (надпись к рисунку с птицами на ветках двух деревьев – ТОКМ, 12676/8); *цыпушьки вышьли 2 май* (ТОКМ, 12676/32); *этот год был Петя, привесь пару курочек и щенят* (КП: л. 13). В записках о снесенных курами яиц приведены их клички: *Буриха, Бусинка, Жалтинка, Золка, Красотка, Малютка, Овсянка, Пирипелка, Пирунька, Сяпка, Тетерька, Хахлушка, Ц[е]сарка, Чюбарка* (ТОКМ, 12676/6), *Гусачка, Кокушечка, Синочка, Утка* и др. (ТОКМ, 12676/4), часть из которых представляют названия пернатых природного мира.

Зона «Мир человека» включает прежде всего названия людей. Они представлены: а) антропонимами – *еще Маничка пришла* (КП: л. 2); *была у нас Праксеюшка в гостях* (ТОКМ, 7106 об.); *этот годъ были Валодя, Дуся, Шура, Витя* (КП: л. 2 об.); *еще Петя Воинов, Артемии Зайцев* (КП: л. 4 об.); *Акилина Михаиловна* (ТОКМ, 12676/36: обложка); б) названиями по родству, близости воззрений: *была эта мама, а хресна спала, маму ни видала* (ТОКМ, 12676/29); *отец ходил к брату Стефану* (КП: л. 4 об.); *братец Стефан, сестрица Евдокия* (КП: л. 02); *пожилъ после своей старицы 4 года и два месеца* (ТОКМ, 12676/31); *мы з браша (с братом?) Матфеемъ хадлі на ямъ (Ям?)... Дуся с сыном Сержеаи* (ТОКМ, 12676/36: л. 4); в) прочими – по роду занятий, статусу, др.: *этат год были ахотники* (КП: л. 1); *в ту весну долго жили Дуна (Дуня?) с промышленики* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *абратна к себе госью привела* (КП: л. 1); *где жа эта деушка маладая, где жа ана милия?* (ТОКМ, 7059); *эту зиму здесь было много народ[у]* (КП: л. 12 об.); *болтуша наболтать, все болтать* (ТОКМ, 12676/29: л. 1 об.).

Небольшая группа представлена соматической лексикой: *а онъ болел, болели ноги, никуда ни ходилъ* (КП: л. 9 об.), *сини чернилы добры, но руки...* (КП: л. 1); *эта я писала больнои ручинькой* (КП:

л. 12); *и такъ мое сердце вецует, что последню весну все живем, а боли другой не стретить, не жить, а только плакать* (КП: л. 9 об.), *прашли юнаи гадочики етемь ручькамъ* (ТОКМ, 8621/1–1335). С ней сближена лексика, называющая чувства, состояния: *Начинаю писать о своемъ горе... и такъ я, несчастная, осталася одна, день и ночь страдаю и горькія слезы проливаю* (ТОКМ, 12676/31); *а мне велика печаль – дорогая голубочка пострадала* (КП: л. 6 об.); *болею, болят руки и ноги* (КП: л. 14 об.); *Бога ради терплю ече смирение* (ТОКМ, 12676/22); *ане жалабную песнь поют, скужу сердцу придают* (ТОКМ, 12676/8); *б[ы]ли маладыи, а теперь састарерись* (ТОКМ, 8621/1–1335). Эсхатологизм, признаваемый как одна из важнейших черт этого конфессионального сообщества, проявляется последней группой ярче всего.

В отличие от ОЛ, где старец регулярно указывал занятия прошедших дней, в ЖЗ представлено немного названий видов деятельности. Их практически нет в КП, так как праздничная неделя не допускала серьезных хозяйственных работ, поэтому к следующим действиям понятие деятельности неприложимо: *У миня гастила деушка Маня* (КП: л. 1); *отче к им ходил обедал* (КП: л. 8 об.); *с[ест]рица Анна там ночевала, в субботу вечером пришла* (КП: л. 9 об.). Среди собственных дел женщина указывает: *А я писала Олге на Христов день поучение и на Фомино воскресение* (КП: л. 1); *а я нонешнюю Пасху просидела дома, писала повесть Алексея* (КП: л. 8); *ходили в осиник по дрова* (КП: л. 11); *маленько рыбки принесла* (КП: л. 3). Чуть шире круг деятельности в других ЖЗ: *Я ткала последни холысть* (ТОКМ, 12676/35); *переплетала книгу Послании Тимофеевы* (ТОКМ, 12676/36: л. 3); *шила шиснадисить листов книгу малинькаю* (ТОКМ, 12676/14). Соответственно, орудия и продукты деятельности тоже редко упоминаются в записях: *не пишет поправлено перо, черкать только... проба пера и чернил, пишет худо* (ТОКМ, 12676/36: л. 1); *мы ходили на озера, лотку возили* (КП: л. 2); *самагонку надумашь гнать, я тожа ни аткажуся* (ТОКМ, 7059); *летом были Валодя с Сеняи, вазили орехи* (КП: л. 4 об.). С производственной связана так называемая «мерная» лексика: *была у миня 19 пасамъ, я наснавала 4 палустенька са столбикам, и у миня асталося 2 пасмы большихъ* (ТОКМ, 12676/34: л. 2); *[?] лактя б[ы]ла халыста* (ТОКМ, 12676/35: л. 2 об.); *недавно выпало снегу четверть* (КП: л. 12 об.); *ржы пидьдисять ведерь* (ТОКМ, 12676/26).

Выделение подобных семантических групп во многом носит условный характер, так как они пересекаются друг с другом, как было показано на примере подзоны «Животный мир». Также срединное положение между «Миром природы» и «Ми-

ром человека» занимает подзона «Время», так как оно может быть природным (*зима, осенью, утром, ночь, вечером*) и социальным (*декабрь, июль, месяц, неделя, понедельник, праздник, Благовещенье, преполовение* 'середина Пятидесятницы, 8 дней между праздниками Пасхи и Сошествия Святого Духа'). См.: *Утром на рассвете был снежок* (КП: л. 2); *с полдня стало ясно, студено* (КП: л. 6); *Нонешнюю зиму жила здесь Дуся до Великова поста, а летом были Валодя с Сеняи* (КП: л. 4 об.); *24 число, Троица* (КП: л. 12 об.); *этот годъ в Алексеев день я с Оличкой расталася, наверна, навсегда* (КП: л. 2 об.); *писала в Николу* (ТОКМ, 12676/36, л. 2 об.); *а оче приходил в Вербно воскресния и на Пасхе в понедельник* (КП: л. 6).

Значительное место в словнике ЖЗ занимает группа, которая в начале статьи обозначена как старообрядческая лексика. Эта подзона представлена тремя разрядами номинативных единиц:

1. Лексика православного дискурса (*Бог, Господь, сын Божий, апостол, ангел, Христов день, Пасха, Вознесение, Фомино воскресенье, Георгий, повесть Алексея, псалтырь, хресна* и др.): *Еще Г[оспо]дь повелел дожить до Пасхи всем* (КП: л. 11 об.); *ушли в Благовещение домои* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *ангели божии... Гсди Исе Хрсте сне Бжии, помилуй насъ... милостиве Господи, спаси и сохрани и помилуй раб своих Анну и Наталию* (ТОКМ, 12676/32).

2. Церковнославянизмы, характеризующиеся формальными признаками старославянизмов, архаикой, принадлежностью к высокому стилю с позиций современности (*един, езеро, глаголить, глава, мраз, ночь, паки, житие, поучение, смирение, безгневие, десница*): *1 мая был снег и мразъ и 3 дня не таел* (КП: л. 8 об.); *во снi глаголю: хресна, ля ка усни...* (ТОКМ, 12676/29); *днь и ночь страдаю... не знаю, какъ жить и куда свою главу приклонить* (ТОКМ, 12676/31); *Аньна, деръжи молчание и безъгневие, посылушание* (ТОКМ, 12676/23); *этот год генваря 20 погубила десницу свою* (КП: л. 12).

3. Конфессионально маркированная лексика: *отче* – о наставнике общины (поместья), *старица* – о его жене, *братец, сестрица, братия* – о единоверцах, а также *отлучиться* как 'отделиться; выйти из общины' (возможно, в силу религиозно-обрядовых разногласий?) – *этот год Маничка ушла, миня адну оставила, и ат братии мы отлучилися* (КП: л. 3 об.); *отойти* и *оставить* 'то же, что отлучиться?' 'отринуть старообрядчество, стать вероотступником?' – *этот год февраля 15 отошла от нас сестрица Васса, нас оставил Миня* (КП: л. 7); *//умереть? – 3-го числа отошла сестрица Мария, насъ оставила, а мы еще пока живем все трое* (КП: л. 9). То же – *получить смерть: 1968 года*

2 апреля получила Дуся смерть. Осинью прииоль Петя и все об этом сказал (КП: л. 5). В этом же значении – скончать житие: и по Пасхе во вторникъ 5 недели 23 апреля Георгія вечером сканчалъ свое житіе на восемьдесят девятимъ году (ТОКМ, 12676/31).

В употреблении подобной лексики видятся такие идентифицирующие качества данного сообщества, как традиционализм, обостренное самосознание. Еще одно качество – маргинальность, понимаемое как замкнутость, отчужденность по отношению к «ненашим», заставляющее старообрядцев наряду с причинами хозяйственного порядка менять местожитительство, также проявляется в ЖЗ: *первыи годъ шили (так!) на нов[о/ы]мъ месте* (ТОКМ, 12676/33). Физическое пространство «пустынников» маркировано немногочисленными существительными: *писала у акошичка Фомино во[скресение]* (КП: л. 3 об.); *сестрица Вася с Марфай седили на завалиныки у куричий избушки на Пасхи; мы жили 1-ю весну на новом месте в сестриной избе; я писала в онбаре пот крышкой вечером [в] Фомино воскрніе* (ТОКМ, 7106). Замкнутость носит относительный характер: *этот год нехто в эту старонку не бывал* (ТОКМ, 12676/36: л. 4). О существовании чужого мира и контактах с ним свидетельствуют также записи: *1 апреля еще заехали гости последнія, и все уехали трахтара и машины* (КП: л. 12 об.); *этот годъ здесь летали самалеты и верталеты, привезли петушка и пар[у] курочек* (КП: л. 14). Вместе с тем в КП глухо отражены конфликты и в среде общинников, что выражается сообщениями о том, что праздник женщина встречала и провожала вдвоем с отцом (л. 9 об.), что они *отлучились от братии* (л. 3 об.). На разногласия может указывать отстраненное *оне* в обозначении старообрядцев, как в случае с ОЛ: *Оне к намъ приходили* (КП: л. 10), причиной чему могли быть допускаемые последними уставные послабления мирским новшествам, ср.: *Мы все ходили в гости къ Стефану. Там играло радиво – этотъ год Петя в гости прилеталь* (КП: л. 10).

Как показал материал, основу словарного запаса женщины составляет общерусская лексика: *а зимой в феврале самалеть 3 недели леталь* (КП: л. 2 об.); *снегу было много, ходили на лыжах везде* (ТОКМ, 7106); *...у меня цветок красивый на платок* (ТОКМ, 12676/27: об.) и др. Группа областных слов представлена безэквивалентной лексикой (*туесочек* – сосуд из бересты цилиндрической формы, *морда* – плетеная из прутьев ловушка для рыбы, *вѣдро* – ясная погода без осадков, *вечеровать* – проводить вместе вечер за работой, *пачесь* – волокна льна после чесания, идущие на пряжу, *пасм/пасма* – единица измерения пряжи; моток в определенное количество нитей, *черым* – плотный верхний слой

снега, *заморочать* – покрываться туманом, тучами – о небе, *бердо* – деталь ткацкого станка и др.) и лексическими диалектизмами (*девятыдесят* = девяносто, *ведренный* = погожий, солнечный, *чаять* = предполагать, *кого* = что; почему, *за то что* = потому что, *отче* = наставник, *мало-мало* = чуть-чуть, *шибко* = очень, *по* = за): *Мы с отчей ходили на езеро, увозили морды* (КП: л. 11); *на черым напаль снежокъ* (КП: л. 1); *у миня асталося 2 пасмы большихъ, было у нас 55 пасмавъ пачисей, мы на снавали 3 палустьенка въ 10 бирдо; какъ есь пряжа, аснова нисколь ни асталаса, пряли на десить пасамъ* (ТОКМ, 12676/34: л. 2–3); *никогда не чаела, а еще Гос[по]дь своим милосердием повелель дожить до Пасхи* (КП: л. 13 об.); *а я ходила по рыбу* (КП: л. 9 об.).

Из формальных вариантов общерусских слов, диалектных и просторечных, выделяются фонетические (*нонче/нонча, нонешной, осьмой, Рожество, седьсотъ, суда, топерь/таперя, тама*), в том числе неосвоенные неологизмы (*трахтора, радиво*), грамматические (*облак, поздный*), словообразовательные (*вдале, куричий, направить, синочка*): *Что топерь делать?* (ТОКМ, 12676/36: л. 2 об.); *таперя мама приходитъ* (ТОКМ, 12676/29); *студеный день, нисколь ни таело* (КП: л. 1); *вдале слышно было громъ* (ТОКМ, 7106); *Хресна... пишеть ну тама* (ТОКМ, 12676/29); *пред Рожествомъ (так!) Хрствмъ б[ы]ли мырачны дни, Рож[е]ство б[ы]ла ясна* (ТОКМ, 12676/34: л. 1); *перо другое ново... мало мало пишет непотребно, не знаю, какъ направить* (ТОКМ, 12676/36: об. обложки); *настоящее тепло, прилетели синочки и всяки пташачки* (КП: л. 6 об.). Примерами семантических вариантов общерусских слов могут служить *остров* – участок леса, обособленный по своему ландшафтному положению, *северный* – холодный, ветреный, *весѣлый* – погожий, солнечный, *ничего совсем, отлучиться, отойти* и некоторые др.: *И вся пасха северна, студеная, ведренная* (ТОКМ, 12676/36: л. 4); *ясныи и веселый был д[е]нь великом [у]чен[и]ка Георгия* (КП: л. 9 об.); *ни питалса ничиво* (ТОКМ, 12676/31); *и писим нет ничиво* (ТОКМ, 12676/36: л. 4).

Большинство из них зафиксированы в томских диалектных словарях Среднего Приобья [35–37] и соответствуют лексике местных прикетских говоров (*анбар, вещевать, заморочать, нисколь, нонче, поздный, суда, черым, шибко* и др.). Часть лексики, отсутствующая в них, обнаруживает общность с лексикой ОЛ: *синочка* – «синица»; *перевалки* – о снеге, идущем с перерывами, как нар. *перевалками прерывисто, с перерывами* (*мрак и перевалки снежныя, мало было видать солнце* – л. 4 об; *весь день снегъ перевалками* – л. 10). а также *веселый, Рожество* и др. Эти два дневника также связывает

обилие форм субъективной оценки: *бочок, ведрышко, кухточка, облачек, скворчик, солнышко, шибокньо* (ОЛ) и *весточка, денечки, голубочка, маленько, окошечко, Олечка, ручка, следок* (КП), что можно отнести к проявлению личностного конфессионализма как утверждение благостности мира пустынножителей, находящихся в гармонии с природой. Л. Н. Приль называет это качество скрытой полемичностью старообрядческих текстов [38, с. 152], см.: *На озере утки плавают, и косачи токуют, и мы ездим* (ОЛ: л. 15) и *Прилетели синочки и овся [ночки], а мы с отчей снег метали в погребь* (КП: л. 12).

Особый интерес вызывает лексика, не отмеченная диалектными словарями, хотя единичность и краткость контекстов, в которых они употреблены, затрудняют их квалификацию. Одно из таких слов – *браш(-а?)*, которое встретилось 2 раза: *мы ходили в гости с сетрицаи Марфой к брашу Стефану* (ТОКМ, 12676/36: л. 3 об.); *мы з браша Матфеєм хаділі на ямь, был празнікь нібальшой* (ТОКМ, 12676/35: л. 2). Если это не описка, данную форму можно соотнести с *брашень*, отмеченную как псковское в значении двоюродный, троюродный брат, а также, возможно, родной [39, т. 2, с. 168]. Единичное *ям*, если это не микропоним *Ям* (указывающий, напр., на расположение поселения на бывшем почтовом тракте), возможно, следует соотнести с *ямка, ямки* ‘кладбище, могильник’ (псков., твер.) [40, с. 313]. Хотя это может быть, вероятно, и обозначение *ям(-а/-ы)* – ‘оврага, водной промоины в земле, места, где некогда жгли угли или курили смолу и подоб.’ [40, с. 313].

Еще одна загадка связана с плохо читаемой частью глагольного слова: *Что топерь делать? Писать нечево, читать не знаю ково. Однако з[а] клювать петушка от нечево делать* (ТОКМ, 12676/36: л. 3). Предположительно, это фразеологизм в значении ‘перекусить’ (ср. *заморить червячка*), хотя ничего похожего в областных словарях обнаружить не удалось, как и следующего выражения из берестяной записки: *Шито ты сказала, с какои неписи дагадалася, я ни знаю, правда или неть* (далее неразборчиво) (ТОКМ, 7059). Ольга Геннадьевна Ровнова в частном разъяснении написала: «Это самое любимое и скандальное. Связывать с *писать* было бы неправильно, хотя заманчиво. Дескать, старообрядческая культура – книжная и письменная, поэтому „пись“ (грамотность, умение писать – хорошо, а „непись“ – неграмотность, серость, недостоверность, слухи и под. – плохо, и отсюда негативная оценка; у Даля есть *пись* почерк’, и всё!). Уверена, что здесь бранное „с какой

такой непи...ди“». Фонетическое объяснение такое. Говор севернорусский в основе, а в северных говорах в словах, имеющих на конце сочетания [ст], [с’т’], конечный согласный не произносится, то есть по[ст]ы, но по[с], гво[з’д’и], но гво[с’]. Здесь орфографическое *непис...* с мягкими глухими на конце произносится как *непи[с’]*. Произношение [с’] в позиции перед гласной (должно бы звучать [з’д’и]) можно объяснить как результат „забвения“ внутренней формы слова, то есть значения корня, и своего рода гиперкоррекции: если в им. п. [с’], то и в остальных (ой) – тоже. Плюс фразеологизация выражения, ср. бран. „с каких х...в“. Многие лингвисты, профессионализму и языковому чутью которых я безусловно доверяю, согласны с такой трактовкой». По цензурным соображениям подобная лексика словарями не отражается, но фонетически данная версия подтверждается, хотя в материалах ЖЗ подобное упрощение групп согласных возможно только в положении перед гласными (ср. в КП *ниизвесно* (л. 1), *празники* (л. 2 об.) и *дождь* (л. 3), *пусть* – доп. л.). В речи автора ОЛ, явного северноруса, эта черта отражена многократно: *дошь* (л. 9), *пресь* (прясть) (л. 29), *холс* (л. 24).

Дополнительных разысканий требуют еще некоторые лексические единицы.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование дает основания для следующих выводов о типе данной языковой личности на основе лексического параметра.

1. Несмотря на ограниченный в количественном отношении материал анализа, можно утверждать, что отраженный в них словарный запас женщины характеризуется определенным разнообразием как в плане ее тематики, так и в частеречном отношении. Введение такого параметра, как индекс лексического разнообразия (отношение количества слов к числу словоупотреблений – 733 : 3 367), позволяет говорить о его более высоких показателях у женщины по отношению к проявленному в ОЛ словарному запасу его автора (982 : 8 777) – у нее 1 слово приходится примерно на 4,5 словоупотребления, а у старца – на 9. Это можно объяснить тем фактом, что женской руке принадлежат разного типа записи, не только дневниковые, но и по данным лишь КП, 1 слово приходится на 5,1 словоупотребления. Ее записи отличаются эмоциональностью (она открыто выражает свои чувства), чего практически нет в ОЛ, текст которого представлен в основном описанием погоды и хозяйственной деятельности – с ограниченным набором слов.

2. Данная личность является представителем народного типа культуры (диалектной ЯЛ), территориально маркированная часть лексикона которой

¹ Данная информация может быть дополнена следующими словарными материалами: неписьменный и неписьменный. Неграмотный (Брянск., Ворон., Курск.) [39, т. 21, с. 109].

в целом соответствует лексической подсистеме местных прикетских говоров. Наличие в ее словарном запасе уникальных лексико-фразеологических единиц может свидетельствовать о былой прищлости общины на Томский Север из других районов страны, сохранении в микросоциуме (в силу его традиционализма, добровольной самоизоляции) архаичной и областной лексики территории исхода общинников.

3. Эта личность может быть охарактеризована как конфессиональная ЯЛ, так как значительная

часть ее словарного запаса конфессионально маркирована, что объясняется замкнутым образом жизни старообрядцев, книжным типом культуры древлеправославия в целом и строгой приверженностью его представителей к религиозным традициям. Из идентифицирующих данное сообщество черт на лексическом уровне ярче всего проявляется эсхатологизм: ЖЗ являют истинно верующую представительницу народной культуры, остро ощущающую бытие и предчувствующую его трагический финал.

Список источников

1. Старикова Г. Н. О проекте «Томского старообрядческого словаря» (на материале бытовых текстов общинников) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 46–57. DOI: 10.17223/19986645/20/5
2. Толстова Г. А. Старообрядческая конфессиональная лексика в письменной речи Агафьи Лыковой: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 28 с.
3. Никитина С. Е. О конфессиональных словарях и материале для их построения // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 429–433.
4. Черных А. В. Общие наименования старообрядцев в диалектной речи русского населения Пермского края // Известия Уральского федерального университета. Гуманитар. науки. 2020. Т. 22, № 1 (196). С. 141–155. DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.010
5. Черных А. В. Народная терминология старообрядческих согласий в русских традициях Прикамья: бегуны (странники) // Традиционная культура Т. 19, № 5. 2018. Спецвыпуск: Язык и традиционная культура. С. 97–108.
6. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / Т. Б. Юмсунова и др.; под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск: Изд-во СО РАН: Науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН, 1999. 539 с.
7. Паликова О. Н., Ровнова О. Г. Словарь говора староверов Эстонии. Книга для учащихся. Тарту, 2008. 160 с.
8. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренбург. кн. изд-во, 2002–2003.
9. Старикова Г. Н. «Ходил по рыбу обыденкой»: Томский старообрядческий словарь. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. 104 с.
10. Ровнова О. Г. О проекте «Словаря говоров старообрядцев Южной Америки» // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20 / под ред. Л. Э. Калнынь. М., 1918. С. 188–201. DOI: 10.31168/0412-1.2.5
11. Королёва Е. Е. Диалектный словарь староверов Латгалии. Т. 1 (А–В). Рига: Институт староверия Латвии, 2017. 560 с.
12. Толстова Г. А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: Изд-во КГПУ им. В. П. Астафьева, 2004. 562 с.
13. Юмсунова Т. Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, *Studia philologica*, 2005. 288 с.
14. Матанцева М. Б. Архаическая лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 21 с.
15. Дарбанова Н. А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья: семантический, когнитивный и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000. 21 с.
16. Королёва Е. Е. Лексика преильских говоров староверов (современное состояние) // *Latvijas Universitātes raksti*. 2006. Vol. 707. Pp. 7–13.
17. Старикова Г. Н. Пространственно-временные координаты жизни старообрядческой общины (на материале «Островного летописца») // Классическая филология в Сибири: материалы VII Всерос. науч. конф. «Актуальные проблемы классической филологии и сравнительно-исторического языкознания» и регион. науч.-метод. совета по классической филологии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. С. 111–122.
18. Подюков И. А. Особенности фразеологического состава пермских старообрядческих говоров // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11, № 2. С. 285–300.
19. Архипова Н. Г. Особенности лексической системы говоров старообрядцев (семейских) Амурской области // Вестник ОГПУ. Электронный научный журнал. 2015. № 3 (15). С. 83–90. URL: <http://www.vestospu.ru> (дата обращения: 20.11.2021).
20. Архипова Н. Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 17–22.
21. Грязнова В. М. Говор казаков-некрасовцев Ставропольского края. М.: ЯСК, 2016. С. 49–579 с.
22. Сердюкова О. К. Лексика говора казаков-некрасовцев: исследование и словарь: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1969. 26 с.
23. Пирманова Н. И. Лексика уральских казаков как базовая составляющая культуры уральского старообрядчества // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 361–363.
24. Мызников С. А. О лексических особенностях говора яицких (уральских) казаков // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 19–20 / под ред. Л. Э. Калнынь. М., 1918. С. 24–35. DOI: 10.31168/0412-1.1.3

25. Юмсунова Т. Б. Некоторые наблюдения над лексикой говоров старообрядцев штата Орегон США и Канады (синьцзянцы и харбинцы) // Актуальные проблемы русской диалектологии / под ред Л. Л. Касаткина. М., 2006. С.196– 199.
26. Ровнова О. Г. Антропонимикон старообрядцев Южной Америки: традиция, специфика, эволюция // Маргиналии-2017: границы культуры и текста: тез. докладов междунар. конф. Торжок, 29 сентября – 1 октября 2017 г. М., 2017. URL: <http://uni-persona.sccc.msu.ru/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm> [дата обращения: 03.01.2022].
27. Самойлова Ю. В. Русский островной говор старообрядцев села Николаевск (штат Аляска, США). Лексико-семантический аспект. М.: Спутник, 2000. 257 с.
28. Калюжина А. Ю. Своеобразие лексической системы говоров старообрядцев – реэмигрантов из Латинской Америки на Дальний Восток России // Молодежь XXI века: шаг в будущее. Материалы XXII региональной научно-практической конференции. Благовещенск, 2021. С. 100–101.
29. Ровнова О. Г. «Другие языки» в рукописной книге русского старообрядца из Южной Америки // Acta Slavica Estonica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XVII. Свое и чужое в языке и речи. Тарту, 2016. С. 173–186.
30. Сердюкова О. К. Словарь говора казаков-некрасовцев. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. 320 с.
31. Семантический словарь говора казаков-некрасовцев с лингвокультурологическим комментарием / ред., сост. В. М. Грязнова. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2012. 608 с.
32. Старикова Г. Н., Лю Си. Графика бытовых старообрядческих рукописей в аспекте конфессионального традиционализма // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 39–49. DOI: 10.17223/15617793/470/5
33. Старикова Г. Н., Лю Си. Женские записки в составе томской старообрядческой коллекции в аспекте лингвистической содер­жательности // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 17–18 ноября 2021 г.) / науч. ред. А. П. Майоров; отв. ред. С. В. Бураева. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2021. С. 205–217.
34. Котков С. И. Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М.: Наука, 1980. 293 с.
35. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби: в 3 т. / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1964. Т. 1. 144 с.; 1965. Т. 2. 232 с.; 1967. Т. 3. 250 с.
36. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби: Дополнение: в 2 ч. / под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. Ч. 1. 278 с.; Ч. 2. 290 с.
37. Среднеобский словарь: Дополнение: в 2 т. / под ред. В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. Ч. 1. 189 с.; 1986. Ч. 2. 212 с.
38. Приль Л. Н. Аспекты старообрядческого дневника: «Божий мир» и «апостольская» община // Труды Томского государственного объединения ист.-архитектурного музея. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. Т. IX. С. 150–161.
39. Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина и др. Л. – СПб.: Наука, 1965.
40. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1858. 328 с.

References

1. Starikova G. N. O projekte «Tomskogo staroobryadcheskogo slovarya» (na materiale bytovykh tekstov obshchinnikov) [About the Tomsk Old Believer Dictionary Project (the material is community members' diaries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Philologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 2012, no. 4 (20), pp. 46–57. DOI: 10.17223/19986645/20/5 (in Russian).
2. Tolstova G. A. *Staroobryadcheskaya konfessional'naya leksika v pis'mennoy rechi Agaf'i Lykovoy. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Old Believer confessional vocabulary in the written language of Agaf'ya Lykova: Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Kemerovo, 2007. 28 p. (in Russian).
3. Nikitina S. Ye. O konfessional'nykh slovaryakh i materiale dlya ikh postroyeniya [Confessional Dictionaries and Their Source Material]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury – Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*, 2011, no. 3 (33), pp. 429–433 (in Russian).
4. Chernykh A. V. Obshchiye naimenovaniya staroobryadtsev v dialektnoy rechi russkogo naseleniya Permskogo kraya [Common names of old believers in the dialect speech of the Russian population of Perm krai]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts*, 2020, vol. 22, no. 1 (196), pp. 141–155 (in Russian). DOI: 10.15826/izv2.2020.22.1.010
5. Chernykh A. V. Narodnaya terminologiya staroobryadcheskikh soglasii v russkikh traditsiyakh Prikam'ya: beguny (stranniki) [Folk terminology of old believers' consents in the Russian tradition of Prikamye: beguny (wanderers)]. *Traditsionnaya kul'tura: Yazyk i traditsionnaya kul'tura*, 2018, vol. 19, no. 5, pp. 97–108 (in Russian).
6. *Slovar' govorov staroobryadtsev (semeyskikh) Zabaykal'ya* [Dictionary of Old Believers' (Semeiskie) Dialects in Transbaikalia]. Ed. T. B. Yumsunova. Novosibirsk, SO RAN: Academic publishing center OIGGM Publ., 1999. 539 p. (in Russian).
7. Palikova O. N., Rovnova O. G. *Slovar' govora staroverov Estonii* [Dictionary of the Old Believers of Estonia]. Tartu, 2008. 160 p. (in Russian).
8. Malecha N. M. *Slovar' govorov ural'skikh (yaitskikh) kazakov: v 4 tomakh* [Dictionary of Ural (Yaik) Cossack Dialects]. Orenburg, Orenburgskoye knizhnoye izdaniye Publ., 2002–2003 (in Russian).

9. Starikova G. N. "Khodil po rybu obydenkoj": Tomskiy staroobryadcheskiy slovar' ["Obydenkoj (within one day) I went fishing": Tomsk old believers' dictionary]. Tomsk, TSU Publ., 2018. 104 p. (in Russian).
10. Rovnova O. G. O projekte "Slovara govorov staroobryadstev Yuzhnoy Ameriki" [About the project of the "Dictionary of the Old Believers' dialects in South America"]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vyp. 19–20* [Research of Slavic Dialectology. Vol. 19–20]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 1918. Pp. 188–201. DOI: 10.31168/0412-1.2.5 (in Russian).
11. Koroleva E. E. *Dialektnyy slovar' staroverov Latgalii* [Dialect Dictionary of Old Believers in Latgalia]. Vol. 1 (A–V). Riga, Old Believer Institute in Latvia Publ., 2017. 560 p. (in Russian).
12. Tolstova G. A. *Slovar' yazyka Agaf'i Lykovoy* [Dictionary of Agaf'ya Lykova's Language]. Krasnoyarsk, KSPU named after V. P. Astafiev Publ., 2004. 562 p. (in Russian).
13. Yumsunova T. B. *Yazyk semeyskikh – staroobryadstev Zabaykal'ya* [Language Semeiskie – Old Believers in Transbaikalia]. Moscow, Languages of Slavic Culture, Studia philological Publ., 2005. 288 p. (in Russian).
14. Matantseva M. B. *Archaicheskaya leksika v govorakh staroobryadstev (semeyskikh) Zabaykal'ya. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Archaic vocabulary in the Old Believers' (Semeiskie) dialects of Transbaikalia. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Barnaul, 1999. 21 p. (in Russian).
15. Darbanova N. A. *Ekspressivnaya leksika govorov staroobryadstev (semeyskikh) Zabaykal'ya: semanticheskii, kognitivnyi i leksikograficheskiy aspekty. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Old Believers' (Semeiskie) expressive vocabulary in Transbaikalia: semantic, cognitive, and lexicographic Aspects. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Barnaul, 2000. 21 p. (in Russian).
16. Koroleva E. E. Leksika Preyl'skikh govorov staroverov (sovremennoye sostoyaniye) [Old Believers Vocabulary of Preily Area (Present-day State)]. *Latvijas Universitates raksti*, 2006, vol. 707, pp. 7–13 (in Russian).
17. Starikova G. N. Prostranstvenno-vremennyye koordinaty zhizni staroobryadcheskoy obshchiny (na materiale "Ostrovnoogo letopistsa") [Space-time coordinates of life in the Old Believer community (on the material of the "Island Chronicler")]. *Klassicheskaya filologiya v Sibiri: materialy VII Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii "Aktual'nyye problemy" klassicheskoy filologii i sravnitel'no-istoricheskogo yazykoznaneya i regional'nogo nauchno-metodicheskogo soveta po klassicheskoy filologii* [Classical Philology in Siberia: Proceedings of the VII All-Russian Scientific Conference "Current Problems of Classical Philology and Comparative Historical Linguistics" and the Regional Scientific and Methodological Council on Classical Philology]. Tomsk, TSU Publ., 2011. Pp. 111–122 (in Russian).
18. Podyukov I. A. Osobennosti frazeologicheskogo sostava permskikh staroobryadcheskikh govorov [Peculiarities of the phraseological composition in Permian old-believers' dialects]. *Vestnik RUDN. Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika – RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, vol. 11, no. 2, pp. 285–300 (in Russian).
19. Arkhipova N. G. Osobennosti leksicheskoy sistemy govorov staroobryadstev (semeyskikh) Amurskoy oblasti [The lexical system peculiarities of the Old Believers (Semeiskie) in the Amur Region]. *Vestnik OGPU. Elektronnyy nauchnyy zhurnal – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2015, no. 3 (15), pp. 83–90 (in Russian). URL: <http://www.vestospu.ru> (accessed 20 November 2021).
20. Arkhipova N. G. Leksika pishchi kak sistemnoye obrazovaniye v govorakh staroobryadstev (semeyskikh) Amurskoy oblasti [Food lexicon as a systemic formation of Old Believers (Semeiskie) in the Amur Region]. *Slovo: fol'klorno-dialektologicheskii al'manakh*, 2013, no. 10, pp. 17–22 (in Russian).
21. Gryaznova V. M. *Govor kazakov-nekrasovtsev Stavropol'skogo kraya* [Cossack-Nekrasovs' dialect in the Stavropol Territory]. Moscow, YASK Publ., 2016. Pp. 49–579 (in Russian).
22. Serdyukova O. K. *Leksika govora kazakov-nekrasovtsev: issledovaniye i slovar'. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Vocabulary of the Cossack-Nekrasovs' dialect: research and dictionary. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Rostov-on-Don, 1969. 26 p. (in Russian).
23. Pirmanova N. I. Leksika ural'skikh kazakov kak bazovaya sostavlyayushchaya kul'tury ural'skogo staroobryadchestva [The Ural Cossacks' vocabulary as a basic cultural component of the Ural Old Believers]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, and Education*, 2015, no. 5 (54), pp. 361–363 (in Russian).
24. Myznikov S. A. O leksicheskikh osobennostyakh govora yaitskikh (ural'skikh) kazakov [About the lexical peculiarities of the Ural Cossacks dialect]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii. Vypusk 19–20* [Research of Slavic Dialectology 19–20]. Ed. L. E. Kalnyn'. Moscow, 1918. Pp. 24–35. DOI: 10.31168/0412-1.1.3 (in Russian).
25. Yumsunova T. B. Nekotoryye nablyudeniya nad leksikoy govorov staroobryadstev shtata Oregon SShA i Kanady (sin'tszyantsy i kharbintsy) [Some observations on the Old Believers' vocabulary of Oregonians in the United States and Canada (Xinjiang and Harbin)]. *Aktual'nyye problemy russkoy dialektologii* [Current Problems of Russian Dialectology]. Ed. L. L. Kasatkin. Moscow, 2006. Pp. 196–199 (in Russian).
26. Rovnova O. G. Antroponimikon staroobryadstev Yuzhnoy Ameriki: traditsiya, spetsifika, evolyutsiya [The Anthroponymicon of Old Believers in South America: tradition, specificity, and evolution]. *"Marginalii-2017: granitsy kul'tury i teksta": tezisy dokladov mezhdunarodnoy konferentsii. Torzhok, 29 sentyabrya – 1 oktyabrya 2017 g.* ["Marginalia 2017: Frontiers of Culture and Text": abstracts of the international conference Torzhok, September 29 – October 1, 2017 *Torzhok, September 29 – October 1, 2017*]. Moscow, 2017 (in Russian). URL: <http://uni-persona.srce.msu.ru/site/conf/marginalii-2017/thesis.htm> (accessed 3 January 2022).
27. Samoylova Yu. V. *Russkiy ostrovnnyy govor staroobryadstev sela Nikolaevsk (shtat Alyaska, SShA). Leksiko-semanticheskii aspekt* [Russian isolate dialect of the Old Believers in the Nikolaevsk village (Alaska, USA). Lexico-semantic aspect]. Moscow, Sputnik, 2000. 257 p. (in Russian).

28. Kalyuzhina A. Yu. Svoeobrazie leksicheskoy sistemy govorov staroobryadtsev – reemigrantov iz Latinskoy Ameriki na Dal'niy vostok Rossii [The peculiarity lexical system of Old Believers' dialects – re-emigrants from Latin America to the Russian Far East]. *Molodyozh' XXI veka: shag v budushcheye. Materialy XXII regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Youth of the XXI century: a step into the future. Materials of the XXII Regional Scientific-Practical Conference]. Blagoveshchensk, 2021. Pp. 100–101 (in Russian).
29. Rovnova O. G. “Drugiye yazyki” v rukopisnoy knige russkogo staroobryadtsa iz Yuzhnoy Ameriki [“Other Languages” in a manuscript book by a Russian Old Believer from South America]. *Acta Slavica Estonica. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii. Lingvistika. XVII. Svoyo i chuzhoeye v yazyke i rechi* [Acta Slavica Estonica. Works of Russian and Slavonic linguistics. XVII. The Foreign and the Native Language and Speech]. Tartu, 2016. Pp. 173–186 (in Russian).
30. Serdyukova O. K. *Slovar' govora kazakov-nekrasovtsev* [Dictionary of the Cossack-Nekrasov dialect]. Rostov-on-Don, RST Publ., 2005. 320 p. (in Russian).
31. *Semanticheskyy slovar' govora kazakov-nekrasovtsev s lingvokul'turologicheskim kommentariyem* [The semantic dictionary of the Cossack-Nekrasov dialect with a linguocultural commentary]. Ed. and comp. V. M. Gryaznova. Stavropol, Stavropol'servisshkola Publ., 2012. 608 p. (in Russian).
32. Starikova G. N., Liu Si. Grafika bytovykh staroobryadcheskikh rukopisey v aspekte konfessional'nogo traditsionalizma [Graphics of Old Believer household manuscripts in the aspect of confessional traditionalism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2021, no. 470, pp. 39–49. DOI: 10.17223/15617793/470/5 (in Russian).
33. Starikova G. N., Liu Si. Zhenskiye zapiski v sostave tomskoy staroobryadcheskoy kollektzii v aspekte lingvisticheskoy sodержatel'nosti [Women's notes from the Tomsk Old Believers' collection in the aspect of linguistic content]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkiye i zarubezhnye svyazi: materialy VII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Ulan-Ude, 17–18 noyabrya 2021 g.) [Old Believ: History and modernity of local traditions Russian and foreign relations: materials of VII International scientific and practical conference (Ulan-Ude, 17–18 November 2021 g.)]. Ulan-Ude, BBST Publ., 2021. Pp. 205–217 (in Russian).
34. Kotkov S. I. *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic source studies and the history of the Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 293 p. (in Russian).
35. *Slovar' russkikh starozhilcheskikh govorov sredney chasti basseyna r. Obi: v 3 tomakh* [Dictionary of Russian old-time dialects from the Middle Part of the Ob River Basin: 3 volumes]. Ed. V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1964. Vol. 1. 144 p.; 1965. Vol. 2. 232 p.; 1967. Vol. 3. 250 p. (in Russian).
36. *Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov sredney chasti basseyna reki Obi: Dopolneniye: v 2kh chastyakh* [Dictionary of Russian old-time dialects from the Middle Part of the Ob River Basin: Supplement: in 2 parts]. Eds. O. I. Blinova, V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1975. Vol. 1. 278 p.; Vol. 2. 290 p. (in Russian).
37. *Sredneobskiy slovar': Dopolneniye: v 2 tomakh* [Dictionary of the Middle Part of the Ob River: Addition: in 2 volumes]. Ed. V. V. Palagina. Tomsk, TSU Publ., 1983. Vol. 1. 189 p.; 1986. Vol. 2. 212 p. (in Russian).
38. Pril L. N. Aspekty staroobryadcheskogo dnevnika: “Bozhiy mir” i “apostol'skaya” obshchina [Aspects of the Old Believer's diary: “The World of God” and the “Apostolic” Community]. *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'yedineniya istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Scientific works of Tomsk State historical and architectural museum]. Tomsk, TSU Publ., 1996. vol. IX, pp. 150–161 (in Russian).
39. *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Eds F. P. Filin et al. Leningrad – Saint Petersburg, Nauka Publ., 1965 (in Russian).
40. *Dopolneniye k “Opytu oblastnago velikorusskago slovarya”* [Supplement to the Experience of the Regional Great Russian Dictionary]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1858. 328 p. (in Russian).

Информация об авторах

Лю Си, аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Старикова Г. Н., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Liu Si, postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

G. N. Starikova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 16.02.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 16.02.2022; accepted for publication 29.03.2022

УДК 81'42, 82'02
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

«В КАКОМ ГОДУ – РАССЧИТЫВАЙ, В КАКОЙ ЗЕМЛЕ – УГАДЫВАЙ...»: НЕКРАСОВ В ВОСПРИЯТИИ ЧИТАТЕЛЯ XXI ВЕКА

Валентина Даниловна Черняк¹, Мария Александровна Черняк²

^{1,2} *Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия*

¹ *vdcher@yandex.ru*

² *ma-cher@yandex.ru*

Аннотация

Введение. В статье рассматривается проблема восприятия канонических текстов русской литературы нашим современником. 200-летие Н. А. Некрасова является значимым поводом для рефлексии над местом наследия поэта в культурной памяти и языковом сознании молодого россиянина. Крылатые слова из произведений Некрасова на протяжении многих десятилетий являлись важной составляющей интертекстуального тезауруса носителей русского языка. В значительной степени это связано с неизменным местом произведений поэта в школьных программах по литературе.

Цель статьи – показать изменения в интертекстуальном тезаурусе, связанные с восприятием крылатых слов из произведений Некрасова.

Материал и методы. Крылатые слова из произведений Некрасова являются значимой частью корпуса прецедентных феноменов, представленных в сознании языковой личности. Об этом свидетельствуют данные лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, а также материалы анкетирования современных писателей и критиков, осуществленного Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию поэта. Для исследования динамических процессов, характеризующих различия в культурной памяти молодежи, были использованы результаты массового опроса, в котором участвовало около 1 тыс. человек. Респонденты должны были определить авторство высказываний нескольких писателей и поэтов, в том числе Некрасова, и продолжить некоторые из них.

Результаты и обсуждение. Проведенный анализ анкет известных современных писателей и критиков и материалов опроса молодежи убедительно свидетельствует о значительном месте, которое по-прежнему принадлежит наследию Некрасова в современном культурном пространстве. В то же время подтверждается высказываемое многими авторами мнение о том, что в тезаурусе молодежи произведения Некрасова живут главным образом в форме клишированных фраз.

Заключение. Проведенный массовый опрос свидетельствует о явном изменении культурного кода молодого современника, о заметном оскудении интертекстуального тезауруса, что может быть препятствием для культурного диалога представителей разных поколений, для адекватного восприятия текстов.

Ключевые слова: *классический канон, культурный код, интертекстуальный тезаурус, цитация, прецедентные имена*

Для цитирования: Черняк В. Д., Черняк М. А. «В каком году – рассчитывай, В какой земле – угадывай...»: Некрасов в восприятии читателя XXI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 88–96. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

“WHEN IT WAS – FIGURE OUT, WHERE IT WAS – GUESS...”: NEKRASOV IN THE PERCEPTION OF THE XXI CENTURY READER

Valentina D. Chernyak¹, Maria A. Chernyak²

^{1,2} *Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation*

¹ *vdcher@yandex.ru*

² *ma-cher@yandex.ru*

Abstract

Introduction. The article deals with the problem of perception of the canonical Russian literature texts by contemporary readers. The 200th anniversary of N. A. Nekrasov is a significant occasion for reflection on the place of the poet's heritage in the cultural memory and linguistic consciousness of the contemporary Russian native speakers. 'Winged' words and expressions from Nekrasov's works have been an important part of the intertextual thesaurus of the native Russian speakers for many decades. Largely, it is due to unchangeable place of the poet's works in school literature programs.

The aim of the article is to show the changes in the intertextual thesaurus associated with the perception of winged words from Nekrasov's works.

Material and methods. 'Winged' words from Nekrasov's works are a significant part of the precedent phenomena corpus presented in the consciousness of a linguistic personality. The lexicographic sources and the Russian National Corpus evidence this. The data was also taken from a survey of contemporary writers and critics carried out by the Central Universal Science Nekrasov Library for the poet's 200th anniversary. The results of a mass survey in which about 1,000 people participated were used to study the dynamic processes characterizing the differences in the cultural memory of young people. The respondents had to determine the authorship of the expressions written by several writers and poets, including Nekrasov, and continue some of them.

Results and discussion. The analysis of the questionnaires of famous contemporary writers and Nekrasov's legacy still has a significant place in the modern cultural space. At the same time, the article results confirm the opinion that Nekrasov's works have mainly form of the clichéd phrases in the thesaurus of youth.

Conclusion. The conducted mass survey indicates a clear change in the cultural code of a young contemporary reader, a noticeable poverty of the intertextual thesaurus. This may be an obstacle to the cultural dialogue of different generations representatives, as well as to the adequate perception of texts.

Keywords: classical canon, cultural code, intertextual thesaurus, citation, precedent names

For citation: Chernyak V. D., Chernyak M. A. "V kakom godu – rasschityvay, V kakoy zemle – ugadyvay...": Nekrasov v vospriyatii chitatel'ya XXI veka ["When it was – figure out, Where it was – guess...": Nekrasov in the perception of the XXI century reader]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 88–96 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-88-96>

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number "20-512-18006 Bulg_a" ("Verbalization of cultural memory: precedent phenomena in psycholinguistic thesaurus of young Russians and Bulgarians").

Введение

Черeda крупных юбилейных дат XXI в. – 200-летие со дня рождения Н. В. Гоголя, А. И. Герцена, М. Ю. Лермонтова, Ф. М. Достоевского, Н. А. Некрасова – и общественный отклик на них убедительно показали, что литературный юбилей перестал быть только данью памяти, но стал мощным культурным катализатором, влияющим на состояние исторической памяти общества, индикатором изменения культурного кода и языковой картины мира – «статичного, относительно стабильного неперсонального образования, в основных своих позициях стандартного для всех носителей данного языка и культуры и мало изменяющегося в пределах жизни двух-трех поколений» [1, с. 9].

Еще в 1987 г. Ю. М. Лотман писал, что «празднование юбилеев является... ключом к пониманию духовных устремлений и идеологии времени» [2, с. 63]. Литературный юбилей – это своеобразный объект мифологизации и философской рефлексии, несущий в себе определенную идеологическую направленность. Кроме того, в современной социокультурной ситуации очевидно и то, что происходит тотальное присвоение юбиляра массовой культурой.

200-летие со дня рождения Н. А. Некрасова (10 декабря 2021 г.) послужило поводом не только для нового обращения к его творчеству, но и для размышлений о том, как классические произведения поэта живут в сознании нашего современника.

Ю. М. Лотман, размышляя о так называемых канонических текстах, писал о скрытых в них источниках информативности, о том, что текст, «в котором все, казалось бы, заранее известно, становится мощным регулятором и строителем человеческой личности и культуры» [3, с. 247]. Содержание и язык классического произведения при его восприятии, с одной стороны, редуцируется до «горизонта ожидания» исторической эпохи, с другой стороны, становится «возбудителем» сознания и порождает тексты, в которых расширяется и углубляется познание современности. В то же время канонизированный текст нередко становится источником тиражированных формул и приемов.

Взаимоотношение текстов канонических и неканонических в сфере образования издавна привлекало внимание. Уже с конца XVIII в. становится актуальным обсуждение места в гимназиях современной литературы. С середины XIX в. новейшая литература становится неотъемлемой частью

курса словесности. Преподаватели гимназий и университетов обращались на занятиях к недавно опубликованным произведениям. Студентка Смольного института, ученица знаменитого филолога и методиста В. И. Водовозова вспоминала, какое впечатление произвело на институток прочитанное преподавателем стихотворение Н. А. Некрасова: «Окончив стихотворение „Чернь“, Василий Иванович заметил, что на ту же тему Некрасовым написано „Поэт и гражданин“ (мы в первый раз услышали имя этого поэта), и опять от начала до конца, так же прекрасно и тоже наизусть, он произнес это стихотворение, а затем приступил к объяснению. <...> Все это противоречило тому, что мы до сих пор слышали, все это в высшей степени заинтересовало нас и впервые заставило серьезно работать наши головы» [4, с. 202].

Наш современник писатель Александр Мелихов пишет: «Земной Некрасов делает ровно то же самое дело, что и неземной Пушкин, но его дудочку слышат многие из тех, кто остался бы глух к пушкинской лире. А особые счастливицы умеют наслаждаться и немудрящей мелодией некрасовской дудочки, и божественными аккордами пушкинской лиры. Особенно в разную пору своей жизни» [5, с. 235].

Неизменное место Некрасова в школьных программах по литературе с конца XIX в. и по сей день обеспечило ему особую роль не только в русской культуре, но и в языковом сознании любого носителя русского языка.

Цель статьи – показать изменения в интертекстуальном тезаурусе, связанные с восприятием крылатых слов из произведений Некрасова.

Материал и методы

Тексты стихотворений и поэм Н. А. Некрасова являются значимой составляющей культурного кода нашего современника, требующей своего исследования. Материалом статьи послужили результаты эксперимента, в котором участвовало около 1 тыс. человек. Участники эксперимента должны были определить авторство цитат, среди которых было представлено 10 наиболее частотных высказываний Некрасова, и продолжить некоторые из предложенных цитат. В статье использовались также некоторые материалы проекта, осуществленного московской Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию поэта, и материалы Национального корпуса русского языка.

Результаты и обсуждения

Литературный канон – это наиболее известные (и цитируемые) в национальной культуре авторы и произведения (или даже фрагменты произведе-

ний), наделяемые маркером «главный» («лучший») критиками, экспертами, читателями, участниками литературного процесса в конкретную историческую эпоху. М. Гронас в статье «Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом» справедливо замечает, что «каноничность – это исторически делящаяся популярность» [6, с. 86]. Вневременной характер восприятия понятия «классика» подчеркивает В. М. Маркович: «Произведения, входящие в число классических, явственно отличает иной тип отношений со временем и прежде всего способность диалектически соединять злободневное с непреходящим и универсальным» [7, с. 56]. Сегодня на фоне инфляции классического наследия тексты русской классики встраиваются в новую сеть отношений. Если для гимназистов XIX в. произведения Толстого, Тургенева, Достоевского, Некрасова звучали внятными голосом современников, то для школьников XXI в. они часто являются непонятными, требующим «перевода» голосом из далекого прошлого.

Между тем классическая литература, оставаясь центральным компонентом культуры, задает общую систему координат, играет роль горизонта, к которому устремлены взгляды современных писателей. Для современной литературы классика становится своеобразным резервуаром, откуда она черпает мотивы, сюжеты, темы. Однако их восприятие предполагает наличие общего культурного кода, который и призвана сформировать школа. По мнению социолога литературы Б. Дубина, в школе «классические произведения включаются в процессы общей социализации – усвоения норм правильного поведения», но при этом «школьные программы по литературе... приходят во все большее противоречие с реальными ориентациями и кругом чтения подростков и молодежи» [8, с. 39]. Дефицит читательской компетенции, несомненно, связан с определенной культурной аллергией на школьный курс литературы.

Некрасов представлен в школьной программе достаточно полно. С начальной школы до 10-го класса 46 текстов поэта (от «Дедушка Мазай и зайцы» до «Кому на Руси жить хорошо») входят в читательское сознание подростков. Интересно в связи с этим воспоминание писательницы М. Кучерской: «Поэзия Некрасова была признана идеологически правильной и канонизирована. Некрасов как печальник земли Русской, заступник народный и т. п. прочно вошел в школьную программу, стихи его задают учить наизусть уже в младших классах. Неудивительно: их смысл ясен даже малым детям. Отлично помню, как мы с подружкой читали друг другу на продленке заданный на завтра отрывок – „Выдь на Волгу: чей стон раздается... Этот стон у нас песней зовется – то бурлаки идут бечевою!..“

Читали не без чувства, на бурлаках девичье сердце и вовсе сжималось нешуточно» [9, с. 266].

Для определения роли наследия поэта в современном социуме Центральной универсальной научной библиотекой имени Н. А. Некрасова к 200-летию писателя был осуществлен интересный социокультурный проект. Он имеет давнюю традицию, о которой свидетельствуют материалы сайта <https://anketa.nekrasovka.ru/about/nekrasov-project>. «На каждого писателя, произведения которого живут в течение нескольких эпох, всякая новая эпоха накладывает новую сетку, или решетку, которая закрывает в образе писателя всякий раз другие черты – и открывает иные», – записал когда-то Корней Чуковский в своем дневнике.

120 лет назад, в 1902 г., по его инициативе известным писателям была предложена анкета о месте Некрасова в их творчестве и в современной жизни. Опросы прежних лет были продолжены в 1986 г. по инициативе библиотеки имени Н. А. Некрасова. Ответы на вопросы анкеты прислали тогда Л. Аннинский, А. Кушнер, Б. Окуджава и многие другие известные литераторы. Следуя восстановленной традиции, в 2016–2017 гг. «Некрасовка» вновь распространила анкету, получив ответы на десять вопросов о Некрасове современных поэтов, писателей и филологов. Наконец, в 2021 г. к 200-летию Некрасова библиотека предложила обновленную анкету 28 писателям, критикам, филологам (А. Архангельский, А. Генис, К. Букша, Д. Драгунский, А. Варламов, Н. Иванова и др.). Полученные ответы на вопросы анкеты, представленные на сайте проекта, по мнению организаторов, «точно так же, как и сто двадцать, и сто лет назад, многое говорят о великом поэте, но еще больше о нас, нынешних его читателях».

Эти материалы, свидетельствующие о том, что для большинства опрошенных место Некрасова и в литературе, и в жизни общества по-прежнему значительно (ср. замечание писателя Р. Сенчина: «Он нужен, его стихотворения необходимы, как лекарство или как витамины»), хотя и требует современной рефлексии, представляют интерес и в ориентациях нашей работы, связанной с исследованием динамики культурного кода.

Многие современные писатели говорили о том, что некрасовские строки живут в их памяти с детства, со школьных лет (хотя впечатления о школьном изучении поэзии Некрасова во многом негативные), вызывают устойчивые ассоциации, прочно закрепившись, пользуясь языком современной лингвистики, в ассоциативно-вербальной сети. Приведем несколько показательных фрагментов ответов на вопросы анкеты:

«Некрасов пришел ко мне одновременно со сказками Пушкина и малороссийскими повестями

Гоголя. Таков был мой литературный мир дошкольного детства. <...> Меня отравили этой *предсказуемостью его цитат* (здесь и далее курсив наш. – В. Ч., М. Ч.)» (Н. Иванова).

«„Однажды в студеную зимнюю пору...“ – это первое некрасовское, что *влезло в детское ухо*» (В. Сорокин).

«*Некрасов цитатами все время всплывает*» (Л. Петрушевская).

«...*Какие-то строки, запавшие с самого детства, помнятся и сейчас*. Ну, например, хрестоматийное: „А Дарья стояла и стыла в своем заколдованном сне“; „Да не робей за отчизну любезную...“; „И пошли они, солнцем палимы...“. Или, например, *когда бываю в Питере и прохожу через Сенную площадь, вспоминается про Музу и ее сестру*. А чем близка его поэзия? Певучестью, простотой, ясностью, наглядностью» (А. Варламов).

«Для меня беда с Некрасовым в том, что он *разошелся на идиомы, на устойчивые обороты*, которые используются так же, как пословицы или цитаты из „Бриллиантовой руки“, – *полупустые словосочетания, которыми можно на автомате, иронически или через губу комментировать события, явления, процессы, настроения, состояния*. От „уведи меня в стан погибающих“ до „ликующих, праздничноболтающих“, от „что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет“ до „не торговал я лирой, но бывало“, от „удалась мне песенка, молвил Гриша, прыгая“ до... – я, честно говоря, *даже не хочу проверять, правильно ли цитирую*, потому что это уже даже и не воспринимается как *цитата – это монеты, слишком долго ходившие по рукам и поэтому почти утратившие авторство и вообще „оригинал“*. Удивительным образом, читая целиком Ленина, я обнаружил, что тот тоже – *разумеется, зная и чувствуя Некрасова в миллион раз глубже, чем я, и воспринимая его всерьез, как идеолога значимой статусной группы*, – уже тогда тоже пользовался им кстати и некстати как *банком ярких речевых блоков и компактных образов, которыми всегда можно декорировать свое высказывание – на любую, в общем, тему*. Не факт, что такого рода „*распыление*“ – проблема только Некрасова; примерно то же самое в какой-то момент произошло, например, с Гребенщиковым» (Л. Данилкин).

«Я уж не говорю про две строчки в середине, которые *ушли в присказку* и употребляются совсем в иных случаях, не в гражданственных, а когда мы говорим иронически, про себя: «Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе». То есть *Некрасов у нас теперь записан на подкорке*» (Д. Воденников).

«Отдельные его стихи, строфы, строки, фразы останутся популярными надолго, а может,

и навсегда. В конце концов, практически никто не помнит и не обязан помнить, откуда взялось выражение «растекаться мыслию по древу» – но эта фраза XII в. до сих пор живет в русском языке. Так же и *мы будем помнить деда Мазая, мужичка-с-ноготок, полным-полную коробушку и, конечно, „коня на скаку остановит, в горящую избу войдет“*» (Д. Драгунский).

В приведенных высказываниях по-разному, но вполне отчетливо сформулирована важная для нас мысль о том, что цитаты из произведений Некрасова являются значимой частью интертекстуального тезауруса современника. «Интертекстуальным тезаурусом» Н. А. Кузьмина называет интертекстуальные компоненты, представляющие собой «совокупность всех элементов, которые говорящий считает „чужими“ при восприятии некоторого сообщения/текста и которым он придает статус цитатных при порождении собственных высказываний/текстов» [10, с. 190]. Интертекстуальный тезаурус языковой личности представляет собой динамичную систему. Важным оказывается и понятие «интертекстуальная компетенция», которая предполагает распознавание и понимание разнообразных интертекстуальных единиц [11, с. 745].

Различие культурного кода представителей разных поколений является предметом рефлексии в художественных текстах современных авторов. Писатель Б. Ханов вкладывает ее в уста своего персонажа, Глеба Веретинского, вузовского преподавателя русской литературы (курсив в тексте наш. – В. Ч., М. Ч.):

– По значимости, – продолжил Веретинский, – Гейне уж точно не уступает ни Рембо, ни Верлену, ни Бодлеру с Малларме. Это гордость немецкой нации и любимый поэт Эйнштейна.

Глеб осекся, сообразив, что говорит как «Википедия». Арлеккиновцы эту энциклопедическую информацию, к счастью, не распознали.

– Все равно это архаично, – осмелившись, возразил битник. – Ваш Гейне безнадежно устарел. *Когда-то и Некрасов считался ультрамодным, а кто сегодня читает Некрасова?*

– *Я читаю*, – сказал Глеб. – По-вашему, я тоже устарел? Жаль, ведь я полагал, что *великие стихи не имеют срока годности* (Ханов Б. Гнев).

О месте прецедентных феноменов из произведений Некрасова в современной речи выразительно свидетельствует Национальный корпус русского языка. Например, в основном, газетном и региональном подкорпусах представлено 38 вхождений одного из наиболее популярных некрасовских афоризмов – «*Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет*». Приведем некоторые из них:

1. Татьяна была чудесный, настоящий человек. Это про нее сказал Некрасов: «*Коня на скаку оста-*

новит, в горящую избу войдет». Ничего она не боялась, все делала просто и весело (Грекова И. Хозяева жизни).

2. Мужчины – они трусы! Бомж или олигарх – нет никакой разницы. На войну пойдут, революцию сделают, а в любви предадут. Женщина сильнее: «*Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет*» (Алексиевич С. Время second-hand).

3. Мне, выпускнику технического вуза, заявление это показалось пижонством. А вот Коржавина я любил, и он был мне по духу близок. Особенно стихи «Мужчины мучили детей» и замечательное восьмистишие, посвященное русским женщинам: Столетье промчалось, и снова, / Как в тот незапамятный год, / *Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет* (Городницкий А. И жить еще надежде).

4. 38-летняя мать двух любимых детей, жена любимого и могучего мужа, бывшая рекордсменка мира, любовница блестящего русского джентльмена, настоящая русская женщина, способная к самопожертвованию, «*коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...*». В зеркале ее очертания были уже еле-еле видны, а потом и совсем исчезли (Аксенов В. Остров Крым).

5. Кто еще так писал о русских женщинах, как Некрасов: «*Коня на скаку остановит, В горящую избу войдет!*» Через столетие эти строки убийственно перефразировал Наум Коржавин (Евтушенко Е. В начале было слово // Труд-7. 2003.07.03).

6. Узнав, что случилось, она огрела грабителя по голове сумкой с продуктами. А тут и милиция подросла.

– *Я ведь казачка донская. Это про нас говорят: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет»,* – объясняет Елена Руденко свой поступок и потирает искусанную руку. – А этот гад у меня телефон вздумал отобрать! (Родкин А. Она скрутила грабителя в метро // Комсомольская правда. 2004.11.21).

Отчетливо вырисовывается значение «о силе русской женщины». Здесь можно говорить о явной фразеологизации прецедентного высказывания [12, с. 75]. Н. Г. Брагина, оценивая лингвокультурную роль клише, отмечает: «Клише является единицей, готовой к употреблению, к встраиванию в различные типы текстов. И, следовательно, обычно используется носителями языка безотчетно и машинально. Полное отсутствие новизны и оригинальности компенсируется экономичностью (интеллектуальные затраты на воспроизводство клише минимальны) и общедоступностью: клише не возбуждает мысль, но рождает быстрое узнавание и понимание, и искусство ведения диалога часто строится на умении правильно отбирать (с учетом ситуации, темы разговора и адресата) и использо-

вать клише. Владение языком предполагает свободное владение клише» [13, с. 359]. Клишированность многих прецедентных высказываний Н. А. Некрасова, берущая истоки в школьном курсе литературы, не вызывает сомнений.

А. А. Леонтьев пишет о «памяти фразы», которая отличается от «памяти содержания» тем, что в ней смысловая организация текста выступает исключительно как средство запоминания, как своего рода вспомогательный прием. Типичный случай такой памяти – память школьника, выучивающего «Однажды в студеную зимнюю пору...». Осмысление этого и любого другого аналогичного текста хотя и сильно ускоряет и облегчает запоминание, но отнюдь не является обязательным условием [14, с. 183]. Подобную «память фразы» отмечали и многие участники описанного выше проекта. Она отражена и в значительном числе текстов. Приведем лишь один пример.

Профессор Пермского государственного университета М. П. Котюрова, вспоминая начало 1950-х гг., время учебы в школе небольшого отдаленного райцентра, пишет: «В седьмом классе нам было дано задание написать домашнее сочинение о Волге. Мелькнула лишь одна-единственная строчка: «О Волга, колыбель моя...», а мысли о Волге не возникло никакой» [15, с. 36]. Здесь примечательны следы школьного заучивания наизусть большого количества стихотворений, обеспечивающего пополнение (хотя нередко формальное) интертекстуального тезауруса школьника.

Интертекстуальные элементы из произведений Некрасова широко представлены в словарях крылатых слов. Нами была осуществлена сплошная выборка из одного из последних по времени словарей крылатых слов – «Настольного словаря цитат» авторитетного лексикографа К. Душенко [16]. В нем представлено 38 единиц из произведений Некрасова. Приведем лишь некоторые из них:

*Белинского и Гоголя / С базара понесет;
Бывали хуже времена, но не было подлей;
В полном разгаре страда деревенская;
Вырастешь, Саша, узнаешь;
Есть женщины в русских селеньях;
И пошли они, солнцем палимы;
Коня на скаку остановит, / В горящую избу войдет;
Мужичок с ноготок;
Однажды в студеную зимнюю пору;
Поздняя осень. Грачи улетели;
Этот стон у нас песней зовется.*

Зафиксированные в словаре высказывания повторяются во многих словарях крылатых слов, хотя 32 единицами корпус ставших крылатыми некрасовских слов и оборотов, конечно, не исчерпывается. Так, за пределами словаря оказались такие

часто воспроизводимые высказывания, как: *Откуда дровишки; Муза мести и печали; Идет-гудет Зеленый Шум; Вчерашний день часу в шестом зашел я на Сенную; Кто живет без печали и гнева, тот не любит отчизны своей.*

Для определения места языковых единиц, связанных с творчеством Н. А. Некрасова, в рамках общего исследовательского проекта, предусматривающего сопоставление интертекстуального тезауруса молодежи России и Болгарии (см. о нем подробнее в [17]) был проведен эксперимент, осуществлявшийся в несколько этапов. На первом этапе 10 специалистов-филологов методом интроспекции выделяли в своем интертекстуальном тезаурусе выражения, принадлежащие выбранным для эксперимента авторам, в частности Некрасову. На втором этапе экспертной группой из всей совокупности представленных респондентами воспроизводимых лексических единиц по каждому автору выделялись повторяющиеся высказывания и на основе частотности формировался список для дальнейшего исследования. В результате на основе частотности был сформирован следующий список из 10 прецедентных высказываний:

1. *Кому на Руси жить хорошо?*
2. *Дедушка Мазай и зайцы.*
3. *Однажды в студеную зимнюю пору...*
4. *Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...*
5. *Мороз, красный нос.*
6. *Идет-гудет Зеленый Шум.*
7. *Жаль только – жить в эту пору прекрасную / Уж не придется – ни мне, ни тебе.*
8. *Долюшка русская, долюшка женская.*
9. *Выдь на Волгу.*
10. *Мороз-воевода дозором.*

Эти прецедентные высказывания наряду с высказываниями других авторов, включенными в структуру анкет, были распределены по трем вариантам, каждый из которых включал два задания. В первом требовалось определить авторство предложенных высказываний, во втором – продолжить приведенные фрагменты высказываний (*Поэтом можешь ты не быть...; Мороз-воевода дозором...; Откуда дровишки? ...; Выдь на Волгу, чей стон раздастся...; И пошли они...; Коня на скаку остановит...).*

Ответы на вопросы давались в электронном формате, при этом участникам опроса в инструкции объяснялись его задачи, предполагающие ориентацию только на собственное языковое сознание и исключая использование интернет-ресурсов.

Всего в опросе приняли участие 978 респондентов из 14 городов России и ряда зарубежных стран. Подавляющее большинство опрошенных – молодые

люди, в основном студенты вузов и учащиеся старших классов.

Обратимся к анализу результатов опроса. К сожалению, самым распространенным ответом (более 55 % респондентов) явился ответ *не помню*. Здесь уместно привести слова филолога В. С. Елистратова: «Современный человек – это не „человек разумный“, а человек в первую очередь „плохо помнящий“. „Да, да, да... чего-то такое слышал... но точно не помню...“ – вот дежурная фраза человека эры „незаучивания стихов наизусть“» [18, с. 218].

Полученные результаты, безусловно, свидетельствуют о невысокой степени прецедентности предложенных высказываний, несмотря на то что произведения Некрасова, как было отмечено выше, по-прежнему занимают в школьной программе по литературе прочное место, его тексты изучаются практически в каждом классе – от начальной до старшей школы.

Неудачные попытки респондентов определить авторство высказываний свидетельствуют о «культурной глухоте», препятствующей распознаванию единого культурного кода [12, с. 215]. Очевидно, что респонденты, приписывающие авторство некрасовских строк Достоевскому или Ильфу и Петрову, даже не ощущают различия поэзии и прозы.

Обращает на себя внимание стереотипность навыков, сформированных бесконечным выполнением в школе тестовых заданий. Респонденты, узнав отдельные хрестоматийные фразы, автоматически приписывают остальные квазизнакомые высказывания знакомым, указанным в анкете авторам. При этом круг имеющихся в тезаурусе молодых людей поэтов не расширяется.

Несомненна связь некрасовских крылатых слов и оборотов с детским чтением (прежде всего это предложенные высказывания *Дедушка Мазай и зайцы*, *Мороз, красный нос*, *Однажды в студеную зимнюю пору*). Их авторство (а ассоциативно и авторство других высказываний) приписывается дет-

ским писателям и поэтам. Так, высказыванию *Мороз-воевода дозором приписывается авторство А. Барто, братьев Grimm, А. Линдгрена, Т. Янссона; высказывание Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...* – В. Маяковскому, А. Барто, Дж. Толкину, А. Линдгрена, Дж. Родари. Наблюдается уже отмеченное ранее свидетельство того, что тексты детской литературы особенно прочно закреплены в языковом сознании и спонтанно используются в самых разнообразных коммуникативных ситуациях [17]. Этот механизм сработал и в процессе рефлексии над цитатами Н. А. Некрасова.

К интересным выводам приводит и анализ заданий на завершение крылатых выражений. Здесь в подавляющем большинстве случаев наблюдается правильное или частично правильное завершение. Это кажущееся противоречие с описанными выше результатами опроса на самом деле служит еще одним подтверждением тезиса о регулярной воспроизводимости клишированных фраз, о фразеологизации многих из них [19].

Заключение

Проведенное исследование свидетельствует о заметных изменениях в восприятии канонических текстов русской литературы нашим современником [20]. 200-летие Н. А. Некрасова явилось значимым поводом для рефлексии над наследием поэта в сознании молодежи XXI в. и определении места крылатых слов из его произведений в интертекстуальном тезаурусе [21].

Культуролог М. Эпштейн пишет о том, что «теперь кавычки уже впитались в плоть каждого слова» [22, с. 281]. Проведенный массовый опрос убедительно свидетельствует о снижении степени прецедентности хрестоматийных некрасовских цитат, об их клишированности. Наблюдается явное изменение культурного кода молодого современника, что может являться препятствием для адекватного восприятия текстов.

Список источников

1. Караулов Ю. Н., Филиппович Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования. М.: Азбуковник, 2009. 336 с.
2. Лотман Ю. Пушкин 1999 года. Каким он будет? // Таллинн. 1987. № 1 (52). С. 56–64.
3. Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Избранные статьи. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 243–247.
4. Попова Н. Александр Грибоедов против Марии Ватутиной, или Нужно ли школьным учителям преподавать современную литературу // Знамя. 2011. № 5. С. 202–210.
5. Мелихов А. М. Муза мести и радости // Нева. 2010. № 2. С. 233–242.
6. Гронас М. Безымянное узнаваемое, или Канон под микроскопом // Новое литературное обозрение. 2001. № 5 (51). С. 68–89.
7. Маркович В. М. К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / под ред. П. А. Николаева, В. Е. Хализева. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 55–60.
8. Дубин Б. Классика, после и рядом: социологические очерки по литературе и культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 345 с.

9. Кучерская М. А. Данс макабр Николая Некрасова // Литературная матрица. Учебник, написанный писателями. СПб.: Лимбус-Пресс, 2010. Т. 1. С. 265–298.
10. Кузьмина Н. А. Интертекст: тема с вариациями: феномены языка и культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: URSS ЛИБРОКОМ, 2011. 271 с.
11. Вознесенская М. М., Шмелева Е. Я. О проекте словаря «Интертекстуальный тезаурус современного русского языка»: книжный vs мультимедийный // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог-2019». М., 2019. С. 744–753.
12. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 284 с.
13. Брагина Н. Г. Память в языке и культуре. М.: Языки славянских культур, 2007. 520 с.
14. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.
15. Котурова М. П. Искорки памяти. Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. исслед. ун-та, 2021. 75 с.
16. Душенко К. В. Настольный словарь цитат: теперь вы знаете, кто это сказал. М.: КоЛибри, 2017. 622 с.
17. Черняк В. Д., Черняк М. А. Возьмемся за руки, друзья: Булат Окуджава в интертекстуальном тезаурусе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2019. Вып. 6 (218). С. 7–16.
18. Елистратов В. Паронимия, как и было сказано... // Знамя. 2002. № 10. С. 217–218.
19. Черняк В. Д., Сидоренко К. П., Носова Е. П. Крошка сын к отцу пришел: Прецедентные имена и высказывания из детской литературы. Опыт словаря / отв. ред. В. Д. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 216 с.
20. Düring M. Canon Formation in the Soviet Union: The Case of Swift as an Author of a Children’s Classic // Canon Constitution and Canon Change in Children’s Literature / eds. B. Kümmerling-Meibauer, A. Müller). New York and London: Routledge, 2017. P. 72–84.
21. Головин В. Не люблю – не слушай: небылица о Мазае – Мюнхгаузене // Детские чтения. 2012. № 1. С. 67–77.
22. Эпштейн М. Постмодерн в России. М.: Издание Р. Элинина, 2000. 368 с.

References

1. Karaulov Yu. N., Filippovich Yu. N. *Lingvokul'turnoye soznaniye russkoy yazykovoy lichnosti. Modelirovaniye sostoyaniya i funktsionirovaniya* [Linguistic and cultural consciousness of the Russian language personality. Modeling the state and operation]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
2. Lotman Yu. Pushkin 1999 goda. Kakim on budet? [Pushkin 1999. What will he be like?]. *Tallinn*, 1987, no. 1 (52), pp. 56–64 (in Russian).
3. Lotman Yu. M. Kanonicheskoye iskusstvo kak informatsionnyy paradoks [Canonical art as an informational paradox]. Lotman Yu. M. *Izbrannyye stat'i. T. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected articles on the semiotics of culture]. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992. Pp. 243–247 (in Russian).
4. Popova N. Aleksandr Griboyedov protiv Marii Vatutinoy, ili Nuzhno li shkol'nyim uchitelyam prepodavat' sovremennuyu literaturu [Alexander Griboyedov vs. Maria Vatutina, or do school teachers need to teach modern literature]. *Znamya*, 2011, no. 5, pp. 202–210 (in Russian).
5. Melikhov A. M. Muza mesti i radosti [The Muse of Revenge and Sorrow]. *Neva*, 2010, no. 2, pp. 233–242 (in Russian).
6. Gronas M. Bezimyannoye uznavaemoye, ili kanon pod mikroskopom [Nameless recognizable, or canon under a microscope]. *Novoye literaturnoye obozreniye*, 2001, no. 5 (51), pp. 68–89 (in Russian).
7. Markovich V. M. K voprosu o razlichenii ponyatiy “klassika” i “belletristika” [On the issue of distinguishing between the concepts of “classics” and “fiction”]. *Klassika i sovremennost'* [Classics and modernity]. Eds P. A. Nikolayeva, V. E. Khalizeva. Moscow, MGU Publ., 1991. Pp. 55–60 (in Russian).
8. Dubin B. Klassika, posle i ryadom: sotsiologicheskiye ocherki po literature i kul'ture [Classics, after and next: sociological essays on literature and culture]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2010. 345 p. (in Russian).
9. Kucherskaya M. A. Dans makabr Nikolaya Nekrasova [Dans makabr of Nikolay Nekrasov]. *Literaturnaya matritsa. Uchebnik, napisannyi pisatelyami* [The literary matrix. A textbook written by writers]. Saint-Petersburg, Limbus-Press Publ. 2010. Vol. 1. Pp. 268–298 (in Russian).
10. Kuzmina N. A. *Intertekst: tema s variatsiyami: fenomeny yazyka i kul'tury* [Intertext: the theme with variations: phenomena of Language and Culture]. Moscow, URSS Publ., 2011. 271 p. (in Russian).
11. Voznesenskaya M. M., Shmeleva E. Ya. O proyekte slovarya “Intertekstual'nyy tezaurus sovremennogo russkogo yazyka”: knizhnyy vs. mul'timediynyy [About the project of the dictionary “Intertextual thesaurus of the modern Russian language”: book vs. multimedia]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2019”* [Computational linguistics and intelligent technologies: Based on the materials of the international conference “Dialogue 2019”]. Moscow, 2019. Pp. 744–753 (in Russian).
12. Teliya V. N. *Russkaya frazeologiya: semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1996. 284 p. (in Russian).

13. Bragina N. G. B. *Pamyat' v yazyke i kul'ture* [Memory in language and culture.]. Moscow, 2007. 520 p. (in Russian).
14. Leont'ev A. A. *Psikholingvisticheskiye edinitsy i porozhdeniye rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic units and the generation of speech utterance]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 307 p. (in Russian).
15. Kotyurova M. P. *Iskorki pamyati* [Sparks of memory]. Perm, Izd-vo Perm. gos. nats. issled. un-ta Publ., 2021. 75 p. (in Russian).
16. Dushenko K. V. *Nastol'nyy slovar' tsitat: teper' vy znayete, kto eto skazal* [Desktop Dictionary of Quotes: Now you know who said it]. Moscow, KoLibri Publ., 2017. 622 p. (in Russian).
17. Chernyak V. D., Chernyak M. A. *Voz'memsa za ruki, druz'ya: Bulat Okudzhava v intertekstual'nom tezauruse* [Let's join hands, friends: Bulat Okudzhava in the intertextual thesaurus]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2019, vol. 6 (218), pp. 7–16 (in Russian).
18. Elistratov V. Paronimiya, kak i bylo skazano... [Paronymy, as said...]. *Znamya*, 2002, no. 10, pp. 217–218 (in Russian).
19. Chernyak V. D., Sidorenko K. P., Nosova E. P. *Kroshka syn k ottsu prishel: pretsedentnyye imena i vyskazyvaniya iz detskoy literatury. Opyt slovarya* [Baby son came to his father: Precedent names and sayings from children's literature. Dictionary Experience]. Saint-Petersburg, 2021. 216 p. (in Russian).
20. Düring Michael. Canon Formation in the Soviet Union: The Case of Swift as an Author of a Children's Classic. *Canon Constitution and Canon Change in Children's Literature*. Bettina Kümmerling-Meibauer & Anja Müller (eds.). New York and London, Routledge Publ., 2017. Pp. 72–84.
21. Golovin V. *Ne lyubo – ne slushay: nebylitsa o Mazaye – Myunkhgauzene* [Do not like – do not listen: fiction about Mazai – Munchausen]. *Detskiye chteniya – Children's readings*, 2012, no. 1, pp. 67–77 (in Russian).
22. Epshteyn M. *Postmodern v Rossii* [Postmodern in Russia]. Moscow, Izdaniye R. Elinina Publ., 2000. 368 p. (in Russian).

Информация об авторах

Черняк В. Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Черняк М. А., доктор филологических наук, профессор, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Набережная р. Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, Россия, 191186).

Information about the authors

Chernyak V. D., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Moyka Emb., 48, Saint Petersburg, Russia, 191186).

Chernyak M. A., Doctor of Philological Sciences, Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (Moyka Emb., 48, Saint Petersburg, Russia, 191186).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 28.01.2022; accepted for publication 29.03.2022

УДК 811.161.1'38

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-97-106>

СВОЕОБРАЗИЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» В ПОВЕСТИ Г. И. КЛИМОВСКОЙ «ОНКА»

Нина Геннадьевна Петрова¹, Елена Алексеевна Бакланова²

¹ *Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия*

² *Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Россия*

¹ *npetrova@ngs.ru*

² *baklen9@mail.ru*

Аннотация

Введение. В последние годы исследования концепта «жизнь» ведутся с различных позиций лингвистического знания (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, риторики и др.). Наличие значительного количества работ, посвященных изучению данного концепта, объясняется его экзистенциальной значимостью не только для всей нации в целом, но и для конкретного человека.

Цель – выявление особенностей концепта «жизнь» в художественной картине мира сибирской писательницы Г. И. Климовской.

Материал и методы. Исследование повести Г. И. Климовской «Онка» выполнено с позиций теории регулятивности – одного из направлений коммуникативной стилистики текста. Кроме того, для выявления своеобразия концепта «жизнь» учитывалась теория В. И. Карасика, различающего образный, понятийный и ценностный компоненты в составе концепта.

Результаты и обсуждение. Установлено, что концепт «жизнь» в повести Г. И. Климовской эксплицитно репрезентирован преимущественно лексемами «жизнь», «жить» и его производными, а также лексемами «живой» и «жилица».

Выявлено, что в понятийной составляющей анализируемого концепта доминирующими являются семы 'длительность' и 'качество'; для образной составляющей характерна метафора «жизнь/смерть» – «весы», не отмеченная при описании русской языковой картины мира. Выявлена эксплицитная связь концепта «жизнь» с концептами «болезнь», «любовь», «смерть» и имплицитная с концептом «Бог». Показано, что концепт «жизнь» в повести «Онка» является гиперконцептом. Его формирование осуществляется на основе сквозного последовательно-сопоставительно-синтезирующего лингвокогнитивного механизма. Данный лингвокогнитивный механизм стимулирования гиперконцепта «жизнь» в сознании адресата обеспечивается за счет сильной эксплицитной регулятивной стратегии последовательно-контрастивного типа. Доминирующими способами регулятивности, создающими отмеченную регулятивную стратегию, обеспечивающую эффективность творческого диалога автора и читателя, выступают повтор и контраст.

Заключение. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что концепт «жизнь» не только обладает несомненной ценностью для Г. И. Климовской, но и занимает одно из важных мест в художественной картине мира сибирской писательницы.

Ключевые слова: коммуникативная стилистика, теория регулятивности, концепт «жизнь», регулятивная стратегия, картина мира, прозаический текст

Для цитирования: Петрова Н. Г., Бакланова Е. А. Своеобразие концепта «жизнь» в повести Г. И. Климовской «Онка» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 97–106. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-97-106>

PECULIARITIES OF THE CONCEPT “LIFE” IN THE SHORT NOVEL “ONKA” BY G. I. KLIMOVSKAYA

Nina G. Petrova¹, Elena A. Baklanova²

¹ *Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation*

² *Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation*

¹ *npetrova@ngs.ru*

² *baklen9@mail.ru*

© Н. Г. Петрова, Е. А. Бакланова, 2022

Abstract

Introduction. The study of the concept “life” has been carried out lately from the point of view of different linguistic stances (linguoculture, cognitive linguistics, rhetoric, etc.). The abundance of papers which explore the above-mentioned concept is justified by the fact that it is existentialistically important for the whole nation and for each individual.

The aim is to reveal the peculiarities of the concept “life” in the belles-lettres world picture of the Siberian writer G. I. Klimovskaya.

Material and methods. The study of the short novel “Onka” by G. I. Klimovskaya is carried out from the point of view of regulativity theory which is one of the directions of communicative text stylistics. Moreover, with the aim of revealing the peculiarities of the concept “life” the theory of V. I. Karasik was taken into account according to which the imaginative, notional, and axiological components in the concept structure are differentiated.

Results and discussion. It is stated that the concept “life” in the short novel “Onka” by G. I. Klimovskaya is represented by such words as “life”, “live” and their derivatives, by the lexemes “alive” and “tenant”.

It is established that in the notional component of the concept under study the prevalent are the semes ‘duration’ and ‘quality’, for the imaginative component the metaphor “life/death” – “scales” is characteristic which is not singled out while describing the Russian language world picture.

The explicit connection of the concept “life” with the concepts “illness”, “love”, “death” is noted; the concept “life” is implicitly connected with the concept “God”.

It is shown that the concept “life” in the short novel “Onka” is a hyper-concept that is formed on the basis of the through consecutive-comparative-synthesizing linguocognitive mechanism. This linguocognitive mechanism of the stimulating in the reader’s consciousness of the hyper-concept “life” is provided by the strong explicit regulative strategy of the consecutive-comparative type.

Repetition and contrast are the predominant ways of regulativity that create the singled-out strategy and ensure the efficiency of the dialogue between the writer and the reader.

Conclusion. The carried-out analysis lets us come to the conclusion that the concept “life” is not only of great value for G. I. Klimovskaya but also holds a valuable place in the belles-lettres world of the Siberian writer.

Keywords: *communicative stylistics, theory of regulativity, concept “life”, regulative strategy, world picture, prose text*

For citation: Petrova N. G., Baklanova E. A. Svoeobrazie kontsepta “zhizn” v povesti G. I. Klimovskoy “Onka” [Peculiarities of the Concept “Life” in the Short Novel “Onka” by G. I. Klimovskaya]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 97–106 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-97-106>

Введение

Исследования концепта *жизнь* ведутся в последние годы в различных направлениях. Работы одних ученых посвящены изучению национально-культурной специфики данного феномена (в том числе и в сопоставительном аспекте) (см. [1–5]), в работах других – выявляются особенности функционирования концепта *жизнь* в творчестве отдельных авторов (как поэтов [6], так и прозаиков [7–9]).

Е. Н. Руднев, отмечая, что *жизнь* – важный и «ментально значимый» в русской языковой картине мира концепт, указывает на двуплановость семантики слова «жизнь»: «с одной стороны, жизнь есть физическое существование; с другой – категория, служащая основой духовного бытия человека» [4, с. 103]. Идеал жизни вечной, по мнению исследователя, сакрален и универсален одновременно для всех культур вне зависимости от конфессиональной принадлежности [4, с. 104].

О. Б. Саркисян и М. А. Дубова, занимаясь изучением концептуального содержания лексемы «жизнь» в повести И. А. Бунина «Деревня», пришли к выводу, что концепт *жизнь* является универсальным концептом, а реализация его содержания «напрямую связана с такими универсалиями, как

„человек“ (персоналия), „пространство“, „время“» [9, с. 110].

Поскольку концепту *жизнь* соответствует парный антонимический концепт *смерть*, то нередко ученые рассматривают одновременно особенности этих двух концептов не только в русской языковой картине мира [10], но и в картинах мира конкретных художников слова (см. [11–15]).

Неразрывность в ряде случаев этих двух дуальных концептов в творческом сознании как поэтов, так и писателей позволяет исследователям трактовать их в качестве единого целого. Так, например, Е. Ю. Пономарева выявляет сходства и отличия русских и английских концептов-оппозиций «жизнь – смерть» и *life – death* в поэтических дискурсах В. Брюсова и Д. Томаса [16].

А. В. Прохорова обосновывает биполярную сущность художественного концепта «жизнь/смерть» в ценностно-смысловой парадигме идиостиля Л. Андреева [17, с. 225].

Наличие значительного количества работ, посвященных изучению концепта *жизнь* с различных позиций лингвистического знания (лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, риторики и др.) объясняется тем, что «содержащиеся в нем „наив-

ные⁴ представления являются экзистенциально значимыми как для конкретного человека, так и для всей нации в целом» [1, с. 194]. Кроме того, именно на основе концептов *жизнь* и *смерть*, являющихся, по мнению большинства исследователей, базовыми ментальными сущностями, «происходит формирование других элементов концептуальной системы человека» [17, с. 228].

Целью настоящей статьи является рассмотрение своеобразия концепта *жизнь* в художественной картине мира сибирской писательницы Г. И. Климовской, а также выявление лингвокогнитивных механизмов его формирования в сознании читателя.

Материал и методы

Материалом для исследования послужила повесть Г. И. Климовской¹ «Онка», вошедшая в сборник «Синий дым Китая» [18].

По мнению Е. Н. Проскуриной, исследовавшей некоторые аспекты творчества писательницы, все произведения данного сборника хронологически «встраиваются в провинциальный текст русской литературы» [19, с. 129]. При этом организующим центром каждого произведения является «тема женской судьбы» [19, с. 130]. Эту точку зрения разделяет также В. А. Суханов [20, с. 478]. Кроме того, исследователь выделяет два аспекта, объединяющих все произведения в сборнике, – это общность пространства и позиция автора [20, с. 478].

Данное исследование проводится с позиций теории регулятивности – одного из направлений коммуникативной стилистики текста (см. о ней: [21, с. 12–42; 22]; подробнее о коммуникативной стилистике, изучающей текст не только как форму коммуникации, но и как явление идиостиля, а также об основных этапах ее становления и тенденциях развития см., например, в [23]).

Роль теории регулятивности для понимания и интерпретации любого текста (в том числе и художественного) читателем состоит в том, что она «позволяет определять значимые для понимания общего смысла текста его элементы и микроструктуры, выявлять регулятивные доминанты и принципы текстовой организации, моделировать общую стратегию ассоциативно-смыслового развертывания текста в сознании читателя» [24, с. 44].

Основное внимание при описании анализируемого концепта уделено лексическим средствам и способам регулятивности, поскольку мы разделяем мнение Н. С. Болотновой о том, что именно лексический уровень является «основной формой репрезентации художественного смысла текста» [25, с. 99].

Для выявления индивидуально-авторского своеобразия в репрезентации концепта «жизнь» в повести Г. И. Климовской «Онка», в отличие от представленности данного концепта в русской национальной картине мира, мы опирались на методику В. И. Карасика, выделяющего образный, понятийный и ценностный компоненты в составе такого многомерного образования, как концепт [26]. Это сделано не случайно. Анализ научной литературы, посвященной изучению лингвокультурного концепта *жизнь*, показал, что, несмотря на наличие значительного количества имеющихся концепций моделирования концептов (см., в частности, исследования З. Д. Поповой и И. А. Стернина, С. Г. Воркачева, М. В. Пименовой), именно методика В. И. Карасика применялась учеными при изучении функционирования данного концепта на уровне национальной картины мира (см., например: [1, 2]).

Результаты и обсуждение

Анализ повести Г. И. Климовской «Онка» показал, что концепт *жизнь* эксплицитно репрезентирован преимущественно лексемами «*жизнь*» (31), «*жить*» и его производными (17), а также лексемами «*живой*» (3), «*живучий*» (1), «*жизненный*» (2), «*живительный*» (1) и «*жилица*» (1), синонимической парой «*жизнь*» – «*бытие*» (3). (Здесь и далее в скобках указано количество словоупотреблений в тексте.)

Заметим, что лексикографический анализ слов, репрезентирующих рассматриваемый концепт, нами не проводился, поскольку это достаточно подробно сделано в ряде работ: [2, с. 63–65; 5, с. 8; 7, с. 11–12].

В частности, обращение к «Словарю современного русского литературного языка» в 20 томах, «Словарю русского языка» в 4 томах, а также «Большому толковому словарю русского языка» позволило О. А. Ипановой выявить следующие когнитивные признаки концепта *жизнь*: 1) *существование*, 2) *функционирование*, *деятельность*, 3) *движение*, 4) *длительность*, 5) *целостность*, 6) *реальность*, 7) *качество* (см. [2, с. 64–65]).

Как показали наши наблюдения над текстом повести «Онка», содержание концепта *жизнь* представлено следующими когнитивными признаками: *длительность* (22), *качество* (18), *существование* (15), *целостность* (12) и *функционирование*, *деятельность* (11) (см. таблицу). Думается, что превалирование признаков *длительность* и *качество* можно объяснить как содержанием рассказанной читателю истории, так и глубинным смыслом текста. Героиню, поступившую в Онку, как ей казалось, со смертельным диагнозом, более всего интересовали именно эти стороны жизни.

¹ Галина Ивановна Климовская – поэт и прозаик, доктор филологических наук, в прошлом профессор Национального исследовательского Томского государственного университета.

Текстовая репрезентация когнитивных признаков концепта жизнь в повести «Онка»

Когнитивные признаки	Примеры из текста
Длительность (22)	<i>Жизненным путем; жизненного витка; сорок пять прожитых лет; к... продолжению ее жизни; в той, додиспансерной жизни; эпопею прежней жизни; людей, живших до ее рождения; в ее добольничной, еще вчерашней – еще только вчерашней жизни; в той, допалатной жизни; единственная такая в жизни ночь; еще, может, поживем; малая, но такая милая жизнь; пока жив-то был, и не улыбался никогда; веку не доживали; будут, еще в жизни бифитексы с капустой; последняя в ее жизни ночь; осталось жить до марта; со все сокращающейся возможностью и желанием жить дальше; не живучее оно; не дай бог живого кого увижу; не жилица она больше на этом свете, радость сюминутного бытия</i>
Качество (18)	<i>Милую сердцу эпопею прежней жизни; целенаправленная, осмысленная жизнь; малая, но такая милая жизнь; обо всей этой жизни, чреватой горем, болезнью; веку не доживали и помирали нехорошо; от такой жизни; будут, еще в жизни бифитексы с капустой; радости жизни, бытия; забольничный мир с его тысячекратными теперь тяготами и тревогами; в... бедственном раскладе жизни; ожила в душе пронзительная радость сюминутного бытия; жила несчастливо, но весело, скрашивая жизнь другим; ну что за жестокая штука – жизнь... безоблачной перспективой жизни; в ее добольничной, еще вчерашней – еще только вчерашней жизни; живу на автопилоте; все пережитое начинало представлять в ином... свете</i>
Существование (15)	<i>Ну что за жестокая штука – жизнь... безоблачной перспективой жизни; всюду жизнь; жили разными жизнями; на вечных весах жизни и смерти; радости жизни, бытия; прямо на глазах обрывающуюся жизнь; страшными историями из жизни; собственная жизнь; хочу я выжить или нет; мужик... определился при живой еще; последняя в ее жизни ночь; уснуть... живительным сном; ожила в душе пронзительная радость сюминутного бытия; пережить это острое чувство; Наталья Ивановна выжила</i>
Целостность (12)	<i>Всюду жизнь; жили разными жизнями; на вечных весах жизни и смерти; ждали продолжения «Жизни взаимы»; обо всей этой жизни, чреватой горем, болезнью; страшными историями из жизни; собственная жизнь; уйти... из их жизни; будут, еще в жизни бифитексы с капустой; самый длинный в ее жизни больничный лист; не жилица она больше на этом свете; жила несчастливо, но весело, скрашивая жизнь другим</i>
Функционирование, деятельность (11)	<i>Демократически ориентированную в жизни; другая, интимная, скрытая от врачей жизнь; в этом низовом течении жизни; не живучее оно; уйти... из их жизни; поселок, где они жили; забольничный мир с его тысячекратными теперь тяготами и тревогами; самый длинный в ее жизни больничный лист; живущая в городе; жила несчастливо, но весело, скрашивая жизнь другим</i>

Как видно из примеров, приведенных в таблице, в ряде случаев наблюдается контаминация когнитивных признаков, свидетельствующая как о глубине и многообразии смыслов текста повести, так и об особенностях авторского мировидения. Так, одновременно могут актуализироваться признаки *длительность* и *качество*; *функционирование*, *деятельность* и *целостность*; *существование* и *качество*; *существование* и *целостность*.

Текстовая реализация признаков *длительность* и *качество* характеризуется следующими особенностями: употреблением прилагательных одной словообразовательной структуры (жизнь «*додиспансерная*», «*добольничная*», «*допалатная*»; «*забольничный мир*»); повтором слова «*милый*» по отношению к жизни («*милую сердцу эпопею прежней жизни*»; «*малая, но такая милая жизнь*»).

И контраст, и повтор в повести Г. И. Климовской являются наиболее частотными приемами в репрезентации данных элементов. Так, например, через контраст актуализированы когнитивные признаки *существование* и *качество* («*ну что за жестокая штука – жизнь*», «*безоблачной перспективой жизни*»); *существование* и *целостность* («*на*

вечных весах жизни и смерти»); *функционирование*, *деятельность* и *целостность* («*жила несчастливо, но весело, скрашивая жизнь другим*»).

Образная составляющая концепта *жизнь* представляет собой реализацию следующих концептуальных метафор: **жизнь – путь** («*жизненный путь*», «*жизненный виток*», «*безоблачная перспектива*», «*низовое течение жизни*»); **персонафикация жизни: жизнь – агрессор** («*жизнь – жестокая штука*», «*от такой жизни*»); **жизнь – ценность** («*единственная такая в жизни ночь*»; «*радости жизни, бытия*»).

Если перечисленные выше концептуальные метафоры свойственны и для национальной картины мира (см. об этом [2, с. 62–63]), то метафора **жизнь/смерть – весы** («*на вечных весах жизни и смерти*»; «*жизнь, чреватая горем, болезнью, несбывшимися надеждами*») является идиостилевой особенностью прозы Г. И. Климовской. Кроме того, в повести переосмысливается характерная для национальной картины мира метафора **жизнь – собственность**. У Г. И. Климовской **жизнь – не-собственность/ускользающая собственность**: «*не жилица она больше на этом свете*».

Ценностная составляющая концепта *жизнь* в повести представлена синонимической парой *жизнь – бытие*: «*радости жизни, бытия*»; «*радость сиюминутного бытия*», а также наиболее частотной антонимической парой *жизнь – смерть*: «*на вечных весах жизни и смерти*»; «*веку не доживали и помирали нехорошо*»; «*бабой родилась, бабой и помирать надо*»; «*хотеть выжить или нет*»; «*куснуть мертвым... живительным сном*».

Полагаем, что частотность антонимической пары и незначительная представленность в тексте повести «Онка» синонимической пары объясняется особенностями сюжета.

Если в русской языковой картине мира присутствует двоякое отношение к жизни – она прекрасна, но и тяжела одновременно (см. об этом [2, с. 73]), то в тексте повести отношения героини с жизнью сложные и динамичные. Ценностная составляющая концепта *жизнь* в повести ярче всего проявляется через его отношения с концептами *болезнь* и *смерть*, что позволяет говорить о триаде: *жизнь – болезнь – смерть*.

Если в начале повести для героини-рассказчицы *жизнь без болезни* и *жизнь с болезнью* – разные, взаимоисключающие формы существования, причем вторая означает, безусловно, *смерть*, то в ходе повествования возникает другое понимание: *жизнь с болезнью* – это не всегда и не обязательно означает *смерть*, это такая форма жизни в определенных обстоятельствах. В повести «таким обстоятельством» является нахождение героини (Натальи Ивановны) в онкодиспансере. Это приводит к тому, что концептуальный признак *существование* актуализируется как *существование в определенном месте, пространстве*.

Так, в начале повести жизнь внутри (в онкодиспансере) для героини подобна смерти, а именно: вход в больницу расценивается Натальей Ивановной как «*вход в ад*»; Онка для нее – тюрьма («*...стены исчерчены, как в тюремной камере*»; «*...оказавшись в застенках операционной палаты*»). Жизнь же на «*воле*» – это собственно жизнь («*додиспансерная жизнь*», «*допалатная жизнь*», «*вчерашняя жизнь*», «*прежняя жизнь – милая сердцу эпопея*»).

В конце же повести наблюдается противоположная оценка *существования в пространстве/месте нахождения*: отношение к жизни в онкодиспансере – положительное («*милая Онка*»), к миру вне Онки – отрицательное («*заболничный мир – с его тысячекратными теперь тяготами и тревогами*»). Таким образом, очевидна кардинальная перемена в понимании жизни и в отношении к ней – переоценка ценностей.

Кроме того, в конце повести отмечается имплицитно выраженный смысл *существование*

несмотря ни на что: «*И все-таки орешник зеленеет*».

Л. В. Туленинова, занимаясь изучением концептов *здоровье* и *болезнь* в английской и русской лингвокультурах, отмечает дуальный тип этих концептов и их максимальное взаимодействие в обеих национальных концептосферах с такими концептами, как *жизнь, человек, добро, зло, природа, возраст, медицина* [27, с. 254]. Концепт *болезнь* в повести «Онка», с одной стороны, представляет собой самостоятельный концепт, с другой – включен в концепт *жизнь* как его важная составляющая.

Если в начале повествования в концепте *жизнь с болезнью* доминирующей частью является *болезнь*, то в финале повести составляющая *болезнь* в концепте *жизнь* является его незначительной частью.

Далее рассмотрим некоторые результаты анализа понятийной и образной составляющих концепта *болезнь* как части концепта *жизнь*. Значимость концепта *болезнь* в формировании общего эстетического смысла текста невероятно велика. Об этом свидетельствует название повести – «Онка» – народное название онкологического диспансера.

У слова «болезнь» в «Большом толковом словаре русского языка» первым зафиксировано следующее значение: «Конкретное заболевание, нарушающее деятельность организма (или его отдельных органов)» [28].

В ряде текстовых фрагментов именно данный концептуальный признак актуализирован наиболее ярко – *болезнь* не называется и оценивается резко негативно. Например, «*за что же наслана на Иву эта болезнь*» [18, с. 238], «*об Иве, обо всей этой жизни, чреватой горем, болезнью, несбывшимися надеждами*» [18, с. 238]. Единственный раз *болезнь* названа прямо: «*...у дочери рак, у матери – инфаркт*» [18, с. 231]. Героиня расценивает *болезнь* как «*почти что смертный приговор*» [18, с. 195].

В отличие от приведенных выше фрагментов отрывки, повествующие о врачах, окрашены только положительно. Например, о хирурге Валерии Федоровиче: «*Победив на фронте одного врага, встретил в тылу другого: страшную безжалостную болезнь. И, не теряя фронтового настроения, ополчился против нее. Прекрасный хирург, прекрасный диагност, прекрасный человек... Маг...*» [18, с. 232].

Дважды в тексте встречается сниженный разговорный синоним к слову «болезнь» – «*хворь*»: Наталья Ивановна торопилась на операцию, чтобы «*...исторгнуть из себя грозную, беспощадную хворь*» [18, с. 243]; учительница с севера Клавдия Васильевна «*...успела к первому сентябрю выйти*

на работу, взяла новый первый класс, проработала полтора месяца, потом слегла и через неделю умерла, избавившись от своей „хвори“ самым радикальным способом» [18, с. 260]. Как видно из приведенных примеров, снижение статуса страшного, неизбежного, высмеивание его как способ защиты, характерные для народной культуры, являются также чертой идиостиля Г. И. Климовской. На эту же особенность указывает Е. Н. Проскурина, отмечая «тонкий призыв авторской иронии», слышимый везде, даже в тексте «Онки» [29, с. 345].

Болезнь – общий фон для всего повествования. Она ставит людей перед выбором, точнее, как бы показывает два выхода: жизнь или смерть. Кажется, от человека исход не зависит. Хотя и зависит тоже. Человека может спасти от отчаяния любовь или память о ней: «...болезнь – дитя злой случайности – равняет всех, и вот они с Валеи в одной палате... Но обеих память об их любви надежнее, чем что-либо другое, держит их здесь, держит, спасает от самого черного отчаяния» [18, с. 230]. Любовь – спасение. К такому выводу приходит героиня после воспоминаний о собственной любви и рассказа о любви соседки по палате, хотя данные истории оказываются противоположными по реальному жизненному контексту.

Жизнь с болезнью научила героиню и других больных Онки со-чувствию, со-участию, со-причастности, поэтому можно утверждать, что между концептами *любовь* и *жизнь с болезнью* имеет место такой вид связи, как соположение.

Необычна в повести образная составляющая концепта *болезнь*. Она представлена олицетворениями (*болезнь – молох, болезнь – дитя злой случайности, болезнь – враг в тылу, злой ветер болезни*); синонимической парой (*болезнь – горе*) и фразеологизмом (*дамоклов меч... болезни*).

В частности, образ жестокого божества – *болезнь – молох* – парадоксальным образом возникает в конце истории, в момент, когда Наталья Ивановна почувствовала освобождение от него, осознала возвращение в жизнь: «Отбой от болезни с ее близким неизбежным концом, от чувства безвинной обреченности, закланности в честь какого-то безжалостного и прожорливого молоха...» [18, с. 256].

При прочтении текста обращают на себя внимание два ярких образа: течение времени и течение болезни – суть одно, движущееся только в одном направлении, а именно, к смерти: «У тех, кто подал сразу на второй этаж, болезнь еще не зашла так далеко, что медицина была вовсе бессильна» [18, с. 210] и «...времени не было, не дает его эта болезнь: сегодня диагноз – завтра пожалте в диспансер» [18, с. 212].

Но оно же, это движение, дает героине возможность не только накопить опыт жизни с болезнью, но и душевные силы для сочувствия другим, например новой приятельнице Иве: «Наталья Ивановна... начинает *горько-горько* плакать, впервые за эти дни – об Иве, обо всей этой жизни, чреватой горем, болезнью, несбывшимися надеждами» [18, с. 238]. Хотя в начале повести героиня отмечает у себя неспособность к эмпатии, поскольку до болезни ею не были накоплены «дополнительные силы души и тела»: «Этой соломки Наталья Ивановна не догадалась запастись и постлать себе на всякий случай...» [18, с. 201].

Рассмотрев различные аспекты отношений концептов *жизнь* и *болезнь*, соотнесем их с третьим членом триады – концептом *смерть*.

В любом художественном тексте самые важные, наиболее эмоционально и по смыслу заряженные места – это начало и конец. Противопоставление концептов *жизнь – смерть* начинается уже в первой главе, причем второй актуализирован интенсивнее: «ближайшая перспектива медленной, но неминуемой смерти» [18, с. 194].

Наши наблюдения показали, что в анализируемом тексте *смерть* по отношению к *жизни* представляет собой точку отсчета, нулевой уровень, относительно которого значимость жизни, бытия ощущается особенно ярко. Они согласуются с выводом М. П. Болотской и А. О. Зуенковой о соотношении концептов *жизнь* и *смерть* в романе И. Л. Муравьевой «Барышня» [14]. Исследователи отмечают, что жизнь в идиостиле И. Л. Муравьевой – «явление более сложное и многомерное, чем смерть (бездуховное начало, исключающее движение, развитие)» [14, с. 122].

Определение смерти как точки отсчета или как бездуховного начала не противоречит мнению Л. К. Салиевой, рассмотревшей содержание концепта *жизнь* в романе В. Набокова «Дар» с позиций когнитивного литературоведения и риторики. В основе авторской концепции *жизни – смерти* «лежит внешний топос „жизнь духовная/жизнь биологическая“, категории которого связаны внутренним топосом „антитеза“» [15, с. 296].

Рассмотрение лексической репрезентации триады *жизнь – болезнь – смерть* позволяет заключить, что в повести «Онка» отношения противопоставления возникают между вариантами концепта *жизнь*: *жизнь без болезни* и *жизнь с болезнью*.

В повести Г. И. Климовской концепт *смерть* эксплицитно репрезентирован лексемами «*смерть*» (4), «*полусмерть*» (1), «*умирать*» – «*умереть*» и их производными (13), синонимичными парами «*убивать*» (2) – «*стрелить*» (1), «*погибнуть*» (1) – «*угореть*» (1), «*утопнуть*» (2), «*мертвый*» (1) – «*покойный*» (1) и «*помертветь*» (1).

В количественном отношении понятийные составляющие концепта *смерть* (28) уступают составляющим концепта *жизнь* (59), что свидетельствует в пользу жизнеутверждающего пафоса произведения.

Кроме того, в повести «Онка» отмечается имплицитная связь концепта *жизнь* с концептом *Бог*. См., например, начало повести, когда героиня входит в Онку: «...И пахнет порохом, как от зажженной спички, и во рту все отчетливей ядовитый медный привкус... *Не дай бог никому!.. Не дай... А между тем – дает...*» [18, с. 195]. Как видим, «творец неба и земли, всего сущего» [28] не называется, но подразумевается.

Своеобразие концепта *жизнь* в повести Г. И. Климовской «Онка» с позиций теории регулятивности видится в том, что он выступает в качестве гиперконцепта, поскольку общий эстетический смысл повести – это своего рода гимн жизни с ее трудностями, бедами, болезнями, утратами, лишениями, но и с радостями, встречами, обретениями, возможностью раскрыть лучшее в себе, испытать любовь, истинную дружбу, материнство, веру в себя и людей.

Учитывая, что интерпретация текста адресатом трактуется в коммуникативной стилистике текста в качестве когнитивной деятельности, обеспечивающей создание вторичного текста в сознании читателя (см. об этом [24, с. 40]), обратимся к рассмотрению лингвокогнитивных механизмов актуализации гиперконцепта *жизнь* в повести «Онка».

Следует отметить, что Н. С. Болотновой выделены следующие типы лингвокогнитивных механизмов формирования общего смысла поэтического текста, стимулированные его системной организацией: 1) сквозной усилительно-конвергентный, 2) замкнутый последовательно-дополнительный, 3) сопоставительно-парадоксальный, 4) сопоставительно-синтезирующий [24, с. 44].

В повести «Онка», как показали наши наблюдения, формирование гиперконцепта *жизнь* осуществляется на основе сквозного последовательно-сопоставительно-синтезирующего лингвокогнитивного механизма. Данный лингвокогнитивный

механизм стимулирования гиперконцепта *жизнь* в сознании адресата реализуется за счет сильной эксплицитной регулятивной стратегии последовательно-контрастивного типа. (О типах регулятивных стратегий с учетом разных оснований применительно к художественному тексту см., например, в [30, с. 268–275]). Доминирующими способами регулятивности, создающими отмеченную регулятивную стратегию, обеспечивающую эффективность творческого диалога автора и читателя, выступают повтор и контраст. Ср., например: «*А по вечерам, когда закончены процедуры и анализы и утихает порханье белых халатов и шарканье больных тапочек из кабинетов в туалеты и обратно, в Онке начинается совершенно другая, интимная, скрытая от врачей жизнь. Ходят из палаты в палату в гости друг к другу, поверяют в подробностях оставленную на воле жизнь, травят несмешные анекдоты, обсуждают свои диагнозы и состояние бедной крови, вникают в методы и результаты здешнего лечения, рекомендуют друг другу замечательные целебные отвары... сплетничают* [18, с. 205].

Заключение

Анализ концепта *жизнь*, проведенный на материале повести Г. И. Климовской «Онка», позволил установить, что данный концепт, обладая несомненной ценностью для автора, имеет ряд особенностей, среди них:

- превалирование номината концепта *жизнь* над другими репрезентантами концепта;
- частотность элементов *длительность* и *качество* в понятийной составляющей анализируемого концепта, а также в ряде случаев – контаминация признаков: *существование* и *целостность*, *существование* и *качество* и т. д.;
- имплицитная связь концепта *жизнь* с концептом *Бог* и эксплицитная связь с концептами *болезнь*, *любовь* и *смерть*.

Исходя из лингвокогнитивных особенностей формирования общего смысла текста повести «Онка», концепт *жизнь* с позиций теории регулятивности выступает в качестве гиперконцепта.

Список источников

1. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 225 с.
2. Ипанова О. А. Концепт ЖИЗНЬ в русской языковой картине мира // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2017. Вып. 4 (40). С. 60–75.
3. Яшин П. Н. Национально-культурная специфика образов «жизнь» и «смерть» в языковом сознании русских, немцев и англичан: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 19 с.
4. Руднев Е. Н. Концепт «жизнь»: анализ и интерпретация // Гуманитарный вектор. 2010. № 3 (23). С. 101–104.
5. Бутешова А. Р. Концепт «жизнь» в русской и кыргызской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бишкек, 2012. 22 с.

6. Петрова Н. Г. Концепт жизнь и его лексическое воплощение в поэзии К. Д. Бальмонта // Русская речевая культура и текст: материалы VI Международной науч. конф. (25–27 марта 2010 г.) / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2010. С. 79–87.
7. Письменная О. А. Языковая репрезентация концептосферы жизнь в малой прозе И. А. Бунина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Сургут, 2010. 26 с.
8. Хлопкова Е. В. Концепт жизнь в идиолекте Виктора Пелевина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тольятти, 2012. 19 с.
9. Саркисян О. Б., Дубова М. А. Концептуальное содержание лексемы «жизнь» в авторской языковой картине мира (на материале повести И. А. Бунина «Деревня») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (156). С. 110–114.
10. Логинова М. М. Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2017. 26 с.
11. Сафонова Т. В. Оппозиция жизнь/смерть в творчестве А. А. Фета: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2008. 24 с.
12. Талицкая А. А. Концепты «жизнь» и «смерть» в лирике Н. А. Заболоцкого: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011. 23 с.
13. Гаврилова М. В. Концепты «жизнь» и «смерть» в книге рассказов Ю. Буйды «Прусская невеста»: языковые стратегии мифотворчества: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2012. 24 с.
14. Болотская М. П., Зуенкова А. О. Вербализация концептов «жизнь» и «смерть» в идиостиле И. Л. Муравьевой (на материале текста романа «Барышня») // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2017. № 4 (44). С. 122–131.
15. Салиева Л. К. Концепты жизнь и смерть в художественной картине мира романа Владимира Набокова «Дар» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 292–303.
16. Пономарева Е. Ю. Концептуальная оппозиция «жизнь – смерть» в поэтическом дискурсе: на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008. 27 с.
17. Прохорова А. В. Биполярность концепта «жизнь/смерть» в дискурсивном пространстве ранних рассказов Л. Андреева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. Т. 16, № 2. С. 224–241.
18. Климовская Г. И. Синий дым Китая. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. 488 с.
19. Проскурина Е. Н. Особенности провинциального сюжета в романе Г. Климовской «Вот и всё» // Сюжетология и сюжетография. 2015. № 1. С. 128–138.
20. Суханов В. А. «Времена не выбирают...» // Климовская Г. И. Синий дым Китая. Томск: Изд-во НТЛ, 2013. С. 478–484.
21. Болотнова Н. С. Теоретические аспекты изучения регулятивности в текстовой деятельности // Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко и др. Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. Гл. I. С. 12–42.
22. Петрова Н. Г. К вопросу о соотношении понятий «рефлексив» и «регулятив» // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 219–227. DOI: 10.17223/18137083/57/19
23. Болотнова Н. С. Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. Вып. 4 (193). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
24. Болотнова Н. С. Коммуникативная стилистика: лингвокогнитивные механизмы смысловой интерпретации поэтического текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. Вып. 6 (218). С. 38–48. DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
25. Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. Томск, 1992. 312 с.
26. Карасик В. И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград: Перемена, 2001. С. 3–16.
27. Туленинова Л. В. Здоровье и болезнь // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 6. Волгоград: Парадигма, 2007. С. 240–254.
28. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lop=x&bts=x&zar=x&ag=x&ab=x&sin=x&lv=x> (дата обращения: 22.01.2022).
29. Проскурина Е. Н. Образ Сибири в прозе Г. И. Климовской: между «милой провинцией» и «гиблым местом» // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков. Серия: Универсалии культуры. Вып. IV / отв. ред. Н. В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. С. 344–364.
30. Болотнова Н. С. Регулятивные стратегии в поэтической деятельности // Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности / Н. С. Болотнова, И. И. Бабенко, Е. А. Бакланова и др.; под ред. проф. Н. С. Болотновой. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2011. С. 266–275.

References

1. Ipanova O. A. *Kontsept "zhizn'" v russkoy yazykovoy kartine mira: lingvokul'turologicheskiy i leksikograficheskiy aspekty. Dis. kand. filol. nauk* [The concept "life" in the Russian language world picture: the linguocultural and lexicographic aspects. Diss. cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2005. 225 p. (in Russian).
2. Ipanova O. A. Kontsept "zhizn'" v russkoy yazykovoy kartine mira [The notion "LIFE" in the Russian lexical mind frame]. *Voprosy istorii i kul'tury severnykh stran i territoriy – Historical and cultural problems of northern countries and regions*, 2017, no. 4 (40), pp. 60–75 (in Russian).
3. Yashin P. N. *Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obrazov "zhizn'" i "smert'" v yazykovom soznanii russkikh, nemtsev i anglichan. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The national and cultural peculiarity of the notions "life" and "death" in linguistic consciousness of the Russian, German, and English. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Moscow, 2009. 19 p. (in Russian).
4. Rudnev E. N. Kontsept "zhizn'": analiz i interpretatsiya [Concept "Life": Analysis and Interpretation]. *Gumanitarnyy vektor – Humanitarian Vector*, 2010, no. 3 (23), pp. 101–104 (in Russian).
5. Buteshova A. R. *Kontsept "zhizn'" v russkoy i kyrgyzskoy yazykovoy kartine mira. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concept "life" in the Russian and Kyrgyz language world pictures. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Bishkek, 2012. 22 p. (in Russian).
6. Petrova N. G. Kontsept zhizn' i yego leksicheskoye voploshcheniye v poezii K. D. Bal'monta [The concept "life" and its lexical representation in Balmont's poetry]. *Russkaya rechevaya kul'tura i tekst: materialy VI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (25–27 marta 2010)* [Russian Speech Culture and Text: Proceedings of the VI International Scientific Conference (March 25–27, 2010)]. Tomsk, TsNTI Publ., 2010, pp. 79–87 (in Russian).
7. Pis'mennaya O. A. *Yazykovaya reprezentatsiya kontseptosfery zhizn' v maloy proze I. A. Bunina. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The linguistic representation of the conceptual domain life in flash fiction by I. Bunin. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Surgut, 2010. 26 p. (in Russian).
8. Khlopokova E. V. *Kontsept zhizn' v idiolekte Viktora Pelevina. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concept life in Victor Pelevin's idiolect. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tolyatti, 2012. 19 p. (in Russian).
9. Sarkisyan O. B., Dubova M. A. Kontseptual'noye sodержaniye leksemy "zhizn'" v avtorskoy yazykovoy kartine mira (na materiale povesti I. A. Bunina "Derevnya") [Conceptual content of the lexeme "life" in the author's language picture of the world (based on the novel "Village" by I. A. Bunin)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2021, no. 3 (156), pp. 110–114 (in Russian).
10. Loginova M. M. *Kontseptualizatsiya lingvokul'turnykh ponyatiy "zhizn'" i "smert'" v russkoy yazykovoy kartine mira: kognitivnyye, leksiko-semanticheskiye kharakteristiki i gendernaya spetsifika. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The conceptualization of the linguocultural notions "life" and "death" in the Russian language world picture: the cognitive, lexico-semantic and gender characteristics. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Krasnodar, 2017. 26 p. (in Russian).
11. Safonova T. V. *Oppozitsiya zhizn'/smert' v tvorchestve A. A. Feta. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The "life – death" dichotomy in A. Fet's works. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Oryol, 2008. 24 p. (in Russian).
12. Talitskaya A. A. *Kontsepty "zhizn'" i "smert'" v lirike N. A. Zabolotskogo. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concepts "life" and "death" in poetry by N. Zabolotsky. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Yaroslavl, 2011. 23 p. (in Russian).
13. Gavrilova M. V. *Kontsepty "zhizn'" i "smert'" v knige rasskazov Yu. Buydy "Prusskaya nevesta": yazykovyye strategii mifotvorchestva. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The concepts "life" and "death" in the collection of stories "The Prussian Bride" by Yuri Buida: the linguistic strategies of mythopoetry. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Kaliningrad, 2012. 24 p. (in Russian).
14. Bolotskaya M. P., Zuenkova A. O. Verbalizatsiya kontseptov "zhizn'" i "smert'" v idiolekte I. L. Murav'yovoy (na materiale teksta romana "Baryshnya") [Verbalization of the concepts "life" and "death" in I. L. Muravyova's individual style (on the basis of the novel "Baryshnya")]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnyye nauki – University proceedings. Volga region. Humanities*, 2017, vol. 4 (44), pp. 122–131 (in Russian).
15. Saliyeva L. K. Kontsepty zhizn' i smert' v khudozhestvennoy kartine mira romana Vladimira Nabokova "Dar" [Concepts of Life and Death in the World Picture of Vladimir Nabokov's Novel "The Gift"]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no. 9 (801), pp. 292–303 (in Russian).
16. Ponomareva E. Yu. *Kontseptual'naya oppozitsiya "Zhizn' – Smert'" v poeticheskom diskurse: na materiale poezii D. Tomasa i V. Bryusova. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The "life – death" dichotomy in poetic discourse: based on poetry by D. Tomas nad V. Bryusov. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Tyumen, 2008. 27 p. (in Russian).
17. Prokhorova A. V. Bipolyarnost' kontseptov "zhizn'/smert'" v diskursivnom prostranstve rannikh rasskazov L. Andreyeva [The bipolar nature of the "life – death" concept in the discourse landscape of L. Andreev's early short stories]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya – RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, 2018, vol. 16, no. 2, pp. 224–241 (in Russian).
18. Klimovskaya G. I. *Siniy dym Kitaya* [Blue smoke of China]. Tomsk, NTL Publ., 2013. 488 p. (in Russian).

19. Proskurina E. N. Osobennosti provintsial'nogo syuzheta v romane G. Klimovskoy "Vot i vso" [The peculiarities of the provincial plot in the novel "Vot i vso" by G. Klimovskaya]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya – Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2015, no. 1, pp. 128–138 (in Russian).
20. Sukhanov V. A. "Vremena ne vybirayut..." ["One Cannot Choose Times"]. In: Klimovskaya G. I. *Siniy dym Kitaya* [Blue smoke of China]. Tomsk, NTL Publ., 2013. Pp. 478–484 (in Russian).
21. Bolotnova N. S. Teoreticheskiye aspekty izucheniya regul'yativnosti v tekstovoy deyatel'nosti [The theoretical aspects of studying written speech-associated cognitive activities regulation]. In: Bolotnova N. S., Babenko I. I. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative text stylistics: the lexical regulation of speech-associated cognitive activities]. Ed. by N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Chap. I. Pp. 12–42 (in Russian).
22. Petrova N. G. K voprosu o sootnoshenii ponyatiy "refleksiv" i "regulyativ" [Discussing the correlation of the notions "reflexive unit" and "regulative unit"]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*, 2016, no. 4, pp. 219–227 (in Russian). DOI: 10.17223/18137083/57/19
23. Bolotnova N. S. Tendentsii i osnovnyye etapy razvitiya kommunikativnoy stilistiki teksta (k 25-letiyu nauchnogo napravleniya) [Tendencies and basic periods of communicative stylistics of text development (for the 25-th anniversary of the scientific school)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2018, vol. 4 (193), pp. 32–40 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
24. Bolotnova N. S. Kommunikativnaya stilistika: lingvokognitivnyye mekhanizmy smyslovoy interpretatsii poeticheskogo teksta [Communicative stylistics: linguo-cognitive mechanisms of sense interpretation of the poetic text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2021, vol. 6 (218), pp. 38–48 (in Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2021-6-38-48
25. Bolotnova N. S. *Khudozhestvennyy tekst v kommunikativnom aspekte i kompleksnyy analiz edinits leksicheskogo urovnya* [A poetic text in the communicative aspect and a complex analysis of lexical units]. Tomsk, 1992. 312 p. (in Russian).
26. Karasik V. I. O kategoriyakh lingvokul'turologii [On linguocultural notions]. *Yazykovaya lichnost': problemy kommunikativnoy deyatel'nosti* [Linguistic persona: the aspects of communicative activity]. Volgograd, Peremena Publ., 2001. Pp. 3–16 (in Russian).
27. Tulenina L. V. Zdorov'ye i bolezni' [Health and disease]. *Antologiya kontseptov*. Tom 6 [An anthology of concepts. Vol. 6]. Ed. V. I. Karasik, I. A. Sternin. Volgograd, Paradigma Publ., 2007. Pp. 240–254 (in Russian).
28. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Glavnyy redaktor S. A. Kuznetsov [The Big explanatory dictionary of Russian]. Chief editor S. A. Kuznetsov. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 22 January 2022).
29. Proskurina E. N. Obraz Sibiri v proze G. I. Klimovskoy: mezhdru "miloy provintsiiyey" i "giblym mestom" [The image of Siberia in prose by G. Klimovskaya: between "the sweet provinces" and "the middle of nowhere"]. *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI vekov*. Seriya: Universalii kul'tury. Vyp. IV [The Siberian identity mirrored in poetic texts: the tropes, topoi, and genres of the XIX–XXI centuries]. "Cultural Universals" series. Vol. IV]. Ed. N. V. Kovtun. Moscow, FLINTA, Nauka Publ., 2015. Pp. 344–364 (in Russian).
30. Bolotnova N. S. Regul'yativnyye strategii v poeticheskoy deyatel'nosti [Regulatory strategies of creative writing]. In: Bolotnova N. S., Babenko I. I. et al. *Kommunikativnaya stilistika teksta: leksicheskaya regul'yativnost' v tekstovoy deyatel'nosti* [Communicative text stylistics: the lexical regulation of speech-associated cognitive activities]. Ed. N. S. Bolotnova. Tomsk, TSPU Publ., 2011. Pp. 266–275 (in Russian).

Информация об авторах

Петрова Н. Г., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет (ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, Россия, 630126).

Бакланова Е. А., кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления (ул. Каменская, 56, Новосибирск, Россия, 630099).

Information about the authors

Petrova N. G., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University (ul. Viluyskaya, 28, Novosibirsk, Russian Federation, 630126).

Baklanova E. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (ul. Kamenskaya, 56, Novosibirsk, Russian Federation, 630099).

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 31.01.2022; accepted for publication 29.03.2022

УДК 81'42

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИЗНАК СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКОВ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ «ДВА ЦАРСТВА», «РАССКАЗЫ О ЛЮБВИ», «ЧЕРНАЯ БАБОЧКА»)

Маргарита Аюшеевна Криволицкая

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, felicity47@yandex.ru

Аннотация

Введение. Одним из основных семантических признаков ситуации состояния является перцептивность, которая может выступать в тексте как самостоятельная событийная пропозиция, так и в качестве одной из характеристик эмоционального состояния. Наличие признака «перцептивность» в художественном произведении позволяет разграничить типы субъектов восприятия, ключевым из которых является повествователь (наблюдатель).

Цель исследования – определить связь признака «перцептивность» и ключевых дифференциально-семантических признаков состояния и влияния на семантику высказывания в целом. В задачи исследования входит анализ образов чувственного восприятия.

Материал и методы. Материалом исследования послужили рассказы Л. Петрушевской из сборников «Два царства», «Рассказы о любви», «Черная бабочка». Выделено более 800 высказываний с семантикой эмоционального состояния.

В работе применяется метод научного описания, включающий сбор материала, наблюдение и систематизацию, семантический анализ высказывания и лингвостилистический анализ текста.

Результаты и обсуждение. На основании анализа установлено, что признак «перцептивность» свойственен для большинства высказываний с семантикой эмоционального состояния. Основным субъектом восприятия в художественном тексте является повествователь (наблюдатель). Положение наблюдателя позволяет интерпретировать эмоциональное состояние как по внешним признакам (внешняя перцепция), так и по внутренним (внутренняя перцепция). В ситуации эмоционального состояния отмечена связь перцептивности с другими семантическими признаками. Восприятие соотносится с ключевыми свойствами субъекта состояния – инактивностью и неконтролируемостью. Отмечено влияние перцептивности на признаки предиката – длительность, статичность, локализованность на временной оси, а также на значение высказывания в целом.

Фрагментарный лингвостилистический анализ репрезентации восприятия в ситуации эмоционального состояния показал, что для понимания творчества Л. Петрушевской и характера персонажей необходимо исследовать понятия «состояние» и «восприятие» вместе.

Заключение. Признак перцептивности влияет на другие семантические качества, в том числе и на высказывание, репрезентирующее ситуацию эмоционального состояния. Репрезентация восприятия в рамках эмоционального состояния персонажей подчеркивает специфику творчества Л. Петрушевской.

Ключевые слова: *семантика состояния, Петрушевская, эмоциональное состояние, перцептивность, семантический признак состояния*

Для цитирования: Криволицкая М. А. Перцептивность как семантический признак ситуации эмоционального состояния (на примере сборников Л. Петрушевской «Два царства», «Рассказы о любви», «Черная бабочка») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 107–114. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

PERCEPTIVITY AS A SEMANTIC SIGN OF THE EMOTIONAL STATE SITUATION (ON THE EXAMPLE OF THE COLLECTIONS BY L. PETRUSHEVSKAYA “TWO KINGDOMS”, “STORIES ABOUT LOVE”, “BLACK BUTTERFLY”)

Margarita A. Krivolitskaya

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, felicity47@yandex.ru

Abstract

Introduction. One of the main semantic features of a state situation is perceptivity, which can appear in the text as an independent event proposition, and as a property of an emotional state. The presence of a sign of perceptivity in

research of fiction makes it possible to distinguish between the types of subjects of perception, the key of which is the narrator (observer).

Aim and objectives. The main purpose is to determine the connection between the perceptual attribute and the key differential-semantic attributes of the state and the influence on the semantics of the statement as a whole. The tasks of the research include the analysis of images of sensory perception.

Material and methods. The material for the study was the stories of L. Petrushevskaya from the collections “Two Kingdoms”, “Stories about love”, “Black Butterfly”. More than 800 statements with the semantics of the emotional state are highlighted.

The work uses the method of scientific description, including the collection of material, observation and systematization, semantic analysis of the statement and linguistic analysis of the text.

Results and discussion. Based on the analysis, it was found that the perceptual sign is characteristic of most statements with the semantics of the emotional state. The main subject of perception in a literary text is the narrator (observer). The position of the observer makes it possible to interpret the emotional state both in terms of external signs (external perception) and internal (internal perception).

Conclusion. The perceptual feature affects other semantic features, including the statement that represents the situation of the emotional state. The representation of perception within the framework of an emotional state emphasizes the specificity of L. Petrushevskaya’s work.

Keywords: *semantics of the state, Petrushevskaya, emotional states, perceptivity, semantic attribute of the state*

For citation: Krivolutskaya M. A. Perseptivnost’ kak semanticheskiy priznak situatsii emotsional’nogo sostoyaniya (na primere sbornikov L. Petrushevskoy “Dva tsarstva”, “Rasskazy o lyubvi”, “Chyornaya babochka” [Perceptivity as a Semantic Sign of the Emotional State Situation (On the Example of the Collections by L. Petrushevskaya “Two Kingdoms”, “Stories about Love”, “Black Butterfly”)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 107–114 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-107-114>

Введение

Творчество Л. Петрушевской – сложное и необычное явление в русской литературе. В поле зрения автора находятся преимущественно мир людей, «униженных и оскорбленных», и их жизненные перипетии. Несмотря на ассоциирование творчества писательницы с натурализмом – тщательным описанием физиологии, человеческого тела, быта и прочих моментов в духе натуралистского дискурса, в ее произведениях прочитывается и чувственная сторона – герои испытывают сильные эмоции, остро переживают проблемы и часто пребывают в состоянии внутреннего конфликта. Если вопрос физиологии освещен в трудах Т. Н. Марковой, а связь натурализма и сентиментализма исследуется Т. Г. Прохоровой, то репрезентация эмоциональной сферы в малой прозе Л. Петрушевской остается малоизученной [1, 2]. «Парадокс, но для Петрушевской как живописца обыденного существования проблема *плоти*, источника чувственного опыта, прибежища инстинктов, отнюдь не в центре внимания. Телесность физиологическая не является ключом к познанию человека, поскольку тема Петрушевской – судьба чуткой *души* в жестоком мире» [3, с. 48]. Малоизученность чувственной сферы и внутренней жизни героев малой прозы является одной из основных причин, указывающих на актуальность темы исследования.

Анализ семантики состояния позволяет выявить наиболее характерные типы эмоций для творчества писательницы и определить основные семантические признаки ситуации эмоционально-

го состояния. «Классическая» модель ситуации эмоционального состояния (ЭС) одноактантна – состоит из субъекта (носителя состояния) и предиката [4]. В высказываниях, репрезентирующих ЭС, наравне с носителем состояния вычленяют *причину* (эксплицированную или неэксплицированную), в таком случае ситуация ЭС становится двухактантной [5]. В работе эмоциональное состояние определяется как отражение конкретной чувственной/эмоциональной ситуации, обладающей признаками инактивности субъекта, неконтролируемости, статичности, локализованности на временной оси и перцептивности [6].

В лингвистике принято считать, что фундаментальными признаками ЭС являются *статичность* и *инактивность*, так как они характеризуют основные компоненты – предикат и субъект. Подробное описание предиката и исследование таких признаков, как *статичность*, *длительность* и *локализованность на временной оси*, представлено в трудах Г. А. Золотовой, О. Н. Селиверстовой, А. А. Зализняк и др. [6–8]. Проблематика *инактивности субъекта* и *неконтролируемости ситуации* освещена в меньшей степени, возможно, ввиду того что предикат располагает основной информацией о субъекте и является центром любого высказывания.

И. П. Матханова наряду с ключевыми семантическими признаками состояния выделяет перцептивность, объясняя это тем, что перцептивность связана с другими качествами ЭС. К примеру, перцептивность соотносится с длительностью: при

отсутствии внешних показателей длительность состояния равна периоду восприятия. «Перцептивность связана с позицией наблюдателя, реального или условного, задающего пространственно-временные ориентиры события, тип субъекта действия/состояния, частные характеристики действия» [9, с. 61]. По мнению исследователя, этот признак не влияет на трансформацию значения высказывания, поэтому его нельзя отнести к базовым, но именно перцептивность или ее отсутствие задает другие изменения в семантике высказывания.

Несколько иной подход в изучении семантики перцептивности предлагает Е. М. Вольф, выделяя данный признак как особую модальную рамку – «рамку наблюдения». Субъект, предикат и причина, входящие в структуру ЭС, могут быть включены в модальную рамку «второго порядка», куда входят субъект-наблюдатель и предикат наблюдения (чувственный предикат) [10]. Автором выделены два типа взаимосвязи субъекта-наблюдателя и обозначения ЭС. В первом случае наблюдатель интерпретирует ЭС субъекта как бы изнутри, тогда происходит совмещение с ЭС. Во второй ситуации воспринятое наблюдателем через внешние проявления ЭС субъекта отражает его субъективное мнение [10, с. 74].

Более детально рассмотрено восприятие в ситуации ЭС в работе С. Я. Пименовой, посвященной анализу предложений с семантикой ЭС как проявлению различных типов восприятия [11]. На основании анализа исследователь выделяет два типа восприятия: первый тип восприятия отстраненный, рассудочный, второй тип в отличие от первого базируется на эмоциях – чувствительный, характерный для раннего этапа развития человечества. Структура и тип предложения, особенности субъекта, форма субъекта, сознание и позиция воспринимающего, эволюция восприятия от соучастного типа к рациональному – все это необходимо учитывать при анализе восприятия в ситуации ЭС.

Исследование перцептивности в рамках ЭС реализуется в разных направлениях лингвистики, что подтверждает актуальность данной темы и необходимость учитывать роль восприятия в репрезентации ЭС.

Механизм работы восприятия и состояния основывается на «первичности» восприятия даже в случае его невыраженности: субъект сначала воспринимает объект, затем следует его реакция. Однако, как утверждает К. Изард, существует обратное, эмоции могут исказить восприятие: «Эмоции непосредственным образом влияют на процесс восприятия, они фильтруют и модифицируют сенсорную информацию, поступающую в сознание от рецепторов» [12, с. 84].

Цель представленного исследования – выявить связь перцептивности с другими семантическими признаками эмоционального состояния, проанализировать точки пересечения состояния и восприятия и описать индивидуально-авторские способы создания чувственных образов, формирующих семантическую структуру художественного произведения.

Материал и методы

Материалом для анализа послужили высказывания, описывающие эмоциональное состояние персонажей в сборниках «Черная бабочка», «Рассказы о любви» и «Два царства». В результате было выделено более 800 высказываний с семантикой эмоционального состояния. Исследование внутренней жизни личности персонажа на примере современной прозы позволяет расширить представление о специфике репрезентации семантики состояния и восприятия в художественном произведении.

В исследовании используются следующие методы и приемы: описание, прием сплошной выборки, метод статистических подсчетов, метод лингвистического анализа, включающий контекстный анализ языковых единиц.

Результаты и обсуждение

В высказывании семантика восприятия представлена как самостоятельная событийная пропозиция: *Как зачарованный **смотрел** все подряд, делая живые замечания* («Ребенок Тамары»). Или как семантический признак событийных пропозиций без специальных средств выражения – *И она, выведенная из себя, испуганная **до дрожи**, стала в голос кричать, что грабят, убивают, приподнялась верхней половиной тела и изо всей силы стукнула виском о стену* («Кукла»). В первом примере пропозиция восприятия и пропозиция состояния совмещены – субъект состояния является и субъектом восприятия. Совершенно другая картина во втором высказывании, в нем отражается ситуация, воспринимаемая наблюдателем, который находится за пределами высказывания – «за кадром». В этом варианте «восприятие выступает не как содержание высказывания, а как ориентир, точка отсчета, что отвечает психологическим особенностям этого феномена, который является не только «целостным отражением предметов, ситуаций и событий», но и «обеспечивает непосредственно-чувственную ориентировку в окружающем мире» [9, с. 114–115].

Г. И. Кустова разграничивает два типа субъектов восприятия – «эксперимент» и «наблюдатель» [5]. Первый тип входит в семантическую структуру высказывания, тогда как второй занимает позицию

наблюдателя. Отличие «закадрового» субъекта заключается в его «объективном» (не от 1-го лица) дистанцированном описании ситуации.

В фокусе исследования находятся высказывания с невыраженным субъектом восприятия. Во-первых, это обусловлено их количественным преобладанием в отобранном материале, во-вторых, данный вид выражений характеризуется особым модусом восприятия – когда нет существенных границ между восприятием и состоянием, и, в-третьих, позицией наблюдателя в художественном произведении – «всеведущим» повествователем, обладающим «неограниченными» возможностями восприятия и своей пространственно-временной логикой.

В большинстве случаев вербализация ЭС происходит за счет описания внешнего проявления эмоций: *Глаза ее при этом сияли сквозь толстые очки* («Мост Ватерлоо»); *Это у старушки была улыбка радости, не иначе* («Как Пенелопа»). Либо рассказчик «чувствует» изнутри переживания персонажа: *Однако червь отчаяния начал глотать ее уже ночью* («По дороге бога Эроса»); *Сердце ее билось, во рту пересохло, в горле саднило* («Фонарик»). Приведенные примеры дают возможность разграничить внешний и внутренний субъект восприятия. Внутренний перцептор претендует на достоверность и истинность изложения ЭС субъекта, становясь, таким образом, выше по «рангу». Восприятие по внешним маркерам актуализируется за счет предположений (логическая пропозиция): *Так многозначительно она сказала на прощание и быстро пошла, видимо, опасаясь справедливого и язвительного ответа относительно того, кому еще может понадобиться срочное лечение – и этот ответ последовал* («Круги по воде»). Скорость действий субъекта *быстро пошла* и вводное слово *видимо* демонстрируют умозаключение и предположение наблюдателя о желании персонажа избежать конфликта.

Несмотря на то что человек обладает всеми чувствами восприятия (зрительное, слуховое, тактильное, вкусовое, обонятельное), однако он ограничен в своих возможностях – в реальном времени он чувствует/осознает лишь некоторые фрагменты действительности. В отличие от реального человека в художественном тексте субъект восприятия «всеобъемлющий» и не знающий границ: *А Мулява безутешен, прижимается, ищет спасения, пытается радоваться, его благородное лицо меркнет, гаснет, растворяется в сумерках...* («Бессильные руки»). Описание субъекта состояния передается многочисленными глаголами и кратким прилагательным – *безутешен, прижимается, ищет, пытается радоваться, меркнет, гаснет, растворяется*, что придает тексту динамичность. В то же

время смена эмоций героя показывает длительность и непрерывность наблюдения повествователем, который не ограничен временными рамками и способен оценить изнутри ощущения. Также в некоторых случаях наблюдатель наделен возможностью одномоментно видеть проявление эмоций персонажей, испытывать их переживания или вкусовые ощущения: *Из соседней комнаты вдруг так чудесно запахло, что у Сергея Ивановича заболело под щеками и выступила слеза* («Вольфганг и Сергей Иванович»); *Лина очень удивилась, увидев, что сидит рядом с Васей и тем более пьет какое-то легкое, искрящееся вино из бокала* («Два царства»).

В высказываниях прослеживается связь семантики восприятия и состояния: именно с позиции наблюдателя заметна неконтролируемость субъектом своих эмоций. Многие исследователи отождествляют признаки «инактивности» и «неконтролируемости» ввиду того, что субъект – это прежде всего носитель состояния. Тем не менее главное отличие неконтролируемости ЭС заключается в отсутствии контроля искренних чувств: *Мужик переместился, минуя Р., встал над парнем, схватился двумя руками за поперечину над собой, почти повис, а потом с силой, злобно, раза три грянул по поручню кулаком* («Глазки»). Наблюдаемая ситуация показывает, что истинные чувства не подвластны рациональному; так, герой, не справившись со своими чувствами, проявляет свою злость.

В тексте экспрессивные эмоции зачастую выражаются через действия (*оцепенело стоит*), повышение голоса (*воля в полный голос*), изменения во внешности (*Неожиданно Пульхерия покраснела*), мимику (*кривляясь и хохоча*), которые являются объектом восприятия для наблюдателя (повествователя, другого персонажа). Момент контроля над эмоциями в рассказах встречается редко, за исключением, когда персонажи изображают состояние других: *...подруги ласково над ней хихикали, изображая эту семенящую походку и озабоченный вид* («Как женщины много знают»). Таким образом, в художественном тексте «глазами» наблюдателя актуализируется признак «неконтролируемость субъектом эмоций». При этом восприятие преимущественно выражается через лексическое значение предиката или слова категории состояния – *Она испугалась, было уже поздно и темно, никого вокруг, только этот пучок света, который приближался по тропинке* («Фонарик»).

Важно отметить взаимодействие перцептивности с признаками «длительность» и «временная дискретность» (локализация на временной оси). Как было подчеркнуто ранее, в художественном

тексте признак «перцептивность» создает пространственно-временное поле героев.

Для начала обратимся к влиянию восприятия на временную дискретность и на семантику состояния в целом. На основании признака временной дискретности разграничиваются эмоциональное отношение и эмоциональное состояние [9]. В высказывании *Дети его любили и боялись* («Вольфганговна и Сергей Иванович») выражается отношение к субъекту в отличие от следующего высказывания, где присутствующий признак перцептивности и предикат *боялся* передают состояние персонажа – *Мина не мог спать, боялся криков за стеной и грохота в дверь и убрался с первым поездом метро* («Дайте мне ее»). Слова *спать* и *с первым поездом метро* во втором примере косвенно указывают на временной промежуток, с которым соотносено состояние субъекта.

Признак «длительность ЭС» также тесно связан с перцептивностью. Основным критерием соотношения является период, когда длительность и восприятие совпадают. В таком случае выделяют два варианта реализации:

а) сема перцептивности содержится в лексическом значении предиката: *Да, Владик печален теперь, видно, что он задет, как-то ранен, он загрустил, он рассеян за столом и тоскливо поглядывает вправо, глаза какие-то растерянные, а густые брови сомкнуты на переносице* («Са и Со»); *Это было похоже на тревогу, на испуг, когда бывает, что вдруг что-то поймают на вранье* («Нагайна»);

б) внешне проявленные показатели длительности: *Клавоочка замерла от страха на эти три дня* («Как Пенелопа»); *Ночью она ушла в мастерскую, до утра собиралась, плакала* («Предостережение Аник»).

Иногда длительность присутствует во фрагменте воспринимаемого момента: *Соня так и осталась стоять как пригвожденная к позорному столбу, а потом, зажав рот рукой, она кинулась вон, в детскую* («Продлись, мгновенье»). В таких случаях одно состояние сменяется другим. Также длительность может продолжаться непрерывно: *...Д. вообще все эти два месяца до ужаса стеснялась отца и мать, пребывающих за тонкой стенкой, они ни разу не ушли из дому...* («Лабиринт»). И. П. Матханова вслед за О. Н. Селиверстовой относит подобную длительность состояния во времени к непрерывной/прерывистой длительности, так как само ЭС ограничено определенным периодом восприятия, но состояние представлено таким образом, что оно будто длится в то время, когда оно переживается, но все обозначенное время [9, с. 122; 6].

Статичность – достаточно сложный признак в семантике ЭС. Его основное качество – отсутствие

процессности, для признака характерны именные предикаты (*стул деревянный, деревья зеленые*). Кроме этого, благодаря признаку статичности в состоянии не происходит изменений на протяжении определенного периода времени. При внешнем наблюдении субъект ЭС проявляет активность, а также возможны ситуации, когда одно состояние перетекает в другое, что противоречит статичности: *После чего совершенно подавленная мама была доставлена в ту квартиру, которая якобы находится в тихом центре, на самом деле это был район Автозаводской, но квартира оказалась с евроремонтом и кухонной мебелью, и мать с восторгом разглядывала эту чужеродную, какую-то иностранную обстановку, как из мексиканского сериала, ей понравилось буквально все, она замечтала о новой жизни без тряпья, хлама и гнутых кастрюль (блестящая посуда прилагалась к кухне, удар в цель)* («Дорога Д.»). В высказывании происходит смена пространства (вне квартиры – в квартире), в связи с этим видна перемена настроения (*подавленная – с восторгом*), субъект начинает активно действовать (*была доставлена – с восторгом разглядывала*). Отсюда следует, что не все высказывания с ЭС обладают признаком статичности.

При частном анализе первой ситуации (*совершенно подавленная мама была доставлена*) можно с уверенностью заявить, что это характерная ситуация ЭС, обладающая основными семантическими признаками статичности (*подавлена*), неконтролируемости (*была доставлена*), инактивности (*пассивность*).

Высказывания с внутренней перцепцией чаще характеризуются признаком «статичность». Состояние субъекта «фиксируется» на временной оси и только стороннее действие/давление может нарушить текущее состояние субъекта, что встречается довольно редко: *Чувствовалась полнейшая пустота во всем теле. Как будто что-то вынули изнутри. Какое-то наполнение. Он раньше сопротивлялся Нине, а тут стало некому. Оставили жить без смысла* («Богиня Парка»); *...Лайла что-то загрустила совершенно и все делала спустя рукава, что Мара воспринимала как печаль о пропавших родственниках и детях* («Лайла и Мара»). Показателями признака «статичность» в большей мере являются глаголы эмоционального состояния и ощущения (*злиться, тосковать, радоваться, грустить*). Данные высказывания обладают набором семантических признаков: инактивность субъекта, отсутствие точной локализованности на временной оси.

Проблема соотношения повествователя и субъекта восприятия в лингвистике является актуальной. Интерес к данной теме возник во второй

половине XX в. (1980-е гг.), актуальность сохраняются и в наше время. По мнению Е. В. Падучевой, в нарративном тексте рассказчик (говорящий) может выполнять разные семантические роли: субъекта речи, субъекта восприятия, субъекта сознания [13, с. 2]. В художественном тексте субъект восприятия (наблюдатель) выражается имплицитно и является вторичным эгоцентрическим субъектом. Перцептивный образ повествователя предстает как «исследовательский конструкт, который может быть рассмотрен в качестве аксиологического знака художественного мира конкретного автора (субъекта восприятия)» [14, с. 49]. Кроме того, рассказчик обладает самостоятельной позицией наблюдателя, он формирует собственное пространство, отражающее исключительно его видение и отношение к предмету восприятия. Так, повествователь через языковые средства выражает свою отстраненность или симпатию к разным персонажам и событиям.

В рассказах Л. Петрушевской при описании эмоций персонажа преобладают высказывания от третьего лица. Близость и соучастие рассказчика передаются через притяжательные местоимения: *Не помня себя от гнева, полная отворачивания и страдания, наша Дарья, забыв обо всем, ринулась на эту кухню...* («Порыв»); уменьшительно-ласкательную номинацию героев: *Клавоочка плохо спала и стеснялась этого, неподвижно лежала у стенки...* («Как Пенелопа»); качественные прилагательные: *Все затопали, зашумели, радость и печаль пронзили бедную душу девушки* («Колыбельная птичьей родины») и др.

Повествователь – это не просто рассказчик, он всевидящий и сочувствующий спутник, наблюдение и интерпретация которого для читателя – истина. Его неограниченные перцептивные возможности показывают внутренний мир героев, причину их эмоций и раскрывают характеры.

Об отсутствии эмоционального контакта и большой дистанции между героями произведений свидетельствует небольшое количество предложений с чувственным восприятием друг друга: *Посмотрев на худых, изможденных Лайлу и Мару, он сказал с раздражением...* («Лайла и Мара»). Самоанализ героя и рассказ о своих ощущениях, скорее, является исключением: *Мне одной страшно* («По дороге бога Эроса»). Персонажи редко обращаются к собственному я, не рассуждают о причинах переживаний, предпочитая жить «по наитию».

Стиль повествования Петрушевской характеризуется «стилистическими диссонансами, эпатажирующими нарушениями литературного этикета», прерывистым слогом [15, с. 38]. Предложения могут состоять из одного слова или, наоборот, могут быть сложными, распространенными, осложнен-

ными конструкциями, уточнениями или однородными членами предложения. В осложненных высказываниях нередко происходит резкая смена позиции наблюдателя на восприятие одного персонажа другим: *Д., идя домой, поразилась, никто ей не говорил никогда, что она стала красавицей, мать, наоборот, критически смотрела на Д. и была всегда недовольна ее ростом, дородностью и румянцем, кричала, что меньше есть надо булочек в институте, что сейчас не модно быть толстой, не нажирайся хоть на ночь, опять все конфеты уничтожила!* («Лабиринт»).

На основании анализа можно сделать вывод, что наиболее распространенным видом восприятия является зрительное восприятие (ЗВ). На это указывает наличие в тексте базовых глаголов со зрительной семантикой:

смотреть: ...**смотрит** на себя в попадающуюся по пути зеркала с изумлением («Предостережение Аник»);

видеть: ...*Далила смертельно испугалась, что сейчас увидит его тело* («Как цветок на заре»);

глядеть: *Главный режиссер выглядел оскорбленным* («Дайте мне ее»).

Неядерные глаголы с семантикой зрительного восприятия:

наблюдать: ...*человеческая душа с восторгом наблюдала себя в центре мироздания* («Два царства»);

замечать: *И вдруг, поговорив и посмеявшись с Са, Со замечает, что хочет отбить Владика у Иры* («Са и Со»);

показать: *Начала им трясти, показывать мужу. Закричала* («Кукла»).

Существительные *глаза*, *взгляд* также в сочетании с глаголами ЗВ влияют на интерпретацию ситуации ЭС: *Смотрела на него во все свои огромные глаза!* («Богиня Парка»); ...*Валентин посмотрел на меня своим обычным тяжелым взглядом и отвел глаза* («Цитадель»). Квалификаторы *огромные* и *тяжелым*, выступающие в роли определений, привносят в ситуацию дополнительную эмоциональную тональность.

Также ситуация ЗВ представлена лексемой *видно*: *По силуэту было видно, что петух обомлел...* («Богиня Парка»).

Непредикативный способ изображения зрительного восприятия представлен: 1) существительными (соматизмами): *глаза* (*Глаза бабушки сияли*), *зрачки* (*свет ударил ей прямо в зрачки*); 2) деепричастиями: *увидев* (*увидев, что занавеска на окне дрогнула*), *глядя* (*как бы глядя в темное стекло*).

Состояние героя может передаваться и через соматизмы, когда описание части тела косвенно указывает на определенные эмоции: *Глаза взрос-*

лых стоят неподвижно; глаза какие-то растерянные.

Слуховое восприятие репрезентируется посредством базовых глаголов *слушать* (*слушал все эти рассказы*), *слышать* (*она тоже слышала*), приядерных (периферийных) глаголов *кричать* (*мать кричала в бессильной муке*), *заорать* (*заорала птичица*), *говорить* (*говорит и говорит*), *зашипеть* (*Оксана зашипела*), *визжать* (*громко, истошно визжал*), *хохотать* (*вопросительно хохочет*); деепричастий – *насвистывая* (*насвистывая, собирать телевизор*), *рыдая* (*рыдая, не мог пробраться*); существительных с семой «звук» – *крик* (*крик ребенка*), *стук* (*доносился стук*), *стон* (*со стоном счастья*), *звон* (*далекий звон струи*) и т. д.

Ситуации с тактильным восприятием (*иногда касались; почувствовала, что тряпки под ней шевелятся*), обонятельным восприятием (*слышит запах Самсона*) и вкусовым восприятием (*бутылку сладкой водки*) в рассказах обозначены значительно реже.

В прозе Л. Петрушевой присутствуют все виды восприятия: лидирующее положение по количеству занимает зрение, далее – слух, осязание и вкус. Высказывания с ситуацией ЭС и восприятия несут особую смысловую нагрузку, особенно в контекстах со зрительным восприятием. В них отражается тесная связь наблюдателя с персонажами и актуализируется семантика восприятия.

Заключение

Таким образом, семантический анализ высказываний и фрагментарный лингвостилистический анализ позволяют сделать вывод о том, что признак «перцептивность» тесно связан с основными признаками ситуации ЭС (неконтролируемость, длительность, временная дискретность, статичность). Перцептивность и статичность являются наиболее близкими признаками ЭС, так как совпадают по ряду параметров: инактивности субъекта – отсутствию активного действия и локализации на временной оси.

Разграничение на внутреннее и внешнее восприятие позволило определить семантический признак «перцептивность» в ситуации ЭС в качестве идиостилевой черты в творчестве Л. Петрушевой. В произведениях выделена линия повествователя-наблюдателя, тонко передающего чувства героев, причины переживаний и их взаимодействие с внешним миром.

Наиболее часто в рамках ЭС репрезентировано зрительное и слуховое восприятие. Зрительные образы играют важную роль в связи с авторской интенцией показать через физиологию человека и быт внутренний мир человека и убогость окружающего мира. Частое употребление слов *крик*, *кричать*, *закричать* (всего 46 словоупотреблений) актуализирует значимость слухового восприятия и репрезентирует семантику оценки ЭС.

Список литературы

1. Маркова Т. Н. Физиология и метафизика семейной жизни в рассказах Л. Петрушевой // Уральский филологический вестник. 2013. № 2. С. 88–98.
2. Прохорова Т. Г. О «сентиментальном натурализме» в прозе Л. Петрушевой // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. Казань: изд-во КГУ, 2008. Т. 150, кн. 6. С. 77–87.
3. Плеханова И. И. Принципы художественной игры Петрушевой. М.: ФЛИНТА, 2019. 128 с.
4. Шмелёва Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. 47 с.
5. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: ФЛИНТА, 2016. 468 с.
6. Семантические типы предикатов / отв. ред. О. Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. 368 с.
7. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Азбуковник, 2004. 528 с.
8. Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 1992. 202 с.
9. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2001. 337 с.
10. Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их представления в языке // Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 55–76.
11. Пименова С. Я. Предложения с семантикой эмоционального состояния как проявления различных типов восприятия в русском художественном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 22 с.
12. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 1999. С. 84.
13. Падучева Е. В. Семантические явления в высказываниях от 1-го лица: говорящий и наблюдатель. Электронный ресурс. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/slavisty_2008.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
14. Крюкова Л. Б. Перцептивный строй поэтического текста: к вопросу о терминологическом аппарате исследования // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 447. С. 47–54.
15. Маркова Т. Н. Поэтика повествования Л. Петрушевой // Русская речь. 2004. № 2. С. 37–44.

References

1. Markova T. N. Fiziologiya i metafizika semeynoy zhizni v rasskazakh L. Petrushevskoy [Physiology and metaphysics of family life in the stories of L. Petrushevskaya]. *Uralskiy filologicheskiy vestnik – Ural Journal of Philology*, 2013, no 2, pp. 88–98 (in Russian).
2. Prokhorova T. G. O “sentimental’nom naturalizme” v proze L. Petrushevskoy [About “sentimental naturalism” in the prose of L. Petrushevskaya]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, 2008, vol. 150, no. 6, pp. 77–87 (in Russian).
3. Plekhanova I. I. *Printsipy khudozhestvennoy igry Petrushevskoy* [Principles of the artistic game of Petrushevskaya]. Moscow, Flinta Publ., 2019. 128 p. (in Russian).
4. Shmeleva T. V. *Semanticheskiy sintaksis* [Semantic syntax]. Krasnoyarsk, 1994. 47 p. (in Russian).
5. Kustova G. I. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya* [Types of derived meanings and mechanisms of language expansion]. Moscow, Flinta Publ., 2016. 468 p. (in Russian).
6. *Semanticheskiye tipy predikatov* [Semantic types of predicates]. Ed. O. N. Seliverstova. Moscow, Nauka Publ., 1982. 368 p. (in Russian).
7. Zolotova G. A., Onipenko N. K., Sidorova M. Yu. *Kommunikativnaya grammatika russkogo yazyka* [Communicative grammar of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 528 p. (in Russian).
8. Zaliznyak A. A. *Issledovaniya po semantike predikatov vnutrennego sostoyaniya* [Research on the semantics of predicates of internal state]. Munich, Verlag Otto Sagner Publ., 1992. 202 p. (in Russian).
9. Matkhanova I. P. *Vyskazyvaniya s semantikoy sostoyaniya v sovremennom russkom yazyke. Dis. dokt. filol. nauk* [Statements with the semantics of the state in the modern Russian language. Diss. doc. philol. sci.]. Saint Petersburg, 2001. 337 p. (in Russian).
10. Vol’f E. M. *Emotsional’nyye sostoyaniya i ikh predstavleniya v yazyke* [Emotional states and their representations in language]. *Problemy intensional’nykh i pragmaticheskikh kontekstov* [Problems of intensional and pragmatic contexts]. Moscow, Nauka Publ., 1989. Pp. 55–76 (in Russian).
11. Pimenova S. Ya. *Predlozheniya s semantikoy emotsional’nogo sostoyaniya kak proyavleniya razlichnykh tipov vospriyatiya v russkom khudozhestvennom tekste. Avtoref. dis. kand. philol. nauk* [Sentences with the semantics of the emotional state as manifestations of various types of perception in the Russian literary text. Abstract of thesis cand. of philol. sci.]. Saint Petersburg, 2007. 22 p. (in Russian).
12. Izard K. *Psikhologiya emotsiy* [Psychology of emotions]. Saint Petersburg, Piter Publ., 1999. P. 84 (in Russian).
13. Paducheva E. V. *Semanticheskiye yavleniya v vyskazyvaniyakh ot 1-go litsa: Govoryashchiy i nablyudatel’* [Semantic phenomena in statements from 1 type: Speaker and observer] (in Russian). URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/slavisty_2008.pdf (accessed 20 November 2021).
14. Kryukova L. B. *Pertseptivnyy stroy poeticheskogo teksta: k voprosu o terminologicheskom apparate issledovaniya* [Perceptual structure of a poetic text: on the question of the terminological apparatus of research]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2019, no. 447, pp. 47–54 (in Russian).
15. Markova T. N. *Poetika povestvovaniya L. Petrushevskoy* [Poetics of the story of L. Petrushevskaya]. *Russian speech*, 2004, no. 2, pp. 37–44 (in Russian).

Информация об авторе

Криволицкая М. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the author

Krivilutskaya M. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 24.12.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 24.12.2021; accepted for publication 29.03.2022

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882:82-3(08)

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

ИДИЛЛИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ В. А. ЖУКОВСКОГО В ПОЭМЕ Н. В. ГОГОЛЯ «ГАНЦ КЮХЕЛЬГАРТЕН»

Денис Александрович Щуков

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
d.schukov@gmail.com*

Аннотация

Введение. Жанр идиллии, развивающийся в мировой литературе еще с античности, является определяющим для поэтики русской литературы первой трети XIX в. Эстетика романтизма помогла ему развиваться, и таким образом возникла романтическая идиллия.

Большой вклад в развитие идиллии в России внес В. А. Жуковский, основоположник романтизма в русской литературе. Масштаб творчества поэта был достаточно велик и оказал влияние на произведения современников, среди которых был и Н. В. Гоголь, проявлявший в юношеские годы немалый интерес к идиллической тематике.

В связи с этим *целью* статьи является определение особенностей реализации идиллической модели В. А. Жуковского в ранней поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен».

Материал и методы. Материалом исследования является идиллическая поэма Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен», а также оказавшие на нее влияние произведения В. А. Жуковского, среди которых идиллия «Деревенский сторож в полночь»; «павловские стихотворения»; стихотворения «Теон и Эсхин», «Тоска», «Лалла Рук», «Там небеса и воды ясны!»; элегии «Славянка» и «Вечер»; романс «Желание»; песня «Путешественник»; статья «О слоге простом и украшенном».

В работе используются биографический и сравнительный методы исследования.

Результаты и обсуждение. Жанр идиллии очень близок В. А. Жуковскому. Идиллическое мировоззрение органично существует в его поэтическом сознании. Период сильного интереса поэта к идиллии синхронизируется с его юностью. В молодости он черпает новые поэтические формы преимущественно из европейских идиллий. В них Жуковского привлекают образы простой, обыденной жизни, сфокусированность на сельской природе, патриархальных нравах. Поэт особенно вдохновляется натурфилософскими аспектами.

Отличительными чертами произведений Жуковского, созданных в данном жанре, являются описательность, обилие статических природных картин, вольный стих. Кроме того, отдельно выделим и авторскую установку на воспроизведение естественной динамики жизни. Поэт выступает живописцем, который стремится в своих картинах передать мельчайшие детали внутренней жизни природы.

Однако это лишь эксплицитная часть идиллий Жуковского. Намного важнее их имплицитная часть. Под ней мы подразумеваем сакральное, религиозное и мистическое. Мы фиксируем определенную эволюцию Жуковского-идиллика. От воспевания пейзажей и изображения жизни человека на лоне природы поэт осознанно переходит к более сложному творческому этапу, фокусируясь на мистическом и прислушиваясь к своему религиозному чувству.

Что касается других особенностей жанра идиллии в творчестве Жуковского, подобно контрастности, двомирию романтизма, произведения этого жанра, переводимые им, есть сплав, синтез прекрасного и таинственного в мире. Неслучайно многие из них открываются ночными пейзажами.

Таковыми были особенности реализации жанра идиллии в творческой системе Жуковского. Именно под их влиянием пишет свое первое произведение, поэму «Ганц Кюхельгартен», Н. В. Гоголь.

Идиллическая модель Жуковского в поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен» идентифицируется практически сразу. Это подтверждает, во-первых, тоpos поэмы (сельская глубинка). Во-вторых, читателю явлены картины пасторальной жизни. Немаловажно, что в начале поэмы возникает образ семьи (патриархальность – это важный аспект идиллии). Кроме того, в поэме Гоголя обнаруживаются и иные традиционные для идиллии топосы (дом, сад).

По примеру Жуковского Гоголь использует в произведении мотивы еды, сна и музыки. Они широко представлены в тексте и подчеркивают идиллические моменты поэмы.

Геройный ряд можно считать также традиционным для идиллии (каноны которой в русской литературе первым заложил именно Жуковский), поскольку подробное представление автором семьи Луизы – это следование идиллической направленности к полноте жизни, которая здесь есть целостность семьи.

В поэме наблюдается стремление героев к достижению счастья, персонажи мечтают об идиллической жизни. Однако в главном герое поэмы больше просматриваются романтические черты. И тем не менее в нем нет страсти героев Байрона. В итоге Ганц, скорее, следует линии поведения Эсхина, воплощенного Жуковским.

Заключение. Таким образом, Гоголь при работе над своей юношеской поэмой «Ганц Кюхельгартен» ориентировался на идиллическую модель Жуковского. На это указывают традиционные элементы идиллий поэта, которые явно присутствуют в тексте Гоголя (образ семьи, пасторальные пейзажи, природные циклы, мотивы еды, сна, детства и т. п.). Однако Гоголь игнорирует некоторые важные элементы, свойственные идиллиям Жуковского. Так, гоголевский главный герой демонстрирует скорее черты романтического героя, нежели идиллического. Кроме того, в гоголевской поэме нет ярко выраженной мистической завесы. И, наконец, в ней, безусловно, ощутим диссонанс (субстрат романтического и идиллического). Причина его заключается в недостаточно продуманной компиляции художественных приемов ведущих европейских и русских литераторов.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, В. А. Жуковский, «Ганц Кюхельгартен», идиллия

Для цитирования: Щуков Д. А. Идиллическая модель В. А. Жуковского в поэме Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 115–125. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

LITERARY STUDIES

THE IDYLIC MODEL OF V. A. ZHUKOVSKY IN N. V. GOGOL'S POEM "GANZ KUCHELGARTEN"

Denis A. Shchukov

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, d.schukov@gmail.com

Abstract

Introduction. The genre of idyll, which has been developing in world literature since Antiquity, is crucial for the poetics of Russian literature in the first third of the XIX century. The aesthetics of Romanticism helped it develop, and thus a romantic idyll arose.

A great contribution to the development of idyll in Russia was made by V. A. Zhukovsky, the founder of Romanticism in Russian literature. The scale of the poet's work was quite large and influenced the works of his contemporaries, among whom was N. V. Gogol, who showed considerable interest in idyllic themes in his youth.

Aim and objectives. In this regard, the purpose of the article is to determine the features of V. A. Zhukovsky's idyllic model implementation in N. V. Gogol's early poem "Ganz Kuchelgarten".

Material and methods. The material of the study is the idyllic poem by N. V. Gogol "Ganz Kuchelgarten", as well as the works of V. A. Zhukovsky that influenced it, including an idyll "The Village Watchman at Midnight", "pavlovian poems", the poems "Theon and Aeschines", "Anguish" ("toska"), "Lalla-Rookh", "There the heavens and waters are clear!", the elegies "Slavyanka" and "Evening", the romance "Desire", the song "Traveller", the article "About a simple and decorated style".

Biographical and comparative research methods are used in the work.

Results and discussion. The genre of idyll is very close to V. A. Zhukovsky. An idyllic worldview exists organically in his poetic consciousness. The period of the poet's strong interest in idyll is synchronized with his youth. In his youth, he draws new poetic forms mainly from European idylls. In them Zhukovsky is attracted by images of simple, everyday life, focus on rural nature, patriarchal mores. The poet is especially inspired by the natural philosophical aspects.

The distinctive features of Zhukovsky's works created in this genre are descriptiveness, an abundance of static natural paintings, free verse. In addition, we will separately highlight the author's aim at reproducing the natural dynamics of life. The poet acts as a painter who strives to convey in his paintings the smallest details of the inner nature life.

However, this is only an explicit part of Zhukovsky's idylls. Their implicit part is much more important. By it we mean the sacred, the religious and the mystical. We see a certain evolution of Zhukovsky's idyll. From the glorification of landscapes and the depiction of human life in the bosom of nature, the poet consciously moves to a more complex creative stage, focusing on the mystical and listening to his religious feeling.

As for other features of the idyll genre in Zhukovsky's work, like contrast or two-worldness of romanticism, the works of this genre translated by him are an alloy, a synthesis of the beautiful and the enigmatic in the world. It is no coincidence that many of them open with night landscapes.

These were the features of the idyll genre implementation in Zhukovsky's creative system. It was under their influence that N. V. Gogol wrote his first work, the poem "Ganz Kuchelgarten".

Zhukovsky's idyllic model in Gogol's poem "Ganz Kuchelgarten" is identified almost immediately. This is confirmed, firstly, by the topos of the poem (rural hinterland). Secondly, by the fact that the reader is shown pictures of pastoral life. It is also important that at the beginning of the poem there is an image of the family (patriarchy is an important aspect of the idyll). In addition, Gogol's poem reveals other traditional topos for idyll (house, garden).

Following the example of Zhukovsky, Gogol uses the motifs of food, sleep and music in the work. They are widely represented in the text and emphasize the idyllic moments of the poem.

The heroic series can also be considered traditional for the idyll (the canons of which in Russian literature were first laid by Zhukovsky), since the author's detailed representation of Louise's family is following an idyllic orientation to the fullness of life, which here is the integrity of the family.

The poem shows the desire of the characters to achieve happiness, they dream of an idyllic life. However, romantic features are more visible in the main character of the poem. And yet it lacks the passion of Byron's heroes. At the end, Ganz rather follows the line of behavior of Aeschines, embodied by Zhukovsky.

Conclusion. Thus, Gogol, when working on his youthful poem "Ganz Kuchelgarten", was guided by the idyllic model of Zhukovsky. This is indicated by the traditional elements of the poet's idylls, which are clearly present in Gogol's text (the image of a family, pastoral landscapes, natural cycles, the motif of food, sleep and childhood). However, Gogol ignores some important elements inherent in Zhukovsky's idylls. So, Gogol's main character demonstrates the features of a romantic hero rather than an idyllic one. In addition, there is no pronounced mystical veil in Gogol's poem. And finally, dissonance (the substratum of the romantic and idyllic) is certainly felt in it. The reason for it lies in the insufficiently thought-out compilation of leading European and Russian writers' artistic techniques.

Keywords: N. V. Gogol, V. A. Zhukovskiy, "Ganz Kuchelgarten", idyll

For citation: Shchukov D. A. Idillicheskaya model' V. A. Zhukovskogo v poeme N. V. Gogolya "Ganz Kuchelgarten" [The Idyllic Model of V. A. Zhukovsky in N. V. Gogol's Poem "Ganz Kuchelgarten"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 115–125 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-115-125>

Введение

Жанр идиллии, развивающийся в мировой литературе еще с античности, является определяющим для поэтики русской литературы первой трети XIX в. Идиллические мотивы обнаруживаются в лирике многих русских поэтов начала XIX в. (А. А. Дельвиг, В. И. Панаев, Н. И. Гнедич, П. А. Катенин и др.).

Эстетика романтизма, доминирующая в это время в русской литературе, не уничтожает, а, напротив, реанимирует и развивает архаический жанр идиллии. Так, по мнению С. В. Бычковой, в начале XIX в. он развивается именно в рамках романтических традиций, поскольку с ними его объединяет мировоззрение, а также сходство в жанровой системе [1, с. 5]. Возникает романтическая идиллия.

Большой вклад в развитие идиллии в России внес В. А. Жуковский, основоположник романтизма в русской литературе. Как весьма одаренный литературный переводчик, безупречно владевший несколькими европейскими языками, он был хорошо знаком с традициями, направлениями и жанрами западной литературы. Поэт придавал большое значение европейской литературе, активно переводил и осмыслял ее, кроме того, был деятельным преемником и интерпретатором европейских литературных традиций в России. Масштаб творчества

Жуковского был достаточно велик и оказал несомненное влияние на произведения современников, среди которых был и Н. В. Гоголь, проявлявший в юношеские годы немалый интерес к идиллической тематике.

В связи с этим целью статьи является определение особенностей реализации идиллической модели В. А. Жуковского в ранней поэме Гоголя «Ганц Кюхельgarten».

Материал и методы

Материалом исследования является идиллическая поэма Н. В. Гоголя «Ганц Кюхельgarten», а также оказавшие на нее влияние произведения В. А. Жуковского, среди которых идиллия «Деревенский сторож в полночь»; «павловские стихотворения»; стихотворения «Теон и Эсхин», «Тоска», «Лалла Рук», «Там небеса и воды ясны!»; элегии «Славянка» и «Вечер»; романс «Желание»; песня «Путешественник»; статья «О слоге простом и украшенном».

В работе используются биографический и сравнительный методы исследования.

Результаты и обсуждение

Поскольку мы рассматриваем влияние идиллической модели Жуковского на произведение Гоголя, правомерно будет сначала подробно рассказать

об особенностях функционирования этого жанра в художественной системе первого, об отношении поэта к идиллии.

Несмотря на разнообразие переводимого Жуковским, у поэта были определенные предпочтения, любимые литературные жанры, к которым он многократно возвращался. Особое место среди них занимала идиллия, на каковой факт обращает внимание А. С. Янушкевич: «Говоря об опытах Жуковского в области идиллии, необходимо заметить, что... [ему] был вообще близок этот поэтический жанр. Более того – идиллическое мирозерцание, как особая концепция бытия, присуще поэту на всем протяжении его творчества...» [2, с. 178].

Исследователь ищет истоки интереса Жуковского к этому жанру. В качестве особой причины возникновения идиллии в творчестве поэта А. С. Янушкевич называет то, что: «...идиллии появились и как отклик поэта на бурную полемику вокруг его баллад, когда его обвиняли в отходе от жизни, в отсутствии природы. Не принимая прямого участия в этой полемике, Жуковский как бы демонстрировал свои возможности живописать природу, изображать „свежими, яркими красками неодушевленную природу“» [2, с. 178].

Кроме того, А. С. Янушкевич пытается понять философские, нравственные причины подобного интереса Жуковского к идиллии. Для этого исследователь обращается к работам В. Э. Вацура, после чего делает вывод о том, что посредством идиллий Гесснера Жуковский знакомился с реализацией восприятия концепции Ж.-Ж. Руссо в сфере литературного творчества. Произведения Гесснера давали взглянуть на эти идеи с точки зрения «пре-романтического руссоизма». Знакомясь с идиллиями Гесснера, Жуковский пытался вывести своего рода «нравственный кодекс», по которому люди могли сосуществовать [2, с. 179].

Идиллическое мировоззрение органично существует в поэтическом сознании Жуковского. Помимо этого, период сильного интереса поэта к идиллии синхронизируется с его юностью. В молодости он (со свойственной этому возрастному периоду жаждой нового, экзальтацией) черпает новые поэтические формы преимущественно из европейских идиллий.

Изученные повествовательные формы идиллии, усвоенные специфические черты этого жанра поэт активно использует в творчестве, после чего выходит на новый уровень поэтического мастерства. На данный факт также обращает внимание А. С. Янушкевич: по его мнению, идиллии Гесснера, Фосса и Дезульера помогали юному Жуковскому в поисках повествовательных форм и способов поэтического описания природы [2, с. 180].

В европейских идиллиях Жуковского привлекают образы простой, обыденной жизни, сфокусированность на сельской природе, патриархальных нравах. Поэт особенно вдохновляется натурфилософскими аспектами.

Отличительными чертами произведений Жуковского, созданных в данном жанре, являются описательность, обилие статических природных картин, вольный стих. Кроме того, отдельно выделим и авторскую установку на воспроизведение естественной динамики жизни. Это приводит к тому, что читатель без труда на страницах идиллий Жуковского способен фиксировать природные циклы (например, смену вечернего пейзажа на ночной и т. п.). Поэт выступает живописцем, который стремится в своих картинах передать мельчайшие детали внутренней жизни природы. И это неслучайно, ведь сам термин «идиллия» переводится как «картина». Идиллические, пейзажные зарисовки, безусловно, сыграли важную роль в создании образности лирики Жуковского. Поэт воспекает сельские пейзажи, очаровывает ими читателя.

Однако это лишь эксплицитная часть идиллий Жуковского. Намного важнее для него их имплицитная часть. Под ней мы подразумеваем сакральное, религиозное и мистическое.

Религиозные настроения русского общества александровской России, обусловленные значительными событиями в стране (возникновение русского Библейского общества, перевод Евангелия на национальные языки Российской империи), разделяет и Жуковский. И. Ю. Виницкий подчеркивает, что «...традиционно идиллические темы покоя, органического роста, еды, труда, детей, солнца, урожая и смерти преобразуются Жуковским в религиозные символы. Эта попытка создания религиозной идиллии легко вписывается в современный поэту идеологический контекст...» [3, с. 67].

Кроме того, еще в 1798 г. В. Гумбольдт писал, что посредством слова «идиллия» обозначали не просто литературный жанр, но и определенное умонастроение, вид чувствования [4, с. 244], что соотносится с выведением Жуковским в идиллиях своих религиозно-мистических переживаний. Мы фиксируем определенную эволюцию Жуковского-идиллика. От простого воспевания пейзажей и изображения жизни человека на лоне природы поэт осознанно переходит к более сложному творческому этапу, фокусируясь на мистическом и прислушиваясь к своему религиозному чувству.

Жуковский создает в идиллиях мистическую завесу. Поэт через натурфилософию выходит к духовной энергии мира, к категориям времени и вечности, а также обращается к мотиву духовного ге-

роя. Читателю репрезентированы мистические процессы в простой жизни. К подобным можно отнести, например, метаморфозы обычного зерна в идиллии Жуковского «Овсяный кисель».

Кроме того, А. С. Янушкевич видит в идиллиях Жуковского особый хронотоп. Исследователь замечает, что в них присутствует обозримый национальный космос: «...природа, будни, мысли обитателей того пространства, которое можно назвать деревенским... это пространство в совокупности содержания и в поэтической системе обретает масштаб своеобразного космоса национального бытия» [5, с. 111].

Жуковский дает европейской идиллии русскую прописку. Наиболее показательный пример этого явления – номинация идиллии Жуковского «Овсяный кисель». Второе слово данного словосочетания есть производное от названия русского народного блюда, т. е. уже заглавие отсылает нас к русской культуре и быту. Кроме того, в данном произведении автор репрезентирует свой образ-идеал родины. А. С. Янушкевич отмечает: «Лишенные социального пафоса... идиллические сценки превращаются у Жуковского в летопись той идеальной жизни, которую хотел видеть Жуковский в окружающем его социуме... Он... попытался воспитать в русском читателе уважение и любовь к этому миру» [5, с. 111].

И. Ю. Виноцкий и вовсе видит в «Овсяном киселе» Жуковского «...опыт создания христианской идиллии-притчи, пересаженной с „базельской“ на русскую почву и органически произрастающей на ней. Идиллический поэт оказывается здесь сеятелем Слова, равным проповеднику или ученому переводчику из Библейского общества, ибо он выполняет ту же задачу» [3, с. 69].

Итак, от пасторали Жуковский приходит к возвышенному пониманию данного жанра, адаптирует идиллию для русского читателя, добавляет к европейским традициям идиллии христианские аспекты.

Переводы европейских идиллий, многократное обращение русского поэта к этому жанру свидетельствуют об определенных идиллических предпочтениях раннего Жуковского. Отметим его письмо к А. И. Тургеневу от 21 октября 1816 г.: «Между тем написал, т. е. перевел с немецкого, пиесу под титулом „Овсяный кисель“... Это перевод из Гебеля, вероятно, тебе неизвестного поэта... я ничего лучше не знаю! Поэзия во всем совершенстве простоты и непорочности. Переведу еще многое. Совершенно новый и нам еще неизвестный род» [6, т. 15, с. 499].

Здесь вновь ощутим неподдельный интерес Жуковского к идиллии. Думается, что он был продиктован потребностью внутреннего мира поэта.

Об особенностях идиллического в лирике Жуковского пишет, например, И. М. Семенко: «Жуковский стремился создать гармонический, высокий, устойчивый в своей идеальности, особый поэтический мир, в котором сублимированы общечеловеческие нравственные ценности: „добродетель“, „истина“, „великое“, „прекрасное“. Добро и прекрасное для Жуковского неразрывны» [7, с. 81].

Следуя таким установкам, поэт пишет (помимо уже упомянутого «Овсяного киселя») и другие идиллии: «Утренняя звезда», «Тленность», «Летний вечер», «Деревенский сторож в полночь», «Воскресное утро в деревне», где читатель в полной мере может познакомиться с пасторальным миром, в котором воспеваются простые житейские радости.

Что касается других особенностей жанра идиллии в творчестве Жуковского, подобно контрастности, двоemiрию романтизма, произведения этого жанра, переводимые им, есть сплав, синтез прекрасного и таинственного в мире. Неслучайно многие из них открываются ночными пейзажами. Ночь – особенное, загадочное и мистическое время для романтиков. Жуковский в своей лирике неоднократно подчеркивает это, а в 1823 г. даже посвящает ночи свое одноименное стихотворение. В данном стихотворении лирический герой воспекает ночь, с трепетом ожидает ее наступления, а также видит в завершении дня мистическое проявление бытия.

Значимость этого времени суток в идиллиях Жуковского отмечает И. Ю. Виноцкий: «Бдение человека в ночи является темой идиллии „Деревенский сторож в полночь“ (Из Гебеля) (1816)... Ночные блуждания сторожа – символическая картина бодрствующей души, предчувствующей близость разрешающего ее бремя часа» [3, с. 83].

Продолжая рассматривать мотив ночного бодрствования, И. Ю. Виноцкий обращается к еще одному переведенному Жуковским произведению: «В другой идиллии из И.-П. Гебеля „Тленность“ (1816)... мотив бодрствования в ночи ассоциируется с темой мира и Страшного суда...» [3, с. 84].

Исследователь видит и определенный смысл в оппозиции дня и ночи в идиллиях Жуковского. Для осмысления этого явления он привлекает историософский контекст: «Утро мира ожидалось Жуковским, как и многими его современниками, в самом близком будущем и связывалось с установлением нового порядка в Европе после окончательной победы над Наполеоном» [3, с. 85].

Поэт подчеркивает значимость идиллии в своем творчестве. Апофеозом же избранного жанра в лирике Жуковского, на наш взгляд, стоит признать так называемые павловские стихотворения. Их Жуковский пишет в 1819 и 1820 гг. в павловских

владениях императрицы Марии Федоровны. И. Ю. Веницкий отмечает, что «павловские владения Марии Федоровны – своего рода земная тень небесного царства. Это „блаженная страна“, максимально удаленная от суетной жизни... поэт оказывается „земным свидетелем“ и певцом этого чудесного царства» [3, с. 148].

Павловск в рецепции Жуковского превращается в удаленный, потаенный и желанный идиллический край. Душа поэта пребывает здесь в блаженстве. Время в Павловске не властно над человеком, все идет своим чередом. Размеренные прогулки, регулярные приемы пищи, минуты созерцания пейзажей, литературные вечера и пр. Жуковский внедряет каноны идиллии в свою жизнь. И. Ю. Веницкий подчеркивает идиллические черты образа Павловска, мастерски изображаемые Жуковским: «...природа и самая рафинированная цивилизация находятся в гармонии... здесь вечное лето, изобилие фруктов и цветов... образ настоящей *dolce vita*...» [3, с. 150].

Отдельно исследователя интересует идиллический хронотоп «павловских стихотворений», который он характеризует как «...время фантазии и волшебства... сказочное царство, некогда населенное эфирными существами...» [3, с. 151].

Немаловажно, что И. Ю. Веницкий выделяет при анализе «павловских стихотворений» мотив сна, который придает идиллиям Жуковского медитативность. Вероятно, что данный мотив способствует усилению традиционного для идиллии чувства умиротворения.

В целом же ученый видит в «павловских стихотворениях» Жуковского определенный поэтический жест, провозглашающий новое, гармоничное время для русской литературы. Действительно, идиллические «павловские стихотворения» способствуют появлению эстетических манифестов («Лалла Рук» и др.) и шедевров Жуковского.

Отметим также, что в русской литературе Жуковский является пионером в вопросах создания канонов современной идиллии. Поэт значительно переосмысливает возможности данного жанра в рамках русской литературы. Жуковский расширяет проблематику своих идиллий, зачастую пытается нивелировать сентиментальные аспекты, свойственные многим русским идиллиям. Так, в «Марьиной роще» Жуковского читателю открывается принципиально иная сторона идиллии.

Героиня поэта, деревенская девушка Мария, добровольно покидает идиллическое пространство. Идиллический мир земледельцев в повести Жуковского контрастирует с неидиллическим миром Рогдая. Назревает конфликт. Поэт показывает два разных мира, которые априори не могут гармонич-

но сосуществовать. Не случайно и то, что Жуковский при описании данных миров использует разные стили и хронотопы. Поэт гиперболизирует проблему зыбкости идиллического мира.

Кроме того, в идиллиях Жуковского мы наблюдаем постепенное размывание границ избранного жанра. К этому можно отнести, например, сплав балладных и идиллических элементов в творческом сознании поэта. Так, И. С. Абрамовская упоминает, что трудности с границами жанров были спровоцированы тем, что на тот момент не существовало общей теории жанров. Ее не могло быть, потому что представления о жанровом каноне видоизменялись слишком быстро [8, с. 7]. Кроме того, по мнению исследователя, «Жуковский указал на новые возможности в освоении простонародной тематики, начав переводить идиллии немецкого поэта Гебеля, народные по форме (они были написаны на родном диалекте) и по содержанию» [8, с. 9].

Любопытно, что воспевание Жуковским простой жизни обнаруживается не только в идиллиях. Работая над своим эстетическим манифестом «О слоге простом и слоге украшенном», поэт вновь размышляет о ценности идиллического начала в жизни человека. Подобные рассуждения Жуковского приводят к возникновению новой эстетики русской литературы начала XIX в.

Так, поэт демонстрирует в своей лирике определенное понимание эстетики природы, окружающего мира человека. Лирический герой Жуковского, соприкасаясь с миром, рефлексивен. Он упоен величием мироздания и безмолвно созерцает красоту природы. Развитие подобной тенденции обнаруживается в стихотворениях Жуковского «Невыразимое» и «Лалла Рук».

Таковыми были особенности реализации жанра идиллии в творческой системе Жуковского. Именно под их влиянием начинается свой творческий путь Н. В. Гоголь. Ориентируясь на идиллии Жуковского, он делает первые, еще не совсем уверенные шаги к литературному триумфу.

Начинающий амбициозный писатель Гоголь, используя псевдоним В. Алов, в 1829 г. стремится осуществить свою давнюю мечту стать известным литератором. В Петербурге в свет выходит гоголевская поэма «Ганц Кюхельгартен». В контексте нашего исследования любопытно, что писатель уже в подзаголовке первого произведения подчеркивает важность жанра идиллии («идиллия в картинах»). Очевидно, что Гоголь знал о его популярности в русской литературе первой трети XIX в. Кроме того, вполне возможно, что писатель имел достаточно сведений о канонах идиллии.

Известно, что в то время в Нежинской гимназии царил культ И. Гете. Очевидно, что Гоголь читал

первую часть «Фауста», где проявляются европейские идиллические традиции. Помимо этого, некоторые исследователи склонны полагать, что Гоголь мог читать идиллию И. Фосса «Луиза» (на это может косвенно указывать выбор имени для главной героини в поэме «Ганц Кюхельгартен»).

Немаловажным нам видится и то, что гимназист Гоголь слушал курс древней истории, после чего, вероятно, мог в полной мере ознакомиться и с самым античным жанром.

Возможно, что будущий писатель внимательно следил за развитием жанра идиллии в литературе. Это подтверждают некоторые исследователи: «Роль идиллии как эстетического и литературного явления определялась в сознании Гоголя не только жанровым обозначением фоссовской „Луизы“ („...в трех идиллиях“), но и вниманием к этому жанру в популярных в то время теоретических курсах» [9, т. 1, с. 579].

Нельзя оставить без внимания и целый пласт отечественных текстов первой трети XIX в., где также представлены идиллические традиции. В первую очередь это некоторые стихотворения, поэмы А. С. Пушкина и «античные» стихи К. Н. Батюшкова. В частности, Гоголь мог ознакомиться и с текстами идиллий Жуковского в получаемых от своего друга М. А. Максимовича книгах. Такими были предпосылки, на основе которых сформировался интерес Гоголя к жанру идиллии.

Идиллическая модель Жуковского в поэме Гоголя «Ганц Кюхельгартен» идентифицируется практически сразу. Несколько фактов подтверждают нашу гипотезу. Во-первых, топос поэмы (сельская глубинка). Во-вторых, читателю явлены картины пасторальной жизни. Словом, во всех картинах поэмы ощутим дух размеренной идиллической жизни человека на лоне природы. Немаловажно и то, что в начале поэмы возникает образ семьи (патриархальность – это важный аспект идиллии):

Сегодня праздновал живой Вильгельм
Рождение дорогой своей супруги,
С пастором и драгими дочерьми:
Луизой старшей и меньшою Фанни» [9, т. 1, с. 39]; динамика природы (читателю явлена картина увядания дня):

С прохладною спокойный тихий вечер
Спускается... [9, т. 1, с. 41]; ощущение естественного течения жизни (происходит смена времен года):

«Уж осень. Холодно...» [9, т. 1, с. 57]; мотив еды:

Теперь за стол, не то простынет все:
И каша с рисом и вином душистым,
И сахарный горох, каплун горячий [9, т. 1, с. 41].

Любопытным нам видится и идиллический хронотоп гоголевской поэмы:

Светает. Вот проглянула деревня,
Дома, сады. Все видно, все светло.
Вся в золоте сияет колокольня
И блещет луч на стареньком заборе.

Пленительно оборотилось все [9, т. 1, с. 27].

В представленном фрагменте поэмы Гоголя обнаруживаются и иные традиционные для идиллии топосы (дом, сад). Упоительные сельские пейзажи поэмы создают иллюзию гармонии, природа и человек взаимосвязаны. Все это напоминает идиллическую модель «павловских стихотворений» Жуковского.

В «Ганце Кюхельгартене» сад весьма частотный образ, и очевидно, что он у Гоголя (по аналогии с садово-парковым пространством в «павловских стихотворениях» Жуковского) является образом земного рая. Следует отметить и цветовую палитру, которую использует Гоголь. Как видно из цитаты выше, образ сада коррелирует со светом, приятными серебряными и золотыми цветовыми оттенками, что усиливает общую атмосферу умиротворения и изобилия. Умиротворение – важный аспект идиллий Жуковского.

Безмятежность в поэме Гоголя тесно связана с «одомашненным» пространством, в котором пребывают герои поэмы: «Под тенью лип, стоит уютный домик Пастора» [9, т. 1, с. 27]. Образ дома здесь придает дополнительное ощущение знакомого, безопасного и комфортного пространства, что крайне важно для идиллии. Отметим и лексему «деревня» (сужающая пространство для героев до знакомого и понятного им предела), присутствующую в цитате выше. Данная лексема может отсылать к целому пласту идиллий, переводимых Жуковским. Например, «Деревенский сторож в полночь».

Образ деревни в начале гоголевской поэмы был бы не совсем целостным без пастухов:

И я был злой на свете воин,
Меня робели пастухи [9, т. 1, с. 28].

Образ пастухов довольно частотен для жанра идиллии. Он связан с пасторальностью. Пастораль и идиллия – два постоянных спутника.

Однако это далеко не все идиллические черты поэмы Гоголя. По примеру Жуковского Гоголь использует в своем первом произведении, помимо упомянутого выше мотива еды, еще ряд мотивов (например, мотивы сна и музыки). Они широко представлены в гоголевском тексте и подчеркивают идиллические моменты поэмы.

Так, мотив сна в поэме Гоголя, как и в «павловских стихотворениях» Жуковского, демонстрирует безмятежность и спокойствие:

Все спит. Ничей блудящий взор
На поле никого не встретит [9, т. 1, с. 44].

Переходя к мотиву музыки, отметим, что он является довольно частотным в гоголевской поэме и проявляет себя на протяжении всего повествования. Человек и природа в «Ганце Кюхельгартене» поют в унисон. Отметим несколько репрезентативных фрагментов гоголевского текста, в которых функционирует мотив музыки: «И пели жавронки» [9, т. 1, с. 32]; «Неслася песнь, – то песнь гребцов удалых» [9, т. 1, с. 32]; «И в окне поет певец» [9, т. 1, с. 52].

Музыка, очевидно, рассматривается Гоголем как мощный инструмент установления гармонии в мире. Именно она дополняет общую идиллическую атмосферу гоголевской поэмы. Музыка (как и природа) в «Ганце Кюхельгартене» (а чуть позже и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки») для Гоголя есть «...способ стихийного, гипнотического воздействия на человека, в обход рационального восприятия» [10, с. 8].

Еду, сон и музыку можно считать символами изобилия, полноты жизни в гоголевской поэме, так как вкупе все эти компоненты представляют возможность для гармоничного существования человека в мире. Вокруг него уравнивается материальное и духовное.

Идиллическую гармонию поэмы подчеркивает и многократное обращение автора к образу ребенка. В поэме обнаруживается ряд детских образов. Приведем лишь один подобный образ:

Беспечный, ветреный младенец.

И было весело ему [9, т. 1, с. 32].

Мотив детства подчеркивает культ искренности, непосредственности, нравственной чистоты, что всегда важно в идиллии. Любопытно, что в поэме с мотивом детства коррелирует мотив старости. И в этом нет противоречия. Помимо культа детской непосредственности, идиллия часто пропагандирует ностальгию, устремленность в гармоничное прошлое (подобное проявится снова у Гоголя в повести «Старосветские помещики»).

Кроме того, в поэме «Ганц Кюхельгартен» обнаруживается много упоминаний старости. Приведем одно из них: «И дремлет он под липой в старых креслах» [9, т. 1, с. 27]. Старые вещи в поэме и дряхление – это аспекты положительные. Автор вызывает у читателя позитивные коннотации: старое ассоциируется со стабильностью, покоем, умиротворением. Стабильность, статика – важные черты идиллии.

От пейзажей и мотивов поэмы перейдем к персонажам. Читатель практически сразу знакомится с ними: юноша Ганц Кюхельгартен, девушка Луиза и ее родственники (родители, младшая сестра, бабушка и дедушка).

Геройный ряд можно считать также традиционным для идиллии, поскольку подробное пред-

ставление автором семьи Луизы – это, безусловно, следование идиллической направленности к полноте жизни, которая здесь есть целостность семьи: несколько поколений под одной крышей, полная семья и гармоничное сосуществование в ней.

Кроме того, дедушка Луизы является пастором, что усиливает духовную составляющую произведения. Авторская отсылка к христианской этике и морали в связи с образом пастора – это, очевидно, гоголевская попытка смоделировать образ чистой, праведной жизни, а стремление к нравственной чистоте, к жизни в добре – это тоже признаки идиллии.

В поэме наблюдается стремление героев к достижению счастья, персонажи мечтают об идиллической жизни. Однако здесь наступает первое и основное расхождение с канонами идиллии. Так, Луиза мечтает о помолвке с Ганцем и семейном счастье, а Ганц мечтает о духовной свободе, он устремлен в Афины, жаждет прикоснуться к древней культуре и постичь новые смыслы жизни. Луиза привязана к дому, мыслит земными, обыденными категориями, Ганц же погружается в глубокие раздумья, практически умирая для этого мира.

В главном герое гоголевской поэмы все больше просматриваются романтические, а не идиллические черты. Ганца можно вполне причислить к романтическим героям. Во-первых, юноше свойственно высокое романтическое безумие, одиночество, неприятие реальности. Во-вторых, Ганцу явно тесны рамки освоенного домашнего пространства. Герой не стремится к семейной жизни, не желает созерцать красоты родного края. Ганц – герой жаждущий, ищущий, не смиряющийся. Он – герой-бунтарь, а не мирный сельский обыватель. Юный Ганц бросает все: родной край, Луизу – и отправляется в странствие.

Тем не менее в Ганце Кюхельгартене нет страсти героев Байрона. Согласимся с мнением В. В. Гиппиуса о том, что «...в выводе гоголевский герой следует не Байрону, а именно Жуковскому – его Эсхину, возвратившемуся к пенатам и убежденному квиетизмом верного пенатам Теона...» [11, с. 19]. С В. В. Гиппиусом солидарны и другие исследователи, которые замечают, что «гоголевский протагонист родствен персонажам предромантической и романтической поры, таким как Эсхин (баллада „Теон и Эсхин“ Жуковского, 1815)...» [9, т. 1, с. 579].

Кроме того, немаловажно, что Ганц впадает в меланхолию. Подобное проявление человеческой души часто исследовалось Жуковским. Известно, что поэт с трепетом относился к данному проявлению психики человека. Жуковский открывает русскому читателю меланхолию в своей статье «О ме-

ланхолии в жизни и поэзии» (она опубликована после выхода в свет «Ганца Кюхельгартена»). После прочтения статьи поэта становится очевидно, что Гоголь весьма точно создает образ героя-меланхолика. Вероятно и то, что писатель при создании образа героя ориентировался на элегические традиции Жуковского (элегии «Славянка» и «Вечер»).

Поэтику элегий Жуковского «Славянка» и «Вечер» в гоголевском тексте обнаруживает А. В. Петров: «...Гоголь „наткнул палец“ на линии Жуковского ...Начиная с VII картины Гоголь подступает к поэтике вечерней идиллии. Несомненно, „Славянка“ и „Вечер“ Жуковского присутствуют в сознании молодого Гоголя...» [12, с. 177–178].

Следует отметить, что мировосприятие Ганца коррелирует с идентичными идеалами лирических героев Жуковского. Гоголь, работая над «Ганцем Кюхельгартеном», вполне мог помнить о стихотворении поэта «Тоска» (1828). В нем обнаруживаются любопытные строки:

Сердце мукой безымянной
Всё проникнуто насквозь,
И меня отсель куда-то
Всё зовет какой-то глас [13, т. 2, с. 311].

Цитируемый текст Жуковского является емкой и точной характеристикой внутриличностного конфликта Ганца. Для творчества Жуковского и Гоголя в этот период времени характерен мотив странничества. Безусловно, что в первую очередь этому способствует романтизм. Учитывая, что одним из главных романтиков русской литературы можно признать именно Жуковского, нетрудно обнаружить некоторые отголоски его творчества в «Ганце Кюхельгартене».

Работая над своим дебютным произведением, Гоголь тщательно изучал лирику Жуковского. Это косвенно подтверждает то, что Гоголь старательно воссоздает образ главного героя-путешественника, который охвачен неясными, мистическими побуждениями, стремится попасть в далекую, прекрасную страну.

Лиричность, мечтательность Ганца Кюхельгартена, его желание поиска идеального края созвучны с некоторыми романсами и песнями Жуковского. В частности, отметим его романс «Желание», где весьма очевидны идиллические черты и присутствует прекрасный образ Греции:

Там поют согласны лиры;
Там обитель тишины;
Мчат ко мне оттоль зефиры
Благовония весны;
Там блестят плоды златые
На сенистых деревьях;
Там не слышны вихри злые
На пригорках, на лугах [14, т. 1, с. 162].

Подобные идиллические черты были важны и для Гоголя в «Ганце Кюхельгартене». Ганц также представляет себе Афины, Грецию как край, где царит гармония и умиротворение. Ганца охватывает желание попасть туда. И герой не поступился ничем, он покидает отчий дом, родную страну.

Прощание с родиной, мотив покидания отчизны обнаруживается и в песне Жуковского «Путешественник»:

Дней моих еще весною
Отчий дом покинул я;
Все забыто было мною –
И семейство и друзья [14, т. 1, с. 147].

Очевидно, что героем поэмы Гоголя управляют идентичные душевные порывы. Ганц спешит распрощаться со всем обыденным и стабильным.

Однако гоголевского персонажа нельзя назвать авантюристом. Ганц покидает отчий дом с определенной целью. Юноша лелеет мечту обрести земной рай. Аналогичную цель преследуют многие лирические герои Жуковского. Репрезентативными примерами, на наш взгляд, являются стихотворения поэта «Лалла Рук» и «Там небеса и воды ясны!». В них читателю явлен образ идеального, прекрасного и желанного мира. Его проекция может являться универсальным образом земногорая.

Наконец, любопытной нам представляется связь сюжета «Ганца Кюхельгартена» с уже упомянутым выше эстетическим манифестом Жуковского 1814 г. «Теон и Эсхин». Обратимся к важным для нашей работы строфам данного стихотворения Жуковского:

При блеске возвышенных мыслей я зрел
Яснее великость творенья;
Я верил, что путь мой лежит по земле
К прекрасной, возвышенной цели.

Увы! я любил... и ее уже нет!
Но счастье, вдвоем столь живое,
Навеки ль исчезло? И прежние дни
Вотще ли столь были прелестны? [14, т. 1, с. 382].

В представленных строфах практически явлен краткий сюжет «Ганца Кюхельгартена». Ганц также стремился к чему-то далекому, возвышенному, недостижимому, но не понимал очевидного, что было всегда рядом, – любовь с Луизой безвозвратно прошла и умирает.

Однако в финале поэмы Гоголя читателю открывается не образ сильной, титанической личности, мудреца Жуковского Теона, а лишь образ разочарованного, потерявшего все то ли молодого человека, то ли старика. Наступает разочарование Ганца в мечтаниях и устремлениях. Он понимает, что потерял все, что было так ему доступно, он не

нуждается больше в нескончаемых духовных поисках и усмиряет мятежное сердце. Ганц первоначально отказался от идиллических простых радостей жизни, но, пройдя тернистый путь, снова готов их принять:

Как бы в забвении счастливым,

Его касается мечта;

Но мысль не тем уж занята. –

Он в думы крепкие погружен.

Ему покой теперь бы нужен [9, т. 1, с. 59].

Ю. В. Манн, анализируя финал «Ганца Кюхельгартена», замечает, что «...волнения, надежды, страсти, разочарование – воплощаются в конкретную человеческую судьбу, весьма близкую судьбе романтического персонажа» [15, с. 359]. Действительно, трудно не согласиться с мнением исследователя, так как подобный не совсем счастливый финал для гоголевского Ганца не типичен для идиллии. Участь персонажа Гоголя, очевидно, больше сопоставима с судьбами лирических героев элегий и баллад Жуковского.

Именно в элегиях и балладах (популярные романтические жанры в русской литературе первой трети XIX в.) поэту важно репрезентировать душевную драму своего лирического героя. Образ главного героя мог быть навеян уже не идиллическими, а элегическими и балладными моделями Жуковского. Однако рассмотрение элегических и балладных моделей Жуковского не является целью настоящего исследования.

Заключение

Таким образом, Гоголь при работе над своей юношеской поэмой «Ганц Кюхельгартен» ориентировался на идиллическую модель Жуковского. На это указывают традиционные элементы идиллий поэта, которые явно присутствуют в тексте Гоголя (образ семьи, пасторальные пейзажи, природные циклы, мотив еды, мотив сна, мотив детства и т. п.). Однако Гоголь игнорирует некоторые важные элементы, свойственные идиллиям Жуковского. Так, гоголевский главный герой не демонстрирует яркие черты идиллического героя; кроме того, в поэме нет ярко выраженной мистической завесы, которую использует Жуковский. Мистическая, потусторонняя сторона жизни по-настоящему будет интересовать Гоголя чуть позже (уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»). Пока же читатель вынужден довольствоваться лапидарными сведениями об иной реальности (ночные видения в «Ганце Кюхельгартене»). Это принципиальное расхождение с идиллиями Жуковского, так как метаморфозы, таинственность жизни являются важной составляющей для поэта. И, наконец, в ней, безусловно, ощутим диссонанс (субстрат романтического и идиллического). Причина его, очевидно, заключается в недостаточно продуманной Гоголем компиляции художественных методов и приемов ведущих европейских и русских литераторов. Писатель пытается следовать актуальным веяниям русской литературы, но терпит крах в силу определенной неопытности.

Список источников

1. Быченкова С. В. Жанр идиллии в русской романтической поэзии первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Владимир, 2006. 178 с.
2. Янушкевич А. С. В мире Жуковского. М.: Наука, 2006. 523 с.
3. Виноцкий И. Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В. А. Жуковского. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 328 с.
4. Гумбольдт В. фон. Эстетические опыты. Первая часть. О «Германе и Доротее» Гете / Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. С. 160–278.
5. Янушкевич А. С. Путь В. А. Жуковского от русской идиллии к русской повести: деревенский топос // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 1 (21). С. 105–124.
6. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: ЯСК, 2019. Т. 15. 1088 с.
7. Семенко И. М. Жизнь и поэзия Жуковского. М.: Худ. литература, 1975. 255 с.
8. Абрамовская И. С. Русская идиллия: эволюция жанра в прозе конца XVIII – первой половины XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Великий Новгород, 2000. 20 с.
9. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. М.: Наука, 2003. Т. 1. 920 с.
10. Брагина Н. Н. Н. В. Гоголь: симфония прозы (опыт аналитического исследования). Иваново: ПресСто, 2007. 210 с.
11. Гиппиус В. В. Гоголь. М.: Юрайт, 2019. 215 с.
12. Петров А. В. Сюжет преобразования идиллии в творчестве раннего Гоголя // Феномен русской классики. Томск, 2004. С. 171–181.
13. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 2. 840 с.
14. Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 1. 760 с.
15. Манн Ю. В. Творчество Гоголя: смысл и форма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2007. 744 с.

References

1. Bychenkova S. V. *Zhanr idillii v russkoy romanticheskoy poezii pervoy treti XIX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The genre of idyll in Russian romantic poetry of the first third of the XIX century. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Vladimir, 2006. 178 p. (in Russian).
2. Yanushkevich A. S. *V mire Zhukovskogo* [In the world of Zhukovsky]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 523 p. (in Russian).
3. Vinit'skiy I. Yu. *Dom tolkovatelya: Poeticheskaya semantika i istoricheskoye voobrazheniye V. A. Zhukovskogo* [The House of the Interpreter: Poetic Semantics and Historical Imagination of V. A. Zhukovsky]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2006. 328 p. (in Russian).
4. Humboldt W. von. *Esteticheskiye opyty. Pervaya chast'. O "Germane i Doroteye" Gete* [Aesthetic experiences. The first part. About Goethe's "Hermann and Dorothea"]. *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and philosophy of culture]. Moscow, Progress Publ., 1985. Pp. 160–278 (in Russian).
5. Yanushkevich A. S. Put' V. A. Zhukovskogo ot russkoy idillii k russkoy povesti: derevenskiy topos [V. A. Zhukovsky's path from Russian idyll to Russian story: village topos]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*, 2013, no. 1 (21), pp. 105–124 (in Russian).
6. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 15* [Complete works and letters: In 20 vols. Vol. 15]. Moscow, YASK Publ., 2019. 1088 p. (in Russian).
7. Semenko I. M. *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [The life and poetry of Zhukovsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 255 p. (in Russian).
8. Abramovskaya I. S. *Russkaya idilliya: evolyutsiya zhanra v proze kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX veka. Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Russian Idyll: the evolution of the genre in prose of the late XVIII – first half of the XIX century. Abstract of thesis. cand. philol. sci.]. Velikii Novgorod, 2000. 20 p. (in Russian).
9. Gogol' N. V. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 23 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 23 volumes. Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 920 p. (in Russian).
10. Bragina N. N. *N. V. Gogol': simfoniya prozy (opyt analiticheskogo issledovaniya)* [N. V. Gogol: Symphony of prose (analytical research experience)]. Ivanovo, PresSto Publ., 2007. 210 p. (in Russian).
11. Gippius V. V. *Gogol' [Gogol]*. Moscow, Yurayt Publ., 2019. 215 p. (in Russian).
12. Petrov A. V. Syuzhet preobrazovaniya idillii v tvorchestve rannego Gogolya [The plot of idylls transformation in the works of early Gogol]. *Fenomen russkoy klassiki* [The phenomenon of Russian classics]. Tomsk, 2004. Pp. 171–181 (in Russian).
13. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 2* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 2]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 840 p. (in Russian).
14. Zhukovskiy V. A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 20 tomakh. Tom 1* [Complete works and letters: in 20 vols. Vol. 1]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 840 p. 760 p. (in Russian).
15. Mann Yu. V. *Tvorchestvo Gogolya: smysl i forma* [Gogol's creativity: Meaning and Form]. Saint Petersburg, SPBU Publ., 2007. 744 p. (in Russian).

Информация об авторе

Щуков Д. А., аспирант, Национальный исследовательский Томский государственный университет (пр. Ленина, 36, Томск, Россия, 634050).

Information about the authors

Shchukov D. A., postgraduate student, National Research Tomsk State University (pr. Lenina, 36, Tomsk, Russian Federation, 634050).

Статья поступила в редакцию 18.11.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 18.11.2021; accepted for publication 29.03.2022

УДК 821.161.1
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

ТРАДИЦИИ АНТИЧНОЙ КАЛОКАГАТИИ В ПОЭЗИИ А. ПОЛЕЖАЕВА

Анастасия Дмитриевна Сесорова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия, miss.oblivate@gmail.com

Аннотация

Введение. Через Византию Древняя Русь оказалась прямой наследницей Древней Греции. Изучение взаимодействия этих культур способствует пониманию и сохранению ценностей, пришедших на русскую почву и переосмысленных русской культурой. В фокусе нашего внимания находится феномен калокагатии.

Цель – анализ традиций античной калокагатии в поэзии А. Полежаева.

Материал и методы. Материалом исследования послужили стихотворения А. Полежаева с антологической поэтикой, это позволило не только проследить общую эволюцию антологической поэтики в русской лирике, но и отметить особенности ее использования в творчестве поэта. Были применены следующие методы исследования: биографический, генетический, сравнительно-типологический. Биографический метод значим тем, что помогает вскрыть предпосылки интереса Полежаева к наследию античности. С помощью генетического метода можно выявить источники, генезис и эволюцию ведущих понятий антологической традиции, в том числе с центральным вниманием к интересующему нас идеалу античной калокагатии в русской поэтической традиции XIX в. Сравнительно-типологический метод дает анализу возможность найти и представить в системе сходства и различия в интерпретации поэтом интересующей нас темы.

Результаты и обсуждение. Античная культура и ее ценности, воспринятые русской культурой через посредство Византии, давно закрепились и отразились в русской литературе. Для антологической традиции русской лирики и для поэтов, которым была близка антологическая поэтика, становится важным понятие красоты в калокагатийном смысле. Мы рассматриваем калокагатию как одно из проявлений античного феномена «пластической красоты», представляющего собой квинтэссенцию соединения внутренней и внешней красоты. Позже в европейской культуре уже Нового времени за данным феноменом закрепляются новые понятия – явление, возникающее на стыке разных искусств, т. е. экфрасис. Сам термин для обозначения этого явления, равно как и его теория и философия, возникает еще в античности. Важной вариацией живописного экфрасиса выступает явление воображаемого портрета, тесно связанного с антологической традицией, созданного поэтом в стихотворении «Картина». Анализ лирики А. Полежаева, в ряде стихотворений тяготеющего к антологической поэтике, показывает интерпретацию поэтом феномена калокагатии. Красота трактуется им не как проявление вселенской гармонии, наоборот, гармоничная красота лишь подтверждает недостижимость счастья для полежаевского героя. Полежаев создает недоступный и прекрасный идеал, к которому устремлен герой, однако он вызывает в душе героя лишь смятение, муки и кризис.

Заключение. В нашей работе мы исследовали особенности восприятия, отражения и трансформации/ревоплощения античных идеалов в произведениях Полежаева с антологической поэтикой. Феномен пластической красоты тесно связан в своей истории с идеей калокагатии – гармонии внешнего и внутреннего содержания. Лирика Полежаева отличается особенностями восприятия героем красоты в калокагатийном смысле, преломляясь через черты богоборческого романтизма и мировосприятие поэта.

Ключевые слова: Полежаев, калокагатия, античность, антологическая традиция, русский романтизм

Для цитирования: Сесорова А. Д. Традиции античной калокагатии в поэзии А. Полежаева // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 126–133. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

THE TRADITIONS OF ANTIQUE KALOCAGATIA IN THE POETRY OF A. POLEZHAEV

Anastasiya D. Sesorova

Kazan (Volga region) federal university, Kazan, Russian Federation, miss.oblivate@gmail.com

Abstract

Introduction. Through Byzantium, Ancient Russia turned out to be the direct heir of Ancient Greece. The study of the interaction of these cultures is the study of the history of the preservation of spiritual values that were significant in antiquity and perceived and rethought by Russian culture: beauty, harmony, kalokagatiya, eidos and many others. The focus of our attention is the phenomenon of kalokagatiya.

The aim of the article is to analyse the traditions of ancient kalokagatiya in the poetry of A. Polezhaev.

Material and methods. The material of the study was A. Polezhaev's poems with anthological poetics, which made it possible not only to trace the general evolution of anthological poetics in Russian lyrics, but also to note the features of its use in the poet's work. The following research methods were used: biographical, genetic, comparative typological. The biographical method is significant in that it helps to reveal the prerequisites for Polezhaev's interest in the heritage of antiquity. With the help of the genetic method, it is possible to identify the sources, genesis and evolution of the leading concepts of the anthological tradition, including with a central focus on the ideal of ancient kalokagatiya that interests us in the Russian poetic tradition of the 19th century. The comparative-typological method gives the analysis the opportunity to find and present in the system similarities and differences in the poet's interpretation of the topic of interest to us.

Results and discussion. Ancient culture and its values, perceived by Russian culture through the means of Byzantium, have long been entrenched and reflected in Russian literature. For the anthological tradition of Russian lyric poetry and for poets who were close to anthological poetics, the concept of beauty in the callocogation sense becomes important. We consider callocogation as one of the manifestations of the ancient phenomenon of 'plastic beauty', which is the quintessence of the combination of internal and external beauty. Later, in the European culture of the modern era, new concepts are assigned to this phenomenon – a phenomenon that arises at the junction of different arts, that is, ekphrasis. An important variation of pictorial ekphrasis is the phenomenon of an imaginary portrait, closely related to the anthological tradition, created by the poet in the poem 'Kartina'. An analysis of the lyrics of A. Polezhaev, in a number of poems tending to anthological poetics, shows the poet's interpretation of the phenomenon of callocogation. Beauty is interpreted by him not as a manifestation of universal harmony, on the contrary, harmonious beauty only confirms the unattainability of happiness for the lying-down hero. Polezhaev creates an inaccessible and beautiful ideal to which the hero aspires, but he causes only confusion, torment and crisis in the hero's soul.

Conclusion. In our work, we explored the features of perception, reflection and transformation / reincarnation of ancient ideals in the works of Polezhaev with anthological poetics. The phenomenon of plastic beauty is closely linked in its history with the idea of callocogation – the harmony of external and internal content. Polezhaev's lyrics are distinguished by the peculiarities of the hero's perception of beauty in the callocogation sense, refracted through the features of the godless romanticism and the poet's worldview.

Keywords: Polezhaev, kalokagatiya, antiquity, anthological tradition, Russian romanticism

For citation: Sesorova A. D. Traditsii antichnoy kalokagatii v poezii A. Polezhaeva [The Traditions of Antique Kalokagatiya in the Poetry of A. Polezhaev]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 126–133 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-126-133>

Введение

Античность всегда имела огромное влияние на русскую культуру, на русскую литературу в особенности. На рубеже XVIII–XIX вв. возникает переломный момент в развитии и отечественной, и европейской культуры, когда различные культурные пласты начинают сосуществовать в едином пространстве времени [1, 2]. А. В. Михайлов в связи с этим замечает: «В этот период античности принадлежит значительная роль в европейских культурных процессах. Античность как культурная реальность и культурное представление безмерно превосходит своим участием в жизни этой эпохи частность и дробность любых заимствований, подновленных рефлексий и отражений» [3, с. 309].

В новых эстетических поисках новую жизнь обрели и многие античные идеалы. Мы трактуем пластическую красоту как идеал этический и эстетический, берущий корни еще в античности. Этот идеал – соединение, гармония внешней и внутренней красоты, вписывающийся в систему ценностей, значимых и в русской, и в зарубежной культуре, таких как добро, истина, мир, мудрость [4].

Калокагатия стала важным понятием сократовского учения, об этом говорится в сократических сочинениях Ксенофонта и Платона. По Ксенофонту Сократ трактует учение о калокагатии как о некоем нераздельном единстве качеств: «Разве ты не знаешь, что все по отношению к одному и тому же прекрасно и хорошо? Так, прежде всего о духовных достоинствах нельзя сказать, что они по отношению к одним предметам нечто хорошее, а по отношению к другим нечто прекрасное; затем, люди называются и прекрасными и хорошими в одном и том же отношении и по отношению к одним и тем же предметам; так же по отношению к одним и тем же предметам и тело человеческое кажется и прекрасным и хорошим; равным образом все, чем люди пользуются, считается и прекрасным и хорошим по отношению к тем же предметам, по отношению к которым оно полезно» [5, с. 534]. У Ксенофонта калокагатия начинает формироваться как философское понятие – «знание, ставшее жизнью, или мудрость» [5, с. 535]. В платоновской философии идеям прекрасного и блага отводится главенствующее место. По Платону, «всякое благо – прекрасно, а прекрасное – не лишено соразмерности.

А следовательно, живое существо, если оно должно быть таковым, надо считать соразмерным» [5, с. 539]. Начиная с учения Платона стала формироваться точка зрения на калокагатию как на гармонию души и тела. Гармония физических «стихий», которые соединены в человеческом теле, где душа подчиняла себе их движение, понималась в соотношении с идеалами красоты в античной культуре [6]. В понимании античных людей, из идеала, сформированного в этих стихиях, и появляется феномен красоты. Как писал известный философ А. Ф. Лосев: «Вся античная философия и вся античная эстетика представляют собой сплошное славословие чувственно-материальному космосу, этому предельному обобщению живого и идеального сформированного человеческого тела» [7, с. 36].

В синтезе с этими представлениями и рождается философия пластической красоты: «... в бытии и в жизни самое главное не личность и не общество, как думаем мы теперь, не история и не человек, и даже не природа, а именно тело, живое и здоровое, красивое человеческое тело. ... Но если в основе всего лежит живое человеческое тело, оно и есть единственный идеал для всего. Все должно на него ориентироваться, с ним согласовываться, быть с ним в гармонии» [7, с. 87]. Мы трактуем феномен пластической красоты как «восходящий к античности этико-эстетический, аксиологический идеал, представляющий собой квинтэссенцию соединения внешней и внутренней красоты в системе ведущих нравственных понятий, таких как истина, добро и мудрость» [8, с. 81].

Через культуру Византии в Древнюю Русь проникли древнегреческие ценности, таким образом способствовал преемственности культур. Изучение взаимодействия этих культур способствует познанию и оценке ценностей, преемственно перешедших из античности в русскую культуру: калокагатии, гармонии, космоса и других [9].

В фокусе нашего внимания находится феномен калокагатии. Нас интересует культура античности в обзоре через призму предшествующей русской литературной традиции (от Древней Руси и далее к сентиментализму и романтизму).

В русской антологической традиции феномен пластической красоты оказывается напрямую связан с идеалом калокагатии, берущим начало в античности, – когда душевный мир человека пребывает в гармонии с его внешностью: в античности люди искусства во внешней красоте усматривали красоту духовную.

Первоначально этот идеал воплощался в частичном или полном изображении обнаженных богов и героев. Красота понималась как воплощение божественного в человеке, через свою телесную

красоту, через внешнее подобие он сближался с богами.

«Русская античность» наследовала античное понимание красоты и синтезировала его с христианской духовностью. В византийском представлении о красоте при этом соединялись физическая красота в античном понимании и одухотворенность [10]. Древнерусская эстетика вобрала в себя античное и византийское начало, возникает нераздельность красоты и мудрости. В трудах первых славянских книжников возрождается тема красоты и совершенства человека. Телесная красота обычно понимается как отражение духовной красоты. В эстетике первой половины XVII в., с одной стороны, сохраняются средневековые представления о красоте, но с другой – появляются и новые тенденции. Это проявляется в повышенном внимании к зримой, осязаемой внешней красоте, которая начинает восприниматься как ценность сама по себе. Так понимаемая красота в аксиологическом плане соединялась с сакральным. При всем этом еще во время перехода от античности к понятиям Средневековья красота начинает связываться с категорией возвышенного. Для античного человека переживание красоты предполагало некое высшее, священное переживание [11]. Поскольку красота человеческого тела являлась центром античной культуры, соприкосновение с пластической красотой и ее восприятие можно считать этико-эстетической ценностью.

Результаты и обсуждение

Интерес к античности просто витал в атмосфере русского романтизма, именно культура тех эпох становилась для русских писателей и мерилom и образцом [12, 13]. Не говоря о широко представленном в университетском образовании цикле дисциплин по античной истории и литературе (нужно заметить, что Александр Полежаев являлся слушателем Московского университета), огромную роль сыграли переводы Н. Гнедичем и В. Жуковским поэм Гомера, с ними был знаком каждый образованный человек первой трети XIX в. [14, 15]. Два главных урока античной культуры для Золотого века русской литературы – культ национальной героики и эстетизация телесности, пластической красоты и синтеза искусств.

Подтверждение тому, что и для Полежаева внешняя красота немислима без внутренней, мы находим в следующем полежаевском стихотворении с более чем неслучайным названием «Глупой красавице»:

«Как бюст Венеры, ты прекрасна;
Но, без души и без огня,
Как хладный мрамор, для меня
Ты, к сожаленью, не опасна.

Ты рождена, чтобы служить
В лукавой свите Купидона, –
Но прежде должно оживить
Тебя резцом Пигмалиона» [16, с. 172–173].

Именно красота в калокагатийном смысле, по Полежаеву, способна вдохнуть жизнь в героиню, вырезать резцом Пигмалиона прекрасную телом и душой Галатею.

В лирике поэта-бунтаря, представителя богоромантического романтизма, своеобразно преломляются традиции античной калокагатии. Во многом такое восприятие связано с трагическим мировоззрением самого поэта, через красоту, через эстетизм, герой Полежаева пытается преодолеть свою судьбу, свой рок. Как правило, лирический герой восхищается красотой героини, преклоняется перед ней и признает ее, однако лицемерие и сознание сей красоты вызывает в его душе вовсе не просветление и умиротворение, гармонию, а, напротив, страдания, муки. Герой оказывается неспособен выстроить гармоничную линию красоты в жизни, что и является следствием искажения мировосприятия.

Итак, осязаемая внешняя красота была важной категорией в античности. М. А. Тимошенко в этом аспекте подчеркивает: «Мысль об идеальном теле предполагала единство физической красоты и душевного благородства, „когда страсть неотделима от чистоты, движение от покоя, совершенство от внутренней нравственной силы“, и воплотилась в изящных женских формах» [17]. Описание телесного совершенства образов героинь берет начало еще в лирике античности, в стихотворениях с антологической поэтикой мы также наблюдаем повышенный интерес к изображению зримой, физической красоты.

В стихотворении «Цыганка» (1833) Полежаев создает образ прекрасной и величественной цыганки, героиня описывается им с позиций земной зримой красоты:

«Кто идет перед толпою
По широкой площади
С загорелой красою
На щеках и на груди?
Под разодранным покровом,
Проницательна, черна,
Кто в величии суровом
Эта дивная жена?..» [16, с. 139]

Бедный наряд не способен скрыть внешнюю красоту и внутреннюю энергию цыганки, подчеркивается ее привлекательность в глазах героя:

«Под узлами бедной шали
Ты не скроешь от меня
Ненавистницу печали,
Друга радостного дня!
Ты знакома вдохновенью

Поэтической мечты,
Ты дарила наслажденью
Африканские цветы!» [16, с. 139]

Внутренняя и телесная красота героини, однако, вовсе не гармонична, она не вызывает гармонии ни в окружающем героя мире, ни в нем самом, напротив, созерцание красоты, недоступной ему и чуждой, навеивает полусон-полуявь, разрушает его жизнь и приводит к увяданию, душевному кризису.

«Ах, я помню... Но ужасно
Вспоминать лукавый сон;
Фараонка, не напрасно
Тяготит мне душу он!
Пронеслась с годами сила,
Я увял, – и наяву
Мне рука твоя вручила
Приворотную траву...» [18, с. 139]

Примечательно, что в этом стихотворении возникают мотивы душевного сна, увядания героя, которые неоднократно встречаются в лирике А. Полежаева, вызванные автобиографическими обстоятельствами тяжелой судьбы, полной несчастий.

Еще в одном полежаевском стихотворении – «Кольцо» (1832) – героиня, возлюбленная героя, описывается в калогатийном ключе, она прекрасна и скромна, полна очарования, способна к состраданию, вызывает истинный трепет восторга героя перед ее красотой и добродетелями.

«Я, очарованный, смотрел
На милый образ девы нежной;
Я весь дрожал, я трепетал,
Как злой преступник перез казнь,
Непостижимою боязнью
Мой дух смущенный замирал.
Полна живейшего вниманья
К моей мучительной тоске,
Она, с улыбкой состраданья,
Как ропот арфы вдалеке,
Как звук волшебного напева,
Мне чувства сердца излила» [18, с. 108].

Стоит отметить, что и в этом стихотворении герой оказывается страдальцем, Полежаев вносит автобиографический мотив собственной несчастной судьбы.

Обратимся к мифологическому осмыслению образа огня, возникающему в данном стихотворении. В натурфилософии античности именно огонь был символом жизненной энергии, в нем зародилось все сущее, по мнению древних философов. Таким образом, высвобождение энергии происходит, когда человек или герой проходит через огонь страсти. Х. Керлот считает, что «огонь является образом энергии, которая может быть обнаружена как на уровне животной страсти, так и в плоскости духовной силы» [19, с. 353].

У Полежаева огонь выступает стихийной силой, разрушающей жизнь героя:

«Я полюбил ее с тех пор,
Когда печальный, тихий взор
Она на мне остановила,
Когда безмолвным языком
Очей, пылающих огнем,
Она со мною говорила» [18, с. 109].

«Как звук волшебного напева,
Мне чувства сердца излила.
И эта речь, о дева, дева!

Меня, как молния, пожгла» [18, с. 109].

Слова признания не радуют героя, наоборот, узнав, что героиня несвободна, он повержен, растоптан, убит отчаянием:

«Свершилось всё!.. кровавым градом

Кольцо невесты облило

Мое холодное чело...

Я был убит землей и адом...» [18, с. 110]

Даже сознавая недостижимость счастья, его обреченность, герой продолжает терзать себя, не в силах забыть прекрасную деву:

«Хочу забыть мою тоску,

Твержу себе: она чужая;

Но, бесполезно изнывая,

Забыть до гроба не могу» [18, с. 110].

Вновь страсть, вызванная героиней в лирическом герое, не только не обещает счастья и гармонии, наоборот, приводит героя к невыносимой тоске, к страданиям, даже к порогу смерти. В этом стихотворении, как и во многих других стихотворениях поэта, возникает привычная для полежаевского творчества оппозиция «красота» – «смерть».

К середине XVIII в. в русской литературной традиции, испытывающей влияние европейской эстетики и философии, начинают формироваться новые смысловые значения явления «пластической красоты», напрямую связанной с феноменом калокагатии. Еще в XVIII в. теоретик искусства Г. Э. Лессинг в трактате «Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» (1766) сопоставлял живопись и поэзию, делил виды искусства на так называемые временные и пространственные. Но если Лессинг разделял и противопоставлял живопись и поэзию, то многие философы и художники в более позднее время опровергали такую точку зрения, считая поэзию искусством синтетическим. Более того, сами пластические искусства склонны вступать в синтетические связи с другими видами искусства. В связи с этим в современных философско-эстетических представлениях формируется и идея о диалоге, лежащая в основе синтеза искусств. В Новое время к проблеме взаимодействия поэзии и живописи обращался, в частности, известный французский просветитель Д. Дидро. Так, например, он рассуж-

дает об общности задач живописи и поэзии и, кроме теоретического осмысления вопроса, описал множество современных ему живописных полотен и таким образом смог включить описания картин в ряд литературных жанров. И. Винкельман полагал, что аллегория может быть применима во всех видах искусства и ее использование равнозначно как в поэзии, так и в живописи. Таким образом, под «пластической красотой» нередко понимают явление, возникшее на стыке разных искусств, – экфрасис [20].

Одной из форм восприятия явления пластической красоты в поэзии, в том числе в интересующих нас стихотворениях с антологической поэтикой, выступает интерпретация произведений живописи.

Живопись, в частности фресковая, в античности была одним из ведущих видов искусства наравне со скульптурой, музыкой и театром. Живопись – явление для экфрасиса в ряде моментов довольно сложное, поскольку важно соблюдать и гармонизировать пластику внутреннюю и внешнюю [21]. Поэт создает в стихотворении «Картина» воображаемый портрет красавицы. Подобный тип стихотворений, воссоздающий словесно реальный или воображаемый портрет, начал создавать еще М. Ломоносов в произведении «Разговор с Анакреоном».

Полежаев в «Картине» прибегает к приему цветописы, характерному для создания живописности:

«Свежее розы благовонной

Уста румяные твои...» [16, с. 183].

С одной стороны, красный цвет является здесь традиционным символом жизни, красоты, любви, но с другой – одновременно начинает предвещать и тревогу. Появляется образ белого цвета, подчеркивающий зримую, телесную красоту героини:

«Лилейный пух твоей груди

Трепещет негой благосклонной!

И этой ножки белизна» [16, с. 183].

Сочетание красных ланит и белизны груди и ног героини не только привлекает героя, очаровывает, манит, но и начинает терзать его своей недоступностью, герой вновь оказывается не способен к гармоничной любви, несущей умиротворение и покой:

«И этот стан зыбучий, смелый –

Соблазн и взора и руки –

Манят, и мучат, и терзают,

И безотрадно растравляют

Смертельный яд моей тоски!» [16, с. 183].

Лирический герой продолжает терзаться, так как имеет возможность видеть «милую деву» лишь на живописном полотне:

«„Счастливец!“ – скажете вы мне.

Напрасно... Все мое блаженство,

Всё милой девы совершенство
И вся она – на полотне!» [16, с. 184].

Таким образом, цветовой контраст белого и красного цветов в стихотворении Полежаева является символом рокового влечения, томительной и разрушающей страсти.

Также «Картину» Полежаева можно рассмотреть как своеобразную интерпретацию поэтом знаменитого мифа о Пигмалионе и Галатее, где последняя является не прекрасной статуей, а «девой», запечатленной на полотне, в которую безответно влюблен лирический герой, возможно, отсюда и возникает мотив муки, в том числе с эротическим оттенком:

«Могу лобзать ее всегда
В чело, и в очи, и в уста
И тайны грации стыдливой
Ласкать рукою прихотливой» [16, с. 183].

Возникает образ огня, любовного жара, который вновь, как и в стихотворении «Кольцо», пронзает сердце героя, ведет к мучениям, вызванным чувствами к героине:

«Сама любовь своим дыханьем
Зажгла огонь в твоей крови!» [16, с. 183].

Также важно отметить динамику внешней и внутренней пластики. Героиня описывается поэтом невероятно пластичной. Вся грация безымянной героини, т. е. внутренний вид красоты, проявляющийся в движении, вступает в противоречие со

статуартной, статической красотой, так как героиня является лишь изображением на полотне и обладает пластической красотой в воображении героя.

Заключение

Античная культура была именно пластичной, так как брала за точку отсчета не телесность в отрыве от духовности, а духовность, воплощенную через тело. В русской культуре и литературе феномен пластической красоты и его понимание оказались на пересечении традиций античной культуры, культуры Древней Руси и европейских эстетических учений. Под влиянием последней возникает новая трактовка феномена пластической красоты – зачастую под ней начинают понимать явление, возникшее на стыке искусств. Нами были проанализированы стихотворения А. Полежаева с антологической поэтикой. Для творчества поэта важной этико-эстетической категорией становится красота телесная и духовная, проявляющаяся в калокагатийном ключе. Таким образом, можно сделать вывод о том, что красота в калокагатийном смысле понимается Полежаевым зачастую как нечто вызывающее не восторг и гармонию в душе героя, как у поэтов-предшественников, а, напротив, страдания, душевный кризис, увядание. Также гармоничная красота становится символом недостижимости счастья.

Список источников

1. Михайлова М. Г. Античность в русской литературе конца XVIII – начала XIX века: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/antichnost-v-russkoy-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (дата обращения 28.11.2021).
2. Рылова О. Н. Русская античность в отечественной литературе: к проблеме культурного диалога // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 5 (95). С. 110–106.
3. Михайлов А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. // Античность как тип культуры: сб. ст. М., 1988. С. 308–324.
4. Баранов С. А. Античный образ человека: исторический смысл и судьба в диалоге культур: дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/antichnyy-obraz-cheloveka-istoricheskiy-smysl-i-sudba-v-dialoge-kultur> (дата обращения 28.11.2021).
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. М.: АСТ, 2000. Кн. 2. 688 с.
6. Лосев А. Ф. Античность как тип культуры. М.: Наука, 1988. 336 с.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики: в 8 т. Т. 1: Ранняя классика. Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000. 624 с.
8. Сесорова А. Д. Пластическая красота в движении: анализ воплощения танца в антологической лирике Державина, Батюшкова, Анненского // Вестник КГУ. 2020. № 3. С. 81–83.
9. Лапшина А. Е. Эстетическое сознание Древней Руси как феномен художественной культуры // Сервис Plus. 2010. № 2. С. 67–72.
10. Бычков В. В. Эстетическое сознание Древней Руси. М.: Знание, 1988. 64 с.
11. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I., Sesorova A. D., Dulalaeva I. Yu. The problem of plastic beauty in the philosophical consciousness of Russian literary culture at the turn of the 18-th – 19-th centuries // Utopia y Praxis Latinoamericana. № 25. Extra 5. 2020. P. 221–234.
12. Кибальник С. А. Античная поэзия в России. XVIII – первая половина XIX века. Очерки. СПб.: Петрополис, 2012. 416 с.
13. Савельева Л. И. Античность в русской романтической поэзии (поэты пушкинского круга). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1986. 80 с.
14. Васильев Н. Л. Поэзия А. И. Полежаева в контексте русской литературы. URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (дата обращения: 22.10.2021).
15. Воронин И. Д. А. И. Полежаев: жизнь и творчество. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1954. 240 с.

16. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1987. 567 с.
17. Тимошенко М. А. Культурно-историческая ретроспекция проблемы человеческого тела. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3\(11\)/11.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3(11)/11.pdf) (дата обращения: 28.11.2021).
18. Полежаев А. И. Полное собрание стихотворений. М., 1939. 462 с.
19. Керлот Х. Э. Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.
20. Геллер Л. М. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума. М., 2002. С. 5–23.
21. Пластические искусства. Краткий терминологический словарь / ред. А. М. Кантор. М.: Пассим, 1994. 160 с.

References

1. Mikhaylova M. G. *Antichnost' v russkoy literature kontsa XVIII – nachala XIX veka. Dis. kand. filol. nauk* [Antiquity in Russian literature of the late 18th – early 19th centuries. Diss. cand. philol. sci.] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/antichnost-v-russkoy-literature-kontsa-xviii-nachala-xix-veka> (accessed 28 November 2021).
2. Rylova O. N. *Russkaya antichnost' v otechestvennoy literature: k probleme kul'turnogo dialoga* [Russian Antiquity in Russian Literature: Towards the Problem of Cultural Dialogue]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2010, vol. 5 (95), pp. 110–106 (in Russian).
3. Mikhaylov A. V. *Antichnost' kak ideal i kul'turnaya real'nost' XVIII – XIX vv.* [Antiquity as an ideal and cultural reality of the 18th – 19th centuries]. *Antichnost' kak tip kul'tury: sbornik trudov* [Antiquity as a type of culture: collection of works]. Moscow, 1988. Pp. 308–324 (in Russian).
4. Baranov S. A. *Antichnyy obraz cheloveka: istoricheskiy smysl i sud'ba v dialoge kul'tur. Dis. kand. filol. nauk* [Antique image of a person: historical meaning and fate in the dialogue of cultures. Diss. cand. philol. sci.] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/antichnyy-obraz-cheloveka-istoricheskiy-smysl-i-sudba-v-dialoge-kultur> (accessed 28 November 2021).
5. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: v 2 knigakh* [History of ancient aesthetics. The results of the millennium development]. Vol. 2. Moscow, AST Publ., 2000. 688 p. (in Russian).
6. Losev A. F. *Antichnost' kak tip kul'tury* [Antiquity as a type of culture]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 336 p. (in Russian).
7. Losev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki v 8 tomakh. Tom 1. Rannyya klassika* [History of ancient aesthetics in 8 volumes. Vol. 1. Early classics]. Kharkov, Folio Publ.; Moscow, AST Publ., 2000. 624 p. (in Russian).
8. Sesorova A. D. *Plasticheskaya krasota v dvizhenii: analiz voploshcheniya tantsa v antologicheskoy lirike Derzhavina, Batyushkova, Annenskogo* [Plastic beauty in motion: analysis of the embodiment of dance in anthological lyrics by Derzhavin, Batyushkov, Annensky]. *Vestnik KGU – Vestnik of Kostroma State University*, 2020, no. 3, pp. 81–83 (in Russian).
9. Lapshina A. E. *Esteticheskoye soznaniye Drevney Rusi kak fenomen khudozhestvennoy kul'tury* [Aesthetic Consciousness of Ancient Rus as a Phenomenon of Artistic Culture]. *Servis Plus*, 2010, no. 2, pp. 67–72 (in Russian).
10. Bychkov V. V. *Esteticheskoye soznaniye Drevney Rusi* [Aesthetic consciousness of ancient Russia]. Moscow, Znaniye Publ., 1988. 64 p. (in Russian).
11. Pashkurov A. N., Razzhivin A. I., Sesorova A. D., Dulalayeva I. Yu. The problem of plastic beauty in the philosophical consciousness of Russian literary culture at the turn of the 18-th – 19-th centuries. *Utopia y Praxis Latinoamericana*, 2020, no. 25, pp. 221–234.
12. Kibal'nik S. A. *Antichnaya poeziya v Rossii. XVIII – pervaya polovina XIX veka. Ocherki* [Antique poetry in Russia. XVIII – first half of the XIX century. Essays]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 2012. 416 p. (in Russian).
13. Savel'yeva L. I. *Antichnost' v russkoy romanticheskoy poezii (poety pushkinskogo kruga)* [Antiquity in Russian romantic poetry (poets of the Pushkin circle)]. Kazan', Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta Publ., 1986. 80 p. (in Russian).
14. Vasiliyev N. L. *Poeziya A. I. Polezhayeva v kontekste russkoy literatury* [Poetry of A.I. Polezhaev in the context of Russian literature] (in Russian). URL: <http://cheloveknauka.com/poeziya-a-i-polezhaeva-v-kontekste-russkoy-literatury> (accessed 22 October 2021).
15. Voronin I. D. *A. I. Polezhayev: Zhizn' i tvorchestvo* [A. I. Polezhaev: Life and Work]. Saransk, Mordovskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 1954. 240 p. (in Russian).
16. Polezhayev A. I. *Stikhotvoreniya i poemy* [Poems and poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1987. 567 p. (in Russian).
17. Timoshenko M. A. *Kul'turno-istoricheskaya retrospektiya problemy chelovecheskogo tela* [Cultural and historical retrospection of the problem of the human body] (in Russian). URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3\(11\)/11.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik_soc/99990201_West_soc_2008_3(11)/11.pdf) (accessed 28 November 2021).
18. Polezhayev A. I. *Polnoye sobraniye stikhotvoreniy* [Complete collection of poems]. Moscow, 1939. 462 p. (in Russian).
19. Kerlot H. Je. *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow, REFL-book Publ., 1994. 608 p. (in Russian).
20. Geller L. M. *Voskresheniye ponyatiya, ili Slovo ob ekfrazise* [Resurrection of the concept, or the Word about ekphrasis]. *Ekfrasis v russkoy literature: trudy Lozannskogo simpoziuma* [Ekphrasis in Russian Literature: Proceedings of the Lausanne Symposium]. Moscow, 2002. Pp. 5–23 (in Russian).
21. *Plasticheskiye iskusstva. Kratkiy terminologicheskii slovar'* [Plastic arts. Brief terminological dictionary]. Moscow, Passim Publ., 1994. 160 p. (in Russian).

Информация об авторе

Сесорова А. Д., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет (ул. Кремлевская, 18, Казань, Россия, 420008).

Information about the author

Sesorova A. D., postgraduate student, Kazan (Volga region) federal university (ul. Kremlevskaya, 18, Kazan, Russian Federation, 420008).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 29.11.2021; accepted for publication 29.03.2022

ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА А. М. ВОЛКОВА «ЗОДЧИЕ»

Евгения Константиновна Макаренко

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, andre@tspu.edu.ru

Аннотация

Введение. Задуманный в 1946 г. детским писателем А. М. Волковым исторический роман об эпохе Ивана Грозного был опубликован в 1954 г. под названием «Зодчие». Волков обратился к поворотному моменту в истории России, когда происходило формирование самодержавной государственности, укрепление русского централизованного многонационального государства. Все эти исторические процессы нашли отражение в архитектуре московского собора XVI в. Покрова на Рву, известного как храм Василия Блаженного.

Цель – исследуются принципы художественного историзма в романе «Зодчие». Рассматривается влияние жанровых моделей западноевропейского исторического романа эпохи романтизма на способ и приемы конструирования сюжетно-композиционного целого произведения А. М. Волкова.

Материал и методы. В статье исследуется исторический роман А. М. Волкова «Зодчие». Были использованы сравнительно-исторический и типологический методы анализа художественного произведения.

Результаты и обсуждение. Исторический роман Волкова выдержан в традициях западноевропейского и русского исторического романа эпохи романтизма. В плане построения сюжета, композиции, с точки зрения построения системы образов и даже хронологически роман делится на две неравные части. Первые три части написаны по типу авантюрно-психологического романа, модель которого заложил Вальтер Скотт. Для этой жанровой разновидности исторического романа характерны объединения тем войны и мира, общественной и частной жизни, а судьба и позиция главного героя оказывается тесно связанной с меняющейся исторической ситуацией.

Последние две части написаны по типу авантюрно-философского романа, ярким образцом которого является «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Главной темой становится не жизнь и приключения героя, не историческое и политическое переломное событие в жизни нации, а связь истории и архитектурного сооружения, утверждение нравственно-этических и эстетических ценностей национальной культуры.

Заключение. В романе «Зодчие» показано воздвижение московского собора Покрова на Рву как памятника в честь важного исторического события – взятия Казани Иваном Грозным. Вместе с тем Покровский собор является выражением в камне целой исторической эпохи формирования российского национального самодержавного государства. В этом шедевре русского зодчества воплотились самобытность, оригинальность и национальное своеобразие русской культуры, отход от подражания византийской эстетической мысли, идея объединения вокруг Москвы близлежащих земель и разных этносов.

Ключевые слова: *А. М. Волков, жанр, исторический роман, Иван Грозный, художественный историзм, соцреализм, зодчие, собор Покрова на Рву*

Для цитирования: Макаренко Е. К. Жанровое своеобразие исторического романа А. М. Волкова «Зодчие» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 134–141. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-134-141>

GENRE UNIQUENESS OF THE HISTORICAL NOVEL “THE ARCHITECTS” BY A. M. VOLKOV

Evgeniya K. Makarenko

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, andre@tspu.edu.ru

Abstract

Introduction. Conceived in 1946 by the children’s writer A. M. Volkov historical novel about the era of Ivan the Terrible was published in 1954 under the title “The Architects”. Volkov addressed a turning point in Russian history, when there was the formation of autocratic statehood, the strengthening of the Russian centralized multi-ethnic state. All these historical processes are reflected in the architecture of the sixteenth-century Moscow Cathedral of the Intercession on the Rvu, known as the Church of St. Basil.

Aim and objectives. The principles of artistic historicism in the novel “The Architects” by A. M. Volkov are investigated. The influence of genre models of the Western European historical novel of the Romanticism epoch on the way and methods of construction of plot-compositional whole of the work “The Architects” is considered.

Material and methods. The article examines the historical novel “The Architects” by A. M. Volkov. Comparative-historical and typological methods of analysis of the work of fiction were used.

Results and discussion. Volkov’s historical novel stands in the tradition of Western European and Russian historical novels of the Romantic era. At the same time in terms of plot construction, composition, in terms of building a system of characters and even chronotopically the novel is divided into two unequal parts. The first three parts are written on the type of adventure-psychological novel, the model of which was laid by Walter Scott. This genre variety of the historical novel is characterized by combining the themes of war and peace, public and private life, and the fate and position of the main character is closely related to the changing historical situation.

The last two parts are written in the type of adventure-philosophical novel, a striking example of which is Victor Hugo’s *Notre Dame de Paris*. The main theme is not the life and adventures of the hero, not a historical or political turning point in the life of the nation, but the connection of history and architectural construction, the statement of moral, ethical and aesthetic values of national culture at a crucial time.

Conclusion. The novel “The Architects” shows the erection of the Moscow Cathedral of the Intercession on the Rvu as a monument in honor of an important historical event – the capture of Kazan by Ivan the Terrible. But the Intercession Cathedral is an expression “in stone” of the whole historical era of the formation of the Russian national autocratic state. This masterpiece of Russian architecture embodied identity, originality and national originality of Russian culture, the departure from imitation of Byzantine aesthetic thought, the idea of unification of nearby lands and different ethnic groups around Moscow.

Keywords: A. M. Volkov, genre, historical novel, Ivan the Terrible, artistic historicism, socialist realism, architects, the Cathedral of the Protection of the Rvu

For citation: Makarenko E. K. Zhanrovoye svoyeobraziye istoricheskogo romana A. M. Volkova “Zodchiye” [Genre Uniqueness of the Historical Novel “The Architects” by A. M. Volkov]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 134–141 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-134-141>

Введение

Ученый-математик, педагог и детский писатель А. М. Волков, известный всем по сказкам «Волшебник Изумрудного города», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты», «Семь подземных королей» и др., не был писателем одного жанра. Творчество писателя охватывает большой жанрово-тематический диапазон: фантастические повести («Приключения двух друзей в стране прошлого», «Путешественники в третье тысячелетие»), рассказы и очерки («В горах Алтая», «Лопатинский залив», «Родимое пятно», «Удачный день», «У костра»), исторические романы, стихи о войне, пьесы для детского театра и др. Волков занимался также популяризацией науки для школьников и выпустил ряд занимательных очерков по географии и астрономии, объединив их в сборник «Земля и небо». Своим читателям писатель объяснял свой интерес к столь разным темам, а также искусство оживлять разные эпохи своей педагогической деятельностью. Много лет работая учителем, причем преподавая не только математику, но и другие предметы, в том числе и гуманитарного плана, Волков старался, чтобы «учение для школьника было не только обязанностью, но и радостью, душевной потребностью. Писатель Волков учил художественным словом» [1, с. 8].

Творчество писателя формировалось в 1930-х гг., когда «литература для подрастающего поколения органически вбирает в себя основные тенденции развития литературы для взрослых, закрепляет их, несколько преобразуя и переосмысли-

вая» [2, с. 4]. Детской литературе был присущ «и тот героико-романтический пафос, который во взрослой литературе был характерен для литературы социалистического реализма. Детско-подростковая литература много внимания уделяет проблемам становления характера молодого человека, нравственного выбора и ответственности за этот выбор...» [2, с. 4]. На детскую литературу оказало особое влияние развитие эпического восприятия мира, характерное для взрослой литературы 1930–1950-х гг., которое было продиктовано «мировоззренческими и социокультурными задачами по созданию цельного, масштабного, широкого эпического образа мира, соответствующего той общественной реальности, которая создавалась при сталинском правлении» [3, с. 117].

В конце 1930-х гг. уроки отечественной и мировой истории, формирование патриотизма с помощью идеологизированных исторических примеров, формирование «нужных для властей ориентиров во внутренней и внешней политике» [4, с. 172] привели к призывам в сфере искусства «сделать упор на военные, на героические темы» (академик Е. В. Тарле) [5, с. 8]. Именно в то время на экраны вышел фильм «Александр Невский» С. Эйзенштейна (1938), А. Толстой работал над своим романом «Петр I» (первые две книги опубликованы в 1934 г.), а фильм по сценарию автора был снят режиссером В. М. Петровым. Писатель В. Г. Ян опубликовал исторические романы о сопротивлении русских князей татарам и монголам «Чингиз-хан» (1939) и «Батый» (1941–1942). В 1939 г. после долгого

перерыва на сцене Большого театра была поставлена патриотическая опера Глинки «Иван Сусанин» (режиссер Б. Мордвинов).

В 1940-х гг. Волков начинает писать исторические повести и романы («Чудесный шар», «Два брата»).

Свой роман «Зодчие», опубликованный в 1954 г.¹, Волков задумал еще в 1946 г., когда писал повесть «Как росла и строилась Москва». В течение восьми лет работы над романом несколько раз менялось название книги: «Заря над Москвой», «Василий Блаженный», «Барма и Постник», «Строители», «Зодчие». Писатель исследовал большое количество исторических трудов, документальных источников и научной литературы, в том числе по русской архитектуре XVI в. Волков признавался, что «...проработал всю литературу о соборе и на этой основе создал последнюю часть книги. Несколько лет назад эту книгу читал профессор Сухов, хранитель собора Василия Блаженного. Он архитектурную сторону оценивал очень высоко» [6, с. 192].

Писатель стремился соблюдать принцип исторической достоверности, стараясь передать дух и нравы описываемой эпохи не только через исторические детали жизни и быта XVI в., но и путем воспроизведения обычаев, нравов, речи героев. Однако в первоначальном варианте роман не прошел советскую цензуру, и редактор Г. Шторм отметил, что «во взятой А. Волковым теме кроется одна опасность, которой автору пока не удалось избежать. Дело в том, что русское церковное зодчество, блестящим образцом которого является храм Василия Блаженного, может заинтересовать советского читателя (а тем более – детского) только с чисто архитектурной стороны. Никакие религиозно-мистические мотивы не должны переплетаться в повести с темой искусства. В рецензируемой же рукописи такие мотивы звучат довольно сильно: духом поповщины веет от ее страниц. Настроившись на „духовный“ лад и находясь в плену у этой настроенности, автор обильно уснастил свою повесть вышеупомянутыми мотивами, включая их даже без всякой, казалось бы, нужды» [6, с. 192]. Волков исправил первоначальный вариант на более соответствующий советской атеистической идеологии. Но даже в окончательном варианте роман получил высокую оценку известного литературоведа Б. Шкловского: «Роман написан широко и основательно. Удачно включен Казанский поход, который очень много значит в истории русского искусства. С Казанью связана и русская иконопись и начало русского книгопечатания. Написана вещь просто, солидно и надежно» [6, с. 192].

¹ Научным редактором книги был кандидат исторических наук А. А. Зимин. Иллюстрации были выполнены И. Годиным. Первый тираж составил 30 тыс. экземпляров.

Волков выбрал для сюжета романа важный и в определенной степени переломный момент российской истории, который отразился на судьбе нации. В романе показано время формирования русского централизованного многонационального государства, раскрыты ведущие конфликты времени, когда уходила в прошлое старая аристократия – бояре – и нарождалась новая – дворянство (один из персонажей говорит: «Боярское время ушло. Пусть предки бояр когда-то сидели на княжеских уделах – народ про то позабыл» [1, с. 117]).

При этом философия истории писателя сформировалась в советской историографической школе, поэтому исторический прогресс, развитие русского общества показаны как результат борьбы классов, которая трактовалась как исторически закономерный процесс и сопровождалась особым сочувствием к угнетенным народным массам. Основным злом XVI в., как показывает писатель в романе, являются не только внешние враги (татары, турки и немцы), но и внутренние – все силы, выступавшие против укрепления и централизации самодержавного государства (Курбский, бояре) и сохранявшие сословное неравенство (бояре/народ). Бояре, но не царь Иван IV, представлены в романе внутренними врагами русского народа.

Советская историческая наука и идеология особое внимание уделяла образу царя Ивана Грозного, который централизованной политикой по укреплению Российского государства, борьбой с западными врагами, а также своей жестокой тиранией напоминал Сталина [7]. Поэтому в 1930–1950-х гг. в СССР началась идеализация образа грозного царя. В известном в 1940-х гг. историческом труде Р. Ю. Виппера «Иван Грозный» (1944) представлена реабилитация государственного деятеля XVI в.: «Грозный царь закрепился в старых школьных изображениях как жестокий тиран по преимуществу; все его крупные деяния отошли на второй план; все его заслуги по расширению и внутренней организации Московской державы и борьбе с изменниками оказались забытыми. Русский народ дал совсем иную, глубоко мудрую оценку личности Ивана IV, выразивши ее в прозвище „Грозного“. В иностранной исторической литературе смысл этой характеристики совершенно искажен переводами – Iwan der Schreckliche, Jean le Terrible, что означает „страшный“, „ужасный“, чем и подчеркивается обвинение Ивана IV в жестокости. В XVI в. в великой Московской державе „Грозный“ звучало величественно и патриотично. Прозвище это прилагалось уже раньше к Ивану III: и дед и внук были могущественно-грозны, сокрушительно-опасны для врагов народа и государства, как внешних, так и внутренних» [8, с. 7].

Достаточно идеализированный образ царя воссоздан в первой серии фильма Эйзенштейна «Иван Грозный» (1945), посвященного биографии молодого Ивана IV. Царь представлен величественным самодержцем, выделяющимся из своего окружения властью и прямоотой, страшный для врагов государства, но пока еще не для своего народа. Но уже в послевоенные годы образ Ивана Грозного стал восприниматься более неоднозначно и сложно, поэтому вторая серия фильма Эйзенштейна, в которой показан уже весьма противоречивый, трагический образ подозрительного, мстительного и неоправданно жестокого Ивана IV, была запрещена лично Сталиным.

А. М. Волков в своем романе «Зодчие» представил образ Ивана Грозного в полном соответствии с советской пропагандой 1940-х гг. Иван IV в романе «Зодчие» показан в ранний период его царствования, когда он только начал успешную борьбу с внешними врагами – татарами – и внутренними врагами государства – боярами. Образ царя в романе идеализирован и героизирован: он показан властным, умным, проницательным и справедливым самодержцем, защищающим «трудящийся люд» от корыстных и злых бояр.

Материал и методы

В статье исследуется исторический роман А. М. Волкова «Зодчие». Были использованы сравнительно-исторический и типологический методы анализа художественного произведения.

Результаты и обсуждение

Исторический роман «Зодчие» написан в русле соцреализма. Для этого художественного метода характерно обращение к литературной традиции, представлявшей собой «кладезь» навыков художественного мастерства, которое можно использовать для закрепления своего, оригинального художественного опыта и своей художественной идеологии» [9, с. 23]. Причем в области художественных средств прослеживается «выраженная связь с литературой XIX века (в этом смысле соцреализм продуктивно использует чужой художественный опыт для построения оригинальных образов и выражения собственной художественной идеологии)» [9, с. 4]. Художественные способы изображения прошлого, как и сами жанровые модели исторического романа, Волков заимствовал из созданных в эпоху романтизма исторических романов.

Можно заметить, что исторический роман Волкова строится по модели западноевропейского и русского исторического романа эпохи романтизма. При этом сюжетно, композиционно и даже хронологически роман делится на две неравные составляющие.

Первые три части – «Юность Голована», «Москва и Казань», «Великий поход» – написаны по типу вальтерскоттовского романа, обозначенного В. Я. Малкиной в ее диссертации «Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века» как авантюрно-психологический роман [10, с. 16]. По замечанию А. Долинина, «общеизвестно, что вальтерскоттовский исторический роман предлагает удобную модель для описания любого общества в диахронической перспективе, поскольку он, как правило, рисует некий переломный момент исторического развития, который приводит к резким, часто революционным изменениям» [11, с. 239]. Для созданного В. Скоттом исторического романа характерны объединение тем войны и мира, общественной и частной жизни, а судьба и позиция главного героя оказываются тесно связаны с меняющейся исторической ситуацией. Главным стержнем в развитии сюжетной линии становится «испытание героя на тождество и обретение им определенного социального статуса» [10, с. 16].

Как и в романах Вальтер Скотта, а также написанных по этой модели русских исторических романах («Капитанская дочка» Пушкина, романы И. И. Лажечникова, М. Н. Загоскина, Н. А. Полевого и др.), главные персонажи вымышленные (зодчие Андрей Голован и Булат), но вписаны в достоверно воссозданную историческую среду и прочно с ней связаны. Показаны чувства, психология, мотивация поступков и речи героев в соответствии с этикой и нравами людей XVI в. Исторические же персонажи, в основном государственные деятели, такие как Иван Грозный, Курбский, Ардашев, митрополит Макарий, Кулшериф, Сулейман I, предстают в качестве второстепенных персонажей и оказываются сопричастными судьбе вымышленных героев. Правда, Иван Грозный во второй половине романа появляется достаточно часто и даже затмевает яркостью натуры идеального протагониста (Андрея Голована), но не становится главной пружиной занимательного романного повествования.

Первые две части романа («Юность Голована», «Москва и Казань»), в которых показано стадийное развитие личности Андрея Голована и его постепенное взросление, соответствуют жанровым характеристикам романа воспитания, когда, по замечанию М. М. Бахтина, изменение самого героя приобретает «сюжетное значение», «становление личности совершается в реальном историческом времени с его необходимостью, с его полнотой, с его будущим, с его глубокой хронотопичностью» [12, с. 202].

Кроме этого, первые части романа построены с опорой на традиции романа путешествия, что

также роднит этот роман с историческими романами В. Скотта: «роман Скотта, как правило, начинается с путешествия. В самом начале действия герой обычно выезжает из дому, реже из военного лагеря, в котором он находится. Он едет на службу, по какому-то поручению и пр. Тут же начинаются всякого рода приключения и встречи» [13, с. 17]. «Зодчие» начинаются с описания детства главного героя Андрея Голована, который рос в семье псковского плотника и охотника, затем показан его уход из родительского дома с мастером Булатом, их скитания по русским городам и селам, где они строят церкви, звонницы, пышные палаты. Серьезным испытанием для героев становится нападение на них татар, которые увели Булата в плен, а Голована сильно поколотили, но он выжил, был схвачен и отправлен в качестве холопа к князю Артемию Васильевичу Оболенскому-Хромому. Затем описан удачный побег Андрея Голована от князя, жизнь с нищими, заработки в Москве вместе со скоморохами. И только после страшного пожара в столице у героя появляется шанс помогать восстанавливать город и заняться своим любимым делом – зодчеством.

При этом главный герой Андрей Голован вместе со своим учителем Булатом являются типичными представителями русского народа, носителями национального характера: сильные духом, работающие, честные, самоотверженные. Отличаются они от романских героев, которые являются частными людьми, одинокими и изолированными от социальных групп. Андрей Голован и Булат вписаны в народную жизнь, они вышли из нее и живут в ней. В связи с этим можно отметить, что романские персонажи Андрей Голован и Булат приближаются к эпическим героям. Это соответствовало литературе соцреализма, показывавшего в качестве творцов истории и культуры народ и выходцев из простого народа, в котором виделась живая нравственная сила нации [14].

Третья часть романа является кульминационной и посвящена крупному историческому событию – описанию взятия Казани войсками Ивана Грозного.

Необходимо отметить, что в главах, посвященных походу на Казань, главный герой постепенно уходит на задний план, уступая место другим участникам военного похода. Они-то и составляют собирательный образ русского народа, победившего остатки Золотой Орды, разгромившего Казанское ханство. Описываются батальные сцены (глава «Оборона Тулы»), в которых участвуют русские воины, пушкари и оружейники, а также строители, помогающие построить город Свияжск, гуляй-города, подорвать стену казанской крепости.

Биографическое время первых частей в третьей части трансформируется в историческое, при котором действие разворачивается не по хроникально-

му принципу биографического описания, а в соответствии с важными историческими событиями – первый неудачный поход на Казань, построение города Свияжска, второй поход на Казань, оборона Тулы, взятие Казани, постройка памятника архитектуры в честь победы над татарами. Структура романной формы первых глав разрывается и в произведении входит эпическое начало. Ослабление романного начала выражено также в том, что в романе, по замечанию М. М. Бахтина, «основным стержнем содержания является любовь героев и те внутренние и внешние испытания, которым она подвергается» [15, с. 256]. В «Зодчих» любовь героев – Андрея и Дуняши – развивается уже ближе к концу произведения, причем воссоединению влюбленных не мешают серьезные препятствия, да и вся любовная линия представляется побочной и необязательной для главной сюжетной линии.

Четвертая и пятая части («Смелые замыслы» и «Памятник ратной славы») написаны в соответствии с иным жанровым подтипом исторического романа. Последние части соответствуют авантюрно-философскому роману, ярким образцом которого является «Собор Парижской Богоматери» Гюго. В этих частях, как и в романе Гюго, главной темой становится не «определенный исторический момент, конфликт, который выражается в политическом кризисе» [10, с. 16], а утверждение нравственно-этических и эстетических ценностей национальной культуры середины XVI в. Наблюдение автора в романе «Собор Парижской Богоматери» может стать эпиграфом к последним двум частям «Зодчих»: «С самого сотворения мира и вплоть до XV столетия христианской эры зодчество было великой книгой человечества, основной формулой, выражавшей человека во всех стадиях его развития – как существа физического, так и существа духовного» [16, с. 209].

Финальные части романа Волкова в целом напоминают те страницы в книге Гюго, которые посвящены описанию собора и философским размышлениям о связи истории народа и архитектурного сооружения, когда «не только форма зданий, но и самое место, которое для них выбиралось, раскрывало идею, отображенную ими» [16, с. 211]. Можно отметить, что Волков в своем романе выражает схожую идею, так как в храме Покрова на Рву запечатлена не только память о важном историческом событии – взятии русскими Казани, но в соборе воплощена сама идея эпохи XVI в. – формирование российского самодержавного государства. В этом шедевре русского зодчества воплотились самобытность, оригинальность и национальное своеобразие русской культуры, отход от подражания византийской эстетической мысли, поскольку в конце XV в. и в XVI в. Рус-

ское царство укрепляло свою государственную независимость, самостоятельность, в том числе и от Византии (пример из текста: «*Мы, русские зодчие, не хотели следовать образцам византийским, с их четырехугольным видом, более пригодным для палат. Древним русским церквам с прирубам, с шатровым покрытием подобен сей храм*» [1, с. 118]).

Также в Покровском соборе выразилась идея объединения вокруг Москвы близлежащих земель и народов, укрепления российской государственности («*Как Москва больше двух веков собирала вокруг себя русские княжества, так у нас вокруг главного храма, главного престола, собраны престолы меньшие, соподчиненные! – говорил старик, смело глядя в глаза царю Ивану Васильевичу. – Москва собрала разнородные области, сплотила воедино, из мелких княжеств создала сильное государство, и всем его частям то пошло на благо. Так и у нас разнородные и в то же время родственные храмы создают единое, глазу радостное, сердце веселящее зрелище – Покровский собор, знаменующий единое российское государство!*» [1, с. 118]).

Покровский собор в книге представлен как народный храм, построенный всем миром, на что указывает и само название романа во множественном числе – «Зодчие», и для всех. Русский народ вложил в Покровский собор свои религиозные чувства, нравственные и эстетические идеалы, любовь к Родине. Таким образом автор утверждает идею главенствующей роли народа как в истории, так и в культуре Руси – России.

Заключение

А. М. Волков тщательно подходил к подбору и исследованию исторического материала, всесторонне изучал эпоху по летописям, историческим трудам и документам, поэтому в его романах можно отметить стремление к научности и достоверности. Однако принцип художественного историзма в его романах подвергался некоторому искажению из-за идеологических требований соцреализма к изображению исторического процесса.

Автор социально и исторически детерминирует своих персонажей в соответствии с тем, что об-

условлено эпохой и принадлежностью к тому или иному сословию. Это отразилось на способах построения системы персонажей, которая строится по принципу контраста и противопоставления друг другу представителей разных классов (бояре – крестьяне), идеологических партий (Грозный – Курбский), враждующих народов (русские – татары, турки).

Исторический роман Волкова объединил в себе две жанровые разновидности западноевропейского исторического романа эпохи романтизма. В первых трех частях принципы сюжетосложения, построения системы персонажей, хронотоп событий соответствуют авантюрно-психологическому типу романа, образец которого создал Вальтер Скотт. В четвертой и пятой частях прослеживается связь исторической эпохи XVI в. и ее культуры. Такая проблематика соответствует типу авантюрно-философского романа, образцом которого является «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго. Как и французский писатель, Волков утверждает мысль, что построенный в центре столицы в важный период национальной истории «собор является выражением души народа и философии эпохи в широком смысле слова» [17, с. 499].

Нужно отметить, что резкая смена разных типов романной структуры от первых трех частей к последним двум привела к некоторой композиционной рыхлости, неслаженности отдельных повествовательных пластов, несогласованности во внутренней сюжетной логике романа, что обусловлено в том числе появлением в последних двух частях новых персонажей – полуисторических/полулегендарных зодчих Бармы и Постника, считавшихся настоящими строителями собора Покрова на Рву. Параллельные сюжетные линии и дублирующие друг друга персонажи приводят к избыточной перенасыщенности событий в последних главах.

В своем романе Волков дает большое количество интереснейших фактов из области древнерусской архитектуры и истории Москвы, энциклопедические сведения о древнерусском зодчестве XVI в. Это придает книге особые учебно-познавательную и просветительскую функции, которые были важны для писателя-педагога.

Список источников

1. Волков А. М. Зодчие: исторический роман / предисл. Б. Бегака. М.: Детская литература, 2012. 430 с.
2. Октябрьская О. С. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской литературе 1920–50-х годов: дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 481 с.
3. Солдаткина Я. В. Эпическое мышление в прозе 1930–1950-х гг.: мифопоэтический аспект // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. № 2 (56). С. 117–120.
4. Галкина Т. В. Незнакомый Александр Волков в воспоминаниях, письмах и документах. Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2006. 270 с.
5. Козлов Д. В., Воронин О. Л. Историческая проза в контексте советской эпохи (послевоенный советский исторический роман): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 98 с.

6. Тюменцев И. О., Рыбалко И. В. М. Перри. Культ Ивана Грозного в сталинской России // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 172–174.
7. Perrie M. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. Chippenham, Wiltshire. 2001. 255 p.
8. Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1944. 160 с.
9. Шалагинов Н. В. Русская литература социалистического реализма и проблема ее генезиса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2006, 28 с.
10. Малкина В. Я. Поэтика исторического романа: проблема инварианта и типология жанра; на материале русской литературы XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 21 с.
11. Долинин А. Пушкин и Англия. Цикл статей. М.: Новое лит. обозрение, 2007. 280 с.
12. Бахтин М. Эстетика словесного творчества: сб. избр. тр. / прим. С. С. Аверинцева, С. Г. Бочарова. М.: Искусство, 1979. 242 с.
13. Альтшуллер М. Г. Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб.: Академический проект, 1996. 336 с.
14. Солдаткина Я. В. «Малый эпос» в русской литературе 50-х годов XX века: категория «национального характера» // Филологические науки. 2009. № 2. С. 13–19.
15. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.
16. Гюго В. Собор Парижской Богоматери: роман / пер. с фр. Н. А. Коган. М.: АСТ, 2016. 608 с.
17. Реизов Б. Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1958. 568 с.

References

1. Volkov A. M. *Zodchiye: istoricheskiy roman* [Architects: a historical novel]. Foreword by B. Begak. Moscow, Detskaya literatura Publ., 2012. 430 p. (in Russian)
2. Oktyabr'skaya O. S. *Formirovaniye i razvitiye zhanrovoy sistemy v russkoy detskoj literature 1920–50-kh godov*. Dis. kand. filol. nauk [Formation and development of the genre system in Russian children's literature of the 1920–50. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 2017. 481 p. (in Russian)
3. Soldatkina Ya. V. *Epicheskoye myshleniye v proze 1930–1950-kh godov: mifopoeticheskiy aspekt* [Epic thinking in prose of the 1930s–1950s: the mythopoetic aspect]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*, 2011, no. 2 (56), pp. 117–120 (in Russian).
4. Galkina T. V. *Neznakomyy Aleksandr Volkov v vospominaniyakh, pis'makh i dokumentakh* [Unknown Alexander Volkov in memoirs, letters and documents]. Tomsk, Publishing House of the Tomsk State Pedagogical University Publ., 2006. 270 p. (in Russian).
5. Kozlov D. V., Voronin O. L. *Istoricheskaya proza v kontekste sovetskoy epokhi (poslevoyennyy sovetskiy istoricheskiy roman)*. *Uchebnoye posobiye* [Historical prose in the context of the Soviet era (post-war Soviet historical novel): textbook]. Irkutsk, IGU Publishing House Publ., 2013. 98 p. (in Russian).
6. Tyumentsev I. O., Rybalko I. V. M. Perri. Kul't Ivana Groznogo v stalinskoj Rossii [M. Perry. The cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia]. *Voprosy istorii – Issues of History*, 2007, no. 5, pp. 172–174 (in Russian).
7. Perrie M. *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia*. Chippenham, Wiltshire. 2001. 255 p.
8. Vipper R. Yu. *Ivan Groznyy* [Ivan Grozny]. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1944. 160 p. (in Russian).
9. Shalaginov N. V. *Russkaya literatura sotsialisticheskogo realizma i problema eye genezisa*. *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Russian literature of socialist realism and the problem of its genesis. Abstract of thesis cand. philol. sci.]. Nizhny Novgorod, 2006. 28 p. (in Russian).
10. Malkina V. Ya. *Poetika istoricheskogo romana: problema invarianta i tipologiya zhanra; na materiale russkoy literatury XIX – nachala XX veka*. *Avtoref. dis. kand. filol. nauk* [Poetics of the Historical Novel: The Problem of the Invariant and the Typology of the Genre; on the material of Russian literature of the 19th – early 20th century. Abstract of thesis of cand. philol. sci.]. Moscow, 2001. 21 p. (in Russian).
11. Dolinin A. *Pushkin i Angliya. Tsikl statey* [Pushkin and England. Cycle of articles]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2007. 280 p. (in Russian).
12. Bakhtin M. *Estetika slovesnogo tvorchestva. Sbornik izbrannykh trudov*. Primechaniya S. S. Averintseva, S. G. Bocharova [Aesthetics of verbal creativity: collection of selected works. Comments by S. S. Averintseva, S. G. Bocharov]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 242 p. (in Russian).
13. Al'tshuller M. G. *Epokha Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskiy roman 1830-kh godov* [The era of Walter Scott in Russia. Historical novel of the 1830s]. Saint Petersburg, Akademicheskij proyekt Publ., 1996. 336 p. (in Russian).
14. Soldatkina Ya. V. “Malyy epос” v russkoy literature 50-kh godov XX veka: kategoriya “natsional'nogo kharaktera” [“Small epic” in Russian literature of the 50s of the XX century: the category of “national character”]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences*, 2009, no. 2, pp. 13–19 (in Russian).

15. Bakhtin M. M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1975. 504 p. (in Russian).
16. Gyugo V. *Sobor Parizhskoy Bogomateri. Perevod s frantsuzkogo N. A. Kogan* [Notre Dame Cathedral. Translation from French by N. A. Kogan]. Moscow, AST Publ., 2016. 608 p. (in Russian).
17. Reizov B. G. *Frantsuzskiy istoricheskiy roman v epokhu romantizma* [French historical novel in the era of romanticism]. Leningrad, Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 568 p. (in Russian).

Информация об авторе

Макаренко Е. К., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Makarenko E. K., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 04.02.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 04.02.2022; accepted for publication 29.03.2022

УДК 82-31
<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-142-150>

СВОЕОБРАЗИЕ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ В ЦИКЛЕ Л. ГОРАЛИК О ВЕНИСАНЕ

Юлия Олеговна Чернявская

Томский государственный педагогический университет, Томск, Россия, utcher@yandex.ru

Аннотация

Введение. В последние десятилетия фэнтези приобретает особую популярность, о чем свидетельствуют многочисленные публикации как отечественных, так и зарубежных авторов, работающих в этом жанре. К фэнтези можно причислить и цикл Л. Горалик о Венисане. В анализируемом цикле ставятся актуальные для подростковой литературы проблемы взаимоотношения поколений («отцов и детей»), раскрываются отношение к смерти, осмысление собственной идентичности, способы познания окружающего мира.

Цель работы – охарактеризовать систему персонажей цикла Л. Горалик о Венисане.

Материал и методы. В работе использовались труды отечественных структуралистов, фольклористов, мифологов.

Результаты и обсуждение. В цикле о Венисане представлена достаточно сложная и многообразная система персонажей, среди которых можно выделить как реалистических (родители, учителя, дети), так и мифологических (унды, птицы габо) персонажей. Если реалистические персонажи способствуют осмыслению проблем, характерных для подростковой литературы (взросления, обретения собственной идентичности), то мифологические помогают понять скрытое, тайное значение происходящего.

Заключение. Мир взрослых в цикле противопоставлен миру детей. Дети пытаются приспособиться ко все более деструктивной реальности, вырабатывая механизмы защиты, способствующие их физическому выживанию. Исключением становится главная героиня, пытающаяся изменить существующий порядок вещей. Отличие Агаты от остальных персонажей заключается в ее стремлении во что бы то ни стало найти истину и восстановить нарушенную (по ее мнению) социальную и семейную гармонию. В этом ей помогают не столько рациональные (рассудительность, ум) качества, сколько чувственные способы восприятия мира, так как единственными константами для достижения истины становятся ее предчувствия, ощущения, переживания, мечты. В мире духовной и физической несвободы героине не на что опереться, кроме как на собственные тактильные, зрительные, слуховые, кинестетические ощущения. Проблема заключается в том, что для читателя (и, возможно, самой героини) не всегда очевидна граница между воображаемыми ощущениями и реальными.

Ключевые слова: *Линор Горалик, подростковая литература, фэнтези, «Холодная вода Венисаны», цикл о Венисане, система персонажей*

Для цитирования: Чернявская Ю. О. Своеобразие системы персонажей в цикле Л. Горалик о Венисане // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С.142–150. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-142-150>

THE PECULIARITY OF THE CHARACTER SYSTEM IN L. GORALIK'S CYCLE ABOUT VENISANA

Yuuliya O. Tchernyavskaya

Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russian Federation, utcher@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the analyzed cycle, L. Goralik actualizes complex problems of modern children's literature, among which the following can be distinguished: the problem of the relationship of generations ("fathers and children"), the attitude to death, the understanding of one's own identity, ways of knowing the surrounding world.

The purpose of the work is to characterize the system of characters in L. Goralik's cycle about Venisan.

Material and methods. The works of Russian structuralists, folklorists, and mythologists were used in the work.

Results and discussion. The cycle about Venisan presents a rather complex and diverse system of characters, among which one can distinguish heroes-helpers, pests, mythological characters. Pests, like assistants, serve the purpose of plot development, helping the main character to go beyond the usual existence. Mythological characters contribute to the development of the inner world of the heroine, i.e. they largely determine the inner plot of the main character's growing up.

Conclusion. The cycle about Venisan can be attributed to the fantasy tradition, however, attention to the complex inner world of a child trying to survive in a terrible world complicates the problems of the work.

L. Goralik uses mythological images to create the inner world of a girl who intuitively tries to figure out the ontological problems of life and death, the meaning of her existence. If in fantasy literature for this purpose there were heroes-helpers (sages) who give answers to difficult questions, then Agatha finds herself face to face with a hostile and complex world order in which communication with adults only complicates the situation: adults demand help (mother), make them suffer (father), threaten life (smugglers, “merry men”, etc.). In an unhealthy and hostile atmosphere, children try to come up with their own explanation of what is happening (rumors, scary stories), learn to mimic (invent a secret language). Agatha, unlike most children, develops the ability to intuitively comprehend the truth about the world through mythological images that appear to her in dreams, memories, sensations.

Keywords: Linor Goralik, children's literature, teenage literature, fantasy, “Cold Water of Venisany”, character system

For citation: Tchernyavskaya Yu. O. Svoeobraznye sistemy personazhey v tsykle L. Goralik o Venisane [The Peculiarity of the Character System in L. Goralik's Cycle about Venisana]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2022, vol. 3 (221), pp. 142–150 (In Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2022-3-142-150>

Введение

Цикл Л. Горалик о Венисане состоит из трех повестей: «Холодная вода Венисаны» [1], «Двойные мосты Венисаны» [2], «Тайные ходы Венисаны» [3]. Все три повести объединены общим сюжетом и образом главной героини. Цикл адресован подросткам, о чем косвенно свидетельствует указание на юный возраст героини. В одном из интервью Л. Горалик высказала, на наш взгляд, мысль, отражающую основную цель своих произведений: «...есть дети, которые остро чувствуют, что мир – это хаос, но в этом хаосе надо как-то жить. Мне кажется, что все мои детские книжки про это» [4]. Творчество Л. Горалик вскрывает глубинные подростковые страхи, одновременно выявляя механизмы защиты от них.

Тема «трудного» возраста, болезней роста, взросления, принятия сложных решений – одна из центральных в классической детской и подростковой литературе. Л. Горалик вносит свой вклад в разработку психологических проблем в условиях новой, изменившейся реальности – исторической, культурной, правовой. В цикле о Венисане автор создает условно-вымышленный мир, в котором сквозь средневековый антураж просвечивают реалии современного социума.

Цель работы – выявить своеобразие системы персонажей в цикле Л. Горалик о Венисане.

Материал и методы

В качестве методологической основы исследования использовались работы отечественных структуралистов (В. Н. Топоров, В. Я. Пропп), мифологов (С. С. Аверинцев, В. В. Иванов, Я. Э. Голосовкер).

Материал исследования – трилогия Л. Горалик о Венисане.

Результаты и обсуждение

С точки зрения Т. А. Фетисовой, жанр фэнтези актуализируется в кризисные эпохи, выполняя «со-

циальный заказ на эскапизм, замену реальности искусственным, более понятным миром. ... Истоки популярности фэнтези надо искать в особенностях социокультурной ситуации современности, в очередном кризисе рационализма» [5, с. 186]. По мнению исследовательницы, «ретрансляция сказочно-мифологических сюжетных схем и образов» объясняется стремлением к «мировоззренческой цельности и авторитетной наполненности смыслом сакральных мифологических текстов» [5, с. 187]. Популярность детского фэнтези во многом обусловлена стремлением современных подростков осмыслить стремительно меняющиеся культурные ценности, определить свою роль в семье и социуме. В современных текстах детско-юношеской литературы ставятся онтологические проблемы жизни/смерти, а в центре сюжета оказываются дети, «как правило, находящиеся в сложных отношениях с миром взрослых» [6, с. 20]. На наш взгляд, именно это характеризует фэнтези Л. Горалик о Венисане. Отличие фэнтези от подростковой литературы реалистической модальности заключается в том, что вечные проблемы решаются в условно-фэнтезийном пространстве-времени, что придает аллегоризм образам родителей, воспитателей, учителей, функционирующих в сюжете наряду с мифологическими персонажами (унды, птицы габо).

Основная проблематика цикла связана со сложным выбором, стоящим перед главной героиней – двенадцатилетней девочкой, лишенной семьи, поддержки со стороны старших наставников, коллектива. Для того чтобы проследить путь героини, следует обратиться к системе персонажей цикла.

Всех героев густонаселенного мира Венисаны можно условно разделить на два типа: помощников и вредителей – в соответствии с классификацией В. Я. Проппа [7, с. 139]. Непосредственными помощниками можно назвать как взрослых (учителя и наставники колледжии, в которой учится Агата, ее родители), так и **детей** – товарищей героини

(Торсон, Мелисса и др.). Эта группа персонажей оказывает непосредственную помощь в трудной ситуации, сочувствует, сопереживает ей. Дети, как близкие друзья (Мелисса и Торсон), так и обычные ученики (Ульрик, Рита), помогают Агате прятаться, доставить контрабанду [2]. Дети поддерживают героиню даже в том случае, когда эта поддержка оказывается немотивированной: Мелисса ненавидит Агату за то, что она разлучила ее с Торсоном, высокомерная Рита презирает всех. Тем не менее в нужное время все они оказываются в нужном месте, иногда появляясь буквально ниоткуда. Дети активно или пассивно сопротивляются взрослым даже тогда, когда это угрожает их жизни.

В изображении детей используется прием градации: в первой части дети ограждаются от внешнего мира и испытывают от этого дискомфорт, выражающийся на уровне 1) физическом (их связывают веревкой), 2) информационном (для восполнения дефицита знаний о мире дети придумывают и распространяют сплетни и слухи). Во второй части давление усиливается – дети изнемогают от холода и тяжелой работы, им запрещено обсуждать происходящее, вследствие чего они выдумывают тайный язык для общения между собой (пассивное сопротивление), помогают пронести контрабанду (активное). В третьей части Агате открывается страшный мир четвертого этажа, на котором содержатся дети, превращенные в зомбированных пленников.

Большая часть персонажей-взрослых связана с колледжией, в которой живут и учатся все дети Венисаны. Поскольку дети оказываются в изоляции от родителей (в первой и второй частях), то большую роль в воспитании играют учителя и воспитатели, относящиеся к детям холодно-отчужденно. Создается ощущение, что главной их задачей является формальное соблюдение мер безопасности (обвязывание детей веревкой в первой части, выстраивание в колонну во второй), т. е. защита от внешних угроз, подстерегающих подопечных в мире города (падение в воду, возможность заблудиться). Наставники обращаются к детям только в случае необходимости, пресекая и ограничивая. Взрослые стремятся избежать эмоционального контакта с воспитанниками: они не отвечают на прямые вопросы, прибегая к недомолвкам и иносказаниям (майстер Нолан учит манипулятивным формам общения, доктресс Эджения прямо приказывает молчать, когда речь заходит о вопросах внутренней политики государства [1]). В большинстве случаев эти уроки не помогают героине¹. Возмож-

¹ О том, что это искусство мало помогает героине, свидетельствуют примеры, когда более опытный манипулятор обманывает ее. (Например, утопленница Эмилия делает вид, что готова помочь Агате, на самом деле преследует свои личные цели и предает в самый критический момент.)

но, воспитатели делают это из лучших побуждений, опасаясь за жизнь детей, поскольку любое правонарушение влечет за собой суровое наказание, вплоть до изгнания из колледжии.

Принятая в учебном заведении практика недомолвок, умолчания, иносказания приводит к тому, что атмосфера буквально насыщается слухами и сплетнями, которые в силу своей нерациональной природы не столько объясняют, сколько формируют ощущения о том, что мир вокруг представляет угрозу: «...почему, ну почему она, Агата, ничего ни про что не знает, почему ей не дают во всем разобраться, почему она ничего толком не знает про Венисану? А про подводный Венисвайт – ничего, кроме пары глупостей из учебника? А синий лес Венисфайн?» [1]. Все вышеперечисленные факты свидетельствуют о том, что взрослые вынуждены смириться с существующей системой и пытаются избежать каких-то еще более серьезных последствий.

Упорядоченный мир города лишь на первый взгляд кажется безопасным и благополучным. Верхушка общества, пользуясь неограниченной властью, готовится развязать (а во второй части развязывает) войну, взрослые это понимают и либо пассивно сопротивляются власти (укрывая дезертиров), либо активно участвуют в сопротивлении (Азура и ее соратники).

Родители так же, как и учителя, выполняют в цикле функцию помощников, несмотря на то что поддержки не оказывают, даже наоборот, заставляют нарушать правила и рисковать жизнью, тем не менее своими поступками подталкивают детей к обретению нового знания. Это может происходить 1) опосредованно, например, члены семьи Торсона умеют «видеть» через воду и передают это качество своему сыну; отец Агаты рассказывает ей историю о лисе Тимоно, в иносказательной форме давая понять, что происходит вокруг; 2) заставляют выполнить сложное поручение (мать Агаты просит ее пронести контрабанду, благодаря чему девочка получает новое знание о мире Венисаны; 3) ценой жизни защищают Агату в критической ситуации (Капо Оррен в третьей части цикла²).

Родители прямо или косвенно подталкивают девочку к принятию сложных решений, таких как спасение семьи и, наконец, всего мира Венисаны. Если мать непосредственно влияет на жизнь Агаты (особенно во второй и третьей частях), то присутствие отца опосредовано воспоминаниями героини и ее снами. Агата вновь и вновь вспоминает историю о лисе Тимоно, рассказанную отцом. Эта история объясняет нежелание взрослых изменить

² Капо Оррен попадает в эту группу потому, что связан отношениями с матерью Агаты, этим объясняется его желание защитить девочку.

что-либо в существующем мироустройстве: «Пообещайте человеку, что все будет не хуже, чем сейчас, – сказал Лис, – и он бросится вам на шею», – так заканчивается легенда [2]. То есть Агата понимает, что взрослые люди боятся неизвестности, а потому готовы терпеть любые ограничения, налагаемые социумом. Страхом перемен объясняется заговор молчания взрослых, их стремление пресекать все попытки нарушения строгих правил, кажущаяся пассивность.

Враги или недружелюбно настроенные по отношению к детям взрослые также выполняют функции невольных помощников. В основном это персонажи, оказавшиеся вне системы подчинения верхнего мира (браконьеры, преступники, утопленники). В результате нападения преступника Риммера Агата оказалась в воде, из разговора браконьеров узнала о готовящемся перевороте, мастер Гомбрих буквально загнал Агату в дверь, ведущую на пятый этаж. Эти персонажи пытались навредить героине, но благодаря их агрессивным действиям Агата продвигалась вверх в своем квесте. Можно сказать, что по фабуле перечисленные выше персонажи оказываются вредителями, но в логике развития квеста выполняют функции помощников.

Отдельного внимания заслуживают старуха-монахиня и слепой продавец книг Лорио. Эти персонажи являются носителями тайного знания и опосредованно направляют героиню.

Образы слепца и мудрой старухи имеют глубокие архаические корни в мировой культуре. Согласно теории архетипов, «мудрый старик» («старуха») – высший духовный синтез, гармонизирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души» [8, с. 4]. Лорио – мудрый старик, слепой, подобно Тиресию, получившему внутреннее зрение взамен зрения внешнего; в результате слепоты ему «открылся внутренний мир» и возможность «внутреннего видения», т. е. он получил истинное знание, «познание от богов в дар» [9, с. 53]. Согласно Я. Э. Голосовкеру, образ «видения», соответственно, «слепоты» связан с мотивом богоборчества и, как следствие этого, расплаты: мифические герои античности наказывались богами слепотой за нарушение запретов: «Темы слепоты и богоборчества переплетаются и осложняют смысл: богоборчество от слепоты, слепота за богоборчество, как кара» [9, с. 66].

Нет оснований считать Лорио богоборцем, разрушителем каких-либо табу, однако Лорио сочиняет песни, которые распевает весь народ. Эти песни можно назвать формой социального протеста, поскольку в них поется о том, что запрещено обсуждать открыто, они, судя по всему, представляют собой альтернативную версию происходящего в Венисане.

Кроме того, слепота в культуре – «признак иного и потому пугающего свойства. Прежде всего слепота – это сфера социально иного... Судя по опосредующим идеологическую практику текстам, зрение, подобно голосу и слуху, социализует членов общества, слепота десоциализует» [10, с. 115]. Неслучайно выбрана и профессия слепого певца – он держит книжную лавку, особо трепетно относится к книгам; он тщательно собирает и хранит мудрость, что переводит чисто физическую особенность в иную плоскость: «Историко-культурное понимание слепоты подчеркивает вмняемую слепоте инаковость. Социальная и психофизическая ущербность слепых компенсируется возможностями иного опыта, иного знания, иной силы» [10, с. 118]. Сознательно или нет, слепой Лорио направляет Агату в ее поисках. Обрывок книги, подсказавший выход из ситуации (возможно, ложный), содержал сведения о мифическом городе Азувине, который, по мнению Агаты, способен сделать счастливой всю ее семью. Лорио и старуха-монахиня дают подсказки, благодаря которым Агата находит дорогу на пятый этаж, причем если Лорио пассивен, то монахиня выполняет конкретно-указующую функцию.

Образ монахини имеет общие черты со сказочной Бабой-ягой, поскольку она связана с миром мертвых (живет на кладбище), выспрашивает героиню, переодевает ее, кормит и, наконец, указывает путь. Монахиня обладает еще одним даром – ясновидения, открывающегося ей, как и дельфийскому оракулу, через вдыхание ядовитых газов¹.

Так, герои-взрослые (враги, помощники) выполняют вспомогательную функцию, направляя Агату в ее стремлении обрести истину. Если в первой и второй книгах главными героями-взрослыми были в основном реалистичные персонажи (надзиратели, контрабандисты, родители), требующие выполнения (или нарушения) определенных социальных правил, то в третьей книге большую важность приобретают персонажи, тяготеющие к традиции фэнтези – старуха, слепец, птица габо.

«Эпитафии». Следует выделить еще одну группу внесценических персонажей, лишь упоминающихся в предваряющих главы кратких описаниях. Эти тексты строятся по одному принципу – сначала указывается имя святого, которому посвящена глава, затем идет перечисление его заслуг. Приведем некоторые из них: «Сцена 2, записанная в честь священнопринятой дюкки Эджении, покровительницы мышей, охранителей порядка, беременных и пропавших без вести»; «Сцена 5, записанная

¹ «Дельфийский оракул первоначально принадлежал матери-земле, назначившей своей пророчицей Дафну, которая восседала на треножнике и пророчествовала, одурманенная парами, как это до сих пор делает пифийская жрица» [11, с. 138].

в честь святой Эмилии, покровительницы всех запертых, взломщиков, расшифровщиков, стеклодувов и вводящих в заблуждение» [1]. Персонажами их можно назвать с известной долей условности, поскольку они лишь упоминаются в начале главы, являясь своего рода эпиграфами к ним. Однако отсутствие героя в фабуле еще не означает его незначительности. С точки зрения исследователей, значение персонажа не всегда определяется количеством сцен с его участием, более того, важную роль в таких произведениях, как «Александр Пушкин» М. А. Булгакова или «Горе от ума» А. С. Грибоедова, играют персонажи, не появляющиеся на сцене, но создающие необходимый, знаковый для автора контекст: «неучастие персонажа в основном действии произведения – нередко своеобразный знак его важности как выразителя общественного мнения, символа, авторского резонера и пр. В художественном реализме, с его вниманием к социально-историческим обстоятельствам, такие лица и воплощают обычно эти обстоятельства, помогая понять мотивы поступков главных героев» [12, с. 173.]

Каждая глава цикла посвящена тому или иному святому, а все предварения строятся по одному принципу, выполняя функцию камертона, настраивающего на восприятие главы в целом. К такого рода внесценическим персонажам можно отнести и эпитафии, увиденные Агатой на кладбище в третьей части цикла.

В мире Венисаны все люди получают имена какого-либо святого, при этом считается, что человек повторит его судьбу: «твой святой – твоя судьба» рефреном повторяется в цикле. То есть имена святых покровителей как будто заранее определяют судьбу ребенка. Неслучайно в третьей части Агата думает о смене имени: «Уйти одной в город Азувим, назваться любым именем, – совсем любым, Агата, – например, Вероникой, – и обмануть судьбу» [3].

Предваряющие главы тексты должны бы, по сути, служить установкой, направляющей внимание читателя, или выполнять функцию краткой аннотации, объясняющей, о чем пойдет речь в главе. Однако характер эпитафий двойствен. С одной стороны, сочетание описываемых функций кажется парадоксальным: святой может покровительствовать одновременно «пропавшим без вести» и мышам или стеклодувам и «вводящим в заблуждение». С другой стороны, эпитафии становятся постоянным напоминанием о смерти и предопределении, обусловленным принятым именем. Перечисления заслуг святых напоминают «биографии» древнегреческих богов, объясняющиеся эволюцией религиозных верований, происходивших на

протяжении веков¹ [10, с. 13]. Определенно можно сказать следующее – родители, выбирая своему ребенку имя, тем самым уже определяют его дальнейшую судьбу.

Если в первой и второй частях предваряющие главу эпитафии носят безобидно-ироничный характер, то в конце третьей части цикла они приобретают угрожающий характер: «Она была казнена солдатами своей карассы за то, что отдавала пленным рыбные объедки, оставшиеся от офицерских ужинов...». «Мы помним, что во время войны он отказался исполнять запрет ундов хоронить миллитато по полному обряду». Наиболее страшными становятся эпитафии, увиденные Агатой на кладбище: «Мы помним, как он отгрыз себе ногу...», «Мы помним, как он ел кипящий уголь...» [3].

Эпитафии задают эмоциональное настроение главы в целом, одновременно предупреждая и направляя, в третьей части откровенно нагнетают чувство тревоги. Чем ближе Агата к цели, тем более зловещими становятся тексты. То есть эпитафии выполняют ту же функцию, что и взрослые персонажи, ограничивая, запрещая.

Особую роль в тексте играет птица габо по имени Гефест. Согласно В. В. Иванову, В. Н. Топорову, «в различных мифопоэтических традициях П[тицы] выступают как неперемный элемент религиозно-мифологической системы и ритуала, обладающий разнообразными функциями. П[тицы] могут быть божевами, демиургами, героями, превращенными людьми, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев; тотемными предками и т. п. Они выступают как особые мифопоэтические классификаторы и символы божественной сущности» [13, с. 838].

Помимо этого, птица переносит душу умершего в потусторонний мир [7, с. 177]. Первоначально птица ассоциировалась с душой умершего, отправляющегося в загробную жизнь, позднее приобретает свойства средства передвижения (коня, лодки и т. д.).

Габо – это огромные птицы с белоснежными перьями, черным изогнутым клювом, чем напоминают сказочных грифонов; это существа, способные жить как в воздушном пространстве, так и под водой. Птицы габо так же равнодушны к людям, как и обитатели глубин. Исключением становится габо по имени Гефест – он не просто спасает

¹ «То, что некоторые мифы оказываются на первый взгляд непонятными, – часто результат случайно или сознательно неверной интерпретации мифографом священных изображений или драматических ритуалов. Я назвал этот процесс „иконотропией“. Примеры ее можно найти в любой религиозной литературе, старающейся скрыть радикальные изменения в древних верованиях. Случаи иконотропии обнаруживаются в греческой мифологии сплошь и рядом» [10, с. 13].

Агату, но учит ее дышать под водой, а затем «показывает» ей через дыхание, что происходит в мире. Между Гефестом и Агатой устанавливается какая-то особенная связь, напоминающая о древней связи с предком-тотемом. По крайней мере, логического объяснения этой связи автор не дает. Агату изначально привлекают птицы габо, а в Гефесте она находит своего «небесного» покровителя. «Гефест» – имя греческого бога, славящегося непревзойденным мастерством и имеющего двойную природу, поскольку он был рожден на Олимпе и низвергнут в морскую пучину [11, с. 61–63]. Гефесту принадлежит особая роль в произведении, поскольку первая глава цикла начинается следующим предварением: «Все рассказанное ниже успеет увидеть за несколько секунд (а позже и записать) юный Ренард (названный так монахинями в честь святого Ренарда, покровителя ювелиров и обманщиков, в шестой год светлой реформы), когда габо по имени Гефест выдыхает эту историю ему в рот» [1]. Таким образом, вся история о Венисане – это рассказ, точнее, видение святого Ренарда, «вдохновленного» (в прямом смысле слова) сказочной птицей.

В текст, таким образом, с самого начала входит мотив видения, или сна, являющегося важным для понимания смысла произведения.

По ходу развития сюжета главная героиня часто впадает в состояние полусна-полуяви. Попробуем классифицировать разные виды видений и остановимся на самых значимых из них.

– Видение через воду (Торсон погружает в воду лицо, что позволяет ему узнать, что происходит в любом другом месте – на земле и под водой); вдыхание кладбищенского газа, благодаря чему человеку открываются его самые сокровенные желания; видения посредством дыхания «рот в рот» с птицей габо.

– Гипноз, которому подвергают заблудившихся детей «мамми» и «паппи», вследствие чего ребенок верит всему, что ему внушают, становится марионеткой в руках взрослых.

– Мечты Агаты. Чаще всего мечты связаны с 1) возвращением в семью; 2) стремлением улететь вместе с Гефестом.

Агата часто впадает в состояние, которое можно охарактеризовать как состояние полусна-полуяви. Зачастую она сама не может точно сказать, снится ей то, что происходит, или это действительно существует в реальности. «Усталость вдруг наваливается на Агату, как огромное мокрое пальто, сон постепенно заливает ей глаза, и они начинают закрываться. „Нет, – говорит Агата, – нет, надо понять...“. Но стоит Агате лечь, как в голове у нее мутнеет: против собственной воли Агата хочет только спать, спать, спать...» [1]. «Во рту у

Агаты сухо, по языку словно рассыпана стеклянная крошка, голова раскалывается от боли, но эта боль не будит Агату, а продолжает снится ей, и во сне Агата силится добраться до лазарета и до докторс Эджении, но коридор удлиняется и удлиняется...» [1].

Сны зачастую содержат пророчества или символические знаки, объясняющие тайные желания героини. В сцене 7 Агате снится (вспоминается?) страшное засушливое лето, когда вода упала ниже критической отметки и птенцы габо погибали от засухи: «ей все представлялось, как она найдет рассыхающееся гнездо, спасет птенчика габо, умирающего от жажды, и габо подхватят ее на огромные крылья, поднимут в воздух и торжественно позовут с ними жить» [3]. То есть мечта о полете ввысь, более того, желание *жить* с птицами – это мечта, которой Агата предавалась еще задолго до встречи с Гефестом. Сон-воспоминание о страшной засухе можно интерпретировать и как пророчество о грядущей гибели всего живого. Не будем забывать, что образ яйца и птицы, его высиживающей, – мифологический образ мира, рождения всего сущего: «Яйцо Мировое, яйцо космическое, мифопоэтический символ. Во многих мифопоэтических традициях известен образ Я[йца] М[ирового], из которого возникает вселенная или некая персонифицированная творческая сила: бог-творец, культурный герой-демиург, иногда – род людской...» [14, с. 1136].

Согласно С. С. Аверинцеву, вода – «это среда, агент и принцип всеобщего зачатия и порождения. Но зачатие требует как женского, так и мужского начала; отсюда два аспекта мифологемы В[оды]. В роли женского начала В[ода] выступает как аналог материнского лона и чрева, а также оплодотворяемого яйца мирового. Книга Бытия, описывая сотворение мира, использует очень древний образ – оживляющее приникание «духа божьего» к мировым водам, изображаемое (в иудейском оригинале) через метафору птицы, которая высиживает яйцо. В[ода] может отождествляться с землей как другим воплощением женского начала. Так возникает возможность олицетворения земного и водного начал в одном персонаже... Брачный союз неба как мужского начала с землей или В[одой] является широко распространенным у индоевропейцев мифологическим мотивом [15, с. 198].

То есть фактически сон-воспоминание Агаты содержит древние мифологические представления о возникновении, происхождении мира, а сама Агата становится активным агентом этого процесса вместе с «божественным женихом» Гефестом.

О том, что Агата обладает способностью «видения», свидетельствует сон-морок, описываемый во

второй части, когда Агата засыпает, она явственно слышит голос своего отца; в следующей главе Агата засыпает на ходу, «застывает», из-за чего вся колонна стоит на месте [2]; Агата нарочно щиплет себя за руку, чтобы очнуться от своих мечтаний, делает она это так часто, что на ее руке уже появился синяк. То есть Агата – сновидица (пророчица?) или, наоборот, ребенок, для которого спасением становится мир мечты, куда она сбегает от враждебной реальности. Не будем забывать, что во второй и третьей частях Агата становится изгоем – во второй части над ней издеваются, от нее отворачиваются самые близкие друзья. В третьей части положение усугубляется, вся ее семья подвергается остракизму. Спасаясь от реальности, Агата буквально «спит», т. е. мечтает на ходу, отключаясь от деструктивной реальности: «раньше Агата иногда шла с закрытыми глазами: она представляла себе, что летит на спине Гефеста от дома к дому, от окна к окну, и люди изумленно протягивают к ней руки...» [2] видимо, ожидая благословения?

Повторяющиеся описания свидетельствуют об особой «сновидческой» атмосфере, в которую погружена Агата. И этот феномен имеет двойственный характер: с одной стороны, мечты являются воплощением вытесняемых желаний – чем страшнее, опаснее и отчужденнее становится мир вокруг нее (враждебность детей, «предательство» матери, угроза со стороны браконьеров, ундов, продавцов детей, наконец, «весельчаков»), тем заманчивее становятся сны. Сны выполняют компенсаторную функцию – в своих мечтах Агата ищет и находит спасение – прекрасная белая птица уносит ее на своих могучих крыльях прочь из страшного мира в заоблачную высь.

С другой стороны, эти сновидения-мечты воплощают древнейшие мифологические представления о рождении мира, в которых Агате (подобно демииургу) отводится роль спасителя. Это и определяет стремление Агаты вперед (и вверх), несмотря на опасности, подстерегающие ее на избранном пути.

Агата отличается от всех остальных персонажей. Большая часть героев занята своими личными проблемами и не заботится о чем-то, что лежит вне их интересов. (Рита мечтает о великолепных нарядах и «кавалерро», Мелисса – о возвращении Торсона, монахиня – об искуплении грехов). Исключением становятся отдельные сестры-монахини, укрывающие дезертиров, и сами дезертиры, стремящиеся к прекращению войны, Лорио, сочиняющий песни.

Только Агата забывает о своей безопасности во имя большего – спасения мира. Сюжет цикла о Венисане можно отнести к числу сюжетов о «невинно гонимых», поскольку в нем обнаруживается явный социальный подтекст, о чем писал Е. М. Ме-

летинский: «Все рассказы о невинно гонимых в той или иной степени имеют социальный смысл, отражают определенные исторические процессы». «Социально-историческая конкретность образа бедного сиротки способствовала наиболее глубокому выражению сочувствия обездоленному, протеста против складывающихся антагонистических отношений в обществе» [16, с. 39–40]. В начале первой части Агата испытывает дискомфорт от стягивающих (физически и морально) запретов, ограничивающих свободу передвижения. К концу первой части и тем более во второй Агата уже сознательно пытается изменить существующий порядок вещей – рассказать людям и подводным жителям правду о готовящейся войне. Поняв, что это не дает никаких результатов, она берет на себя функции героя, проходит квест и, продвигаясь с первого этажа на пятый, сталкивается с еще более уродливыми социальными и межличностными отношениями. Вследствие пережитого и увиденного протест против социальной системы носит все более осознанный характер.

Заключение

Цикл о Венисане можно отнести к традиции фэнтези, однако внимание к сложному внутреннему миру ребенка, пытающегося выжить в страшном мире, усложняет проблематику произведения.

Л. Горалик использует сказочные образы для создания внутреннего мира девочки, дезориентированной в мире взрослых, интуитивно пытающейся выяснить онтологические проблемы жизни и смерти, смысла своего существования.

Миры взрослых и детей изолированы друг от друга. Взрослые (учителя, родители, враги) в разной степени манипулируют детьми (от недомолвок и запретов (родители, учителя) до прямого порабощения (майстер Гомбрих, «весельчаки»). Мифологические персонажи (птицы габо, старый Лорио, монахиня) направляют, спасают героиню или дают иллюзию на спасение.

Писательнице удается воссоздать внутренний мир ребенка, пытающегося найти ответы на сложные вопросы. В классическом фэнтези Р. Толкиена героя сопровождали мудрые советники и друзья, помогающие прийти к цели. Помощники Агаты в большинстве случаев стараются помешать девочке, т. е. мир Венисаны представлен как отчужденное пространство, враждебное по отношению к героине. Большинство ответов ей приходится находить самостоятельно, полагаясь скорее на инстинкты и интуицию, нежели на и помощь. Агата стремится реализовать мессианскую функцию спасения/сотворения мира, воссоединяясь с «небесным женихом» Гефестом. Она пророчица (сновидица), пытающаяся постичь суть мироустройства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Горалик Л. Холодная вода Венисаны. 2018. URL: <https://linorgoralik.com/venisana.html> (дата обращения: 11.05.2021).
2. Горалик Л. Двойные мосты Венисаны (вторая часть цикла о Венисане). 2020. URL: <https://linorgoralik.com/venisana2.html> (дата обращения: 05.06.2021).
3. Горалик Л. Тайные ходы Венисаны (третья часть цикла о Венисане). 2021. URL: <https://linorgoralik.com/venisana3.html> (дата обращения: 10.06.2021).
4. Варшавская Ю. «Сказка прекрасна тем, что ее героев нельзя отправить к психотерапевту». Писательница Линор Горалик о том, почему сказки нужны детям и (особенно) взрослым. URL: https://mel.fm/pisатели/6871432-linor_goralik (дата обращения: 15.07.2021).
5. Фетисова Т. А. Фэнтези – феномен современной культуры. Обзор // Вестник культурологии. Серия: Теория и история культуры. 2017. № 2 (81). С. 179–192.
6. Полева Е. А. «Улитка в тарелке» Ю. Лаврышиной в контексте подростковой литературы о «disability» // Сибирская детская литература и практики чтения в Сибири: тез. докл. Всерос. науч. конф., Томск – Иркутск, 11–12 сентября 2020 г. / под ред. Е. А. Полевой. Томск: Изд-во Томского ЦНТИ, 2021. 72 с.
7. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстолог. комментарий И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
8. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах. М.: РГГУ, 1994. 136 с. (Чтения по истории и теории культуры. Вып. 4).
9. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с. URL: https://booksafe.net/read/golosovker_yakov-izbrannoe_logika_mifa-229659.html#p1 (дата обращения: 15.12.2021).
10. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство-СПб., 2001. С. 109–180.
11. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 519 с. URL: http://exsecrumentum.org/attachments/1111_mifi_dr-grecii.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
12. Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины: учеб. пособие / под ред. Л. В. Чернец. М.: Высш. шк.: Академия, 1999. 556.
13. Иванов В. В., Топоров В. Н. Птицы. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 2008. 1147 с.
14. Топоров В. Н. Яйцо мировое. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 2008. 1147 с.
15. Аверинцев С. С. Вода. Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Сов. энциклопедия, 2008. 1147 с.
16. Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. Происхождение образа. М.; СПб.: Академия исследований культуры. Традиция, 2005. 240 с.

References

1. Goralik L. *Kholodnaya voda Venisany* [Cold water of Venisana]. 2018 (in Russian). URL: <https://linorgoralik.com/venisana.html> (accessed 11 May 2021).
2. Goralik L. *Dvoynnye mosty Venisany (vtoraya chast' tsikla o Venisane)* [Double bridges of Venisana (the second part of the cycle about Venisana)]. 2020 (in Russian). URL: <https://linorgoralik.com/venisana2.html> (accessed 5 June 2021).
3. Goralik L. *Taynyye khody Venisany (tret'ya chast' tsikla o Venisane)* [The secret passages of Venisana. The third part of the cycle about Venisana)]. 2021 (in Russian). URL: <https://linorgoralik.com/venisana3.html> (accessed 10 June 2021).
4. Varshavskaya Yu. “*Skazka prekrasna tem, chto yeye geroyev nel'zya otpravit' k psikhoterapevtu*”. *Pisatel'nitsa Linor Goralik o tom, pochemu skazki nuzhny detyam i (osobenko) vzroslym* [“A fairy tale is beautiful because its characters cannot be sent to a psychotherapist”. Writer Linor Goralik on why fairy tales are needed for children, and (especially) adults] (in Russian). URL: https://mel.fm/pisатели/6871432-linor_goralik (accessed 15 July 2021).
5. Fetisova T. A. *Fentezi – fenomen sovremennoy kul'tury. Obzor* [Fantasy is a phenomenon of modern culture. Review]. *Vestnik kul'turologii. Seriya: Teoriya i istoriya kul'tury – Herald of Culturology*, 2017, no. 2 (81), pp. 179–192 (in Russian).
6. Poleva E. A. “*Ulitka v tarelke*” Yu. Lavryashinoy v kontekste podrostkovoy literatury o “disability” [“A snail on a plate” by Yu. Lavryashina in the context of adolescent literature about “disability”]. *Sibirskaya detskaya literatura i praktiki chteniya v Sibiri. Tezisy dokladov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii*, Tomsk – Irkutsk, 11–12 sentyabrya 2020 goda [Siberian Children’s Literature and Reading Practices in Siberia: Abstracts of the All-Russian Scientific Conference, Tomsk – Irkutsk, September 11–12, 2020]. Ed. E. A. Poleva. Tomsk, Izdatel'stvo Tomskogo TSNTI Publ., 2021. Pp. 19–26 (in Russian).
7. Propp V. Ya. *Istoricheskiye korni volshebnoy skazki*. Nauchnaya redaktsiya, tekstologicheskii kommentariy I. V. Peshkova [The historical roots of a fairy tale. Scientific edition, textual commentary by I. V. Peshkov]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 336 p. (in Russian).
8. Meletinskiy E. M. *O literaturnykh arkhetyпах* [About literary archetypes]. Moscow, RGGU Publ., 1994. 136 p. (Chteniya po istorii i teorii kul'tury. Vol. 4) [(Readings on the history and theory of culture. Issue 4)] (in Russian).
9. Golosovker Ya. E. *Izbrannoye. Logika mifa* [The logic of the myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 218 p. (in Russian). URL: https://booksafe.net/read/golosovker_yakov-izbrannoe_logika_mifa-229659.html#p1 (accessed 15 December 2021).

10. Bogdanov K. A. *Povsednevnost' i mifologiya: issledovaniya po semiotike fol'klornoy deystvitel'nosti* [Everyday Life and Mythology: Research on the semiotics of folklore reality]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2001. Pp. 109–180 (in Russian).
11. Greyvs R. *Mify Drevney Gretsii* [Myths of Ancient Greece]. Moscow, Progress Publ., 1992. 519 p. (in Russian). URL: http://exsecramentum.org/attachments/1111_mifi_dr_grecii.pdf (accessed 15 December 2021).
12. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Literaturnoye proizvedeniye: osnovnyye ponyatiya i terminy. Uchebnoye posobiye* [Introduction to literary studies: basic concepts and terms: teaching guide]. Ed. L. V. Chernets. Moscow, Vysshaya shkola; Akademiya Publ., 1999. 556 p. (in Russian).
13. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Ptitsy. Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008. 1147 p. (in Russian).
14. Toporov V. N. *Yaytso mirovoye. Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008. 1147 p. (in Russian).
15. Averintsev S. S. *Voda. Mify narodov mira. Entsiklopediya* [Myths of the peoples of the world. Encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 2008. 1147 p. (in Russian).
16. Meletinskiy E. M. *Geroy volshebnoy skazki. Proiskhozhdeniye obraza* [The hero of a fairy tale. The origin of the image]. Moscow, Saint Petersburg, Akademiya issledovaniy kul'tury. Traditsiya Publ., 2005. 240 p. (in Russian).

Информация об авторе

Чернявская Ю. О., кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный педагогический университет (ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061).

Information about the author

Tchernyavskaya Yu. O., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Tomsk State Pedagogical University (ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Russian Federation, 634061).

Статья поступила в редакцию 01.03.2022; принята к публикации 29.03.2022

The article was submitted 01.03.2022; accepted for publication 29.03.2022

I SSN 1609-624X

9 771609 624003

